Нам хочется вообразить разговоры между нами (которые уже согласились между собой о том, что Бога нет, что не существует реальных сущностей, и т. д.) и великими нашими предшественниками… Мы хотим думать, что в философии, как и в науке, ошибавшиеся могучие предшественники смотрят с небес на наши последние успехи и счастливы узнать, что их ошибки исправлены.

Р. Рорти

Марксисты — это те, кто прочел «Капитал». Антимарксисты — те, кто не только прочел, но и понял «Капитал» Маркса.

Из ученого фольклора

Экономики как науки по управлению экономикой нет.

В. Третьяков

6
(60)
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
2008

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

КРИЗИС
СОЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

№6(60)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ N6(60)

МОСКВА 2008

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2008. № 6. — 384 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:
Л.А. Асланов; И.В. Бестужев-Лада; И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
И.К. Быстряков (Украина); В.Г. Белолипецкий, заместитель гл. редактора;
Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский);
В. Драшкович (Черногория); Л.Н. Дробышевская (Краснодар); В.Я. Иохин;
Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
О.В. Иншаков (Волгоград); С.Г. Кара-Мурза; Д.С. Клементьев;
С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); В.П. Колесов; В.И. Корняков (Ярославль);
В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); П.С. Лемещенко (Белоруссия);
С.П. Макаров; М.А. Маслин; А.З. Новак (Польша);
Ю.М. Осипов, председатель совета; А.А. Пороховский;
В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
В.С. Сизов (Киров); И.П. Смирнов; В.М. Сологубов (Екатеринбург);
Е.А. Субботин (Екатеринбург); А.С. Филипенко (Украина);
В.В. Чекмарев (Кострома), В. Шмидт (Германия); Н.Б. Шулевский;
Ю.В. Яковец; Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*
Редактор — *Т.Г. Трубицына*
Художник — *Е.Ю. Осипова*
Оригинал-макет —*Д.В. Дейнеко*
Компьютерная верстка — *Д.В. Дейнеко, Л.В. Дейнеко, С.С. Нипа*
Распространение — *И.А. Ольховая*
Научно-организационная работа — *С.Ю. Синельников, Н.П. Недзвецкая, Т.С. Сухина, С.С. Нипа*
Научно-вспомогательная работа — *А.А. Антропов, В.А. Луковенко*

Издание осуществлено при поддержке Уральского технического института связи и информатики (г. Екатеринбург)

Издается с участием Философско-экономического ученого собрания и Академии гуманитарных наук

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: *119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, II учебный корпус, экономический факультет, к. 441, тел.* (*495*)*939-4183, факс* (*495*)*939-3496, e-mail: <eszotova@mail.ru>*
http://www.econ.msu.ru/cd/110/

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»
тел. (495)710-2939
www.barrel.ru

ISBN 5-88010-200-9

© «Философия хозяйства», 2008 г.

Содержание

Раздел I
Кризис
Ю.М. Осипов
Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства 13
А.В. Бузгалин, А.И. Колганов
Кризис — 2008: виртуальный фиктивный капитал и альтернативы
его бесконтрольному развитию 23
А.И. Агеев
Кризис — его время, пространство, действующие лица и риски.....33
М.Л. Хазин
Теория кризиса.....39
И.Р. Бугаян
Глобальный финансовый кризис 2008 года —
следствие нарушения меры соотношения хозяйства
и офинансонизированной экономики 55
Раздел II
Социальная элита
В.Д. Базилевич
Критерии вхождения в элиту: традиция и современность.....63
В.А. Гордеев
Элитна ли наша элита?.....66
Н.Д. Елецкий, А.А. Резванов
О новой элите для обновляющейся России.....71
С.О. Хохлов
Вирусы и наросты.....79
Н.А. Романов
О механизме формирования управленческой элиты 91
Г.В. Ильина
Элита в контексте ценностей национальной идеи.....98
С.В. Бирюков
Уроки немецкого.....100
А.Ю. Горбачев
Национальный компонент в структуре отношений
и его отражение в классической русской литературе.....104
Раздел III
Философия хозяйства
Н.Б. Шулевский
Метафизика суверенности 93

В.Т. Рязанов
Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка.....136
Ю.А. Белов, А.Н. Ральчук
Социум и универсум — герменевтика кризисной не-взаимности 163
С.А. Бочкарев
Собственность: от представления к понятию
(анализ русской философии собственности).....178
В.А. Твердислов, А.Э. Сидорова
Политика хозяйства: от концентрированного выражения
экономики к концентрированному выражению экологии 190
И.И. Рудяк
Метафизика суверенитета.....209
Д.И. Папырин
Специфика развития гражданского общества в России.....215
В.С. Сизов
Что такое эффективное образование.....225
Раздел IV
Экономическая теория
В.И. Корняков
Диалектика общественного воспроизводства:
неисследованные зависимости. Триптих. Статья первая 235
Г.И. Мойсейчик
Глобализация и проблемы формирования национальной
модели развития высоких технологий и инноваций.....242
Дж. Лестер
Беднейшие слои Латинской Америки: пассивный объект
помощи или активный субъект исторического действия?.....274
Раздел V
Энциклопедия
Ю.М. Осипов
Село.....283
Ю.М. Осипов
Кочевье 287
Ю.М. Осипов
Город.....291
Ю.М. Осипов
Земля (1) 297
Ю.М. Осипов
Земля (2) 299

Раздел VI
Рецензии и отклики
Ф.И. Гиренок
Фиговые листки социальной эпистемологии 305
Н.В. Кравчук, Н.Н. Кравчук
О взаимосвязи физики и философии
(к 80-летию квантовой механики) 310
Научная жизнь
Ю.М. Осипов, И.В. Коняева
Кризис экономики ничто по сравнению с кризисом хозяйства.....333
Ю.М. Осипов
Мировой кризис и конфликты парадигм развития 340
Ю.В. Яковец
Инновационный прорыв: социальные и научные аспекты 346
А.В. Андреева
Роль репутационного менеджмента в проектировании
финансовых инноваций в условиях системного кризиса.....352
Наши авторы 369
Содержание за 2008 г......372

Contents

Part I
Crisis
Yu.M. Osipov
The World Crisis fom the point of view
of the Philosophy of Economy.....13
A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov
Crisis — 2008: Virtual Fictive Capital and the Alternative
to its Out-of-Control Development.....23
A.I. Ageev
Crisis — its Time, its Space, its Characters and its Risks.....33
M.L. Khazin
The Theory of Crisis.....39
I.R. Bugayan
The Global Financial Crisis 2008 —
is it the Consequence of the Balance Disturbance between
the Economy and Financialized Economy.....55
Part II
Social Elite
E.D. Bazilevich
The Criteria of Entry into the Elite: Tradition and the Present 63
V.A. Gordeev
Is Our Elite a High-Class? 66
N.D. Yeletskiy, A.A. Rezvanov
About the New Elite for the Renewed Russia.....71
S.O. Khohlov
Viruses and the Nodes 79
N.A. Romanov
About the Mechanism of the Formation of the Administrative Elite.....91
G.V. Ilina
The Elite in the Context of the Values of the National Idea 98
S.V. Birukov
The German Lessons 100
A.Yu. Gorbachev
National Component in the Structure of Relations
and its Reflection in the Classical Russian Literature.....104
Part III
Philosophy of Economy
N.B. Shulevskiy
The Metaphysics of Sovereignty 113
V.T. Riazanov

Understanding and Interpretation in the Economic Science:
the Role of the Language 136
Yu.A. Belov, A.N. Ralchuk
Society and Universum — Hermeneutics of the Crisis Non-Reciprocity. 163
S.A. Bochkarev
The Property: From the Idea to the Concept
(Analysis of the Russian Philosophy of Property) 178
V.A. Tverdislov, A.E. Sidorova
The Policy of the Economy: from the Concentrated Expression
of the Economy to the Concentrated Expression of the Ecology 190
I.I. Rudyak
Metaphysics of the Dominion 209
D.I. Papyrin
The Specifics of the Development
of Civil Community in Russia 215
V.S. Sizov
What is the Effective Education 225
Part IV
Economic Theory
V.I. Kornyakov
The Dialectics of the Common Reproductive Performance:
the Unstudied Correspondences. Triptych. First Article 235
G.I. Moyseychik
Globalization and the Problem of Evolution of the National
Model of the High Technologies and Innovations Development 242
J. Lester
The Poorest Layers of Latin America: the Passive Object
of Aid or the Active Subject of Historical Action? 274
Part V
Encyclopedia
Yu.M. Osipov
The Village 283
Yu.M. Osipov
The Camping-Ground 287
Yu.M. Osipov
The City 291
Yu.M. Osipov
The Land 297
Yu.M. Osipov
The Earth 299

Part VI
Review and the Responses
F.I. Girenok
The Fig Leaves of Social Epistemology 305
N.V. Kravchuk, N.N. Kravchuk
About the Interrelation of Physics and Philosophy
(to the 80-Anniversary of Quantum Mechanics) 310
Scientific Life
Yu.M. Osipov, I.V. Konyaeva
The Crisis of the Economy is Nothing in Comparison
with the Crisis of Economy 333
Yu.M. Osipov
World Crisis and the Conflicts of the Paradigms of the Development 340
Yu.V. Yakovets
The Innovation Breakthrough: Social and Scientific Aspects 346
A.V. Andreeva
Role of the Reputation Management in the Design
of Financial Innovations under the Conditions of System Crisis.....352
Our Authors 369
Contents of the Journal for 2008 Year.....372

Шестидесятый!

Первый (!), десятый, двадцатый, тридцатый, сороковой, пятидесятый (!) и… о-о!.. *шестидесятый*! — номер родного журнала, выходящего в свет уже десятый (!) год, — а ведь каждый год — это год труда, забот, агитаций, проблем, разрешений, разочарований, огорчений, восторгов!

Десять лет — десять побед!

Всякие бывают журналы — нужные, содержательные, важные, но не каждый журнал служит возникновению и развитию *новой отрасли знания*, а наш журнал как раз этому самоотверженно служит, вбирая в себя, а затем вынося в широкую ученую общественность оригинальные тексты, раз за разом созидающие здание *философии хозяйства* — того самого нового знания, ради которого журнал не без мук родился и не без великого напряжения держится.

Шестидесятитомное журнальное издание — не библиотека, конечно, но достаточно объемный резервуар библиотечного знания, мало того, это обильный источник живой мысли — свободной, разнообразной, энергийной. Такая мысль задевает, заставляет думать, пробуждает новую мысль. Философия хозяйства — не набор наставительных инструкций и непререкаемых догм, а сама возможность неангажированно мыслить применительно как к возможности строящейся реальности, так и к возможности самого деятельного и мыслящего человека.

Кто ты и что ты, человек хозяйствующий, что и для чего ты вершишь на Земле, какую при этом имеешь то ли еще далекую, то ли уже близкую цель?

Вот они, последние вопросы последних времен, что не значит вовсе, что уже не будет больше никаких времен, как и не будет более никаких к ним вопросов, но… но… сегодня человек размышляющий все-таки хочет кое-что для себя уяснить — туда ли?

Шестидесятая книжка — теплая, ласковая, нежная!

Что говорить — драгоценность!

Главный редактор

I

КРИЗИС

Ю.М. ОСИПОВ

Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства

Всему миру известно, что нынешний мировой кризис, стоящий в одном ряду с аналогичными кризисами, случившимися в последней четверти XIX в., в 30-х гг. XX в. (так называемая «Великая депрессия») и в 70-х гг. того же XX в., т. е. кризисами, связанными с длинными циклами экономической динамики, начался в США как кризис неплатежеспособности на рынке недвижимости, став затем мировым банковским и финансовым кризисом, а потом и производственным, — но вот зато далеко не всем в этом мире приходит в голову, что это кризис вовсе не просто экономический, или же кризис в сфере экономики, а кризис уже *самой экономики в целом*, что то же самое — кризис *экономического хозяйства*, того *способа хозяйства*, который получил простор для развития по результатам европейского восстания против христианской цивилизации (XV—XVI вв.) и взлелеянного уже новой европейской цивилизацией — постхристианской и собственно… *экономической*.

Некоторое время (три-четыре века) экономика развивалась, набирая силу, за счет неэкономических способов хозяйства в Европе и вне Европы, в особенности, за счет экономического ограбления многочисленных колоний во всех частях обширного земного света. Но встав полностью на ноги, совершив промышленный переворот и получив возможность неограниченного расширения самой себя через производительное накопление своей сущностной идеальной субстанции — *стоимости*, окончательно и бесповоротно принявшей форму *капитала*, экономика столкнулась с начала XIX в. с феноменом имманентных самой себе кризисов перенакопления стоимости, или же капитала, и товаров (производимых капиталом благ), из которых экономике приходилось выходить посредством насильственного обесценения товаров и капиталов, сокращения производства и занятости, массовых банкротств, принудительного восстановления воспроизводственного соотношения между предложением и спросом, а также посредством обновления производственной базы, структурной перестройки, модернизации и изменения характера производительных сил (крупных технических сдвигов), массового экспорта товаров и капитала, импорта ра-

бочей силы, концентрации капитала и производства, новых колониальных захватов и переделов, ускоренных милитаризаций и развязыванием мировых войн.

Экономика, как стало в XIX в. уже совершенно ясно, — это не только экономическая конкуренция, не только внешняя экономическая экспансия, но это еще и политическая агрессия, это еще и беспощадная война, тем более что вплоть до середины XX в. всей этой атрибутикой экономики-капитализма можно было более или менее безбоязненно и открыто заниматься — планета вместе с ее природой и неэкономическим населением представлялась безграничным ресурсным резервуаром, а технический прогресс рассматривался как надежное и эффективное орудие использования всего этого ресурсного потенциала.

Однако пришло время не только периодических экономических перенакоплений, соответственно и периодических экономических кризисов — коньюнктурных и структурных, но и *перенакопления самой по себе экономики*, а потому и *кризисов экономики вообще*, а вместе с тем и *кризисов собственно экономической цивилизации*.

Именно поэтому в середине XX в. в марксистской среде был выдвинут своевременный и вполне справедливый тезис об *общем кризисе капитализма*, читай — *западной цивилизации*, а выражаясь по философски-хозяйственнному — *экономической цивилизации*.

Тезис был верен, но вот сделанный вывод в скором крахе капитализма, т. е. и Запада вместе с ним, оказался не то что преждевременным, или же недостаточно обоснованным, а с реалистической точки зрения неприемлемым и, как подтверждает история, — никакого скорого краха капитализма не произошло, да и произойти такой крах лишь по одному желанию противников капитализма никак не мог.

Здесь важнее был все-таки не вывод о скором *крахе* капитализма, а по философско-хозяйственному — экономической цивилизации, а вывод об общем кризисе капитализма, или же, согласно философии хозяйства, *общем кризисе экономизма*, который мог ослабевать, даже чуть ли не исчезать, но непременно был вынужден вновь давать о себе знать, выходя на поверхность, и даже резко обостряясь… вплоть до реальной угрозы крушения созданного постренессансным экономизмом искусственного мира, в котором экономика стояла и стоит, конечно же, на первом, высшем и ведущем, месте.

Нынешний, 2008 г. мировой кризис как раз из числа не просто экономических кризисов, а именно, кризисов самой по себе экономики, мало того, из числа кризисов, восходящих к общему кризису экономизма, т. е. кризис уже эпохи *общего кризиса экономической цивилизации*, тот самый кризис, который, с одной стороны, порождается общим

кризисом экономической цивилизации, а с другой — с помощью которого экономическая цивилизация пытается свой собственный общий кризис преодолевать.

И здесь важно иметь в виду — как раз с позиции философии хозяйства — что кризис этот есть одновременно 1) *кризис собственно экономики* — как *способа хозяйства*, и 2) *кризис собственно цивилизации* — эту экономику обустраивающей, ей служащей, как и вызывающей ее к жизни и непрерывно окормляющей.

Хотя тезис об общем кризисе капитализма развивался в основном в середине XX в., в особенности после Второй (1939—1945) мировой войны, фактически данный кризис поразил экономическую цивилизацию заметно ранее, а именно на рубеже XIX—XX вв. — как раз в связи с так называемым кризисом *капитализма свободной конкуренции* и в момент перехода капитализма в *империалистическую* — согласно марксистской историософской версии — стадию, или же в стадию монополистического, а лучше было бы сказать — государственно-монополистического, капитализма.

Общий кризис экономической цивилизации был напрямую сопряжен с общим кризисом западного мира, или, как сейчас принято называть, с чем вполне солидаризуется и философия хозяйства, кризисом Модерна, — а соответственно и модернизации, предпринятой западным миром вследствие и по итогам европейской ренессансной революции, породившей не только протестантизм с секуляризмом, демократию с либерализмом, светское искусство с десакрализованной литературой, но и бескомпромиссный и неограниченный *экономизм* с братскими ему *индустриализмом*, *техницизмом*, *сциентизмом* и *прагматизмом*.

Это было время и в самом деле общего кризиса экономизма как одного из проявлений кризиса Модерна, что нашло отражение не в одних кризисах текущей экономической реальности, все более устремлявшейся вместе с социо-политической реальностью к какой-то невидимой еще катастрофе, что и выразилось в конце концов в *интеллектуальном кризисе*, проявившемся в кризисе классической экономической мысли, в кризисе политической экономии, приведшем к появлению, с одной стороны, так называемых вульгарных (поверхностно-механистических) концепций теоретической экономии — уже по сути постмодернистских, а с другой — к рождению принципиально нового течения мысли — *философии хозяйства*, не отвергавшего никакой приемлемой доренессансной, т. е. премодерновой, традиции и помещавшей торжествующую, но уже общекризисную экономику в единый природо-социо-историо-культурный контекст, выходя тем самым за

пределы, с одной стороны, узкого экономизма, в том числе и классического, а с другой — за пределы кризиса модерновой и постмодерновой мысли вообще, предлагая какое-то целостное в аспекте мировой и исторической реальности онтологическое и гносеологическое разрешение.

Философия хозяйства — критический, но никак не кризисный, продукт общего кризиса Модерна, со свойственным ему экономизмом и с характерной для него классической экономической, философской и обществоведческой мыслью, неизлечимо зараженной сциентизмом, технологизмом, механицизмом, материализмом, прагматизмом.

Марксистская мысль того времени видела, осознавала и по-своему трактовала феномен общего кризиса западной цивилизации, выдвинув тезис о высшей и последней стадии развития капитализма, но… делала она это, опираясь как раз на ренессансную, или модерновую, размыслительную парадигму с ее фундаментальными идеями общественных законов, свободного от давления природы и сакрального внеприродного начала человеческого творчества и возвышающего человека материально-технического прогресса, а также на выработанные марксизмом так называемые *диалектический материализм* (или материалистическую диалектику) и *исторический материализм* (или же материалистическую историю), в результате чего родилась и отстаивалась идея антикапиталистической революции, осуществляемой рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством, но… на основе все того же… Модерна, никак не обращенной к ценностям Премодерна, т. е. на основе поренессансного бытия, уже, заметим особо, переходившего в постренессансное, или постмодерновое, бытие. Фактически то был замысел, говоря современным языком, революционно отвергнуть все плохое в Модерне, оставив все, на взгляд марксистов, хорошее, не попадая в явно загнивающий Постмодерн, а создавая уж свой Постмодерн — свежий и хороший, к примеру, коммунистический.

Не удовлетворенный марксизмом и его ренессансной критикой капитализма, русский мыслитель С.Н. Булгаков избрал в том же самом начале XX в. иной осмыслительный путь — путь философии хозяйства, создавая уже по сути постнаучное (не антинаучное вовсе, а именно постнаучное), а в чем-то и постфилософское (не антифилософское, конечно, а постфилософское — в аспекте возрождения органичной реалистической философии *метафизики*) учение о человеческом хозяйстве, преодолевающее экономизм с политической экономией (не отвергающее их, а именно преодолевающее), но при этом и диалектически отрицающее громко воспетые Модерном механицизм, материализм, технологизм, сциентизм, прагматизм. Булгаков фактически со-

вершил, хотя об этом сам особенно и не говорил, прорыв, или даже вырыв, из ***экономической физики*** в ***хозяйственную метафизику***!

Общий кризис экономизма, как и всей западной цивилизации, породил, помимо разных течений растерявшейся и отдавшейся математическому формализму послеклассики, т. е. несообразованных между собой течений некоего ультранаучного, если уже и не псевдонаучного, вульгаризма, особое течение мысли — *философию хозяйства*, оказавшуюся способной, выйдя за пределы науки и научной философии, совсем иначе взглянуть на мир, на человека, на хозяйство и на их историю, на человеческое творчество, на все креативные возможности человека, на все его свободное волеизъявление, чтобы прийти в итоге к *иному* представлению о жизни, человеке и хозяйстве, как, собственно, и о Модерне в его соотношении с Премодерном и Постмодерном, соответственно об общем кризисе Модерна и взлелеянного им экономизма.

С позиции философии хозяйства общий кризис экономизма есть, как уже было замечено выше, кризис перенакопления самого экономизма, это кризис переизбытка экономизма относительно природы, человека, общества, хозяйства, самого адекватного человеку мира, — и как бы сейчас сказали, — *кризис, вызванный перезагрузкой самой хозяйственной матрицы человечества!*

Общий кризис экономизма — это кризис не просто экономики в целом — как способа хозяйства, а кризис уже *гиперэкономики*, т. е. какого-то чрезмерного относительно реальности искусственного мира — мира идеальной и своевольной стоимости, оседлавшего и подчинившего себе реальный хозяйственный мир, сделав и его чрезмерным — *гиперхозяйственным*, — и дело тут вовсе не в избытке капитала и не в произволе гигантских экономических корпораций, хотя это и имеет место в реальности XX и XXI вв., а в абсолютном доминировании экономики и экономизма как и родственным им техники и технологизма, науки и сциентизма, управления и менеджеризма, надо всем человеческим и природным жизнеотправлением, становящимся в силу такого доминирования по сути уже неприродным и во многом уже попросту нечеловеческим.

Отсюда важнейшее заключение: общий кризис экономизма обусловлен на глубинном сущностном, т. е. метафизическом, уровне конфликтом *экономики* с *неэкономикой*, с той самой неоэкономикой, к которой относятся природа, человек, жизнь, хозяйство, культура, цивилизация, само земное мироздание. Неэкономика перестала быть для экономики неограниченной, податливой и послушной средой, предна-

значенной лишь для ее экономизации и ее же экономического потребления, естественно, эгоистических, безграничных, агрессивных.

Гипертрофия экономики в неэкономическом мире обернулась в конце концов неуклонно нарастающим сопротивлением этого мира экономике и соответственно общим кризисом экономизма!

Осознание именно такой обусловленности кризиса экономизма могло случиться лишь на основе и в контурах философии хозяйства, имевшей корни еще в древности, нашедшей отражение в сильвестровом «Домострое» и в том же бессмертном труде И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», но возникшей как совершенно самостоятельное течение мысли как раз в связи с общим кризисом экономизма и органичного ему сциентизма — политической или любой иной теоретической экономии, включая и критический марксизм, — ведь речь в философии хозяйства идет не просто о кризисе капитализма, а именно о кризисе экономизма, как раз поставленного в той же марксистской историософии и социологии на определяющее историю и устроение общества место. Марксизм есть хоть и раскритикованный, в чем-то даже разоблаченный, пожалуй что, и выправленный, но все-таки экономизм, до конца так и не вскрытый, не «распредмеченный», и уж тем более не преодоленный. Марксизм отверг один экономизм — капиталистический (буржуазный), но выдвинул другой — социалистический (пролетарский), не замечая, что лишенный стоимостного начала экономизм превращался уже из экономизма в свою противоположность — планово-механическую организацию хозяйства, еще более далекую от природы, человека и общества, которым свойственна все-таки та или иная естественно-хозяйственная свобода. Буржуазный свободный экономизм обернулся у марксистов неким пролетарским экономизмом, а по сути и не экономизмом вовсе, а некой социальной фабрикой, заменявшей марксистам свободную экономику.

Экономизм вкупе с научно-техническим прогрессом создал сначала 1) мощную производительную силу, преодолевшую любые природные ограничения, а затем и 2) новый, уже совершенно искусственный, мир — промышленный, городской, мегаполисный, технизированный, онаученный, вышедший за пределы природного мира, ему целостно противостоящий и его вполне целостно покоряющий. Именно так: 1) безграничную производительную силу и 2) безгранично расширяющийся и поглощающий природу искусственный мир. Отсюда и *великий исторический конфликт*, проявляющийся фиксируемой человеческой мыслью в общем кризисе либо капитализма, либо экономизма, а на самом-то деле конфликт между *человеком-творцом* и данным ему *животворящим миром*.

Экономизм споспешествовал выведению человек-творца, действовавшего прежде всего по-экономически (тут роль политической экономии, оправдавшей экономизм и экономического человека беспрецедентно велика и значима), в положение *демиурга мира* и одновременно *господина мира*, совершившего *пересотворение* данного человеку мира, построившего свой собственный мир и вызвавшего конфликт между *миром данным* и *миром созданным* (заметим, что мир данный включает в себя человека и его сознание, его мысль, а мир созданный вовсе не исключает человека, его сознания и мысли, что означает наличие конфликта и внутри самого человека — между человеком данным и человеком созданным).

Все отмеченные выше большие экономические кризисы с конца XIX в. суть не только кризисы общего кризиса экономической цивилизации, но и кризисы, отражающие фундаментальный исторический, вполне и апокалиптического характера, конфликт между, с одной стороны, человеком-творцом вкупе с созданным им искусственным, уже и вторичным миром, а с другой — первичным животворящим миром вместе с земной природой и нисходящей все еще на этот мир сакральностью.

Общий кризис экономизма стал давать о себе знать на рубеже XIX и XX вв., хотя таковым он вовсе не был еще осознан. К середине XX в. этот кризис уже достаточно обострился и обозначился, что нашло реальное выражение в той же Великой депрессии 1930-х гг., а также в фактическом крахе экономического либерализма, в отмене системы золотого стандарта, в переходе к государственному регулированию экономики, в кризисе колониализма, а затем и в величайшей для всех времен новой мировой войне — Второй мировой войне 1939—1945 гг. Наличие общего кризиса экономизма, пусть и трактовавшегося как общий кризис капитализма, никем тогда уже не отрицалось, принципиальным противникам капитализма даже казалось, что окончательный его крах был делом буквально текущего времени. Однако экономизм выжил, причем выжил он в своей капиталистической форме, мало того, вступил на путь весьма бурного развития, чему сначала способствовало сочетание разрушительных для большинства воевавших стран итогов войны, сочетавшихся с позитивным итогом для невероятно окрепших, развившихся и обогатившихся США, взявших на себя бремя лидерства над западным миром и оказавшим ему мощную финансовую и производительную поддержку, а затем, уже в последней четверти XX в. — международная интеграция западного мира, разумеется, под эгидой США; формирование гигантских международных и транснациональных капиталов (корпораций, банков, финансовых

групп); либерализация и расширение трансграничной миграции товаров, капиталов, рабочей силы, интеллекта, технических новшеств; новая волна научно-технического прогресса, если не прямо новая научно-техническая революция; развитие бывших колоний, новых индустриальных стран; крах альтернативного Западу мира в лице СССР и всей социалистической системы; глобализация экономики и планетарного хозяйства под эгидой все тех же США и руководимого ими институционально-корпоративного международного комплекса.

Последняя четверть XX в. и первые годы XXI в. — время невиданного ранее расцвета экономизма и ведомого им хозяйства. Да, да, именно так — невиданного расцвета экономизма — вроде бы уже имманентно кризисного — расцвета, совпавшего с окончательным переходом Модерна в Постмодерн, когда вокруг уже были не какие-то признаки (они же призраки) еще грядущего Постмодерна, а когда Постмодерн заявил о себе уже в полную силу — как факт и время торжества искусственного мира, созданного демиургически настроенным экономико-научно-техническим человеком.

Вышло так, что этот переход от Модерна к Постмодерну вызвал к жизни новые возможности как самого экономизма, так и ведомого им хозяйства, обнаружив новые просторы и ресурсы их развития и расширения — на основе, на принципах и в сфере упомянутого выше искусственного мира, или же некоего человеческого *сверхмира*, посредством движения от одной искусственности к другой — еще большей, а потому еще более *неприродной* — и произошло это все благодаря вторжению ума человеческого в сферу тонких материй и созданию разумом человеческим высоких технологий, что в свою очередь стало возможным из-за достижения высокой производительности в материальном производстве и его распространения по планетарной периферии с ее обильными и недорогими трудовыми и природными ресурсами, а также сосредоточения интеллектуального потенциала, конечно же, экономико-научно-технического, равным образом и организационно-менеджерального, в ведущих центрах западного мира, прежде всего в США.

Последняя четверть XX в. и самое начало XXI в. оказались временем бурного созидания небывалой ранее новой, уже сильно *виртуализированной*, реальности: инновационной, импровизационной, имитационной, какой-то воздушной, легкой, мимолетной, во многом попросту и мнимой — с благами-невидимками, благами-пустышками, благами-симулякрами, соответственно и с экономикой-симулякром, даже и со стоимостью-симулякром, что позволило симуляционной экономике-стоимости весьма оторваться от реальности и реального произ-

водства, и отдаться по преимуществу самой себе, что и предопределило окончательный переход от реальной стоимости к ее уже совершенно виртуальному образу, от экономики к *финансомике*, а от экономизма к *финансизму*.

Реальная экономика, или экономика *снизу*, т. е. экономика *из* и *ради* реального производства, заместилась уже во многом виртуальной экономикой, или экономикой *сверху*, экономикой *из* и *ради* самой экономики. Соответственно изменились природа и роль финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику и хозяйство они стали доминирующими над экономикой и хозяйством, как и действующими в первую очередь в своих собственных интересах.

Рост и развитие производства в это фактически уже постмодерновое время тоже оказались во многом виртуальными, но не потому даже, что появилось много — слишком много! — виртуальных благ, а вследствие возникшей в уже полностью созданном искусственном мире возможности творить все, что угодно, и в любых количествах, ибо это время стало временем буквально фантазийного предложения и столь же неудержимо фантазийного спроса, временем массового наслади тельного потребления, а лучше сказать — временем еще небывалого в истории *массового гедонизма*.

Все в постмодерновой реальности стало гедонистическим — даже труд, даже творчество, не говоря уже о потреблении и образе жизни. Не царство божие наступило, не тот же коммунизм, а как раз то, что по полному праву может быть названо именно *гедонизмом* (вместе с гендеризмом, гламуризмом и эксгибиционизмом впридачу).

И если вернуться в мыслях к нынешнему, т. е. 2008 г., мировому кризису, то это, безусловно, очередной кризис общего кризиса экономической, ставшей уже финансовой, цивилизации, или же очередное кризисное обострение чуть ли уже не погасшего насовсем затяжного цивилизационного кризиса. На поверхности этот новый кризис выглядит прежде всего финансовым, экономическим, как и капиталистическим, но… но… если принять во внимание на что же работает в конце концов современный экономизм-финансизм, в каком соотношении находится ведомое им хозяйство со всем мировым контекстом — с природой, человеком, социумом, культурой, цивилизацией, самой историей, то выявится нечто и взаправду потрясающее: современный экономизм-финансизм не только работает по преимуществу на себя, но и действует непосредственно и глобально, и против всего мирового контекста, ибо он может существовать, себя поддерживая паразитарно, только ведя уже напрямую *антимировое хозяйство*, что то же самое — *антихозяйство*, как раз то самое хозяйство, которое не только соз-

дает необыкновенный *мир-симулякр*, или *антимир*, но и создает-то его за счет всего реального мирового контекста, его тотальной деградации и неуклонного уничтожения: природы, человека, социума, культуры, цивилизации, истории, равным образом, деградации и уничтожения и самого себя.

Денежно-финансовый кризис будет скоро преодолен, за ним последует преодоление торгового, производственного и потребительского кризисов. Общий вид экономики, как и общий строй хозяйства, изменятся, возможно, и весьма значительно, но… но… останется этот злополучный общий кризис, причем *мировой общий кризис*, который никуда просто так не денется, ибо он давно уже органичен не только передовому и ведущему западному миру, но и планетарному миру в целом, и от которого тоже никуда и никому просто так не деться, ибо кризис этот всеобъемлющ и вездесущ, он воистину *глобален*.

Это кризис по сути своей *апокалиптический кризис*, он не имеет ни автоматических, ни менеджериальных выходов, ибо требует не конъюнктурных мер, не структурных сдвигов, даже и не новой научно-технической волны, а коренного переустройства человеческого мира на началах не вседозволенности и гедонизма, а *ответственности* и *аскетизма*, что, увы, паразитарному западному миру и его искренним адептам по всей планете совсем и не светит — тут маячит *консервативная революци*я, *новое средневековье*, о*бновленный Премодерн*, как раз все то, что в корне противоречит ренессансной цивилизации, включая и ее экономическую составляющую, что требует *Преображения*, на которое уже не способен западного образца человек.

Именно поэтому так актуальны сегодня разговоры о *последних временах*, хотя никто из смертных и не знает никаких конечных сроков, — тем более что у постмодерновой антицивилизации есть еще кое-какие резервы вроде той же услужливой робототехники или каких-нибудь развеселых нанотехнологий, что, конечно же, предвещает *кое-какой* и *кое-чему* конец, но опять же никак не определяет его сроков — то ли уже близких, то ли еще далеких!

А.В. БУЗГАЛИН, А.И. КОЛГАНОВ

Кризис — 2008: виртуальный фиктивный капитал и альтернативы его бесконтрольному развитию

Разразившийся в 2008 г. кризис достаточно давно предсказывался многими экономистами гетеродоксальных течений общественной мысли, не принадлежавшими к числу оптимистов mainstream'а, твердивших на протяжении последних десятилетий об эффективности «невидимой руки» рынка.

Для авторов этого текста основанием такому взгляду были и фундаментальные положения марксистской теории, и развитие основных идей марксизма, отраженное в работах отечественных и зарубежных представителей этой школы[1].

Марксова теория кризисов связана с перенакоплением капитала и циклическим характеров обновления его основной части. В современных условиях основа кризиса также связана прежде всего с перенакоплением капитала в реальном секторе, что уже много лет назад выразилось в приоритетном развитии превратного сектора и прежде всего — сферы финансовой посреднической деятельности. Все большие вложения в эту сферу породили так называемый отрыв финансового сектора от реального и образование огромных финансовых пузырей[2]. Рост финансовых активов за последние 25 лет приобрел гигантские масштабы. Если в 1980 г. мировые финансовые активы (акции, негосударственные долговые обязательства, государственные долговые обязательства, банковские вклады) были примерно равны мировому ВВП (12 и 10 трлн дол. США соответственно), то в 2007 г. первые превышали вторые в 3,5 раза (195 и 55 трлн соответственно) [3]. Это основа кризиса—2008.

Но это еще не вся «тайна» современного кризиса. Марксистский анализ его причин будет не полным, если мы не обратимся к анализу фиктивного капитала. Именно этот аспект нам кажется особенно актуальным в условиях современного кризиса, и именно к его анализу мы обратимся ниже.

Показав природу кредита как средства экстенсивной и интенсивной экспансии капитала, Маркс (NB!) из анализа этого явления выводит образование акционерного капитала и, как следствие, появление фик-

[1] Подробную библиографию работ и развернутое изложение позиции авторов можно найти, в частности, в кн.: [1].

[2] Развернутый анализ этой проблемы дан в работе: [2].

тивного капитала — капитала, который «живет» исключительно как некоторый знак возможного получения прибыли и имеет свою стоимость только как производная нескольких параметров, весьма далеких от процесса создания стоимости. Это ожидаемые дивиденды (которые лишь косвенно зависят от успешности процесса извлечения прибыли фирмой, выпустившей акции), ставка процента (т. е. параметров функционирования общественного ссудного капитала) и конъюнктура фондового рынка[3]. Все это параметры, *непосредственно* являющиеся субъективными, зависящие от прежде всего случайных соотношений и поведения рыночных агентов. Здесь характерный для рынка вообще отрыв цены от стоимости как бы «возводится в степень». Материальная основа — движение общественного абстрактного труда, стоимости — оказывается столь далека от непосредственного процесса «оценки» (фиктивного) капитала (величины капитализации), что играет уже незначительную роль. И только в период кризиса, в период, когда «будят спящую собаку» и докапываются до действительных основ, — только в этот период выясняется, что этот капитал фиктивен. И проявляется это в совершенно очевидной и брутальной форме — резком падении котировок акций, спаде на фондовом рынке. Последний недвусмысленно говорит обладателям казавшегося огромным фиктивного капитала: ваши акции — фикция. Бумага. Некие виртуальные файлы. Это *не* товары. Это *не* стоимость. Это *не* капитал. Ибо «это» нельзя продать, и «это» не приносит прибыли.

Итак, в рамках логики Маркса, то, что сегодня называют «капитализацией фирмы», есть косвенная оценка фиктивного капитала, находящегося в собственности того или иного лица (персоны или корпорации). И этот капитал именно фиктивен. Не в том смысле, что он не реален — он вполне реален, — а в том, что это реальность особого рода. Этот капитал по своей природе количественно и качественно неопределен. Он не может быть определен *количественно*, ибо в принципе не известно и не может быть даже приблизительно известно, какова его действительная величина, т. е. стоимость (выраженная, естественно, в денежном эквиваленте). Известна лишь *постоянно изменяющаяся* оценка, зависящая не от стоимости данного «товара» (товара-то как такового нет — есть лишь фиктивная производная от функ-

[3] Сегодня к этому следует добавить инсайдерскую информацию и другие параметры, позволяющие, например, «рейнмеркерам» (rein-makers — те, кто «делает погоду» на финансовых рынках, непосредственно управляя потоками активов) получать (в отличие от «обычных» акционеров) сверхприбыль; государственное регулирование; рыночную власть и другие формы нерыночного воздействия крупнейших корпораций и т. д.

ционирующего капитала), а от производных второго, третьего и т. д. порядка факторов. Отрыв «капитализации» от стоимости столь велик, что он делает сомнительным и *качество* этого феномена как капитала: принципиально неизвестно, приносит ли он прибыль или убыток.

И именно эта неопределенность делает фиктивный капитал особенно чувствительным к кризисным явлениям.

Прошедшие после написания «Капитала» эпохи существенно изменили фиктивный капитал. Он стал основной формой *финансового капитала*, который превратился в господствующий вид капитала в прошлом и особенно нынешнем веках.

Эти изменения носили двоякий характер.

С одной стороны, как форма господствующего вида капитала, опирающегося на власть гигантских (распоряжающихся объемами общественного богатства, сравнимого с потенциалом средних государств) корпораций, сращенных к тому же с мощнейшими государствами мира, фиктивный капитал обрел гораздо большую устойчивость.

С другой стороны, он еще более оторвался от своей материальной основы, капитала тех сфер, где создается стоимость. Он стал *виртуальным*.

Прежде чем дать его теоретическую характеристику, заметим, что на практике это превращение приняло вид явления, названного на Западе «финансиализацией»[4]. Последняя характеризуется многими специфическими чертами, среди которых наиболее значимыми стали следующие. Во-первых, качественный и количественный сдвиг в пользу финансового сектора (растущие опережающими темпами объемы трансакций, более высокая норма прибыли, отток в эту сферу человеческих и иных ресурсов, образование новых институтов и т. п.). Во-вторых, едва ли не определяющее влияние этого сектора на все системы аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие решений, структура цен и т. п. во *всей* экономике определяется ныне во многом конъюнктурой финансового сектора…). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну де-регулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором»-субститутом государственного воздействия на экономику. В-третьих, существенно изменились отношения собственности (система прав собственности на постоянно «странствующий» фиктивный капитал — тема особого исследования) и распределения дохода. Наконец,

[4] Основные характеристики финансиализации авторами даны на основе работы: Levina I. What is Financialization: New Phenomenon, or Periodically Occurring Process? (Manuscript), в которой обобщен широкий круг зарубежных исследований по данной проблемам.

вся система общественного воспроизводства приобрела многие специфические черты, среди которых: резко возросшая зависимость этого процесса от случайных факторов, рисковость, нестабильность экономической системы, шот-термизм и т. п. черты, давшие содержательные основания для того, чтобы назвать эту систему «казино-капитализм». Результатом этого процесса стало формирование особого типа человеческого поведения, ориентированного на финансовые трансакции как главный способ жизнедеятельности и модель поведения. По мере развития финансиализации «Homo finansus» становится едва ли не господствующим типом личности (причем это характерно не только для предпринимателей, но и для потребителей).

Даже этот краткий и неполный перечень основных черт процесса финансиализации позволяет зафиксировать некоторые качественные изменения в природе капитала. Прежде чем сформулировать их, заметим, что существенным для понимания образовавшегося в последние десятилетия нового вида капитала является и развитие качественно новой технологической базы его функционирования. Процессы компьютеризации и развитие телекоммуникационных сетей создали новые возможности для *развития финансового капитала как виртуального*.

Капитал отныне живет в виртуальной среде, оторван от любого материального носителя. Он постоянно движется, это *капитал-странник* (термин Л. Игониной), причем движется со столь высокой скоростью (миллиарды долларов сменяют своих собственников каждую *секунду*; триллионы — каждый день), что это существенно изменяет саму природу капитала. Вследствие этого виртуальный финансовый капитал стал капиталом, для которого характерны постоянная смена субъекта собственности и размытость, диффузия прав собственности. Как следствие, он потерял такую характерную черту капитала, как управляемость, планомерность процесса внутренней жизнедеятельности капитала (управление фирмой для виртуального капитала заменяется игрой на биржах, где господствуют не собственники акций, а «рейнмеркеры»…). Результатом этого становится относительное «выключение» этого капитала из процесса рыночного саморегулирования *производства*. Его величина, эффективность зависят в первую очередь не от качества продукции и издержек на ее производство, а от случайных факторов, от постоянно изменяющейся конъюнктуры рынков фиктивных «бумаг». Он отрывается от реального процесса поиска наиболее эффективных решений производства товаров и услуг и превращается в относительно самодостаточный мир спекуляций. Этот капитал не имеет более некоторой локализации в пространстве и времени экономической жизни. Он, выражаясь на языке постмодернизма, «де-

терриализован», не имеет «прописки», «земли», к которой он был бы хоть как-то привязан. Как таковой он легко уходит из-под любого — национального и международного — государственного регулирования. И в то же время он оказывается виртуален двояко. Он виртуален с «технологической» точки зрения (живет в компьютерных сетях). И виртуален во втором значении этого слова — он «вероятностен». Виртуальный финансовый капитал — это, *возможно*, деньги. А может быть, и просто фикция. Денежные агрегаты (особенно М3), становясь чем-то производным от виртуального финансового капитала, перестают быть всеобщим эквивалентом и превращаются в особый рисковый капитал, *капитал-риск*.

Безусловно, все сказанное выше — лишь одна сторона реального процесса общественного воспроизводства. Другая его сторона — «старые» функции финансового капитала, связанные с осуществлением кредитных операций, инвестиций и т. п. средств развития производства товаров и услуг.

Вот это-то *противоречие двух сторон жизнедеятельности современного финансового капитала как капитала виртуального, капитала-риска и как средства развития системы общественного воспроизводства (ссудный капитал и т. п.) и проявляет себя особенно явно в период кризиса*.

Виртуальный финансовый капитал, достигнув невероятных еще двадцать лет назад масштабов (напомним, сейчас он составляет 195 трлн дол.), превратился в своеобразный «черный ящик», живущий относительно независимо от системы общественного воспроизводства. Это именно «черный ящик»: он столь масштабен, изменения в его структуре и величине происходят столь быстро, он столь всемирен, что познание его внутренней структуры, системы взаимодействий и т. п. представляет собой принципиально неразрешимую задачу. Известно лишь, что он некоторым образом, как правило (но не всегда), реагирует на некоторые внешние «раздражители» (регулирующие меры крупнейших государств и международных финансовых институтов). Но не более того. Теоретически и практически выверенной модели жизнедеятельности этого «ящика» нет. Как такой «черный ящик» он способен и породить гигантский финансовый коллапс, и «самоуспокоиться». Система не познаваема и не регулируема.

Монетаристы до недавнего времени считали, что эта система гарантированно способна развиваться на основе саморегулирования и, как ныне уже всем очевидно, несколько «ошиблись». Их оппоненты (в том числе марксисты) совершенно строго могли сказать только одно: с большой (но не 100%-ный) вероятностью можно было ожидать насту-

пления кризиса этой конструкции, этого виртуального финансового ящика. Мы говорили, что этот кризис *может* разразиться в *любой* момент (но в том и дело, что «может» и что «в любой» — никто в принципе не мог сказать, когда именно это произойдет и обязательно ли произойдет; мы могли утверждать и утверждали на протяжении последнего десятилетия лишь то, что *скорее всего* и в *ближайшее время* такой кризис может случиться).

В этих условиях mainstream'у кажется возможной только одна стратегия взаимодействия с этим монстром: «кормить» его (как в страшных сказках, в которых жители кормят нависшего над городом дракона, отдавая ему самых красивых девственниц).

Впрочем, если использовать образы, то мы бы сравнили нынешнюю финансовую надстройку скорее даже не с драконом или «ящиком», а с *пузырем* (благо этот термин стал для финансистов уже строгой категорией). Гигантским черным пузырем, нависшим над человечеством (без преувеличений).

Кризис 2008 г. обнажил огромные прорехи в этом пузыре и оттуда пошел зловонный, душащий экономику и жизнь газ «плохих долгов», банкротств, увольнений и т. п.

Так что же делать с этим ящиком-драконом-пузырем?

Критика классической марксистской трактовки государства как машины по реализации экономических, социальных и политических интересов буржуазии общеизвестна. Несколько менее известно то, что эта характеристика — лишь малая толика марксистской теории государства как института капиталистической общественно-экономической системы (о государстве вообще мы в данном тексте речь вести не будем). Марксистская теория государства, во-первых, фиксирует противоречие функций государства как «комитета по управлению делами буржуазии» (политический орган, реализующий интересы капитала как конкретно-всеобщего отношения буржуазной системы), с одной стороны, и органа обеспечения стабильного функционирования социума в целом — с другой. Это противоречие имеет разные формы своего проявления. В условиях относительной стабильности и прогресса системы, при усилении активности граждан и, прежде всего, наемных работников, на первый план выходит последняя функция и государство эволюционирует в сторону большей социальной ответственности. В условиях кризиса же наиболее ярко проявляется его первая ипостась: государство начинает непосредственно проводить в жизнь интересы капитала. И только рост социальной активности граждан и/или угрозы самому существованию системы (как в слу-

чае Великой депрессии, развертывавшейся на фоне ускоренного роста СССР) заставляет буржуазное государство идти на компромиссы.

Марксистская теория государства, развиваясь на протяжении последних полутора веков, показала, во-вторых, что внутренние противоречия капиталистического способа производства обусловливают объективную необходимость включения государства в экономическую деятельность. В самом начале XX в. эту закономерность выявил В. Ульянов. Затем Р. Люксембург и многие другие марксисты. Позднее идеи косвенного государственного регулирования товарно-капиталистического сектора уже на практике была реализована в период новой экономической политики (1920-е гг.) в СССР — за десятилетие до Рузвельта и Кейнса. Эти теория и практика марксизма показали, что *государство в условиях позднего капитализма выступает как* не только «ночной сторож» (субъект, устанавливающий «правила игры» и обеспечивающий их стабильность, в частности, гарантии прав собственности, устойчивость денежной системы и т. п.), но и как *(1) капитал особого рода (государственная собственность и государственное предпринимательство, государственные закупки и трансферты и т. п.) и (2) субъект сознательного регулирования экономики, ограничивающий и корректирующий механизмы саморегулирования, характерные для рыночной системы*.

При этом марксизм четко зафиксировал *противоречие между объективной необходимостью развития такого регулирования и незаинтересованностью (в «обычном», стабильном состоянии экономики) капитала в развитии таких ограничений и регулирования*.

История 2008 г. оказалась на удивление близка к указанной модели. После падения СССР и резкого ослабления давления в сторону развития регулирования экономики со стороны социал-демократии и гражданского общества в 1990-е гг. в большинстве стран Севера началось некоторое свертывание государственного регулирования, обусловленное, кроме того, развитием глобализации и транснационального капитала. Все больше надежд возлагалось на механизмы саморегулирования рынка и так продолжалось вплоть до 2008 года. Если бы еще год назад кто-то сказал, что Дж. Буш распорядится de facto национализировать активы на сумму в немного-немало 700 млрд дол., то его сочли бы… не будем использовать выражений, не подходящих для научного текста. Однако эта сумма уже ассигнована. То же (и в масштабах не меньших, если учитывать размеры экономики) делает и Д. Медведев в России.

При этом, по видимости, парадоксальным выглядит то, что сторонники социально-ориентированной, регулируемой экономики и в США,

и в России, и в других странах выступили против этих мер. Но этот парадокс относится именно к сфере видимости. На самом деле здесь перекрещиваются две разные, хотя и взаимосвязанные проблемы: вопрос о необходимости регулирования экономики со стороны государства и вопрос о том, в чьих интересах и за счет кого это регулирование будет осуществляться.

Из пересечения этих двух проблем рождаются два (против активизации государства в условиях кризиса не выступают даже крайне правые) основных решения.

Первое: необходимо поддержание финансового сектора экономики с целью (естественно!) обеспечения стабильности финансовой системы для предотвращения кризиса экономики, что отвечает интересам всех граждан страны (предотвращение обесценения вкладов, сохранение рабочих мест и т. п.). То, что для этого требуется поддержать собственников финансового капитала и возместить им потери от их неудачных спекуляций, — это вопрос «технический», это вопрос *средств* выхода из кризиса, а не социальных (а уж тем паче классовых) приоритетов. С точки зрения сторонников этого решения другого выхода из кризиса просто нет. Самое смешное, что они правы: сохраняя их правила игры, выйти из кризиса иначе, чем путем вливания «нового вина» (огромных ресурсов, полученных от налогоплательщиков) в «старые меха» стоящих на грани банкротства финансовых корпораций, невозможно.

Другое дело, что можно изменить правила игры.

Но это уже *второе* решение. Оно предполагает более или менее (в зависимости от объективных предпосылок и субъективных условий) радикальное изменение сложившейся финансовой системы.

Наиболее радикальный путь (мы в своих решениях остаемся в рамках капиталистического способа производства; социалистическая революция пока что не имеет достаточных предпосылок ни в России, ни в США) — социализация финансов. По сути дела — хирургическое вмешательство в финансовую сферу — удаление раковой опухоли (финансовых пузырей) при сохранении общественно-полезных функций финансовой системы. Эти шаги предполагают, в частности, но не только, национализацию крупнейших банковских институтов при гарантиях неприкосновенности вкладов и постепенной компенсации акционерам банков стоимости их акций в размере, который они имели *в результате* кризиса (ответственность за неудачные спекуляции должен нести спекулянт, а не общество), принудительное слияние в несколько крупных структур и передача под общественно-государственный контроль средних и мелких банков и т. д. Что касает-

ся гарантий вкладов, то они могут и должны быть осуществлены в полном масштабе только для мелких и средних вложений, связанных с получением заработной платы, пенсионными сбережениями и т. п. Вклады тех, кто хотел нажиться на спекулятивном финансовом буме, вкладывая крупные капиталы под высокие проценты гарантировать не логично: отправляясь в казино, каждый должен знать, что он может и продуться и компенсировать потери от этой страстишки общество не обязано…

Для поддержания производства материальных благ и услуг могут использоваться механизмы прямого государственного кредитования и финансирования, жестко привязанного к реализации производственных программ. В России в первую очередь — так называемых национальных проектов (они должны иметь на порядок большие масштабы, чем сейчас) и программ перехода на инновационный тип развития.

Сказанное — не только авторская позиция. Эксперты, работающие с международными НПО (в частности, международной сетью АТТАК, поставившей своей целью сокращение финансовых спекуляций еще в начале 1990-х гг.) и социальными движениями (мировые сети «Интеллектуалы и художники за гуманизм», Всемирный форум альтернатив и др.), в течение последних месяцев не раз формулировали требования выхода из кризиса не за счет граждан. Выделим только два аспекта.

Требование № 1. Отвечать — причем не только своим доходом, но и своим капиталом, своей собственностью, своим положением — за кризис должны те, кто виновен в его инициировании. Виновны же в этом, во-первых, все инициаторы и участники безудержной экспансии виртуального фиктивного финансового капитала (очень упрощенно их можно назвать финансовыми спекулянтами в самом широком смысле этого слова) — все те, кто «надул» огромный пузырь фиктивных финансовых ресурсов, Во-вторых, в этом виновны все те политические структуры (от президентов и правительства, до партий, одобривших и поддержавших эту политику, включая их идеологов, экспертов и т. п. лиц), которые проводили по сути дела монетаристскую политику безграничного доверия «невидимой руке» рынка, характерной для большинства стран и «несвятой троицы» (ВТО, МВФ И МБ) в последние десятилетия. Соответственно кризис можно и должно преодолевать за счет резкого сокращения их доходов и собственности (уже упомянутые социализация и национализация банков, но не вкладов), расширения и ужесточения общественно-государственного контроля за финансовой сферой при полной прозрачности финансовых трансакций, закрытии оффшорных зон и т. п., при социальном ограничении инвестиций в финансовые спекуляции и выдавливании капиталов из этой сфе-

ры (за счет прямых институциональных ограничений, специального повышенного налогообложения и т. п.).

Требование № 2. Открытость, гласность и прозрачность обсуждения и принятия решений по проблемам выработки, принятия и реализации антикризисных программ. Да, финансы — это дело профессионалов, но профессионалы уже привели мировую экономику к вполне «профессиональному» кризису. Кроме того, есть разные профессионалы, предлагающие разные модели выхода из кризиса. Наконец, люди, гражданское общество каждой из стран и мировое гражданское сообщество должны знать и понимать, кто и какую цену заплатит за выход из кризиса, что, как и в чьих интересах (и за чей счет) будет сделано, кто и какую конкретно ответственность на себя принимает.

Возможны и более мягкие шаги, связанные исключительно с общественно-государственным контролем за финансовой сферой, ограничением спекулятивных финансовых операций и доходов от них и т. п. меры.

Все эти предложения не являются чем-то новым. Эксперты и интеллектуалы, принадлежащие к кругу противников неолиберальной, монетаристской политики и в России, и за ее пределами уже давно и детально прописали эти альтернативы, много более десяти лет назад показав, что финансовый кризис в условиях безудержной «финансиализации» возможен в любой момент. Поэтому у нас сейчас есть немалые основания для того, чтобы потребовать от тех, кто делает «реальную политику»: прислушайтесь к голосу тех, кто в отличие от вас показал, почему и как может наступить кризис, и давно предложил пути выхода из него за счет тех, кто его породил, а не тех, кто страдал и страдает от финансовых спекуляций.

Литература

1. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2004, 2007.
2. *Левина И.* К вопросу о соотношении финансового и реального секторов // Вопросы экономики. 2006. № 9.
3. www.hbr-russia.ru Октябрь 2008 Harvard business Review — Россия.

А.И. АГЕЕВ

Кризис — его время, пространство, действующие лица и риски

Сейчас часто выдвигается тезис о том, что западная цивилизация издает вопль отчаяния. Это представляется гротескной постановкой. Вопля отчаяния нет. У лидеров этой цивилизации можно найти растерянность, даже легкую панику, но никак не отчаянье. Если говорить об Б. Обаме, то почему он должен быть в отчаяньи? Он поддержан большинством американского общества, а в нашем контексте важно то, что он принадлежит ряду весьма влиятельных элитных групп. В частности, он близок к очень серьезной и хорошо организованной группировке, куда, в частности, входят министр финансов Полсон, Сорос, Баффет. Эти люди отличаются тем, что стояли у истоков мощной и одной из самых успешных финансовых пирамид. Это не деривативы 18 шага, а финансовые инструменты весьма высокой категории ликвидности. Обладатели инструментов более низкого качества стали и становятся лузерами нынешнего обвала, а профессионалы способны выигрывать даже, а часто и в особенности, в условиях турбулентности. Однако эта ремарка скорее пролог подхода к теме.

На этот кризис надо взглянуть с многих точек зрения, и я позволю себе рискнуть рассмотреть его с трех позиций. С точки зрения финансового покрова, с точки зрения структурной подоплеки и с точки зрения теологии, а затем и относительно сценариев возможного развития событий в дальнейшем. И предложить свою версию ответа на поставленный вопрос: имеет ли место конец американского глобализма или нет?

Финансовый аспект этого кризиса. Как известно, вся мировая экономика сейчас укладывается примерно в 50 трлн дол. Сейчас нет смысла рассуждать, что из этой массы продукции и услуг необходимо для жизнеобеспечения, что вредно, — это неважно. Важно то, что объем всевозможных финансовых бумаг, выпущенных особенно изобильно за последние лет 20, достигает, по разным оценкам, не менее 700 трлн. Есть даже оценки — более 1 квадриллиона, но это все уже из разряда произвольных спекуляций — точной оценки никто не даст. Ведущие инвестиционные игроки, по крайней мере, из числа недавно разорившихся, обладая, например, 43 млрд дол. реальных активов, контролировали активы объемом в 1 трлн. Рычаг, таким образом, почти 30, и несложные расчеты дают совершенно сумасшедшую рентабельность этого бизнеса.

Как долго могла эта вся пирамида держаться? Долго. Боялся ли кто-то из решающих лиц в ФРС дефолта? Маловероятно. Американцы 200 лет развиваются, и один из ключевых механизмов этого успешного развития связан с дефолтами, — муниципальными, штатными, корпоративными и т. д. Дефолт как отказ от обязательств не всегда возникал в глобальном или страновом масштабе, хотя Великая депрессия начиналась масштабным каскадом дефолтов и сжиганием финансовых пирамид, на что лихорадочно реагировали бизнес и население. Одни разорялись, другие теряли работу, многие впадали в отчаяние, но некоторые «ловили рыбу в мутной воде». Многие события и их логика сейчас напоминают рисунок развертывания коллапса американского финансового рынка в то время. Дело не в боязни, не в отчаянии, дело в накопленном историческом опыте, генеалогия которого отнюдь не в рубеже 1920—1930-х, а на многие века раньше.

Инструментарий сжигания избыточных обязательств достаточно скуден и потому прост. Например, развязывание гиперинфляции. Или девальвация. Кто-то умоется слезами и забудет о своих сбережениях, кто-то сможет их реструктурировать, кто-то обратится в суд, но в любом случае эта огромная масса обесценившихся финансовых инструментов «сдуется», в какой-то части подвергнется регулированию. Взорваться молниеносно она не может — нет одномоментной мобилизации граждан, потерявших вклады, нет сил у банков, чтобы можно было истребовать возврат кредитов, а самое важное в том, что финансы теперь глобальны, и нет ни одного игрока, который был бы заинтересован это все молниеносно обрушить. Доллар обслуживает на сегодняшний день порядка 45% международных расчетов. В начале 1980-х гг. он занимал 80%. Это существенно. Еще 30% сейчас — это евро, остатки — йена и другие региональные валюты.

Другой метод, который был опробован в XX в. — это пара мировых войн, которые приводят к списанию не только финансовых излишков, но и к списанию, уничтожению перенакопленного материального капитала.

Современная экономика, с нынешней ролью знания, тоже чувствительна к войнам, а также глобальным терактам. Они ведут к переоценке капитала, перераспределению инвестиций. Мало того, современная экономика строится на доверии и искусстве создавать финансовую отчетность для позиционирования в сложной сети стейкхолдеров. В МСФО есть не только реальные активы, но и «market to dream», или «market to model». Не случайно в мерах по борьбе с кризисом G20 такой акцент делается на рейтинговых агентствах, прозрачности и т. п. Нашумевший случай с «Энроном» и десятки менее известных недав-

них случаев обвала «нарисованных империй» были сигналами, которые никто не хотел слышать. Они манифестировали реальные проблемы технического регулирования рынков, необходимость минимизации его провалов, защиты участников рынка.

Но когда капитализация фирм зависит от большого казино, то выигрывает всегда его хозяин, оказывающий то, что называется «высшими услугами капитализма»: тот, кто оценивает, кто присваивает рейтинги, тот, кто проводит оценку всех видов активов. В этой игре могут достаточно долгое время выигрывать широкие слои трудящихся.

Но эту логику системы надо провести дальше на несколько шагов. И там мы увидим, что есть еще уровни капитализма, где действуют те, кто оценивает — что хорошо и что плохо, а также те, кто выступает в роли самых главных интерпретаторов будущего, авгуры современной эпохи. В этих гуманитарных слоях — важнейшая тайна конкурентных преимуществ в глобальной экономике. Контроль над этими активами позволяет сбросить Китаю, Малайзии или кому угодно производство кроссовок, телевизоров и т. д., более того, сегодня сбрасываются даже серьезные участки научно-технологического процесса. Это не страшно, поскольку самый главный — тот, кто своим авторитетом способен давать эти оценки, капитализирующие все остальное.

Все эти сюжеты у нобелевских лауреатов по экономике давно уже обозначены: асимметричность рынков, рефлексивность рынков, турбулентность и т. д.

Что могла бы делать Россия сейчас? Технологически понятно — то, что делает Китай, то, что делают даже в Штатах: выдали всему населению от 300 до 1200 дол. для того, чтобы банально стимулировать спрос. В Китае начали совсем недавно массированную программу общественных работ. То же самое делали в ходе Великой депрессии и в США, и в Европе, и в СССР. Это понятные кейнсианские инструменты: государство, видя, как сжался спрос потребительского сектора, начинает выступать не просто в роли этого сторожа ночного, а в роли активного игрока, инвестора на рынке. Здесь все банально.

Что мы видим в России? Огромные ресурсы наших банков зарезервированы в ЦБ, и при этом увеличивается ставка рефинансирования. Выделяются средства Стабфонда, но надлежащий контроль законодателя не обеспечен. Это не политика, которая диктуется здравой логикой. Что за этим? Либо некомпетентность, либо растерянность и испуг, либо некая политика с тем, чтобы все это опустить, а потом прикупить и перераспределить. Кто-то дал ответ?

С точки зрения технологической структуры за кризисом стоит мощный технологический сдвиг. Важнейший вопрос, который стоит

сейчас перед всеми — заваливается ли технологический прогресс на Западе из-за дефицита инвестиций? Может быть, пора ставить крест на наших инновационных мечтаниях? Но беспристрастный анализ показывает, что принципиального торможения технологического прогресса не будет. Если взять, например, альтернативную энергетику, то все решения приняты, финансирование никак не срезано, для американцев это будет третий подход к водородной энергетике и другим альтернативным источникам электрогенерации. Они пытались это сделать в 1970-х , 1980-х гг., сейчас идет третья волна, и она обеспечена технологическими решениями. Более того, мы видим, что научно-технологическая революция разворачивается фантастическими темпами. Безусловно, такие секторы, как металлургия, транспорт, торговый сектор, достаточно серьезно будут схлопываться, но темпы роста отраслей, относимых к шестому технологическому укладу, будут измеряться 20—30% в ведущих странах. Наш телекоммуникационный сектор, который целиком импортный по оборудованию, развивался даже в самые худшие годы приличными темпами.

Что это за революция? В ее основе находятся конвергентные технологии: нанотехнологии всех видов приложений (лекарства, вооружение, новые материалы). Так, в США продолжает разрабатываться программа «наносолдата». Через считанные годы ВС США будут из себя представлять людей, которые защищены и одеты в жилеты, которые пробить будет невозможно ни одним современным видом вооружения. Понятно, что не сразу их будет миллион, но достаточно пяти тысяч, чтобы все, что угодно, сделать на территории Евразии при нашей имеющейся армии. Это специализированная программа, контроль финансирования которой жесткий.

Нанотехнологии немыслимы без увязки с биотехнологиями, новыми материалами и информационно-коммуникационными решениями. Но мы редко принимаем в расчет то, что из восьми видов наиболее перспективных технологий будущего в области коммуникаций, половина касается смыслов! Прорыв в области коммуникаций и в компьютерном мире будет лежать в прорыве техники в смысловые пространства. Это то, что называется когнитивными науками. Если посмотреть наше отставание по всем видам высоких технологий, то понятно, что ситуация плачевная. Но не настолько плачевная, как может казаться. Имеющиеся возможности не утрачены. Реально, же, учитывая средний срок жизни ученых и то, что у нас пока активно поколение, которое еще может совершить инновационный прорыв, надо понимать, что те, кто войдут в активный возраст буквально лет через пять, родившиеся и выросшие в 1990-е гг., социализация которых прошла именно в эти

годы, это практически люди, выброшенные из инноваций продуктивного характера, они чужды друг другу. По сути, страна сейчас собирает сливки с талантов тех матерей и отцов, которые родили детей в 1960—1980-е гг. Все. Но возможности есть совершенно уникальные, отсюда и драматизм ситуации. Это что касается структурной подоплеки кризиса.

Для полноты картины учтем и то, что основные дивиденды из повышения цен на нефть извлекали не только арабские шейхи и не только Россия. Понятно, что за этим стояли серьезные транснациональные корпорации, которые за счет пяти-семилетнего роста цен на нефть собрали серьезные ресурсы для в том числе инвестиций в шестой уклад.

Наконец, третье измерение этого кризиса — духовное. Если посмотреть на структуру больных людей в США и в России, то мы найдем, что примерно 40% населения и в США, и в России имеют свои особенности поведения. А именно —они необычайно восприимчивы к рекламе. Она уже давно не двигатель торговли, а манипулятор и стимулятор завышенного, искусственного, абсолютно избыточного спроса. А проблема капиталиста, мы все прекрасно знаем из политэкономии, — перепроизводство, в том числе и производство долгов, товаров и услуг. Такому рынку нужно податливое на манипуляции население, для которого смысл жизни равен потреблению. Вспомните эйфорию повсюду — обогащайся, покупай… Это все закончилось принципиально.

Что такое современный Интернет? На 2/3 это уже не хранилище, а кладбище знаний. Не случайно развиваются новые поколения Интернета. Начинают появляться производные всевозможные, которые фильтруют всю эту интернетовскую «помойку». А кто оценивает истинность знаний из Интернета? Зачастую интегральный Мумий Тролль.

С этой точки зрения, кризис является нашим большим учителем, он учит, прежде всего, ценить не деньги, а смыслы. Ценить не новую модель «Порше», а краюху хлеба, которой может не оказаться. Он учит ценить наличие или отсутствие лекарств. Кризис возвращает огромные массы населения, в том числе и олигархического контингента, к пониманию истинного смысла жизни, и в этом его глобальная польза.

Наконец, последнее. Настал ли конец американскому глобализму? Есть много разных сценариев. Достаточно хорошо их позволяет анализировать модель из пяти сценариев глобального развития.

Сценарий — жесткий глобализм — подразумевает, что США удается сохранить контроль над миром. Это конкретная материя, а не абстрактные слова. Он подразумевает, что именно американские совет-

ники, приезжая в ЦБ разных суверенных демократических государств, определяют различные параметры денежной политики: сколько денежной массы должно быть, уровень монетизации, процентной ставки, к чему привязывать курс национальной валюты. Также это подразумевает наличие огромных количеств всевозможных баз — военных и культурных, влияние Голливуда, в общем, совершенно конкретные практические вещи. Все вместе работает на поддержание этого доминанта мировых событий.

Сценарий мягкой глобализации означает, что помимо одного игрока в Большой игре значение имеют и другие: Европа, Япония, Бразилия, Китай, может быть, Россия.

Есть сценарии регионализации, которые подразумевают, что ВТО-механизм разваливается, нарастает протекционизм по всем позициям, товарные потоки, услуги, рабочие силы концентрируются в определенных регионах. Это *сценарии регионализма — позитивного и негативного*. Негативный — если введены очень жесткие перегородки между странами и блоками. И, наконец, *сценарий хаоса*. Он подразумевает и торнадо, и маленькие войны, и т. д.

Что мы имеем на начало 2000-х гг.? После известного теракта американцам удалось за несколько лет выстроить всю конфигурацию мировых мнений, потоков и идей под себя. Но реально сил не хватило. Не справились. Американское общество не готово заниматься тотальным управлением миром. В нем издавна дилемма — изоляционизм или экспансионизм. Но самое главное, что внутри США сложились практически две Америки: одна Америка — наверху — неоконы, а другая — те, которые представлены позицией Перкинса — в прошлом высокопоставленного сотрудника валютных организаций, участника многих операций по закабалению западных стран через систему долгов и коррумпирования элит этих стран. Перкинс осознал дефекты хищнической модели империализма, стал изменником своего класса и сейчас выпустил целый ряд трудов, которые показывают, что Америка — это империя и американские граждане будут с этим бороться, потому что идеалы демократии и свободы противоречат тому, что делает Америка сейчас в лице своих руководителей. Иными словами, сценарий жесткого глобализма может разваливаться изнутри. Но не будем забывать, что технологический прогресс позволяет через несколько лет снова поставить многие вопросы ребром и с беспощадной жесткостью. Если кому-то удастся обнулить наши ядерные арсеналы, в разных смыслах обнулить, то разговор пойдет по-иному.

Что касается трусливости европейцев в глобальной политике, то мы все прекрасно понимаем, что, как и степень геополитической «сме-

лости» нашей элиты, — это величина переменная. Единственный, кто может себе многое позволить — это Китай, но и в отношении Китая американцы могут позволить себе тоже многое. И не только американцы, есть более сложные конфигурации.

На сегодняшний день в этом пяти сценарном формате события развиваются по пути умеренной глобализации, когда суверенность многих возрастает, когда голос многих уже услышан. Можно вспомнить Че Гевару, который еще 30 лет назад сказал, что просыпается гигант — те люди, которые были страшно унижены в течение 500 лет, права и свободы которых столько лет попирали, — этот гигант просыпается, и у него есть горячее сердце и крепкий кулак, который чешется. И это все происходит на американском полушарии. И такое же желание появляется у всех стран, которые демографически составляют основу планеты.

Основной риск этого развития связан с тем, что нашим национальным интересам выгодны в этом историческом периоде два сценария: умеренной глобализации, поскольку у нас пока нет ни сил, ни компетенции играть достойную роль в мире. Я не говорю о спектаклях — это другой разговор. И второй сценарий — регионализации позитивной, если нам удастся укрепить свое положение, в особенности на территории СССР. Но этот процесс идет с большим трудом. Нашим национальным интересам не отвечают два сценария: сценарий негативной регионализации, поскольку мы слишком зависимы по всем позициям от многих мировых событий, и, конечно же, сценарий хаоса, он также реализуется в мире в различных региональных конфликтах. Их будет больше, безусловно. Вопрос лишь в том, хватит ли разума не ввязаться в крупномасштабную авантюру различным игрокам. Причем этими игроками будут не только государства, но и всевозможные синдикаты, в том числе преступные, у которых есть свои вооруженные силы.

Словом, кризис настал. Главное же в нем — его роль учителя. Правда, говорит он пока тихим голосом.

М.Л. ХАЗИН

Теория кризиса

Сегодня уже только ленивый не говорит о мировом экономическом кризисе, однако как только дело доходит до внятного объяснения его

причин, прогнозов его течения и тем более его итогов, начинается невнятица. Вместе с тем достаточно полная теория этого кризиса была разработана нами — российскими экономистами О.В. Григорьевым, А.Б. Кобяковым и мною еще в 1997—2001 гг. Более или менее полно она изложена в книге [1]. В настоящей статье, не останавливаясь на деталях и ссылках, попытаемся описать эту теорию и соответственно дать более или менее точный анализ путей развития кризиса и его основных последствий[5].

Основания теории

Труд и капитал. Теория кризиса основывается на двух основных положениях. Первое из них было тщательно разработано политэкономией XIX в. в рамках развития трудовой теории стоимости и состоит в том, что продукт труда распределяется между двумя факторами производства трудом и капиталом неравномерно. Капитал, в соответствии с базовыми принципами капитализма, рассматривает продукт труда как свою частную собственность, и, как следствие, владельцы труда не получают за него необходимое возмещение. Таким образом, имманентной, неотделимой проблемой капитализма является постоянное ускоренное приращение капитала.

Проблема, в частности, в том, что капитал существует не столько в денежной форме, сколько в форме активов. А стоимость актива определяется желанием рынка его приобрести, что, если идти по цепочке покупок, рано или поздно упирается в конечный спрос, т. е. спрос или государства, или потребителей. Но последние непосредственно выступают в рамках производственных отношений со стороны труда, а спрос государства также существенно зависит от возможностей потребителей. Таким образом, рост спроса при капитализме неминуемо отстает от роста капитала, что, если не принять специальных мер, обесценивает последний как непосредственно, в виде товаров, так и опосредованно, из-за снижения его эффективности. Последнее вызвано тем, что уменьшение объема прироста спроса по отношению к приросту капитала ведет к уменьшениям объема прибыли на каждую единицу нового капитала. Иллюстрацию этого тезиса (именно иллюстрацию, доказательство было дано еще в XIX в.) можно посмотреть на рис. 1.

[5] Статистические графики, используемые в статье, взяты нами из еженедельных обзоров мировых рынков, принадлежащих аналитику компании «АйТи-Инвест» Сергею Альбертовичу Егишянцу, которому выражаем искреннюю благодарность за полезные обсуждения в процессе ее подготовки.

Решение этой проблемы для капитала принципиально важно и осуществлялось за всю историю человечества тремя основными способами. Первый возник в период классического капитализма, в котором регулярно проходили кризисы перепроизводства, обеспечивающие перераспределение активов и «сжигание» избыточного капитала. Это способ работал эффективно, но по мере развития мировой экономики, кризисы становились все сильнее и сильнее, так что нужно было искать что-то новое.

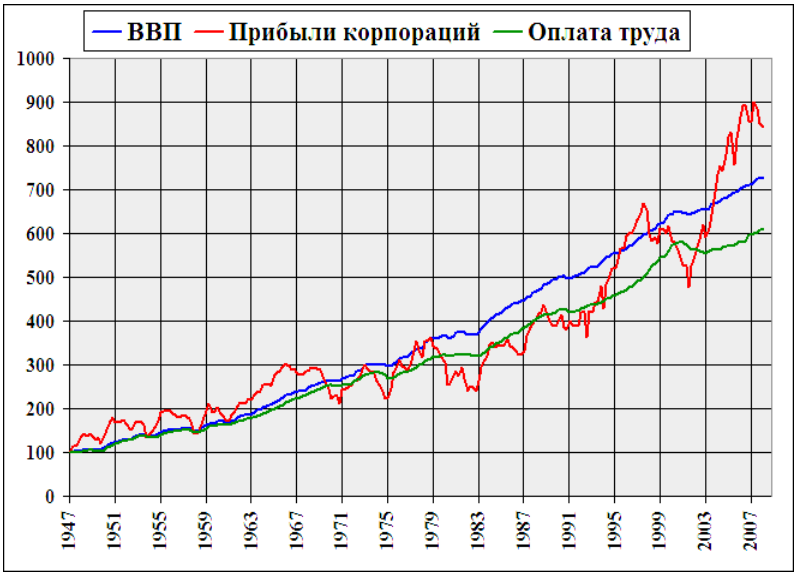


Рис. 1. Относительная динамика ВВП, корпоративных прибылей и оплаты труда в США в 1947—1997 гг. в номинальных ценах

Вторым способом стал вывоз капитала на еще неосвоенные территории — соответствующая политика получила в конце XIX в. название империализма. Этот способ неминуемо вызвал острую конкуренцию не только за рынки сбыта товаров, но и за рынки вывоза капитала и завершился сначала Первой, а потом и Второй мировыми войнами. Поскольку после появления сначала СССР, а потом и мировой системы социализма, появилась системная угроза самому существованию капиталистической системы, ей потребовалась значительно более согласованная политика. В результате, в 1944 г. вывоз капитала был институциализирован в рамках Бреттон-Вудских соглашений, которые создал как институты, регулирующие это процесс (ГАТТ, ныне ВТО,

МВФ, Мировой банк), так и систему регулирования мировых финансов на базе американского доллара, привязанного к золоту и контролируемой, соответственно, Федеральной резервной системой США.

Мировое разделение труда. Вторым базовым элементом нашей теории стала роль мирового разделения труда, которое играет принципиальную роль в рамках той модели (парадигмы) научно-технического прогресса (НТП), которая сформировалась в конце XVIII — начале XIX в. и сегодня распространилась на весь мир. Принципиальной особенностью этой модели является то, что очередной виток НТП неминуемо сопровождается углублением процессов разделения труда, а они, в свою очередь, требуют увеличения объемов рынков сбыта. Как следствие, движение любой страны на пути научно-технического развития в последние 250 лет требовало расширения рынков сбыта своей продукции, т. е., как мы понимаем, рынков, которые бы она контролировала.

Соответственно количество технологически независимых государств в мире последние два века все время сокращалось. В Европе еще в середине XIX в. речь шла о десятке реально независимых (т. е. имеющих возможность самостоятельно развивать полный спектр технологического, в том числе и военного производства) государств, к началу XX в. их осталось от силы пять (Российская империя, Германская, Австро-Венгрия, Франция и Великобритания), в середине XX в. уже не только в Европе, но во всем мире было только два реально независимых государства — СССР и США.

Отметим, что хотя политические и социальные модели государства в СССР и США были принципиально разными, но процессы НТП протекали там практически параллельно, что дополнительно подтверждает, что модели развития научно-технического прогресса были у них одинаковые. И та и другая страна опирались на необходимость окупить очередной виток НТП за счет расширения рынков сбыта, хотя технология использования рынков (т. е. окупаемости) была у них различной. Но суть процесса, финансирование НТП, за счет нагрузки на потребителей (в США) или централизованного перераспределения общественных фондов (в СССР) от этого не менялась.

Но поскольку процессы развития науки и техники продолжались, эти два мировых лидера должны были уже к последней четверти предыдущего века столкнуться с проблемами финансирования следующего этапа научно-технического прогресса.

Кризис 1970-х гг. и «рейганомика». Кризис капитализма 1970-х гг. был вызван с точки зрения приведенных выше соображений сразу двумя причинами. Во-первых, к этому времени вновь возникла про-

блема утилизации избыточного капитала в связи с исчерпанием регионов для вывоза капитала. Во-вторых, прекращение роста рынков сбыта резко усложнило процессы развития НТП. Допускать острые кризисы перепроизводства или войны в условиях существования мировой системы социализма было нельзя категорически, и эффективность капитала стала снижаться. Это сразу же отразилось на потребителях, что хорошо видно на рис. 2, где показана средняя заработная плата в США с 1950 г. Отметим, что данные последних 10 лет нужно оценивать достаточно критично, с учетом того, что официальные показатели инфляции в США стали все более и более занижаться по сравнению с реальностью.

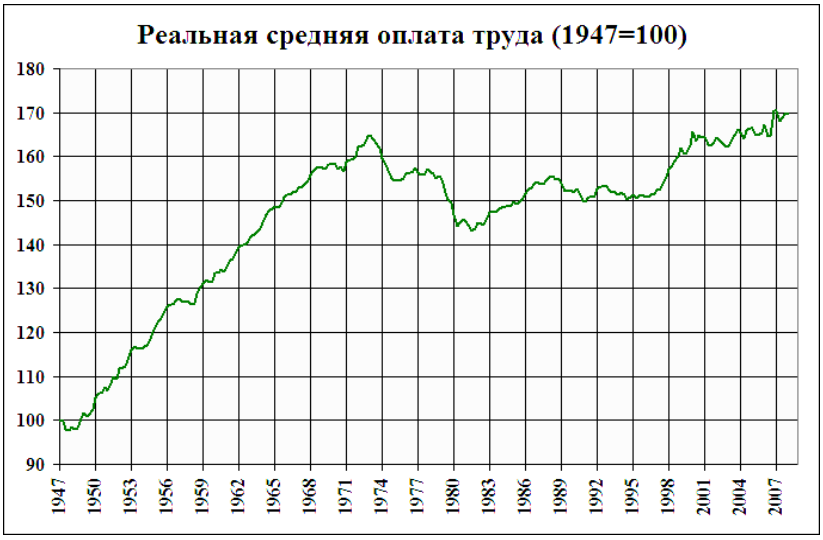


Рис. 2. Средняя заработная плата США в сопоставимых единицах

Как следствие, начался серьезный кризис, который носил не локальный, а общесистемный характер. В 1971 г. США объявили дефолт по доллару, отвязав его от золота, в 1973 г. начался нефтяной кризис. Отметим, что в СССР проходили аналогичные по содержанию процессы (получившие позднее наименование «застоя»), причем выход из положения обе стороны должны были искать именно в рамках решения задачи повышения эффективности капитала, обеспечивающего следующий виток НТП. В СССР соответствующая задача так и не была решена, что и привело к известным результатам.

Важнейшей чертой этого кризиса в рамках капитализма было одновременное наличие депрессии (т. е. падения производства) и высокой

инфляции (так называемой стагфляции), сочетание которых никак не могло быть в рамках классической капиталистической экономики (рис. 3). Связано это было с тем, что США обязаны были продолжать гонку НТП с социалистической системой и любой ценой финансировать инновационные процессы.

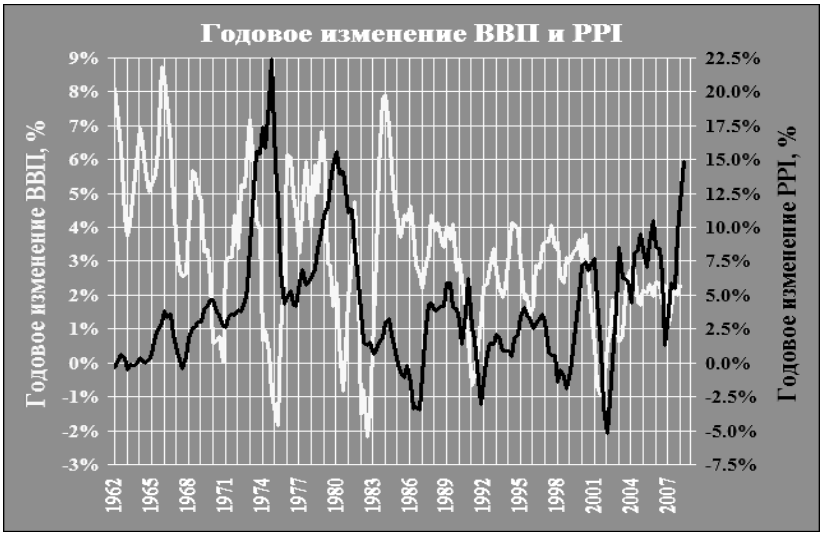


Рис. 3. Изменение ВВП и промышленная инфляция в США

Решение задачи было найдено в конце 1970-х гг. и связано с именами тогдашнего руководителя ФРС Пола Уолкера и группы советников президента США Дж. Картера. Состояло оно в парадоксальном выводе: не уменьшать денежную накачку за счет эмиссионных долларов, а, наоборот, увеличивать ее! Только направлять не на поддержку капитала (ради чего, собственно, и был создан в США в 1913 г. частный центральный банк — Федеральная резервная система), а на прямое стимулирование конечного спроса — как государственного, так и частного. С точки зрения описанных выше механизмов разделения труда это решение можно представить так: если невозможно расширить рынки сбыта, то нужно увеличить эффективность потребления каждого участника доступных рынков.

Реализации этого плана, безусловно, позволила бы дать ресурс на очередной «виток» НТП, но при этом нужно было решить несколько сопутствующих задач. Во-первых, существенно сократить инфляцию в секторе потребления, поскольку в противном случае особого его роста в сопоставимых величинах просто бы не было: рост потребительских расходов за счет кредитных ресурсов компенсировался бы ростом цен.

Во-вторых, — обеспечить направление расходов потребителей в сторону высокотехнологических отраслей, поскольку именно их развитие было необходимо для борьбы с СССР. В-третьих, поскольку избыточная ликвидность все-таки попадала бы на рынки (пусть и не на потребительские), необходимо было обеспечить механизм стимулирования инвестиционного процесса, понимая здесь под этим словом его первоначальное значение, т. е. увеличение основных средств производственных компаний. Иными словами, чтобы деньги потребителей, во всяком случае, в значительной их части, шли, все-таки, на развитие, а не на финансовые спекуляции.

И эти три задачи были решены. Инфляцию побороли за счет уникального в истории повышения стоимости кредита. Учетную ставку подняли почти до 20% (рис. 4), что принципиально изменило экономическую ситуацию в стране, а заодно укрепило позиции доллара на мировой арене, сильно ослабленные после дефолта 1971 г. При этом избыточную ликвидность стали «утилизировать» за счет раздувания финансовых пузырей, т. е. резкого увеличения доли финансовых активов, в общем их объеме. По этой причине, доля прибыли американских корпораций, полученной за счет финансового сектора, стала с 1980-х гг. резко расти (рис. 5).

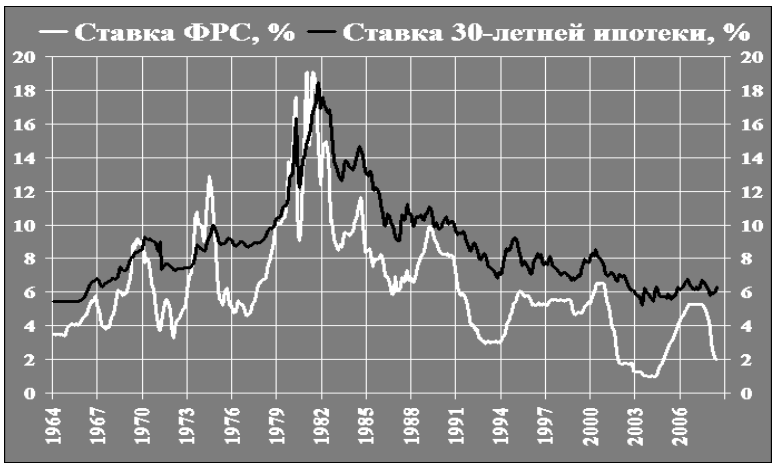


Рис. 4. Учетная ставка и ставка 30-летней ипотеки в США

Именно по этой причине, «рейганомика» привела к существенной трансформации мировой системы капитализма, переходу его к третьей стадии (после классического периода и империализма) — стадии финансового капитализма. Но увеличение доли финансовых активов неминуемо требовало увеличения кредитного мультипликатора, т. е. от-

ношения широкой денежной массы, для США — М3, к узкой денежной массе, наличным деньгам, агрегату М1. Соответствующий процесс хорошо виден на рис. 6. Обращаем внимание на спад на графике в 1990-е гг., связанный с «освоением» ресурсов, поступающих, в основном, с территории бывшего СССР.

Рис. 5. Доля финансового сектора в общей прибыли корпораций в США

Отметим, что соответствующие «пузыри» регулярно лопались (фондовый рынок в 1987 г., рынок дот-комов в 2000 г.), однако до некоторого момента этот процесс находился под контролем, в частности, инфляция в товарной части потребительского сектора росла относительно слабо.

Направление расходов потребителей обеспечили массированной пропагандой, вызвав невиданный взлет тех секторов экономики, которые были связаны с информационными технологиями с начала 1980-х гг. Кроме того, дополнительные ресурсы на покупку высокотехнологических товаров отечественного производства были получены за счет вывоза производства товаров народного потребления в страны «третьего» мира, в первую очередь — в Китай и другие страны ЮВА.

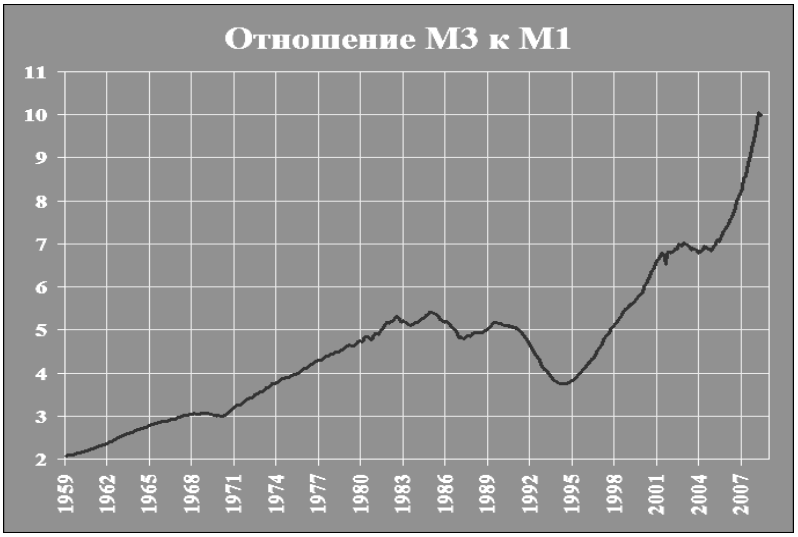


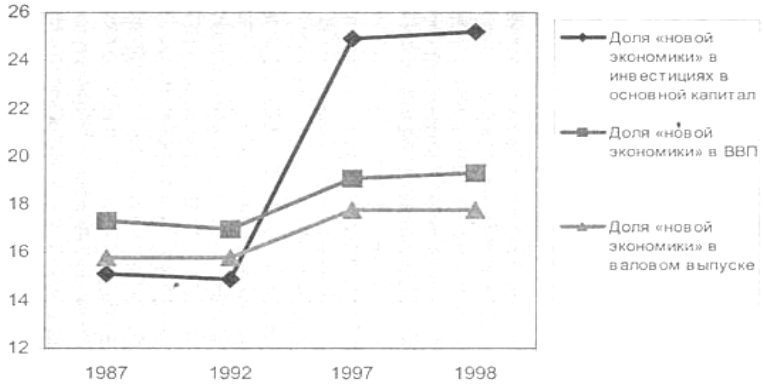
Рис. 6. Денежный мультипликатор в США

Что касается третьей задачи, то она была решена как раз благодаря тому, что в начале 1990-х гг. учетная ставка была загнана на недосягаемую высоту. Как хорошо видно на рис. 4, с начала 1980-х ставка постепенно опускалась, денежная политика смягчалась, что стимулировало предложение кредита. Отметим, что это также облегчало увеличение денежного мультипликатора, что обеспечивало использование финансового сектора экономики в качестве «губки», которая аккумулировала избыточную ликвидность, не пуская ее в потребительский сектор.

Таким образом, в среднесрочном периоде необходимые задачи были решены. Разумеется, на долгосрочном интервале проблемы гипертрофированного роста финансового сектора должны были сказаться (что мы и видим сегодня), но на тот момент проблемы, стоящие перед капитализмом, были решены, и даже произошло разрушение мировой системы социализма. Отметим, что если бы ресурсы, которые были «выкачаны» с ее территории, были бы направлены на погашение созданных в рамках «рейганомики» долгов, то не исключено, что негативные ее последствия были бы компенсированы. Но сама система получения доходов от эмиссии крупнейшими банками была настолько им симпатична, а роль их в государственной политике была настолько велика (напомним, что традиционно позиции секретаря казначейства, т. е. министра финансов и главных советников Белого дома в США

занимают как раз представители банковского сообщества, не говоря уже о руководстве ФРС), что отказаться от нее не хватило сил.

Последствия «финансового» капитализма. Главным последствием внедрения этой системы стало то, что на протяжении нескольких десятилетий американская экономика существовала в условиях постоянного завышенного спроса, который не мог не создать под себя соответствующую систему производства запрашиваемых потребителем благ — как материальных, так и услуг. В 2001 г. мы провели расчет американской экономики по данным межотраслевого баланса за 1998 г., целью которого было найти секторы американской экономики, получающие «дополнительный», т. е. не в рамках межотраслевого кругооборота ресурсов, источник. Было обнаружено, что сектор «новой» экономики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, «выдает» обратно в экономику всего около 15% (рис. 7).



Рассчитано по данным межотраслевого баланса США

Рис. 7. Доля «новой» экономики в инвестициях, ВВП и в валовом выпуске, %

Понятно, что структура экономики США с тех пор не могла не измениться, однако общая проблема «перекоса» осталась: существенная часть экономики США существует лишь постольку, поскольку есть внеэкономическое, эмиссионное стимулирование спроса. Увидеть его можно на многих показателях, например, на рис. 8.

Как хорошо видно, ситуация в американской экономике стала разительно меняться именно в начале 1980-х гг. Но главным показателем

структурного кризиса экономики США является следующий график (рис. 9).

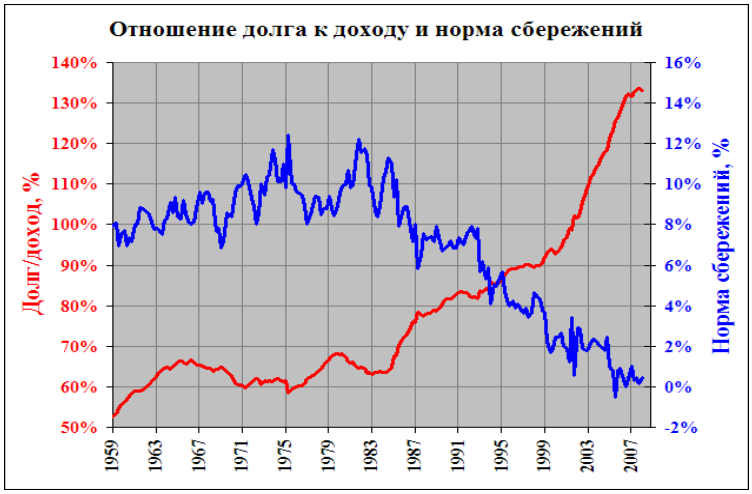


Рис. 8. Соотношение частных долгов американцев к их реальным располагаемым доходам и норма сбережений

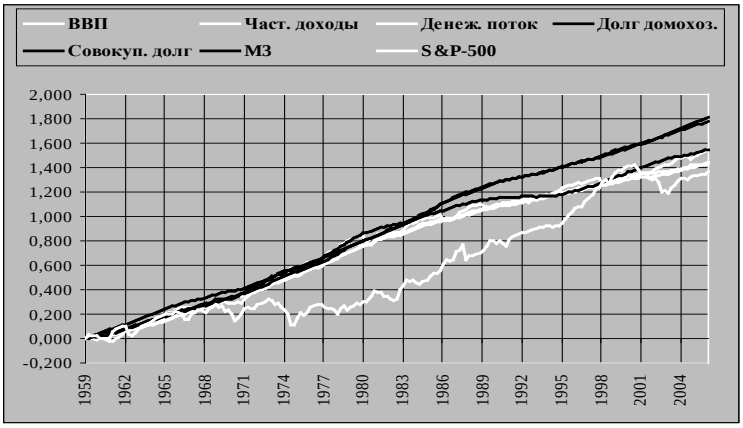


Рис. 9. Динамика основных финансовых показателей экономики США в 1959—2006 гг., логарифмическая шкала, без учета влияния гедонистических индексов

В любой нормальной экономике финансовые показатели должны расти одинаково — что и наблюдалось в экономике США до начала

1980-х гг. А затем индексы разбились на две группы, которые стали отделяться друг от друга с линейной скоростью на графике с логарифмической шкалой, т. е. с экспоненциальной скоростью на практике. Экономика с такими параметрами долго существовать не может — поскольку она требует постоянных дополнительных ресурсов на «покрытие» разрыва.

Отметим, что после 2000 г., когда, судя по всему, завершился позитивный эффект расширения рынков на территорию бывшего социалистического содружества и произошел кризис на фондовых рынках, один из двух кластеров на графике снова разделился. По всей видимости, это связано с тем, что США начали нерыночную поддержку отдельных секторов экономки напрямую, минуя потребительский сектор.

Оценить масштаб такой поддержки достаточно просто. Если взять ситуацию 1998 г., то разрыв, как мы видели, составлял, как минимум, 10% от ВВП США, т. е. на тот период около 800 млрд дол. в год. Если к этому добавить рост расходов государства, а также учесть все остальные эффекты, то нужно эту цифру умножить где-то на 1,5—2. Таким образом, месячный ресурс, вбрасываемый в американскую экономику, должен был составлять на этот период 1,3—1,6 трлн дол. в год, или 110—140 млрд в месяц. Поскольку этот вброс происходит в США по долговому механизму, он должен быть ясно виден на графиках совокупного долга субъектов американской экономики, долгов домохозяйств и федерального правительства США (рис. 10) и их изменений (рис. 11).

Мы видим, что порядок роста долговой нагрузки примерно соответствует указанным цифрам, полученным по данным межотраслевого баланса, при этом мы получили дополнительное доказательство структурного кризиса в США — темпы роста долга устойчиво превышают темпы роста американской экономики. Разумеется, при анализе картинки необходимо учитывать, что на первом этапе эффект снижения стоимости кредита оказывался более важным, чем рост совокупного долга.

Отметим, что с тех пор экономика США выросла, как минимум, в 1,5 раза, так что сегодня для поддержания системы в (относительно) стабильном состоянии необходимо примерно 200—250 млрд дол. в месяц.

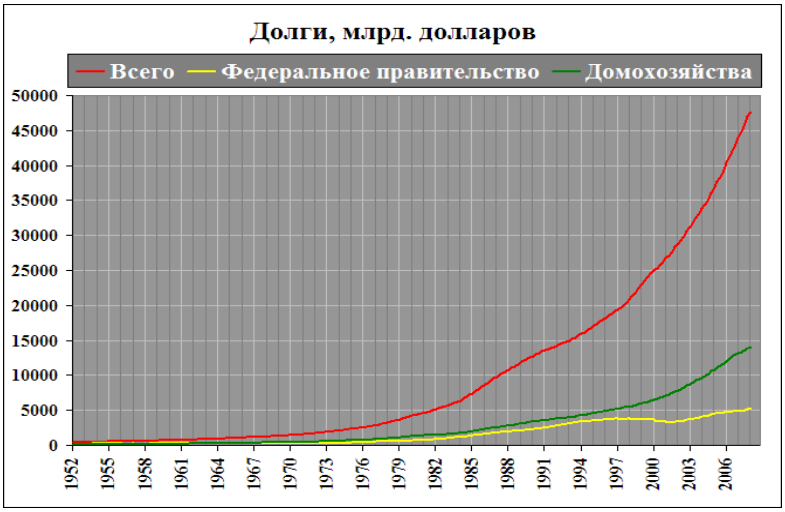


Рис. 10. Долги федерального правительства, домохозяйств и совокупный долг субъектов экономики США

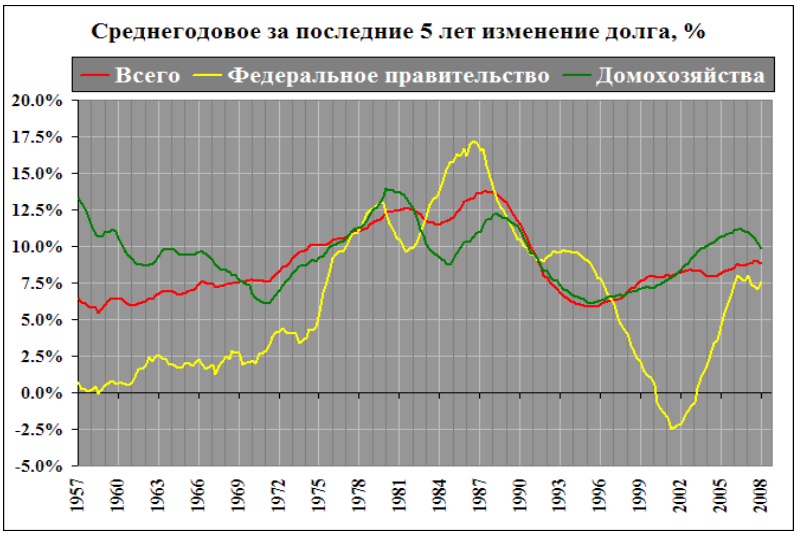


Рис. 11. Прирост долга, усредненный за 5 лет

Механизмы развития кризиса. Какие последствия могут быть от того, что, как минимум, 10% экономики страны существует лишь за счет эмиссии? В случае ее прекращения, целенаправленного или объ-

ективного, эта часть экономики должна прекратить свое существование. Но не только она, поскольку в рамках межотраслевого баланса эта часть перераспределяет избыточный ресурс в другие секторы, которые также должны в такой ситуации погибнуть. Оценить их масштаб можно, используя коэффициент, который меняется в зависимости от типа экономики, но для нашего случая его можно примерно оценить в 2,5. Таким образом, значительная часть американской экономики, не менее 25%, по оптимистическим оценкам и порядка 35% — по пессимистическим, существует лишь постольку, поскольку существует эмиссионный по происхождению поток денег на ее поддержание.

За 30 лет существования этой системы резко выросли показатели доли финансовой экономики, причем масштаб финансовых пузырей и структурных диспропорций достиг таких масштабов, что экономика уже не могла их выдержать. Выражается это во многих эффектах, например в том, что экономика, в частности, рыночная ставка кредита, перестала в последнее время реагировать на изменение учетной ставки (рис. 4). Есть серьезные основания считать, что в американской экономике давно начался спад, называть который рецессией не совсем правильно, поскольку этот термин обычно используется для описания циклических процессов в экономике, а современная депрессия носит ярко выраженный структурный характер.

Но главным стало то, что резко стала расти инфляция, в том числе и в потребительском секторе. Официальные цифры здесь не совсем показательны, поскольку США активно занижают инфляцию и за счет манипуляций с базой, и за счет финансовых «инноваций» (гедонистические индексы), что хорошо видно на рис. 12. Реальные же ее цифры на конец года составят, как минимум, 15%.

Такая ситуация автоматически сокращает реальное потребление в США как минимум, на те же 15%, что соответствует 10%-ному падению ВВП (с учетом того, что примерно 70% ВВП США формируется за счет потребительского спроса). И такое падение будет продолжаться до тех пор, пока темпы эмиссии превышают темпы роста экономики, т. е., как минимум, до тех пор, пока не будет нивелирована «избыточная» часть американской экономики. При этом остановить эмиссию, которая и является причиной инфляции, также невозможно, поскольку это равносильно мгновенной гибели соответствующей части экономики.

Попытки бороться с инфляцией в стиле П. Уолкера, т. е. повышением учетной ставки, тоже обречены на катастрофу, поскольку в условиях перегретой финансовой части экономики и долгового кризиса, это почти немедленно приведет к повторению сценария 1929 г. Отме-

тим, что кризис этот будет много сильнее, чем тогда, поскольку в середине XX в. структурных перекосов в экономике США не было, а сейчас аналогичному по масштабу депрессионному падению (рис. 13), будет предшествовать быстрая гибель структурного «нароста», масштаб которого, повторим, составляет от 25 по оптимистичным до 35% по пессимистическим оценкам.

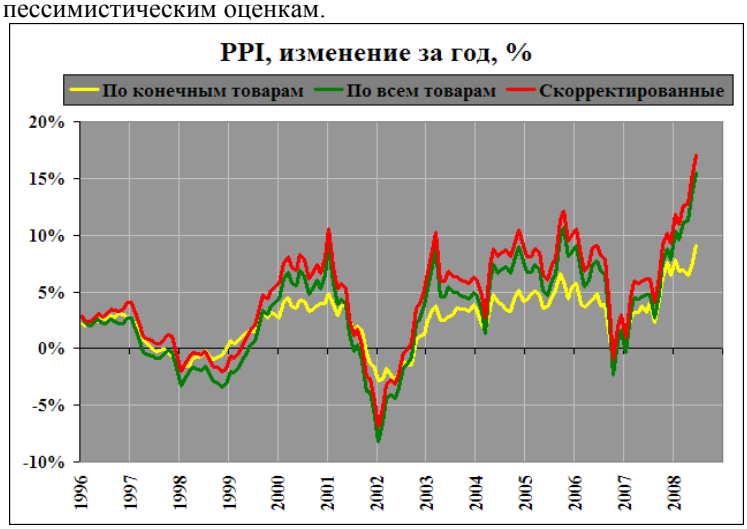


Рис. 12. Промышленная инфляция в США

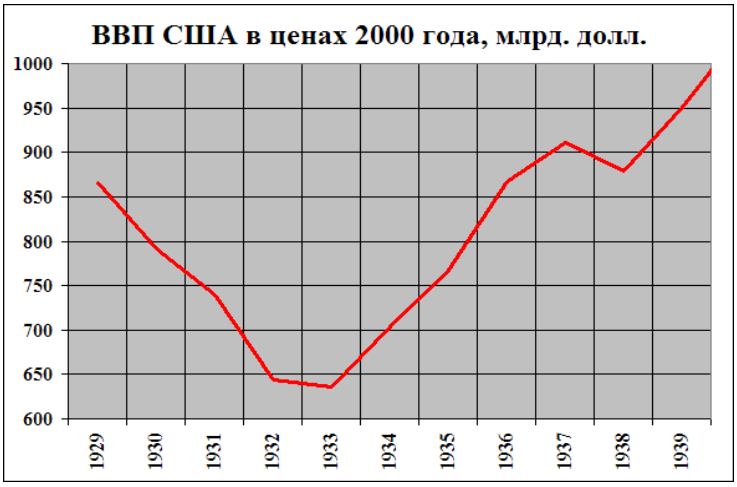


Рис. 13. ВВП США в период Великой депрессии

Отметим, что изучение потребительского спроса позволяет дать независимую оценку падения ВВП США по итогам первой, острой, части кризиса. Для этого необходимо оценить годовой рост совокупного долга домохозяйств (10% от 14 трлн, т. е. около 1,5 трлн дол.) и прибавить к ним ту часть падения спроса, которая произойдет из-за роста сбережений. Сегодня их уровень находится в районе 0, а среднеисторическое значение составляет порядка 10% (на самом деле, в условиях кризиса этот показатель будет даже выше) (рис. 8), т. е. еще, как минимум, 0,8—0,9 трлн в год (десятая часть 70% реального ВВП США, равного примерно 12 трлн дол.). Таким образом, даже без учета падения реального спроса со стороны бюджетов всех уровней, который тоже подвергаются инфляционному давлению, совокупное сокращение годового спроса должно составить как минимум 2,1—2,3 трлн дол., или примерно 15% от ВВП США. Если применить к этой величине тот же самый мультипликатор 2,5, то получим цифру в масштабе верхней границы диапазона, определенного выше из расчета межотраслевого баланса. Поскольку при наших расчетах использовался баланс за 1998 г., то можно предположить, что этот рост вызван углублением структурного кризиса за последние 10 лет.

Отметим, что мы умышленно не добавляли в оценку потенциального падения совокупного спроса эффекты, связанные с бюджетным потреблением, поскольку этим компенсировали ту часть потребительского спроса, которая идет на закупку импортных для США товаров. Впрочем, все эти уточнения влияют на окончательный результат достаточно ограниченно.

Остановить этот кризис уже невозможно — поскольку падение спроса, либо инфляционное, либо ресурсное (отказ от эмиссии) будет продолжаться. При этом масштаб структурного падения составит как минимум 25% нынешнего ВВП США (это уже масштаб «Великой депрессии»), а за ним последует падение депрессионное, объем которого можно оценить по опыту России начал 1990-х гг. и США 1930-х гг. прошлого века, т. е. 30—40% от ВВП, правда, уже уменьшенного.

Заключение

Как видим, основной проблемой американской экономики является наличие «избыточной» части, которая «наросла» за последние 30 лет за счет постоянного и все время увеличивающегося эмиссионного стимулирования потребительского спроса. Сегодня США не могут ни финансировать эту часть экономики, ни «закрыть» ее, поскольку она стала слишком велика. Теоретически подобную ситуацию надо бы признать и начать прямую антикризисную политику, но это совершен-

но невозможно по чисто политическим причинам, поскольку такой масштаб падения самой крупной экономики мира делает абсолютно невозможным для США сохранение не только роли единственного мирового лидера, но и продолжение существования мировой финансовой системы на базе доллара и американских банков. Не может он также не вызвать весьма и весьма серьезных последствий для всей мировой экономики (в том числе и России), в частности, падение мирового совокупного спроса составит по итогам острой стадии кризиса около 20%, однако эти последствия выходят за рамки темы настоящей статьи.

Литература

1. *Кобяков А., Хазин М.* Закат империи доллара и конец Pax Americana. М., 2003.

И.Р. БУГАЯН

Глобальный финансовый кризис 2008 года — следствие нарушения меры соотношения хозяйства и офинансонизированной экономики

Кризис, в который США погружает мир, включая Россию, можно остановить, лишь выявив причину его глубинного возникновения, а это требует несколько иного, отличного от привычного распространенного, подхода, — философско-хозяйственного.

Хорошо известно было еще древним, что часть должна быть соразмерна целому, а не наоборот. И экономика, и *финансомика* (или финансономика)[6] — это части хозяйства. Некоторые страны, в особенности США, решили, что их территории и интересы полностью заняты мировой экономикой и финансономикой, а все что опричь этого — забота других территорий и стран.

Впервые за всю историю развития цивилизаций сделана попытка такого разделения, даже не поворачивается язык сказать «труда».

В странах так называемого «золотого миллиарда» уже давно сосредоточивается мировое предпринимательство в современном смысле этого понятия — предпринимательство на основе новых и информаци-

[6] Термин Ю.М. Осипова.

онных технологий. Пропорционально этому процессу в этих странах концентрируется экономика и финансономика, все же остальное, что присуще мировому хозяйству, остается в прочих странах.

Таким образом, если раньше в каждой стране было и хозяйство, и экономика, и финансономика, хотя соотношение между ними в разных странах было различно, то теперь складывается уникальная ситуация, когда в одних странах пропорционально концентрации современных предпринимателей увеличивается удельный вес частей хозяйства, а именно — экономика и финансономика, а в других — остальная часть хозяйства — неэкономическая и нефинансономическая.

В США дело дошло до того, что ипотечные кредиты выдавались гражданам США, только что освобожденным из мест лишения свободы и не удосужившимся найти работу или иной источник дохода (источник: РБК). Это демонстрирует полную уверенность, что прочие народы и государства в силу своего положения как-нибудь исправят эту небольшую «шалость» за счет оставшихся у них и проигнорированных на территориях стран «золотого миллиарда» частей мирового хозяйства, не представляющих собой ни экономику, ни финансономику, потому неинтересную «передовым» странам.

Канцлер А. Меркель как представитель центральной европейской страны, достигнувшей всемирной известности в области философской науки, не могла проигнорировать сложившуюся ситуацию. Она прямо указала адрес территории, откуда пришла эта глобальная напасть — США.

В условиях современной глобализации США длительное время мировое хозяйство использовали также как и экологическую систему земли, ничем не ограничивая себя ни в первом, ни во втором случае. Совершенно безоглядное расширение ими своей финансономики за счет навязывания национальной валюты, используемой в качестве универсального инструмента финансономических операций, сопровождалось необоснованной уверенностью, что мир «не без добрых людей»: кто-то будет хранить свои резервы в США, кто-то купит их доллары в обмен на хозяйственные ресурсы в виде, например, энергоносителей, черпаемых из фактора производства, отнюдь не созданного человеком, а имеющего трансцендентный, а значит хозяйственный характер, кто-то из квалифицированных зарубежных специалистов, отчаявшихся иметь работу, дающую достойную зарплату, переедет в США, или пойдет работать к работодателям из США и тем самым

примет участие в создании современного доминантного товара[7] для предпринимателей США и других стран «золотого миллиарда», и таким образом произойдет компенсация за счет мировых хозяйственных ресурсов беззаботного расширения финансономики США и других стран.

Это очень опасная игра, поскольку это попытка за счет части — экономики и финансономики — манипулировать целым — мировым хозяйством. Между тем хозяйство возникло намного раньше, чем экономика, не говоря уже о финансономике, хотя бы потому, что деньги по сравнению со временем развития цивилизации появились сравнительно недавно — 5—7 тыс. лет назад. До этого не было всеобщих денег; мир денег тогда был миром наиболее востребованных потребительных стоимостей. Можно напомнить, что у степных жителей в качестве денежного материала был чай, который до сих пор сохранился, на юге России его называют калмыцким чаем; у китайцев это была соль, у древних арийцев, в частности у армян и эллинов — железо, у римлян — медь, в Центральной Африке — слоновая кость, у славян — пушнина, в частности у хорватов до сих пор денежная единица — куна, т. е. куница. Одним словом, денежным материалом были наиболее востребованные полезные вещи, на которые охотно меняли остальные товары (подробные см.: [1]).

Таким образом, первоначально мир денег был миром наиболее востребованных потребительных стоимостей, но из-за различий в кормящих ландшафтах, на границах ойкумен возникали затруднения в обмене. Поскольку предпочтения людей не могли меняться, а кормящий ландшафт требовал определенной потребительной стоимости в качестве предпочитаемого товара, то возникало противоречие, которое не могло разрешиться за счет универсализации потребностей и выход был найден в переходе от каких-то полезностей, соответствующих какому-то кормящему ландшафту, к нечто общему, что уже не могло быть столь же полезной вещью.

Иначе говоря, эта роль от разнообразных полезных вещей перешла, в общем-то, к бесполезному, далеко не связанному с каждодневной потребностью людей — к золоту и серебру как к всеобщим денежным материалам.

Так получилось, что наименее полезные вещи с точки зрения потребностей человека превратились в наиболее вожделенный товар,

[7] Доминантный товар — товар, собственность на который (владение, пользование, распоряжение) позволяет присваивать прибавочный продукт в ранее неведомой экономической форме.

который не удовлетворял какие-либо материальные потребности человека, но зато определял его общественный статус. По существу, денежный товар в виде золота и серебра был носителем информации о возможностях члена общества в присвоении прочих полезных вещей.

Теперь немного о том, как возникли денежные знаки.

До сих пор бытует мнение, что денежные знаки возникли в Китае. Они появились впервые там, где в этом существовала общественная потребность. Единственный народ, который тогда мог связывать разрозненные колонии, пользуясь тем, что он обладал монополией на навигацию, были финикийцы. Уже в то время они знали морские пути в Индию и Китай и возили оттуда только шелк и пряности. Почему именно шелк? Единственная одежда, в которой не заводятся паразиты — одежда из натурального шелка. Всем господствующим тогда этносам требовалась одежда, которая избавит их от этой напасти. Монополией на ввоз шелка и пряностей обладали только финикийцы, поскольку никто кроме них не знал морского пути в Китай — наиболее дешевый вариант транспортировки товаров. И поэтому уже тогда, когда золото стало всеобщим эквивалентом, никакой стоимости от производителя не существовало, она была вмененная. Как продавался шелк? На одну чашу весов клали отрез ткани, на другую надо было насыпать столько золота, чтобы уравнять чаши — это и была цена шелка — вмененная стоимость.

Деньги как доминантный товар и торговля, породив лучшие качества финикийцев, одновременно поглотили все их духовные интересы. Они не сотворили величественной религиозной системы, искусств, наук, не хотели — или не умели — выполнять тяжелый труд, чтобы создать и обеспечить себе блага самостоятельного существования.

Финикийцы тщательно разрабатывали только те отрасли знаний, которые имели отношение к торговле и мореплаванию: наличествовали планы государственных займов в современном нам смысле слова, в обращении были денежные знаки, соответствующие нынешним ассигнациям; они ответственны за появление банковского дела и финансовых операций.

Уже тогда денежный знак у финикийцев существовал. У каждого ювелира были хранилища, где хранилось сырье — золото, драгоценные камни. Не мог каждый финикиец, торговец, держать хранилища, поэтому они все свои сбережения сдавали ювелирам на хранение, получая расписку. Ювелиры сообразили, что их расписки начинают выполнять роль настоящего золота, когда для совершения сделки в них делалась переводная запись о передачи хранившегося золота человеку, у которого был приобретен товар. Вот так по Финикии, только внутри

этого этноса, стали гулять расписки, выполняющие функции денежных знаков.

Доходы финикийцев, в частности Карфагена, и по сегодняшним меркам значительны. Когда после Второй пунической войны римляне наложили на Карфаген огромную контрибуцию в 340000 талантов (примерно 10000 т серебра в год) на 50-летний срок, карфагеняне не только уплачивали эту сумму без специальных налогов, но и предложили через 14 лет погасить сразу все оставшиеся взносы. И тогда римляне поняли, что финансово Карфаген подорвать невозможно.

Таким образом, деньги в виде золота или просто денежного знака — это только носитель определенной информации о возможных пропорциях в обмене прочих товаров.

Два товара не могут напрямую взаимодействовать — нужен посредник. Этот посредник — носитель информации — может быть любым, в том числе и электронным. Если на сегодняшний момент вся информация переместилась на электронные носители, то и деньги уже стали электронными.

Главное, для того чтобы вменять стоимость и определять цену, нужны два условия.

Первое и самое страшное, это монополия, поскольку это условие вменения цены и стоимости. Почему финикийцы вменяли стоимость на шелк и пряности? Потому что они были монополистами — людьми, которые еще тысячу лет назад, по существу, создали современную финансономику. Независимо от того, в какое тело вселяется информация: золото, денежные знаки или электронные носители — каждый новый носитель информации совершенствует возможности финансономики.

Можно ли избавиться от этой финансономики? Думаю, что нет.

Необходимо стать монополистом в какой-либо сфере, какой-либо технологии или информации, чтобы защитить свои национальные интересы, иначе нам будут навязывать всевозможные сценарии развития, и мы ничего сделать не сможем. Если тогда, при тех коммуникациях и возможностях, правили миром только те, кто умел пользоваться финансами, денежным материалом, то на сегодняшний день эти возможности многократно возросли и стали глобальными. Ничего, кроме противопоставления уникальной информации (это могут быть не только новые, но и информационные технологии) нет.

Монополия всегда рождает финансомику. Неслучайно В.И. Ленин говорил: «Социализм — это монополия, поставленная на службу рабочих и крестьян». Понято это было своеобразно. Монополию мы понимали как большое предприятие (например, Ростсельмаш) которое производит что-то для всей страны, а желательно (в то время) и для всего

социалистического лагеря. На самом деле, это была производственная монополия, а должна быть технологическая. Мы были монополистами, когда первые прорвались в космос, у нас были уникальные технологии.

Сегодня, если взять, например, мобильный телефон, то 80% — это изобретения российского происхождения. При этом ни одной отечественной трубки Россия не выпускает. Финансомика невозможна, в случае если монополия не технологическая, а интеллектуальная.

Монополия должна быть не идейная: в России было впервые изобретено радио, сделаны компьютеры — это фундаментальные открытия, которые должны были пройти прикладные исследования, разработки, превратиться в технологию, которая должна была быть запатентована, стать собственностью не обязательно государства, а граждан России. И тогда весь мир будет платить нам прибавочный продукт, поскольку без этой технологии ничего конкурентоспособного произвести нельзя, тогда у нас будет возможность вменять стоимость. Цена от производителя может быть только там, где нет монопольных технологий. Там, где есть монополия, всегда возникает финансономика. Доминантный товар, собственность на который дает прибавочный продукт, это зафиксированные, запатентованные технологии.

Для того чтобы сохраниться как держава, необходимо идти путем создания современных прорывных технологий, на основе которых в этом глобальном мире, возможно, мы могли бы существовать. Сегодня мы существуем исключительно благодаря Господу Богу, т. е. живем за счет трансцендентного фактора производства — земли — за счет экспорта ресурсов.

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Новые и информационные технологии как современный доминантный товар. Ростов н/Д, 2000.

II

СОЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА

В.Д. БАЗИЛЕВИЧ

Критерии вхождения в элиту: традиция и современность

Общество всегда стремилось к воспитанию своих лучших представителей, которые возглавят социальную иерархию. Понятие «элита» уже само по себе предполагает нечто хорошее, что порождает определенную традицию позитивного отношения к «избранным». Понимание традиции как явления, по своей сути однородного и однозначного, в немалой степени затрудняет в ряде случаев объективный подход к анализу данной проблемы. Для консерватора традиция как система устоявшихся ценностей является уникальным «храмом» многоликой коллективной мудрости; для рационального оптимиста прошлое видится как внутренне недифференцированное царство «суеверия». Но и у первого, и у второго граница между прошлым и будущим была границей между добром и злом, правдой и ложью, мудростью и глупостью — с той лишь разницей, что то, что для рационалиста было злом, глупостью и ложью, для консерватора оказывалось добром, правдой и мудростью. Каждая из сторон видела в другой только свою противоположность. Что обусловило неоднозначную оценку проблемы элиты и критериев ее становления.

Понимание сущности и роли элиты выходит в ряде случаев из формационно-просветительской методологии. Для одних, традиционалистов, например, политическая элита — воплощение знаний, умений, способности всегда найти выход из любого трудного положения, и они бережно сохраняют веру в креативы правящей партии, сословия, семьи, мифологизируя их историю, создавая идеологемы в отношении преемственности и талантов — от прошлого к настоящему. В свою очередь консерватор с подозрением относится ко всему новому, видя в нем главным образом разрушение «устоев». Для него «новая элита» — это всегда выскочки, случайные люди, нувориши, способные только к удовлетворению своих эгоистических, а не общественных потребностей. Для инновационно мыслящего субъекта — революционера — существующая элита — представитель прошлого, а потому, по определению, консервативна и требует как можно более скорой замены. Хотя замена (революция) также может иметь традицию, которая со временем будет активно препятствовать всему новому.

Но обе позиции не замечают, что элита — как построенная на традициях, так и на инновациях, — таит в себе безграничные возможности. Именно от нее зависит все то, *что может быть или не быть* — хорошее или плохое, прогрессивное или реакционное и т. д. Причем вопреки надеждам на хорошее, которое ожидают от «хорошей», «правильной» элиты. Однако надежда на «хорошую» элиту, как показала история, — всегда *утопия*, приводящая на каждом новом уровне развития к разочарованиям. Поэтому ни один традиционализм не последователен и не декларирует верности по отношению ко всей традиции. Хотя консерватор неизбежно выбирает традицию. Но сама «необходимость выбора подрывает критерии традиции» (Р. Арон). Следовательно, для утверждения элиты как традиционного условия развития страны, общества, нужны критерии, взятые вне ее (элиты) самой.

Если мы выбираем в качестве оценки элиты из прошлого нечто конкретное, то руководствуемся при этом де-факто не тем, что речь идет о прошлом, а тем, что какие-то элементы его считаем лучшими, мудрыми, эффективными и т. д. Отсюда ориентация на те исторические эпохи и тех представителей элиты, деятельность которых в прошлом принесла в конечном счете положительные результаты для страны, народа, которая может быть образцом успешности. Даже невзирая на различного рода «отклонения» — жесткость, грубость, маккиавелизм и пр.

Для упрочения своего положения новая элита старается идеализировать нужных предшественников, духовно связать себя с теми, кто остался в народной памяти в качестве героя, победителя, творца и пр. Тем самым сохраняется преемственность новой элиты со старой. В России, например, в советское время, отрицавшее и критиковавшее царизм как позорное прошлое, поддерживалась значительность таких государей, как Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Вторая. Уж очень хотелось считаться причастным к чему-либо масштабному, действенному. Тем самым утверждается *свое право* быть элитой. Обоснованная традиция, выбранная сознательно, неизбежно становится традицией в том значении, в каком ее противопоставляли существующему новому. Так новая элита утверждает себя в качестве собственно элиты.

Формирование элиты в ряде случаев происходит под влиянием новых или нужных идеологических императивов. В частности, для проведения необходимой линии в политике или геополитических ориентациях. Это делали большевики, особенно в первый период своего правления, когда элита как бы не была отделена от народа, а сегодня — новая власть. В любом случае создается новая история, поскольку

новая элита таким образом пытается обосновать свою причастность к мировой истории. Вместе с тем возникает ситуация, когда «новаторы» оказываются консерваторами, ибо, вопреки очевидности, становятся создателями новой утопии. Рационалистический замысел понятен, поскольку в итоге возникает институт новых культов, оправдывающих идеологические замыслы и позицию новой элиты. Прошлое, традиция, ценности приобретают совсем иное звучание, если элита выбирает иной вектор развития.

Критерием входа во властную элиту всегда была и остается мораль, разум, преданность делу и любовь к отчизне. Среди этих качеств особая роль принадлежит умению мыслить, что позволяет утверждать авторитет своего «Я». Однако, в связи с возрастанием роли финансового фактора в современной «экономической цивилизации» (Ю. Осипов), критерием отбора элиты становятся деньги. Они начали заменять все — совесть, честь, ум, долг, традиционализм, достоинство, они стали определять моральную состоятельность человека, его возможности быть или не быть в элите. В связи с этим утверждается новый подход к вхождению в элиту, без всяких традиций и предубеждений. Создается атмосфера, когда деньги «снимают» все сомнения, оставляя человека перед «голым» фактом наличия данного человека в элите.

Деньги пытаются заменить преимущества разума, подвергающего сомнению любую веру, любое мнение, любой обычай, поскольку он верит в силу познания истины и выработку собственных принципов поведения. Благодаря разуму человек хочет всеми своими знаниями быть обязан самому себе. В результате большая часть политической активности человека состоит в том, чтобы отдавать под «трибунал своего интеллекта» (М. Окешотт) социальное, политическое, правовое и институциональное наследство общества; остальное — это рациональное управление с помощью контроля разума над обстоятельствами.

Экономическая эпоха внесла в понимание соотношения разума и элиты свои коррективы. Если раньше мыслить, быть мудрым всегда было прерогативой избранных, т. е. элиты, то теперь избранным является обладатель собственности, состояния, олигарх. Он владеет тем, что всей остальной массе людей никогда не будет доступным. Ему открываются колоссальные возможности, недостижимые большинству людей. Так возникает новая, «оденеженная» элита. Тем самым утверждается новый, экономический мир, в котором господствует экономическая элита.

В.А. ГОРДЕЕВ

Элитна ли наша элита?

Не знаю, как ее там величают:
Бомонд, элита или криминал…
А. Дементьев

Понятие «элита» появлением в научном словаре обязано, как известно, итальянскому экономисту В. Парето. В настоящее время это понятие стало общепринятой категорией в политологии как обозначение властвующего класса. В последнее десятилетие исследованию этой категории посвящены работы таких российских ученых, как политологи Ж. Тощенко, О. Гаман-Голутвина и др. Однако представляется, что достаточно глубокое и всестороннее исследование сущности рассматриваемой категории невозможно без изучения ее экономических и социально-экономических аспектов. Для такого изучения сегодняшние разломы (смена общественно-экономического строя, мировая валютно-финансовая катастрофа), когда можно сопоставлять текущую картину, например, с соответствующей ретроспективой советского периода, представляют дополнительные возможности.

Лет тридцать назад в связи с подготовкой к полувековому юбилею газеты второго по величине города нашей Ярославской области — Рыбинска — довелось покопаться в местном партийном архиве. И тут я, тогдашний партийный функционер, был буквально шокирован одним из обнаруженных материалов, относящимся ко времени возникновения упомянутой газеты.

Речь идет о рабочих записях инструктора орготдела Рыбинского уездного комитета РКП(б), которые он делал для составления характеристик кандидатов к выдвижению на партийную, хозяйственную или воспитательную работу. Удивительно просто строились эти записи: сначала рисовался круг и делился на четыре равных сектора, а затем в каждый из них заносились по одной-две лаконичные (*очень* лаконичные!) фразы, содержащие оценки объекту. Но субъекты, авторы оценок, были разные для разных секторов данного круга.

В первом случае это был вышестоящий руководитель характеризуемого кандидата. Во втором — равные ему по должности, независимые от него в организационно-служебном плане, но хорошо и давно знающие характеризуемого работника и, как правило, занимающиеся тем же видом деятельности. В третьем секторе содержалась оценка кандидату «снизу» — со стороны его подчиненного по службе. И, наконец, четвертый сектор фиксировал самооценку объекта.

После этого тот инструктор орготдела сопоставлял все четыре «заготовки» и выдавал резюме, опять-таки изумительно лаконичное и, что еще более поразительно, — по-человечески живое. Вот, например, как написано про одного сельского партийца: «Молод — не может пользоваться уважением у крестьян. Зато авторитет у молодежи: играет на гармошке. Нельзя использовать хозяйственным руководителем. Рекомендуется на комсомольскую и культпросветработу». И все.

А перед глазами как мысленно встала тогда, так и остается сейчас улыбка до ушей розовощекого заводилы, первого парня на деревне. Хотя и «при прочих равных условиях», как любят изъясняться учебники по экономиксу, т. е. при отсутствии любых других добродетелей, типа хозяйственных данных, все равно характеризуемый человек предстает как любимец всех девушек окружающих деревень и, несмотря на это обстоятельство, добрый приятель всех парней. За ним, только он позови, все готовы на любое дело и даже в огонь и воду. Вот так рекрутировалась и такая была тогда наша элита.

Невозможно передать словами резкий контраст между серым стилем характеристик, которые составлялись в 1970 — 1980-е гг., и яркой образностью того, что писал инструктор укома в начале 1920-х. А ведь у него, наверное, всего-то имелось за плечами один-два класса церковно-приходской школы (кругом-то вообще были почти поголовно неграмотные). Наши же составители характеристик в период развитого социализма обладали, как правило, парой высших образований, а нередко и ученой степенью. К тому же получали грозные (и, конечно же, справедливые) замечания из ЦК КПСС за то, что наши характеристики словно делаются под копирку, штампованными и невыразительными фразами — только и менялись при этом фамилии да должности характеризуемых, а все остальное было одинаково безликим.

И все-таки даже в этот период система кадровой работы, символом которой был лозунг вождя «Кадры решают все!», продолжала действовать достаточно эффективно, особенно если сравнивать с сегодняшней ситуацией. Например, тогда по-прежнему оставалось невозможным попасть в кресло директора завода не поработавшему в должности начальника цеха или избраться главой целой области никогда не руководившему одним из ее районов.

Преимущества указанного подхода убедительно проявили себя в сравнении с сегодняшними реалиями. Во-первых, теперь нормой стало не поиск нужного работника экспертами, а его «самовыдвижение» с комплиментами в собственный адрес на страницах резюме, предлагаемого кадровикам. Во-вторых, как показал проведенный мною за последние 18 лет анализ работы по подбору и выдвижению местных чи-

новников в Ярославской области, типичным стало пересаживание бывших номенклатурных работников в скоропостижно переименованные кресла. Так, из бывших сотрудников обкома, горкомов и райкомов КПСС свыше 40% стали чиновниками областной, городских и районных администраций. Причем, по свидетельству их бывших руководителей и товарищей по работе (помните методику оценки с кругом и четырьмя секторами!), это были, как правило, далеко не лучшие кадры среди прежней номенклатуры. А вот в новой чиновничьей среде они оказались оцененными как самая лучшая часть этой среды и с заметным качественным отрывом от остальной части.

В-третьих, упомянутая «остальная часть» попадает в чиновничьи кресла не в результате проверки руководящей работой рангом пониже. Просто поговорил с губернатором лидер, например, ЛДПР, и молодой человек «с улицы» становится заместителем губернатора. Правда, очень быстро выясняется, что этот выдвиженец не только не понимает сути курируемых вопросов, но и в принципе не способен когда-либо их уразуметь. Особенно много подобных казусов происходит с активистами правящей партии, когда их биография никакими другими заслугами и опытом не отягощена.

Во время бесед с руководителем и сотрудниками Управления кадров областной администрации приходится слышать жалобы на то, что, если в советские годы у кадровиков обкома были карточки с данными на кандидатов для замены руководящих работников любых подведомственных отраслей и уровней, то прерогатива теперешних ограничена лишь досье на муниципальных чиновников, а вот кадры из бизнеса, промышленности оказались для них «тайной за семью печатями». Разумеется, это обстоятельство действительно ускоряет снижение профессионализма сегодняшней чиновничьей «элиты».

К тому же непомерное раздувание штатов, чрезмерно «узкая специализация» служивых создают дополнительные объективные барьеры для эффективной и просто нормальной чиновничьей деятельности. Еще в начале 1990-х интересуюсь у ответственной за контроль над выполнением постановлений губернатора, почему это выполнение поставлено, мягко говоря, неудовлетворительно, хотя эта женщина ранее занималась аналогичным делом в аппарате обкома КПСС и исполняла его достаточно успешно, и сотрудница губернаторской команды с сожалением объясняет, что в обкоме кто готовил проект постановления, тот и организовывал его выполнение после принятия. А теперь данная функция разделена на несколько подфункций, исполняемых разными людьми, не зависимыми друг от друга по чиновничьей иерархии и даже принадлежащими к разным структурным подраз-

делениям. Один готовит проект решения, не заботясь, как оно будет исполняться, а моя тогдашняя собеседница получает уже готовый и подписанный губернатором документ. И тут начинаются ее «хождения по мукам». Она видит, например, формулировку, предлагающую главе муниципального округа выделить деньги на достройку школы и, естественно, спрашивает у него, выделил ли. Получает положительный ответ, но при этом выясняет, что объем выделенного в *двадцать (!)* раз меньше, чем требуется для действительного завершения строительства школы. Хочет возмутиться, потребовать правильных, по ее мнению, действий, но слышит объяснение: формулировка постановления обязывала выделить, но не определяла, сколько, каков должен быть достигнут результат от данной акции.

Заметим, что в период, относящийся к упомянутой беседе, аппарат областной администрации насчитывал более пяти тысяч чиновничьих душ, тогда как в бывшем обкоме в самый пик увеличения его численности (в середине правления Горбачева) — 132 человека. Конечно, появление принципиально новых функций правомерно вызывает появление новых работников для исполнения этих функций. Но зачем дробить существующие, внося бестолковость в деятельность растущего отряда чиновников?

Приведенные замечания представляются актуальными и напрямую относящимися к обсуждаемой проблеме российской элиты. Ведь чиновники в связке с крупными бизнесменами, а то и сами по себе, признаются всеми исследователями в качестве того самого объекта, который стало принято называть элитой. И все же мои замечания, следует признать, еще не затрагивают самого существенного в анализе современной российской элиты как социально-экономической категории. А оно, представляется, связано с экономическими интересами тех социально-демографических групп, которые составляют элиту. В связи с этим важно отметить, что на апрельской (МГУ, 2008) конференции, посвященной проблемам перехода к инновационной экономике, академик С.Ю. Глазьев справедливо утверждал, что главным тормозом такого перехода внутри страны как раз и являются чиновники и олигархи: им и без инноваций хорошо.

Правда, после апреля состоялся август, и к ноябрю состояние российских олигархов вместо 300 млрд дол. стало обозначаться лишь цифрой 70. А ведь именно цифры такого рода служили в последние почти 20 лет определением степени элитности данного социального слоя. Сообщения СМИ стали содержать информацию о том, как олигархи с протянутой рукой выстроились перед правительственными чиновниками, прося подаяние из государственного бюджета. И здесь,

мне кажется, следует согласиться с замечанием Г.А. Зюганова, высказанным Президенту РФ Д.А. Медведеву, о том, что при оптимальной макроэкономической политике правительства и можно, и нужно было нацелить интересы российских олигархов на своевременное инвестирование в развитие отечественного производства теперь вот бесследно пропавших 230 млрд дол.

Перенацелить следует и экономические интересы государственных чиновников как другой, может быть, еще более влиятельной части российской элиты. Ведь если Сбербанк и Россельхозбанк получили кредит от государства под 8% годовых, а своим клиентам они, в свою очередь, кредитуют эти же бюджетные деньги под 18%, то можно представить, какая за этой разницей кроется картина немалой поживы для коррупционеров. А ведь это полностью противоречит установке Президента на борьбу с коррупцией, причем нарушителями такой установки в значительной мере выступают те, кто по долгу службы должны, наоборот, быть организаторами ее реализации.

Но выполнима ли, не утопична ли задача переориентации основных экономических интересов нашей элиты? Ведь о ее воровстве, коррупции, антисоциальном и антигосударственном поведении приведены миллионы фактов и исписаны тысячи статей. Думается, однако, что логика начавшейся валютно-финансовой катастрофы столь угрожающа самому существованию человеческого общества и его экономики, в том числе и олигархам с чиновниками, что субъективный фактор просто в силу инстинкта самосохранения должен создать новую систему организации социума и хозяйства в мировом и национальном масштабах. Систему, которая способна оптимальнее соответствовать объективным экономическим закономерностям и гармонизации интересов элиты и большинства членов общества. И с дальнейшим развертыванием финансового кризиса необходимость создания такой системы будет, несомненно, все яснее видна для различных слоев населения, в том числе и чиновников с олигархами, в полном противоречии с сегодняшним их представлением о собственных экономических интересах.

Особая роль внутри упомянутого субъективного фактора принадлежит, несомненно, государственной власти, которая должна инициировать и стимулировать процесс перестройки экономических интересов элиты, возглавить процесс создания новой системы организации общества и экономики. Почему, например, в условиях финансовой катастрофы, когда власти США и западноевропейских стран не боятся идти на национализацию банков и корпораций ради спасения экономики, наши чиновники с упорством, достойным, на наш взгляд, лучшего применения продолжают молиться только на частника, причем

больше всего поддерживают из госкармана тех, кто как раз поспособствовал ускорению прихода кризиса? Особенно разочаровывает такое упорство, когда оно исходит от первых лиц государственной власти.

Н.Д. ЕЛЕЦКИЙ, А.А. РЕЗВАНОВ

О новой элите для обновляющейся России

События последнего времени, при всей неоднозначности их возможных последствий, очевидно продемонстрировали один безусловный факт: возросла степень суверенности российского государства, самостоятельность его высшего руководства в принятии решений, относящихся к ключевым проблемам внутреннего развития и действиям на внешнеполитической арене. По-видимому, правы аналитики, отметившие, что признание независимости Абхазии и Южной Осетии — это еще и де-факто своего рода декларация о провозглашении независимости и восстановлении государственного суверенитета России. Об этом же свидетельствуют и едва ли не первые после Карибского кризиса действия по налаживанию военного сотрудничества со странами Западного полушария, ставящие под сомнение незыблемость основных принципов доктрины Монро.

Конечно, самостоятельность страны в военно-политической и дипломатической сферах имеет важное значение в качестве атрибута ее суверенитета, однако фундамент и перспективы суверенного развития остаются непрочными, если политическая независимость не подкреплена экономической самостоятельностью и весомостью роли страны в системе мирового хозяйства. Ясно, что рассуждения о «великой энергетической державе» — это лишь попытка словесного приукрашивания колониально-сырьевой ориентации российской экономики и отсталости ее экспортной структуры, ставящей страну в неизбежную зависимость от научно-технических и информационно-интеллектуальных центров современного мира. «У научно-технологически и оборонно слабых стран долго покупать за большие деньги никто ничего не станет, ибо само собой напрашивается оккупационно-силовое решение» [1, 18][1]. Этот факт совершенно очевиден, и признание необходимости перехода к инновационному пути развития

[1] См. также: [2; 3].

давно превратилось не только в общее место научных публикаций и правительственных программ, но и стало фактом массового сознания.

Казалось бы, по этому вопросу в обществе вполне может быть достигнут пресловутый «консенсус», и в чисто количественном аспекте, возможно, так оно и есть. Остается только одно «но», и именно оно способно свести на нет все попытки модернизации России — это интересы господствующей в стране криминально-компрадорской олигархии. Получая основные доходы от продажи на внешних рынках невозобновляемых природных ресурсов, организовав массовую перекачку за рубеж других элементов общественного богатства, криминальная олигархия и сросшееся с ней коррумпированное чиновничество заинтересованы в сохранении «статус-кво», сформировавшегося в основных своих чертах еще к середине 1990-х гг.; их вполне устраивает роль России как колониального придатка «золотого миллиарда» [4, 76—82; 5, 291—292]. Как неоднократно отмечалось в научной и публицистической литературе, российская экономическая и политическая олигархия — это своего рода «антиэлита», так как из объективно присущих социальной элите атрибутов она обладает лишь одним — властью; в остальных же аспектах — это не только не лучшая, но и в подавляющем большинстве случаев, худшая часть общества.

Подобное положение вещей стало неизбежным результатом механизмов социальной трансформации в России в 1980—1990-е гг. Непродуманность концептуальных оснований и стратегических целей «перестройки», идеологическая и политическая дезориентация общества привели к выдвижению на авансцену социальных преобразований самых беспринципных, эгоистических, продажных и вместе с тем самых бойких и демагогических деятелей и дельцов. Антиэлита, объединенная единым стремлением к личному обогащению и захвату власти, сформировалась из числа партийно-государственных чиновников, предавших и прежние социальные идеалы, и государственные интересы страны, воротил теневого бизнеса и хозяйственных руководителей, легко включившихся в процессы криминальной приватизации. «Сердечное согласие» коррумпированных чиновников, криминальных дельцов и хозяйственников-«прихватизаторов» привело не к возникновению «эффективных собственников», как обещали «прорабы перестройки», а к невиданному расхищению национального богатства, разрушению производительных сил и демографической катастрофе.

Далее включились механизмы самовоспроизводства антиэлиты, заработали известные алгоритмы «негативного отбора» — конкурентные преимущества оказались на стороне наиболее последовательных, можно сказать, «идейных» сторонников установки на личное обогащение

посредством предательства национально-государственных интересов страны. Сохранявших остатки совести или «демократических» иллюзий деятелей вытесняли из рядов антиэлиты, расстреливали из танков в октябре 1993 г., лишали реального влияния, или же они сами покидали ряды фактически сформировавшейся «партии государственной измены» и теряли возможность воздействия на ход событий в стране. Последнее наиболее характерно для представителей диссидентско-перестроечной интеллектуальной и идеологической элиты. Потеряли реальное влияние и, по существу, превратились в маргинальные фигуры даже такие крупные деятели, как А. Солженицын и А. Зиновьев. Большинство же «соловьев перестройки» легко встроились в ряды антиэлиты и от критики тоталитаризма и коммунизма перешли к явному или косвенному обслуживанию олигархии и криминально-компрадорского режима, комфортно проживая на дивиденды от «тридцати сребреников», полученных за предательство как коммунистических, так и демократических идеалов.

Результаты хозяйничанья в России антиэлиты общеизвестны — только за первое десятилетие «реформ» из страны было вывезено материальных и финансовых ресурсов на сумму порядка триллиона долларов, а общие потери экономики, по оценке академика и бывшего премьер-министра Е. Примакова, более чем в два раза превысили потери советского народного хозяйства за все годы Второй мировой войны [6, 12]. Приближается к числу тех же военных и количество людских потерь. И лишь реальная угроза для доходов самой антиэлиты, наглядно проявившаяся в связи с дефолтом 1998 г., заставила ее наиболее трезвую часть пойти на некоторое ограничение стихии «дикого» капитализма, введя элементы госрегулирования экономики.

Однако фундаментальные устои экономического и политического господства предательской олигархической антиэлиты остались при этом в неприкосновенности. В связи с этим возникает неизбежный вопрос — как, собственно говоря, предполагают высшие руководители государства осуществлять провозглашенный ими курс на формирование многополярного мира и модернизацию России с точки зрения кадрового обеспечения управления этим процессом? Кто будет претворять в жизнь решения, крайне невыгодные для «мировой закулисы» с экономической и политической точек зрения? Нынешние хозяева сырьевых монополий? Министры? Депутаты Госдумы, половина из которых берут взятки, проталкивая выгодные для олигархии законы [7, 294]? Не случайно российскую антиэлиту определяют как «счетократию», управляемую извне и полностью зависящую от тех зарубежных структур, которые могут повлиять на судьбу счетов в иностранных

финансовых институтах. «Кто сегодня руководит нашей страной — патриоты или наемные менеджеры, для которых где хорошо — там и Родина?.. Российская элита, спасая свои счета, недвижимость, яхты, самолеты, автомобили и футбольные клубы за рубежом, спасая “будущее своих детей”, которые не просто учатся, а постоянно живут в странах Запада, — в нужный “час Х” легко и просто сдаст все национальные интересы» [8, 1]. Достаточно напомнить, что только в Лондоне, по данным налоговых органов Великобритании, 300 тыс. российских граждан приобрели имущества на сумму от 1 млн фунтов стерлингов и выше каждый, т. е. всего — более чем на 600 млрд дол. Для сравнения отметим, что на приоритетные национальные проекты, преобразуемые ныне в государственные программы и предназначенные для всего 140-миллионного населения России, предполагается выделить порядка 300 млрд р. «За 20 лет российское государство взрастило такую “пятую колонну”, которой, наверное, не было за всю историю ни у одного народа… А ведь все это люди, которые занимают ключевые места в государственном аппарате, бизнесе, СМИ, которые готовят и принимают решения, определяющие судьбы страны… Как поведут они себя в критической ситуации? Кто для них друг, а кто враг?» [9, 4]

Антигосударственные установки олигархической антиэлиты разделяет и ее челядь в сферах паразитического псевдопредпринимательства, чиновничества и идеологической обслуги. Это явно выявилось в ходе недавнего конфликта на Кавказе, когда «пятая колонна» развернула пораженческую агитацию и в условиях открытой агрессии против России требовала от руководства страны очередной капитуляции. Готовность к предательству интересов своей страны «отражает устремления значительной части российских элит… Привыкшие к неуклонному росту доходов, бонусов и прочих премиальных в годы нефтегазового бума, уверенные в том, что стремительный рост потребления должен продолжаться и впредь, эти социальные группы ни в коей мере не готовы ради великих глобальных целей противодействия “мировому сатане” лишаться даже толики привычных удовольствий» [10, 4]. Такая позиция элит, их готовность к явному или скрытому саботажу невыгодных для них установок центральной власти резко усложняет задачи реализации модернизационной стратегии, так как требует преодоления сопротивления не только олигархии, но и нисходящих иерархических уровней тех социальных слоев, материальное благополучие которых зависит от сохранения сырьевой ориентации российской экономики и от благосклонности западных хозяев.

Линия на переход к инновационному развитию и неразрывно связанная с ней установка на укрепление внешнеполитических позиций России неизбежно требуют кардинальной смены социального качества и персонального состава элиты. Сегодня уже недостаточно «равноудаленности» высшей государственной власти от отдельных олигархических кланов — необходимы полное отстранение этих кланов от экономической и политической власти, радикальное изменение системы собственности, ликвидирующее саму экономическую базу могущества олигархии. Мировой финансовый кризис привел к волне национализации финансовых институтов даже в крупнейших странах, столетиями выступавших в роли оплота капиталистических принципов частной собственности. Их эволюция обнаружила в настоящее время очевидную историческую предельность, отражающую достигнутый уровень производительных сил и не зависящую от каких бы то ни было идеологических предпочтений или догм. Тем более это очевидно в России, где продолжавшееся в течение двух десятилетий хозяйничанье своекорыстной предательской олигархии привело страну к полуколониальному статусу и демографической катастрофе. Однако признаков того, что «коллективный кудрин» сменит принципы своей политики или сам будет сменен, пока не наблюдается.

Новые задачи требуют новых людей для их решения. В отдельных персональных случаях, конечно, возможно «обращение Савла в Павла», но ждать массового перехода антиэлиты на позиции, отвечающие национально-государственным интересам страны, было бы утопично. За два десятилетия сформировался особый социально-психологический тип «героя нашего времени», в том числе из числа представителей поколения, которому в начале 1990-х было около или немногим за 20 лет. Если учесть, что «почти 70% молодых бизнесменов полагают возможным, а то и необходимым отступать от требований закона, то портрет представителя авангарда делового сообщества новой России приобретает вполне определенные черты. Он очень напоминает образ одинокого волка, готового на все ради добычи… Он будет продолжать линию ориентированных на материальные ценности, бездуховных и незаконопослушных прагматиков» [11, 147, 149][2]. Об интересах страны и других людей такие дельцы, в лучшем случае, могут вынужденно поминать, лишь оказавшись за тюремной решеткой, как это произошло с известным олигархом, передавшим на волю покаянное «патриотическое» письмо. Для кардинальной смены психологического типа личности, а тем более социального слоя, как доказы-

[2] См. также: [12].

вает предшествующая история человечества, необходима смена поколений.

Исключительная сложность стоящей перед руководителями страны кадровой проблемы порождает пессимистические прогнозы о том, что не власть изменит элиту, а элита в очередной раз подомнет под себя власть и заставит ее капитулировать перед «мировой закулисой», отказавшись в той или иной форме и под теми или иными предлогами от курса на независимость и модернизацию России. К сожалению, такой вариант развития событий вполне реален: слишком сложны и «запущены» беды российского общества, слишком велики те ресурсы и потенциал воли и решимости, которые необходимы для хотя бы частичного смягчения экономических, политических, дипломатических, национальных и других неурядиц, слишком ощутима зависимость от могучих зарубежных противников. «Главное содержание “новой эпохи”, или новой холодной войны — это контратака старого Запада. Россию видят и выбирают в качестве символа невыгодных перемен и дают показательный бой. Может быть, в России видят “слабое звено” экономического, социального и политического наступления незападного мира?.. Главная цель игры, которую нам навязывают — *сорвать модернизацию России*. Поскольку выяснилось, что эта модернизация ведет не к созданию вассала, а к возрождению конкурента» [13, 9].

Однако вполне возможен и другой вектор социальной трансформации, предполагающий целенаправленный поиск и выдвижение людей, личностные качества и деятельность которых соответствуют новым задачам. Как показывает исторический опыт России, в переломные эпохи оказывалось достаточное количество представителей самых разных социальных, профессиональных и возрастных групп, которые могли возглавить движение общества и на которых власть могла опереться при решении самых сложных задач, если только деятельность этой власти способствовала укреплению основ и успешному развитию российской цивилизации. Достаточно вспомнить петровских гвардейских сержантов или сановников Александра II. Конкретный механизм поиска и выдвижения подобного рода людей — это техническая проблема, вполне решаемая посредством управленческого инструментария, имеющегося в распоряжении центральной власти, особенно если учесть специфику современного «прозрачного» информационно-компьтеризированного общества, в котором весьма легко получить любую информацию о взглядах и деятельности любого человека. В этом отношении главное — это действительное, а не формально декларируемое желание руководителей государства осуществить смену элиты и подобрать сначала на ключевые, а затем и на нисходящие кад-

ровые позиции людей, которые по убеждениям, личностным и деловым качествам способны выполнять новые задачи.

Невозможно переоценить в этом отношении важность системы образования, идеологической и содержательной переориентации образовательных структур на подготовку специалистов и граждан страны, для которых приоритетными станут не животные инстинкты потребительства, а задачи возрождения и укрепления российской государственности. «Главное сейчас — продолжать развивать лучшее, что есть в России — ее молодежь, ее человеческий капитал. Начать всерьез прогнозировать и работать на опережение во внешней политике. Тогда мы не проиграем. А, наверное, и победим, хотя неизбежно и с потерями» [13, 9]. При этом надо отдавать себе отчет в том, что деятельность нынешних так называемых «элитных» вузов пока ориентирована в диаметрально противоположном направлении — в лучшем случае, просто для подготовки кадров для других стран, в худшем — для подготовки людей, профессионально запрограммированных на дальнейшее расхищение национального богатства России и на выполнение роли «агентов влияния». Вместо нынешних псевдореформ, способных в ходе «болонизации» лишь закрепить воспроизводство антиэлиты, необходимы кардинальные перемены во всех звеньях и на всех уровнях образовательной системы, стратегической целью которых должно стать восстановление статуса и роли российской образовательной системы как лучшей в мире.

Трансформация российского общества протекает на фоне взаимодействия двух ценностных систем: традиционалистской и модернизационной. Согласно данным многочисленных социологических исследований, граница отнесения индивидов к одной из систем в основном совпадает с границей поколений. В качестве фактора, закрепляющего это состояние, выступает увеличивающаяся разница условий жизни старшего поколения и молодежи в условиях стремительного перехода к рыночным отношениям.

Так, по данным исследований РНИПС и НП, материальное положение молодежи, сумевшей лучше адаптироваться к новым социально-экономическим условиям (занятость преимущественно в частном секторе экономики, большая по сравнению со старшим поколением доля имеющих постоянные или разовые приработки и т. д.), является ощутимо более благополучным, чем у старшего поколения. Для молодежи более характерны инициативно-индивидуалистические установки в сознании по сравнению со старшим поколением. «Особенно сильно мечтают стать элитой в юности: в этом дерзком возрасте не ограничивают своих фантазий о будущих полетах в элиту» [14, 296]. Стреми-

тельное изменение социальной реальности привело к объективному обесцениванию части опыта старшего поколения в плане адаптации к новым условиям, что означает нарушение процесса социокультурной трансляции. Это находит подтверждение и в понимании того, что можно считать критериями элитарности и кого можно относить к элите общества.

Одним из ключевых факторов, способствовавших трансформации критериев элитарности, можно считать начавшуюся в конце 1980-х гг. «революцию притязаний», разрушившую систему ценностно-нормативных ограничений потребления, существовавшую в советском обществе. Эта революция в немалой степени обязана таким перестроечным процессам, как «деидеологизация» (фактически принявшая форму переидеологизации в духе ценностных ориентиров «дикого капитализма»), открытие «закрытого» советского общества, а также активному распространению западных жизненных стандартов потребительства.

Некритическое заимствование далеко не лучших образцов западной культуры в условиях противоречивой молодежной политики объясняет ряд отрицательных аспектов распространившихся в молодежной среде ориентиров элитарности, имеющих резко выраженные прагматически-потребительские установки и развлекательно-рекреативный характер, а также высокую роль престижно-конформистских мотивов в выборе видов деятельности. Поэтому межпоколенческие противоречия в современной России выступают не только формой традиционной проблемы «отцов» и «детей», а являются отражением генерационных сдвигов, служащих в свою очередь показателем кризиса общества в условиях формационных и цивилизационных потрясений. В частности, два основных до недавнего времени института социализации и формирования критериев элитарности — семья и школа — уступают место влиянию вторичных общественных структур, что резко повышает возможности ускорения социальных изменений и одновременно затрудняет их анализ. Изменения критериев элитарности происходят и под влиянием некоторых общемировых мегатенденций (гедонизм, экстраверсия, активность личности, стремление к удобству и комфорту). В то же время в структуре ценностных ориентиров российской молодежи, влияющих на понимание сущности и показателей элитарности, наблюдается тенденция к усилению значимости творчески-созидательных видов деятельности.

Особо следует подчеркнуть и то обстоятельство, что заметная часть нынешней молодежи России осознает свою генерационную инаковость и называет свое поколение поколением надежд. В то же время,

надежды на возрождение и эффективное развитие цивилизационной и геополитической роли России могут превратиться в реальность только на основе формирования новой государственно-властной, научной, экономической и духовной элиты из числа лучших представителей молодого поколения.

Литература

1. *Болдырев Ю.* Еще раз о содержании формулы «Россия — энергетическая держава» // Российский экономический журнал. 2008. № 3—4.
2. *Глазьев С.* Нужно ли нам становиться «глобальным энергетическим гарантом»? // Российский экономический журнал. 2006. № 1.
3. *Делягин М.* Разработка новой энергетической стратегии России: мирохозяйственный контекст и внешнеэкономические подходы // Российский экономический журнал. 2007. № 4.
4. *Елецкий Н.Д.* Социально-экономический строй России: переходное состояние или сформированная система колониальной зависимости? // Философия хозяйства. 2000. № 4.
5. Философия хозяйства. 2008. № 2.
6. *Примаков Е.* По счетам удач и упущений // Экономика и жизнь. 2008. № 2.
7. *Головко М.В., Некрасов В.Н.* Коррупция и приоритеты антикоррупционной деятельности государства // Экономическая теория в XXI веке. Национальная экономика и социум. М., 2007.
8. *Нагорный А.* Америка закрывается // Завтра. 2008. № 39.
9. *Батчиков С.* Слово и дело // Завтра. 2008. № 37.
10. *Рябов А.* Победа не приходит одна // Новая газета. 2008. № 67.
11. *Клейнер Г.* Смотрите, кто пришел!.. // Вопросы экономики. 2008. № 8.
12. *Заславская Т.И. и др.* Новое поколение деловых людей России. М., 2007.
13. *Караганов С.* Ловушки «холодной войны» // Российская газета. 2008. 29 авг.
14. *Косов Е.В., Романов Н.А.* Самозваная элита // Философия хозяйства. 2008. № 2.

С.О. ХОХЛОВ

Вирусы и наросты

В сущности всюду имела место революция, но
она проходила не так, как мы себе это представляем.
Ж. Бодрийяр

В констатации того, что наше общество подобно развалившейся машине, которая изо всех сил дымит, чадит, грохочет и при всем этом

почти не совершает полезной работы, — нет ничего нового. Все это понимают и, если некоторые закрывают на это глаза (в основном другим), то такова нормальная идеологическая деятельность, суть которой в том (согласно Манхейму), чтобы в определенных ситуациях скрывать действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизировать его. Другой вопрос, что подобная стабилизация имеет смысл лишь до определенной степени, которая нашим обществом давно превзойдена.

Итак, с нашей общественной машиной что-то не в порядке. Между тем из приемника все несется бодрое: «все хорошо, прекрасная маркиза». Ну, хорошо, хоть что-то еще нормально работает, идеологический аппарат пока еще удерживает общество от паники. Пока еще.

Не стоит дожидаться, когда действие идеологического наркоза завершится, стоит уже сейчас (а лучше бы раньше) задуматься о том, как бы — нет, не починить, — тут уж починкой не обойдешься, — как бы заменить ту бесполезную рухлядь, что досталась нам в наследство как общественная машина.

Поэтому смысл поставить вопрос не так: в чем, дескать, проблема нашей элиты? А задаться вопросом: почему наша элита такова, какова есть?

Также были бы полезны вопросы: что мы вообще хотим от элиты? какие задачи собираемся поставить перед ней? какие полномочия готовы ей в решении этих задач предоставить? что мы хотим от себя и своей страны?

Пока нет целей — не может быть и понимания пути. Пока нет понимания пути — мы не можем всерьез критиковать курс власти. Разве что с эстетической точки зрения. Это само по себе, конечно, тоже неплохо, но мало что дает в плане понимания нужных изменений. Утверждение, что машина уродлива, представляет малую ценность в процессе проектирования новой машины, призванной заменить старую. Дизайном и украшениями следует заниматься, когда готов основной чертеж. Во время же продумывания основных принципов внешний вид общественной машины дело второстепенное. Социальные дизайнеры идут после социальных инженеров.

Вопрос же — чем и как заменить нашу элиту? — несмотря на свою важность, является вторичным. Прежде чем разрушать старое и строить новое, надо иметь план этого нового. Для создания концепции нового необходимо понимание того, что нас не устраивает в старом.

В связи с этим, а также, поскольку в отдельно взятой статье необъятного не объять, темой данной работы будет попытка ответить на во-

прос: почему наша элита такова, какова она есть? Ответ на этот вопрос способен помочь ответить и на все прочие из этой серии.

Теперешнее положение, когда кпд общественной машины рассеивается из-за массового, тотального нравственного разложения собственной же нашей общественной «элиты», нельзя признать нормальным. Если элита поглощает всю общественную энергию, процветая за ее счет (т. е. за наш счет), то это никакая не элита, а какой-то паразитический нарост, вопиющий к немедленному хирургическому вмешательству. Другой вопрос — и к нему мы вернемся далее — насколько способно помочь здесь хирургическое вмешательство, не приведет ли оно к ухудшению состояния? Не принимаем ли мы внешние проявления болезни за главное, упуская ее внутренние корни?

Итак, почему положение дел таково? Что привело к этому?

Революция произошла, но вместо ожидаемой всеобщей гармонии, все пошло наперекосяк (см. эпиграф).

«Что же касается политической и социальной революции, послужившей прототипом для всех других, она, предоставив человеку право на свободу и собственную волю, с беспощадной логикой заставила его спросить себя, в чем же состоит его собственная воля, чего он хочет на самом деле и чего он вправе ждать от самого себя. Поистине неразрешимая проблема. Таков парадоксальный итог любой революции: вместе с ней приходят неопределенность, тревога и путаница» [1, 32].

Так развивает свое недоумение по поводу революций Бодрийяр. Свобода оказалась неспособной принести освобождение. Но стоит ли негодовать на нехорошую революцию, вышедшую нам боком, и видеть в этом обман и насмешку судьбы?

Да, в очередной раз выяснилось (к сожалению, опытным путем), что сама по себе свобода ничего не стоит, значимой (или незначимой) ее делает человек. Он может применить полученную свободу во вред и во благо, причем как себе, так и другим. Он может просто профукать ее. Он может использовать свою свободу для того, чтобы продаться в еще более жестокое рабство, чем то, от которого освободился в результате своей отчаянной и героической революционной борьбы. Или — чтобы порабощать других.

«Того ли ты ждал?», — как поет наш отечественный рок-классик. Впрочем, учитывая, что еще Энгельс писал о том, что революции имеют тенденцию развиваться в согласии с собственными внутренними законами, а не в соответствии с благими пожеланиями, совсем уж неожиданным это открытие не назовешь.

Как пишет Делягин (а его интереснейшая концепция элит и их исторических перспектив будет рассматриваться далее), Сталин вот, де,

профилактически расстреливал элиты, и все было хорошо, а потом, когда из соображений гуманности, расстреливать их прекратили, все стало только хуже [2].

Свободы, которые получило общество, вдруг не пошли ему во благо. Речь не о прекращении расстрелов, конечно, — это лишь некая начальная, нулевая, ступень, за которой последовали следующие шаги к освобождению, вплоть до событий нашей недавней истории, когда общество (в целом) освободилось от всего и вся, включая и собственный разум. Свободы породили несвободу, трансформировались в них неким алхимическим образом. Но опять же — стоит ли горевать об этом? Человека не привяжешь к колыбели, чтобы он провел свою жизнь в безопасности и покое. Свобода горька, но без нее нет человека. Жаль, правда, что и с ней его по большей части тоже нет. Но это другой разговор.

«Мы находимся в эре невесомости, — горюет Бодрийяр. — Наша модель — космическая ниша, кинетическая энергия которой аннулирует энергию Земли. Центробежная энергия многочисленных технологий освобождает нас от всякой силы тяготения и наделяет нас бесполезной свободой движения. Свободные от всякой плотности и гравитации, мы вовлечены в орбитальное движение, которое рискует стать вечным» [1, 47].

Обретя свободу полета, мы не смогли придумать ничего лучше унылых наматываний кругов, подобно мотылькам вокруг лампы. Ну и к чему все эти полеты? — вопрошает классик.

Долой крылья?

Впрочем, и впрямь, дабы не быть обвиненным в чрезмерном опоэтизировании темы, с высот философского полета мысли пора опуститься на землю и вернуться к нашим элитам.

Их чужеродность обществу порождает в нем ясно воспринимаемое напряжение. А напряжение, согласно Парсонсу, есть «тенденция к нарушению равновесия между двумя и более элементами». Поле напряжения, таким образом, обладает способностью порождать второй элемент, которого пока нет, но который начинает конденсироваться. Самим своим существованием, самой своей дисгармонией элита начинает порождать свою замену.

Это хорошо, но история показывает, что процессы, которые пущены на самотек, никогда не приводят к хорошим результатам. Необходимо четкое понимание происходящего.

Картина нашей действительности представляется мрачной. Многие авторы определяют современное положение дел с нашей элитой как удручающее. Вот что пишет о ней, к примеру, С.А. Кизима: «Народ

видит у власти массу серых личностей, гордо называющих себя элитой, устраивающих пышные частные вечеринки по образцу коллег из Брюсселя или Вашингтона и деловито переводящих активы в западные банки при нарастающей нищете большей части граждан».

Внешне компрадорские элиты оформляют себя как демократии: «под “Демократической формой правления” в десятках стран мира на самом деле скрываются олигархические режимы, поскольку элиты незападных стран могут достичь уровня жизни западных коллег лишь за счет разнообразных форм ограбления основной массы населения, в том числе в тесной кооперации с западными бизнесменами и корпорациями» [3].

Если демократия оказывается удобным интерфейсом для подобной модели, то принимаемая прозападными элитами идеология неолиберализма позволяет им прикрывать свою некомпетентность модными теориями: «В.М. Коллонтай делает очень важное замечание по поводу причин популярности неолиберальных подходов в среде западных политиков, которое, как представляется, уместно экстраполировать и на политиков незападных стран: “Многих западных политических деятелей в неолиберальных подходах соблазняла возможность переложить на рынок ответственность за существующие трудности и нарастающие проблемы”. Неолиберализм стал своеобразной спасительной индульгенцией для лидеров и элиты, желающих снять с себя тяжкое бремя социальной ответственности перед обществом; вместо принятия мер теперь можно сказать: “Что мы можем сделать? У нас рынок, в работу которого нельзя вмешиваться”. Но как долго нищающие избиратели будут готовы выслушивать такое объяснение?”» [3].

Диагноз поставлен. Также ясно, что надо двигаться, чтобы выйти из теперешнего тупика. Кирвель, к примеру, определяет это так: «Задача нравственно высоких элит — отказаться от имитационного пути исторического движения и предложить принципиально новую модель социокультурного развития» [4].

Ясно и направление движения. Ракитов, к примеру, формулирует это так: «Сейчас существуют заметные, хотя еще слабые, признаки осознания нашей политико-олигархической элитой необходимости перехода от догоняющего развития к опережающему, от сырьевой экономики эффективной колонии к супериндустриальному обществу… если лидеры нашего бизнеса, государственные руководители и члены научного сообщества поймут, что демографические, экологические, сельскохозяйственные, градостроительные, здравоохранительные и оборонные проблемы можно решить только с помощью высоких технологий и только на базе современной науки, то, возможно, у Рос-

сии появится четкая и общепризнанная стратегическая цель — создание супериндустриального общества» [5].

Но оставим пока оптимистичные картины слабых признаков сознания. В общем-то как команда от своего капитана, солдаты от генерала, экипаж от командира, так подавно и общество от своей власти вправе ожидать чего-то большего, чем «слабые признаки сознания». Обратимся теперь к теории Делягина о треугольнике «власть — общество — бизнес»: «Развитие страны определяется взаимодействием государства, бизнеса и населения… Бизнес стремится к эффективности — к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции и погони за эффективностью — либерализмом. Население же органически стремится к справедливости — к более равномерному распределению благ. Его естественная идеология — социализм. В социально-идеологической сфере других идеологий нет: им неоткуда взяться так же, как на Земле неоткуда взяться Восточному или Западному полюсам.

Полюсов в общественном развитии есть только два: эффективность и справедливость. И, поскольку слишком последовательная реализация каждого из них доводит их до абсурда и порождает катастрофу, государство призвано гармонизировать эти текущие интересы ради долгосрочного успеха всего общества» [2].

Далее Делягин так формулирует функции государства: «Государство создано обществом для решения всех непосильных для него задач. Именно поэтому общество терпит государство с его меньшей (по сравнению с бизнесом) эффективностью: необходимое лучше сделать плохо, чем не сделать вовсе.

Неотъемлемые функции государства очевидны:

- установление правил и обеспечение их соблюдения (поэтому как вид бизнеса возможна частная тюрьма, но не частный суд);
- обеспечение безопасности в широком смысле, включая поддержание устойчивости природной, технологической и социальной среды;
- стратегическое планирование;
- критически значимая часть социальной помощи» [2].

Создавало ли общество государство — вопрос спорный, здесь с Делягиным согласиться сложно, он и сам противоречит этому своему положению, далее по ходу статьи описывая процессы (пре)образования государства, оформления его в его теперешнем виде в ходе нашей совсем недавней истории, именно как стихийные. Роль

общества в этих процессах незначительна. Делягин здесь выдает желаемое за действительное (далее мы еще вернемся к этому вопросу). Тем более что с этим желаемым — с тем, что в современном нам мире государство должно иметь подчиненный характер, — спорить сложно. Мы все этого хотим.

Итак, согласно Делягину, государство, по причине большей активности и значимости бизнеса, оказывается вынуждено отдавать ему предпочтение. При этом оно должно лавировать между интересами бизнеса и интересами общества, будучи вынуждено также «учитывать позицию населения, этого великого и обычно безмолвствующего субъекта политической жизни». Если же этого не происходит и государство сливается с бизнесом в экстазе, что, согласно автору, «продолжается и поныне», то «государство de facto перестает выполнять свои обязанности и его существование утрачивает общественный смысл».

Обратный дисбаланс, впрочем, оказывается столь же нежелателен: «Подчинение же бизнеса государству душит творческий потенциал общества, разрушая его конкурентоспособность» [2].

Прокрутим чуть назад ход рассуждений автора. Он пишет: «Подчинение государства бизнесу, помимо расцвета коррупции, превращает его в инструмент реализации коммерческих интересов, как это было в 1990-е годы в России, и как продолжается в сфере социально-экономической политики и поныне» [2].

Это «поныне» Делягина заслуживает отдельного рассмотрения. Он полагает, что бизнес и государство в нашем обществе слились, при этом, правда, через несколько абзацев призывает следовать примеру Америки, где «симбиоз государства и корпораций» происходит благодаря общему для них аналитическому сообществу. Этот тезис также способен вызвать возражения (см. все те же вышеприведенные соображения Делягина о нежелательности слияния бизнеса и власти), но пока дело не в этом. Дело в том, что бизнес и власть у нас в стране отделены друг от друга границей. Эпоха их единения завершилась «делом ЮКОСа», и в наше время у нас в стране — власть отдельно, бизнес отдельно. По этому поводу можно было бы привести интересные рассуждения Перегудова о механизмах влияния бизнеса («властная горизонталь») на власть с ее вертикалью. Механизмы эти исключительно косвенные — «забастовки капитала», поскольку бизнес не имеет прямых рычагов влияния на власть. Приведем же лишь небольшую цитату против позиции Делягина. Перегудов пишет: «Говорить о “власти бизнеса” равносильно тому, чтобы выдавать день вчерашний за день сегодняшний… После дела ЮКОСа корпорации и их руководство лишились возможности напрямую участвовать во власти, и в

том числе путем поддержки по собственному выбору оппозиционных режиму политических партий» [6].

Если выбирать из двух предложенных Делягиным схем, то наиболее подходящей для описания нашей ситуации представляется не схема подавления бизнесом государства, а обратная — подавление государством бизнеса.

С другой стороны, Делягин прав: «И силовые, и коммерческие олигархи являются бизнес-олигархами, использующими контроль над государством для получения критически значимой прибыли.

При этом коммерческие олигархи контролировали госаппарат «снаружи», ориентируясь на гражданские ведомства (управлявшие наиболее значимыми для этих олигархов ресурсами государства — имуществом и деньгами). Силовые же олигархи контролируют государство в основном “изнутри”, занимая государственные посты. Они нацелены не на гражданские, а на силовые ведомства, распоряжающиеся наиболее важным для них ресурсом — правом применения насилия от имени государства. Тем не мене они остаются олигархами, т. е. действуют в интересах не общественного блага, пусть даже понимаемого превратно, но собственного, как материального, так и символического потребления… Страх, порождаемый силовой олигархией в силу ее образа действия, разрушает общество, экономику и саму государственность не меньше, чем в свое время деятельность коммерческих олигархии» [2].

Собственно здесь произошло некоим образом замещение. Более крупная и более зубастая рыба поглотила менее крупную и менее забастую. Победа силовой олигархии над коммерческой в принципе представляет собой явление того же порядка, что и описанная Делягиным чуть ранее по тексту более ранняя победа ее над оргпреступностью: «они победили оргпреступность, но не нормализовали развитие, а лишь сами заняли соответствующее место» [2].

В результате: «замена коммерческой олигархии времен Ельцина силовой олигархией не изменила социально-экономическую политику. Государству остается недоступным решение ключевых проблем экономики, что превращает переваривание нефтедолларов в “рост без развития”» [2].

Для общества в целом и для каждого из простых людей это означает следующее: «В результате ориентации крупного бизнеса на экспорт массовая бедность (по данным центра Левады, 12% населения испытывает нехватку денег на еду, 43% — на одежду, 84% — на бытовую технику) оборачивается для него не подрывом рынка сбыта, но снижением издержек. Поэтому стремление к росту уровня жизни россиян по-

прежнему противоестественно для олигархов, в том числе силовых» [2].

Мы получаем противоречие — автор и прав и не прав одновременно. В чем дело? А дело в получившейся новой структуре, которая одновременно является и внешней бизнесу, и имманентной ему. Полученное нами в ходе этих рассуждений открытие позволяет добавить новый штрих к чертам рассматриваемого феномена элит. Наши элиты едины с бизнесом, но совершенно новым способом, который лучше всего можно описать теологической формулировкой «неслиянно и нераздельно». Подавив бизнес, элиты включили его в себя, превратив в подчиненную подгруппу. Треугольник «общество — власть — бизнес», где все участники, по идее, должны быть равны и соблюдать баланс интересов, превратился в «вертикаль власти», где наверху власть, посредине бизнес, который как бы тоже власть (но не власть), и в самом низу распласталось общество. Для общества бизнес — это власть, поскольку, когда оно смотрит со своего дна вверх, то для него власть и бизнес сливаются. Власть, наоборот, когда она смотрит вниз со своих высот, видит бизнес, за которым местами где-то понемногу проглядывает общество.

Получив этот примиряющий нас с Делягиным вывод, мы заодно получаем и еще одно возражение против его концепции. В начале рассматриваемой статьи он обмолвился о том, что общество создает государство для каких-то там своих надобностей, после чего интересно и подробно описывает процессы формирования теперешнего состояния государства, в которых не просматривается ни какого-либо участия общества, ни намека на учет его воли. То, что выросло у нас в качестве элит — это абсолютный паразит, которого не устроило жить внутри поедаемого организма-носителя и который взял да и выбрался наружу, поместив этот поедаемый организм-носитель внутрь себя. Это новая стадия отрицательной эволюции — нечто вроде того, как если бы вирусы, став разумными и не удовлетворяясь своим случайным вспышечным господством над человечеством, вдруг начали бы разводить людей, подобно тому, как люди разводят скот. Иначе говоря, речь идет не о том, что общество создает государство, а в данном случае наоборот — государство простраивает общество под свои нужды. Инфекция коррупции из скрытного своего вида перешла в открытый, из побочного и случайного процесса превратилось в основной.

Приведем такую вот цитату из Бодрийяра: «Мы существуем не среди возрастания, но среди наростов. Мы живем в обществе размножения, в обществе того, что продолжает возрастать и что невозможно измерить, того, что развивается, не обращая внимания на свою приро-

ду, чьи результаты разрастаются с исчезновением причин, что ведет к необычайному засорению всех систем, к разрушению посредством эксцесса, избытка функциональности, насыщения. Лучше всего это можно сравнить с процессом распространения раковых метастазов: утрата телом правил органической игры ведет к тому, что тот или иной набор клеток может выражать свою неукротимую и убийственную жизнеспособность, не подчиняясь генетическим командам, и неограниченно размножаться.

Это уже не критическое состояние: кризис всегда связан с причинностью, с нарушением равновесия между причиной и следствием; он может разрешиться или не разрешиться посредством исправления причин. В нашей же ситуации причины сами перестают быть четкими, они уступают место интенсификации процессов в пустоте» [1, 47].

Нарост подчинил себе организм.

В определенной степени Делягин прав и тогда, когда пишет о желательности переноса американского механизма выработки стратегии, общей для власти и бизнеса, на отечественную почву. Другой вопрос, что внутренние механизмы наших власти и бизнеса и власти-бизнеса американской совершенно различны. У них во власти и бизнесе «аналитическое сообщество», у нас же, как пишет Попцов, «в процессе сотворения современной российской элиты интеллигенция участия не принимала. Она оказалась невостребованной. Ее туда не пустили и не могли пустить».

Однако, так как о природе нашей элиты и ее интеллектуальных свойствах мы уже писали в статье «Интеллектуальное наполнение общества» [7], не будем повторяться.

В окончании своей статьи Делягин пишет: «Трагедия России в том, что ее элита сформировалась в ходе осознанного разворовывания и разрушения собственной страны. Отдельные люди могли нравственно возродиться, но не социальный слой в целом. Ответственность перед обществом просто в силу происхождения недоступна ему. Поэтому только политическая модернизация и оздоровление элиты могут открыть дорогу модернизации России. Такое оздоровление может быть вызвано только системным кризисом. Он неизбежен даже без удешевления нефти, — в силу обострения структурных проблем, износа инфраструктуры и утраты трудовой мотивации.

Время, остающееся до него, дано нам для обучения и организации» [2].

Впрочем, предостерегает он, надвигающийся кризис «можно и не пережить».

Закончив на этой жизнерадостной ноте с Делягиным и его властным треугольником, перейдем к высокой философской теории.

Итак, перед нами нарост на общественном теле, нарост, который, как уже было сказано выше, вопиет к скальпелю хирурга. Итак — резать или не резать? Бодрийяр, периодически привлекаемый нами в этом тексте в качестве своеобразной пифии, в свойственной ему загадочной манере произносит следующее: «В сверхзащищенном пространстве тело теряет всю свою защиту. В операционных помещениях профилактика такова, что ни один микроб, ни одна бактерия не может выжить. Но именно здесь можно увидеть возникновение таинственных, аномальных вирусных болезней. Потому что вирусы начинают распространяться, как только для них образуется свободное пространство. В мире, где уничтожены старые инфекции, в идеальном клиническом мире появляется неосязаемая, неумолимая патология, рожденная самой дезинфекцией.

Патология 3-го типа. Подобно тому, как в нашем обществе мы имеем дело с новым насилием, рожденным из парадокса умиротворенного и вседозволяющего общества, мы являемся свидетелями новых болезней — болезней тел, сверх меры окруженных искусственной медицинской или информационной защитой, уязвимой для всех вирусов и для самых неожиданных и порочных цепных реакций. Сегодня мы имеем дело с патологией, которая обнаруживает не несчастные случаи или анемию, но аномалию. Происходит совершенно то же самое, что и в социальной жизни, где те же причины вызывают те же порочные эффекты, те же непредвиденные дисфункции, сравнимые с генетическим беспорядком клеток, и здесь обусловленным сверхзащитой, сверхкодированием, сверхобрамлением. Социальная система, как и биологическое тело, теряет свою естественную защиту по мере ее подделки и замены. Медицине будет очень трудно преодолеть эту небывалую патологию, потому что она сама составляет часть системы сверхзащиты, протекционистского и профилактического усердия, направленного на тело. Как не существует, по всей очевидности, политического решения проблемы терроризма, так нет и биологического решения проблемы СПИДа и рака — и по той же причине: речь идет об аномальных симптомах, пришедших из глубины самой системы и противостоящих с реакционной вирулентностью политическому сверхобрамлению социального тела или биологическому сверхобрамлению тела как такового.

На начальной стадии этот злобный гений “искажения” принимает форму несчастного случая, поломки, аварии. Последующей стадии соответствует вирусная, эпидемическая форма, вирулентность, которая

проходит через всю систему и против которой система беззащитна, потому что это искажение порождено самой ее интеграцией» [1, 91].

К чему эта цитата? Хотя ее можно отнести к обсуждаемой теме лишь косвенно, но с ее помощью можно взглянуть на проблему несколько со стороны. Ее автор копает не только глубоко, но и достаточно широко в том плане, что его идеи приложимы к достаточно широкому спектру явлений.

Те наросты, которые мы видим, имеют внутреннюю природу, если их удалять — корень болезни останется внутри и болезнь возродится снова. Цитату Бодрийара следует понимать все-таки не как отказ от борьбы с болезнями (в том числе общественного тела), даже если он сам понимает это так, но как отказ от борьбы не с корнями болезни, а с ее следствиями.

Вирусы, даже разумные, как наши элиты (или скорее псевдоразумные), сами по себе ничто. Это грязная пена на волнах жизни. Пена не может главенствовать над волнами, даже если временами ее становится много, — подует ветер истории и ее унесет. Суть человека — это борьба. И человек не должен отказываться ни от борьбы, ни от свободы, даже если в ходе этой борьбы он получил поражение, как не должен стремиться в клетку, если не смог вдруг правильно распорядиться свободой. Все вовсе не так страшно, как вещает Бодрийяр. Просто все несколько сложнее, чем это обычно представляется.

Бодрийяр формулирует в перерыве между потоком своих мрачных пророчеств следующее: «Наличие вирусов есть патология замкнутых и целостных окружностей, скученности и цепной реакции… Отсутствие изменений порождает другое, неуловимое, но абсолютное изменение, которое и являет собой вирус. Тот, в чьей жизни не происходит изменений, погибает от этого» [1, 95].

Мы слишком долго были замкнуты, и речь идет не о территориальной замкнутости, а о замкнутости в плане создания чересчур совершенной, чересчур самодостаточной общественной системы, настолько самодостаточной, что она перестала нуждаться в самом обществе. В нашем обществе слишком долго не было изменений. Стоит ли удивляться тому, что наше общество больно?

Надвигается время изменений. Застой пожрал сам себя. Революция продолжается…

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2006.
2. *Делягин М.Г.* Государство между народом и бизнесом // Полис. 2008. № 3.

3. *Кизима С.А.* Национализм, глобализация и перспективы демократии // Свободная мысль. 2008. № 6.
4. *Кирвель Ч.С.* Проблемы духовного вакуума // Свободная мысль. 2008. № 6.
5. *Ракитов А.И.* К супериндустриальному обществу // Свободная мысль. 2008. № 8.
6. *Перегудов С.П.* Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис. 2008. № 1.
7. *Хохлов С.О.* Интеллектуальное наполнение общества // Философия хозяйства. 2008. № 4.

Н.А. РОМАНОВ

О механизме формирования управленческой элиты

В стае гусей, отправляющихся в дальний полет, всегда есть несколько вожаков, которые *знают*, куда лететь. Ранее они уже преодолевали этот маршрут и запомнили его, теперь они летят во главе гусиного клина. Погибнет один вожак, его место займет другой, погибнет он — его заменит третий. Довести стаю до нужного места может и один гусь, знающий дорогу. Но если погибнет последний вожак — все, конец! Без лидера начинается бардак, вся стая неминуемо собьется с пути и погибнет. Именно в целях коллективного выживания трудягам-вожакам всегда обеспечены «привилегии» — самая сытная еда.

Применительно к человеческому сообществу — кто есть «элита» [3]? Мировая история — это, прежде всего, история зарождения и взаимодействия национальных элит, т. е. тех особенных людей, которых Л.Н. Гумилев назвал «пассионариями» [1]. Именно «пассионарная элита» — вечный двигатель в развитии общества (нации). Нет элиты — сразу же застой и упадок во всем — в экономике, в нравственности, в демографии.

Элиты были, есть и будут. К сожалению, они имеют обыкновение вырождаться. Это печальное свойство еще в конце XIX в. подметил итальянский ученый, математик и социолог Вильфредо Парето. Он доказал, что развитие элиты циклично и проходит несколько этапов (к аналогичным выводам пришел и Л.Н. Гумилев). В начале пути элита активно формирует цели солидарного общественного развития (интеллектуальная элита), охотно идет во власть (волевая элита) и на службу обществу. Такая элита «первого призыва» жертвенна по своей сути.

[3] Слово «элита» образовано от французского «e'lite» (лучший, особенный, избранный).

Элита должна сознавать, что власть и служба не кормушка, а долг и крест. Так понимали служение русские дворяне, для которых служба (вначале исключительно военная, затем и гражданская) была делом обязательным, и нужны были очень веские причины, чтобы просить об отставке. Идя на военную службу, дворяне сознавали, что в случае опасности для отечества, они станут в первые ряды его защитников. Такая жертвенность — не истерический всплеск, а постоянная готовность отстоять свою идею и готовность рисковать своей репутацией, карьерой, достатком. Во имя чего человек приносит себя в жертву — в том и вся правда! Вот вам и вся национальная идея!

Идейные коммунисты жертвовали своей жизнью и вели аскетический образ жизни ради тех призрачных идеалов справедливости, в которые они верили. Пристрастие к бытовой роскоши несовместимо с личной жертвенностью, а, следовательно, и с элитарностью. Люди, стремящиеся к довольству и богатству, не могут считаться элитой общества, это — просто олигархи.

Можно дискутировать, насколько в современных условиях нужна жертвенность и каковы пределы этой жертвенности. Человек в постиндустриальную эпоху борется уже не за выживание, а за комфорт. А в комфорте — чуть его меньше или чуть больше — не так уже и важно. Поэтому элита, необходимая для человеческой «стаи», с легкостью подменяется псевдоэлитой. Привилегированный кусок она охотно принимает, а вот трудиться и жертвовать собой — Боже упаси!

Особенно сильно мечтают стать элитой в юности: в этом дерзком возрасте не ограничивают своих фантазий о будущих полетах в элиту. Однако замечено, что честолюбивые ожидания сбываются лишь у каждого пятого. Это действительно магическое соотношение в социологии — 1 из 5, или 20 из 100. Этот закон — 20/80 — математически обосновал тот же Вильфредо Парето. Итог этого соотношения: 20% людей создают 80% всех результатов, и эти 20% людей обладают 80% всего накопленного богатства, как в отдельной стране, так и в мире. Причем это соотношение не зависит от политического устройства общества. Мистика этих цифр заключается в том, что любая социальная система со временем неизбежно выявляет 20% самых лучших, самых активных своих представителей — элиту. В школе — это лучшие ученики, отличники. В национальной экономике — самые эффективные корпорации страны. «Золотой» (лучше всех живущий) миллиард населения земного шара — это тоже 20% всего населения планеты [2].

Теперь зададимся вопросом: кто из правителей новой «демократической» России за последние 20 лет проявлял хоть какие-то капли жертвенности, аскетизма, политической дальновидности, твердости в

отстаивании национальных интересов? Факт: такой элиты в России нет! А если кто-то и именует себя элитой — это самозванцы. И ведет себя сегодня эта рублевско-кремлевская элита безответственно не только по отношению к будущему страны, но и к своему собственному будущему. Эти люди считают себя особыми сверхлюдьми, все познавшими и способными манипулировать лопоухой массой, которая «проглотит» все, что ей предложат.

Наша псевдоэлита с упоением играет в «выборы», двигая на экранах телевизоров разные политфигурки, полагая, что зритель будет ужасно заинтересован — какая же из двух придворных партий получит большинство в придворной Думе. А зритель-народ, щелкнув пультом, переключает надоевших политиков на более забавных «юмористов».

Самое смешное, что псевдоэлита искренне верит, что истинные короли — это они, а все прочие — лишь пешки, которые можно перемещать по игровой политической доске, жертвовать ими, а некоторые даже проводить в ферзи. В полном соответствии с такой рублевско-кремлевской идеологией эти «сверхчеловеки» свято верят, что большое «бабло» абсолютно всесильно. Только стоит его вбросить, как в нужный момент появится легион «наших» верных защитников (под масками дедов-морозов). И как только подпитка баблом заканчивается, «наши» деды-морозы безропотно опять уйдут в никуда [3].

Западная (партийная, парламентская) модель (т. е. такое политическое устройство, когда в стране имеется много политических партий и общественных движений) на сегодняшний день наиболее распространена и даже объявлена «эталонной демократией». Граждане могут выбирать членов политических партий — конкретные личности (с их достоинствами и недостатками). По сути, выборы управленческой элиты — это рекламная кампания по продаже партийных брендов и нарисованных имиджмейкерами «представителей народа». Их предлагается купить точно так же, как люди покупают любой рекламируемый товар. У какой партии больше денег на проведение такой предвыборной (рекламной) кампании, тот и побеждает. Законы маркетинга едины и объективны, что при рекламе автомобилей, что при продаже политических идей. А задействованные «советы» властей, «за кого следует голосовать», обеспечивают подавляющий перевес над оппозицией [4].

«Парламентская демократия» в современной жизни (и не только в России) уже давно превратилась в явное предвыборное мошенничество. Однако все стараются не замечать этого «голого короля» — неполноценный механизм действующего народовластия. Политические псевдопартии создаются властной элитой лишь для того, чтобы моро-

чить голову избирателю. Выборные списки формируются партиями, а не избирателями. Вся эта «воля народа», продекларированная в Конституции, не более чем блеф, очень выгодный несменяемой власти.

Всеобщее (массовое) избирательное право уже превратилось в свою противоположность, потому что избирательная система по принципу «один человек — один голос» порочна в принципе, когда вор и честный человек, пьянь и трудяга уравнены в правах [5]. Весомость голоса учителя, врача, крупного работодателя не может равняться голосу бомжа-алкоголика, а голос женщины, вырастившей троих детей, не может равняться голосу избалованной 16-летней девчонки. Избирательное право вовсе не должно быть обязательно всеобщим. По большому счету всеобщее избирательное право огромному количеству людей и не требуется.

Вопреки всем псевдодемократическим предрассудкам, всегда и всюду страной правит вовсе не «народ», а элитное меньшинство. Например, американская конституция начинается со слов «Мы — народ Соединенных Штатов, торжественно провозглашаем, устанавливаем и т. п.». Это очередной блеф! Как может народ что-то устанавливать или провозглашать? Все это делает группа людей, прикрывающая свои действия рассуждениями о «народных интересах».

Действующая Конституция России тоже объявляет «народ» источником и сувереном всякой власти. Это не более, чем пафосные слова, так как все отлично понимают, что нет того реального механизма, который формулировал бы эту самую «волю народа» и следил за ее выполнением. Формально именно «воля народа» является законной основой всякой власти.

Что же делать? Ждать (и сколько), пока сформируется, как предсказывал Парето, новая элита? Можно ждать очень долго, если сознательно не формировать механизмы формирования национальной элиты. Благо, что формировать пока есть из кого — в стране еще есть люди, не утратившие, своего и национального достоинства, готовые, «не жалея живота своего», служить Родине, как это было четыре века назад в лице ополченцев под предводительством Минина и Пожарского.

Между тем создатели демократии — античные греки — понимали под демократией (по-русски «народовластие») такое политическое устройство, которое позволяет демосу (при всей неопределенности понятия «демос») реально определять жизнь общества и страны так, как демос это себе представляет[4].

[4] Если демос хочет монархию, значит, надо определить условия ее создания и функционирования, и это будет демократично!

Формирование в России солидарного общества (а вовсе не гражданского!) является непременным условием ее государственного и национального возрождения. Главным средством, способным решить эту задачу, является формирование *общин*, т. е. реализация *общинной демократии*[5]. Механизмом формирования национальной элиты может (и должен) быть древний *соборный* принцип демократии, согласно которому выборы происходят по многоступенчатой («земской») системе [6].

Предположим, что какая-то устойчивая общность в десять человек выбирает из своей среды представителя, который должен отражать их интересы и которого они хорошо знают и ему доверяют. Такой общностью может быть род, семья, артельная бригада, соседи и прочее солидарное объединение людей. Такой представитель — *гласный* — должен четко знать, *за* что ему следует голосовать и *против* чего он непременно должен выступать.

Собравшись вместе на местный собор (это может быть «улица», хутор, многоквартирный дом, артель, цех и пр.), десять гласных тоже выбирают авторитетного представителя из своих рядов — «сотского гласного», который будет представлять интересы ста человек на соборе более высокого уровня — в станице, в городском квартале, на предприятии. Десять сотских гласных — это уже минипарламент тысячного объединения людей — минипарламент, состоящий из надежных людей, выбранных при подсчете реальных голосов.

Чтобы этот парламент был не только говорильней, а действительно принимал решения в интересах людей, ему нужно иметь три важнейших инструмента. Во-первых, юридическое оформление этой общности в качестве юридического лица со своим уставом. Причем название у него может быть самое разное — станица, село, район, союз и прочее, а попросту — *община*. Во-вторых, из десяти сотских гласных должен быть выбран руководитель (*начальник*). Как его называть — зависит от традиций: атаман, староста, гетман. Ни в коем случае нельзя допускать выдвиженцев со стороны, т. е. не из числа выбранных гласных[6]. В-третьих, любой парламент тогда действен, когда распоряжается денежными и материальными средствами — бюджетом, или попросту «общаком». Откуда берется «общак»? Из регулярных взно-

[5] Имеется в виду «община» в качестве предохранительного буфера между государством и гражданином, как поиск компромисса в практической (а не абстрактной) реализации прав и обязанностей человека.

[6] Такие профессиональные «председатели президиумов» всегда делают из своего «начальничества» выгодный для себя бизнес.

сов (размер определяется соборно) и добровольных пожертвований членов общины. Будет ли государство пополнять «общак»? Вряд ли. А вот запустить свою грабительскую руку в «общак» — это власть сделает с удовольствием!

Десять сотских гласных на своем «парламентском общинном соборе» выбирают «тысяцкого гласного», который будет представлять «родную общину» в добровольной ассоциации общин. Каждая община, делегировавшая своего представителя в руководство ассоциацией, имеет возможность в любой момент отозвать и его самого, а также аннулировать те решения, которые были приняты в нарушение воли общины. Каждый гласный, прежде чем проголосовать за что-либо или кого-нибудь, крепко подумает и посоветуется с избирателями (с «народом»): ведь в случае чего ведь и отозвать могут без объяснения причин.

Вместе с делегированием «тысяцкого гласного» (название ассоциации непринципиально), из «общака» в бюджет ассоциации выделяются заранее оговоренные и согласованные средства, совместно со средствами из других общин образующие бюджет ассоциации, собранные для решения общих задач, непосильных для каждой одной общины — строительство храма, родильного дома, образовательной школы и т. д.

Из десяти «тысяцких гласных» выбирается «начальник» ассоциации (название непринципиально), который организует оперативное управление достижением поставленных целей и эффективным расходованием средств. Коррумпировать такого «начальника», выбранного подлинно демократическим (общинным) способом, в отличие от нынешних депутатов, нет никакого резона: ведь он голосует и принимает решения не как ему вздумается, а как ему поручено. Для крупного бизнеса становится невозможным протащить в гласные и начальники свою кандидатуру для лоббирования своих олигархических интересов: ведь для этого нужно обработать девять других гласных. Теоретически это, конечно, возможно, но дело в том, что при любом даже слабом подозрении на подкуп (гласный голосует не так, как ему предписано снизу), он немедленно отзывается — и плакал подкуп. Так на основе общинной демократии решается проблема формирования национальной элиты из действительно достойных людей. И не надо звать никаких варягов!

Будут ли интегрироваться десятитысячные ассоциации в более объемные структуры — миллионные округа, области и края? Если такая тенденция будет воплощаться в жизнь, это неизбежно приведет к слиянию местных органов управления муниципальных и региональных с общинными, ассоциативными. При поддержке общинного про-

цесса неизбежно произойдет смена конституционного строя: парламентарная партийная демократия повсеместно будет заменена на общинную соборную демократию. Тем более что затраты на общинные (земские) выборы на порядок ниже, чем привычные выборы — всеобщие.

Прошло время, когда еще была иллюзия, что можно как-то «исправить» власть, доказать ей что-то дельное, аргументировано разъяснить ей. Из-за разобщенности людей и наступил тот беспредел власти, после чего она и распоясалась. Победить существующую власть бюрократии, играя по ее правилам, совершенно не реально. Глупо надеяться, что вдруг откуда-то появится умный порядочный человек, а с ним еще тысяча членов его партии. Или элита формируется и осознает себя ответственной за судьбу нации или самозваная элита и остальная масса будут глядеть друг на друга через прорезь прицела. От чего избави Бог!

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России: очерки этнической истории. СПб., 2002.
2. *Косов Е.В., Романов Н.А.* Самозваная элита. О компетентности российской элиты // Философия хозяйства. 2008. № 2.
3. *Скатов С.* Самозванцы. О природе российских элит // Народный собор. 2008. № 1.
4. *Хомяков В.* Российской «элите». О выживании ее и России // Народный собор. 2007. № 3.
5. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты // Русская идея / Сост. М.А. Маслов. М., 1992.
6. *Хомяков В.* Тезисы к проекту «Соборная демократия» // Народный собор. 2007. № 4.

Г.В. ИЛЬИНА

Элита в контексте ценностей национальной идеи

> Каждая культурная общность на определенном этапе технологического развития по-своему осваивает Неведомое. Но человек века просвещения и технологии, кажется, более, чем люди всех предшествующих эпох, склонен думать, что мир принадлежит ему и что Бог, склонный к экспериментам, очень похожий на человека, готов посторонится.
>
> *Э. Эриксон*

Современное общество обязательно исходит из поиска стабильной точки в динамичном и постоянно изменяющемся *пространстве риска*. Этот поиск ставит цель найти универсальные ценности, ибо именно в *ценностях* мы как наследники эпохи Просвещения пытаемся найти нечто несокрушимое, неизменное, некую точку опоры. Вопрос о национальной элите — это также вопрос о ценностях, ибо национальная элита определяется как та часть социальной иерархии, которая создает, сохраняет, развивает и транслирует национальную идею, а поэтому и занимает главное место в обществе, руководит определенными «ветками» социальной жизни. Таким образом, если понятие «элита» еще можно ограничить так называемым *альтиметрическим подходом*, т. е. признать, что принадлежность к элите определяется лишь обладанием властью и влиянием, то понятие «национальная элита» имеет две атрибутивные характеристики. Первая — то, что национальная элита есть руководящая часть социальной иерархии, вторая — то, что она всенепременно носитель национальной идеи. Но современные реалии ставят следующий вопрос: действительно ли элита способна продуцировать национальную идею?

Мы, безусловно, можем согласиться с тем, что процессы общественных трансформаций практически во всех постсоветских государствах заставляют придавать все большего значения национальным аспектам в деятельности элиты, что для последней является необходимым. Специфика современности состоит в том, что практически во всех развитых государствах национальные идеи продуцируются не элитой, а *средним классом, или же средней прослойкой.*

Здесь необходимо выяснить, кого же можно отнести к среднему классу? В среднем классе, возникшем в индустриальных обществах, выделяют два уровня. Это так называемый «старый средний класс», объединяющий мелких собственников, и «новый средний класс», к

которому относятся лица, владеющие интеллектуальной собственностью, навыками сложной трудовой деятельности и пр. Итак, мы видим, что в западных обществах средний класс состоит из людей, получивших хорошее образование и относящихся к среднему классу за счет интеллектуального потенциала. В постсоветских странах, где средний класс еще не сформировался окончательно, проще говорить о средней социальной прослойке общества. В обоих случаях имеет место ситуация, при которой *носителями интеллектуального ресурса являются представители средней прослойки общества*.

Вполне логично, что именно носители интеллектуального капитала являются творцами национальной идеи. И если средний класс формирует национальную идею, то элита — носитель этой идеи постольку, поскольку средний класс является в своем роде «целевой аудиторией» элиты. Иначе говоря, *элита фактически не выражает национальной идеи, а отражает ее*. Элита не владеет интеллектуальным капиталом — это достояние среднего класса, или средней прослойки, для которой сохранение собственной позиции возможно в первую очередь за счет интеллекта и которая направлена на *инновационную деятельность*, а значит, на идеетворчество. Естественно, экономическая элита взаимосвязана с политической, ибо политическая власть необходима для отстаивания собственных экономических интересов. В условиях современной демократии нахождение элиты у власти невозможно без формальной поддержки всего народа. Это, в свою очередь, заставляет элиту провозглашать идеи, популярные в народе и созданные интеллектуальной средней прослойкой. Мы приходим к парадоксальной ситуации: *«национальная элита» оказывается пустым понятием, ибо создатели национальной идеи не относятся к элите, а элита не ставит национальную идею в ряд своих интересов.*

Но почему же мы не можем сказать, что продуцируемая средним классом национальная идея выражает взгляды самой элиты? Дело в том, что процессы глобализации в первую очередь начинаются с самых высших слоев общества — с экономической и политической элиты. Она более мобильна и динамична, ей более выгодно быть космополитической. Это видно хотя бы потому, что любому представителю элиты проще общаться с представителем элиты другой страны, чем с соотечественником из другого социального класса. Таким образом, элита способна использовать риторику национальной идеи, но руководствуясь при этом только экономическим и политическим интересом. Сама же национальная идея не стоит в ряду ценностей элиты.

Популярная в XX в. концепция «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет) привела к широчайшим дискуссиям об элите как носителе

культурных ценностей и ее противостоянии людям массы, которые выражали свою свободу через нивелирование всего культурно значимого. Но итог этой ситуации оказался весьма неожиданным: самые значимые культурные ценности стали достоянием средней прослойки, элита же ограничила свое влияние сферой экономических интересов. *Изменились не сами ценности, а их носители.*

Отсюда вытекает вопрос о том, каким образом можно создать национальную элиту и возможно ли это? Наверное, все же проще признать, что более правильным путем было бы не создавать новый «подкласс» в границах «класса» элиты (поскольку обратный вариант — формирование национальной элиты в рамках среднего класса — невозможен из-за низкой мобильности элиты). Проще признать, что национальная идея может быть продуцируема только интеллектуалами средней прослойки. Они же являются самой прогрессивной частью общества, ибо именно их деятельность является исследовательской и инновационной. Не следует забывать, что сама наука является неотъемлемой частью современного общества. Инновационная деятельность возможна только при задействовании мощного интеллектуального ресурса, которым владеет средняя прослойка общества. Соответственно необходимо выработать концепцию развития среднего класса, дать ему возможность провозглашать от своего лица ценности, провозглашаемые от лица элиты.

С.В. БИРЮКОВ

Уроки немецкого

Недавнее двухмесячное пребывание автора в Германии в рамках стипендиальной программы ДААД повергло его на размышления, которыми он хотел бы поделиться с читателями. Оставив в стороне традиционное в этом случае восхищение немецкими дорогами, немецким качеством, немецким порядком, немецкой аккуратностью, автор хотел бы сосредоточиться на главных, по его мнению, вопросах — о причинах жизненной силы немецкого народа, который уже не раз в своей истории, пережив войны, модернизационные катастрофы и тяжелейшие военно-политические и моральные поражения, неизменно восстанавливал заново общество, экономику и государство.

По мнению автора, речь в данном случае может идти о трех основных составляющих «немецкой жизненной силы».

1. Культурная матрица, основой которой является немецкий язык, выполняющий роль стержня культуры и самосознания. Немцы, объединившиеся в единое государство только в 1871 г. при Бисмарке, смогли сохранить прочную национальную идентичность, которая позволяла им в течение многих веков сохранять потенциал нациестроительства и в довольно короткий срок стать политической нацией, история которой драматически прервалась в 1945 г. (фашизм — результат «перегрева» процессов модернизации и нациестроительства, а также следствие нескольких «надломов» национального самосознания, в числе которых Реформация, Тридцатилетняя война, наполеоновская оккупация, поражение в Первой мировой войне и глубокий кризис Веймарской республики). Именно культурная матрица позволила быстро восстановить Германию после катастрофического поражения и моральной аннигиляции во Второй мировой войне (собственно, именно ей и обязан самой своей возможностью «феномен Аденауэра»). Данная матрица показала свою жизнестойкость и способность воспроизводиться, вполне гармонично сосуществуя с официально принятой моделью «конституционного патриотизма», благодаря чему немецкое общество является либеральным по форме, консервативным (в здоровом смысле) по содержанию. Она оказалась весьма устойчивой к вызовам глобализации и экспансии «мультикультурализма»,особенно в сравнении с французской моделью «государства-нации», переживающей сегодня глубокий кризис вследствие экспансии инокультурных элементов («внутреннего пролетариата»), грозящей разрушить само «культурное ядро» французской нации. В случае Германии культурная матрица выступает в роли «страховочного механизма», позволяющего инкорпорировать в немецкое общество инокультурные элементы благодаря усвоению ими немецкой идентичности через язык и культуру, которые целенаправленно поддерживаются государством. Достаточно вспомнить об официально принятой концепции Leitkultu и подходе, согласно которому далеко не каждый родившийся в Германии может считаться немцем. Равно как и о принципиальном отказе Германии от введения института «двойного гражданства» (в отличие от США и Франции), что является поддерживающим ак-культурацию механизмом.

2. Механизм корпоративной солидарности и самоорганизации снизу, начиная с низовых ячеек общества (с этим напрямую связан присущий немцам корпоративный тип солидарности). Благодаря этому немецкое общество не оказалось атомизированным после многочисленных «катастроф» и потрясений, достаточно быстро восстанавливая «социальный капитал» и экономический потенциал. На этот механизм

вполне успешно и накладываются механизмы правового и социального государства, приобретающие под его влиянием характерный немецкий «облик» и более чем устойчивый социальный «фунда-мент».

3. Характерный механизм сотрудничества государства и общества, формирующий особую немецкую модель гражданского общества, тесно переплетающегося с государством, но не поглощаемого им (в соответствии с моделью «государство заботится о гражданах — граждане поддерживают государственный порядок на микроуровне и сохраняют лояльность общегосударственному порядку»). Как можно предположить, именно эту немецкую модель имел в виду Александр Зиновьев, заявивший в одном из интервью, что «западному человеку не нужны царь и жандармы, поскольку они находятся у него в голове». Данный механизм успешно уживается с немецкой конституционно-правовой и политической моделью, придавая ей специфические черты и одновременно являясь залогом ее прочности и воспроизводимости на протяжении длительного пути исторического развития Германии.

Как же выглядит на фоне немецкого опыта Россия? С сокрушением следует признать, что в то время как Германия успешно поднималась из руин Второй мировой войны и становилась лишь сильнее с учетом усвоенных ею уроков, Россия, пережив колоссальное перенапряжение сил в годы войны и послевоенного восстановления, создала собственный вариант потребительского общества, не отягощенного никакими реальными долгосрочными ценностями и ориентирами, постепенно превратившегося в аморфную и управляемую массу. Немцы, будучи разделенными на два государства, продолжали руководствоваться определенными идеями и ценностями (западные — идеей объединения Германии и возвращения на мировую арену в качестве полноценной державы, восточные — реализацией «проекта ГДР» как модели немецкого социалистического государства, воплотившего в себе в том числе и прусскую политическую традицию). И те, и другие подтвердили при этом старую истину о том, что право судить свое отечество имеет только тот, кто за него боролся.

А что же Россия? Советский «потребительский социализм», как один из результатов форсированной модернизации, своим торжеством, пришедшимся на годы приснопамятного «застоя», разрушил у общества последние идейные основания того, что можно было бы с известной условностью назвать «советским», или даже «русским проектом». Бороться за что-либо, преследовать какие-либо долгосрочные цели помимо текущего меркантильного интереса атомизированные позднесоветское и «ранне-российское» общества оказались попросту неспособны. Советская интеллигенция — продукт «культурной революции»

первой половины XX в. — оказалась не элитным слоем, способным осуществить национальную модернизацию, а все тем же аморфным образованием, презирающим собственный народ (пресловутых «совков»), стремящимся любой ценой сохранить материальный комфорт и готовым за это обслуживать власть, оперируя некоторыми востребованными на официальном уровне «идеологемами», имеющими мало общего с проблемами реальной жизни страны. И неслучайно, что вскоре после объединения Германии (как бы не оценивать это событие и механизмы его реализации) СССР в силу описанных выше атомизации общества и деградации собственной элиты пал, как «карточный домик». Ибо в августе 1991 г. не оказалось героев, готовых его защищать. В итоге обывательская «мышь» съела имперскую «гору».

Дальнейшие параллели выглядят еще более интересными. В Германии, пережившей целый ряд «трансформационных шоков» на рубеже XX—XXI вв., сегодня наблюдается рост национального самосознания (в рамках усвоенной после Второй мировой войны политической и идеологической модели), связанный в том числе с постепенным ослаблением американского влияния и осознания своей «европейской миссии». В России нынешний «государственный патриотизм» пока не имеет прочной ценностной основы и прочных «корней» в обществе, а является дорефлективной реакцией очень условного и зыбкого «здорового большинства» на потрясения 1990-х; с подобной «идеологией» можно выживать в условиях относительной стабильности, но строить сильную нацию и идти вперед с ней нельзя по определению.

Современная Германия являет собой яркий пример того, как вполне успешно могут сочетаться между собой идея сильного государства, национальная идентичность и способность реализовывать модернизационные стратегии, отвечая на вызовы «глобального мира». В современной же России, к глубокому сожалению автора, формальное укрепление государственности не подкрепляется подлинным национальным подъемом, а модернизационные импульсы гаснут в тенетах всемогущей государственной бюрократии. Немецкий патриотизм, начинаясь с уровня индивидуального обыденного сознания, будучи подкрепленным корпоративным духом, на высшей своей стадии дорастает до государственного уровня. Русский патриотизм, связанный с осознанием трагичности национальной судьбы, разбивается об аморфность общества, мелкотравчатый эгоизм отдельных социальных «акторов» и непреодолимую стену бюрократического отчуждения. И если Германия медленно, но верно идет к реализации осмысленных и сформулированных ею задач, то Россия в очередной раз оказывается похожей на сказочную жар-птицу, не способную взлететь. В итоге ничего не меня-

ется в русской жизни, которая чем дальше, тем больше напоминает «дурную бесконечность».

И что же делать в этой ситуации всем тем, кто думает о России и понимает, что механическое копирование чужого опыта никогда не ведет к успеху? Как считает автор, русский патриотизм останется слабой идеей, пока не прорастет до уровня обыденного сознания, повседневной жизни российского народа. Пока не сможет опереться на некоторый условный стержень, способный побудить нацию жить, а не выживать. Немецкая модель, основанная на принципах «государственной лояльности», «культурной консолидации» и «корпоративной солидарности» такое «прорастание» обеспечивает. Для России вряд ли возможно копировать немецкий опыт, но учесть его — необходимо. Ибо вызовы изнутри и извне нарастают, а государственный и общественный «организмы» России, как и прежде, находятся в довольно аморфном и неустойчивом состоянии.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Национальный компонент в структуре отношений и его отражение в классической русской литературе

Предметом литературы является сущность человека, репрезентированная комплексом отношений. Каждый писатель, художник и, шире, каждый человек пребывает в отношениях и высказывается о них. Поскольку язык (речь) служит инструментом отношений, всякое высказывание (включая, причем на ведущих позициях, художественное) прямо либо косвенно затрагивает их.

Отношения представляют собой форму актуализации социальной (хозяйственной) деятельности, орудием которой является человеческая (вербализованная) психика. Отношения организуются по принципу психического доминирования, или власти. Они включают в себя субъектную (руководящую) и объектную (подчиненную) стороны. Отношения развиваются за счет дисбаланса между этими сторонами. Их равенство лишает отношения стимула. Точнее, равенство сторон отношения, возможное лишь как равенство между его субъектом и объектом, упраздняет разделение на субъект и объект и тем самым ликвидирует собственно отношение. Поэтому призывы придерживаться равенства в отношениях имеют исключительно психологическую мотивированность и являются философски бессодержательными.

Отношения, взятые в их совокупности, образуют сложную структуру, в которой выделяются иерархические уровни, типы и виды. Иерархия отношений означает не только приоритет одних из них над другими, но и необходимость каждого более низкого уровня, типа и вида отношений для каждого более высокого. Иными словами, более простые отношения составляют инфраструктуру (необходимое условие существования) более сложных. Кроме того, по мере продвижения вниз по иерархической лестнице отношений возрастает степень отчуждения человека сначала от себя, а затем и от других людей.

Иерархия отношений также означает наличие их главенствующего компонента, который отличается предельной сложностью и поэтому максимальной насыщенностью иллюзиями и ошибками, возникающими при его актуализации. Любой отношенческий феномен ценен в собственном качестве, однако в конечном итоге его ценность измеряется степенью приближенности к иерархической вершине. На этой вершине находится отношение к себе. Его доминирование в структуре отношений является абсолютным, поэтому в отношении к себе объединены уровневый, типовой и видовой параметры.

Приоритетный статус отношения к себе обусловлен возможностью его трансформации в самопознание — высшую форму отражения. Самопознание позволяет не просто представить субъект объектом, но и понять себя, абстрагировавшись от субъектности, преодолев ее и вместе с тем сохранив ее присутствие в границах асимптотического (минимального, несущественного) преобладания объектного над субъектным и, следовательно, объективного над субъективным.

Самопознание является гносеологическим абсолютом. Оно универсально, его актуализация предполагает наличие способности к познанию действительности. Проще говоря, самопознание выступает авангардной частью познания мира (универсума), которое представляет собой высший смысл жизни человека.

Из сказанного вытекает, что познание (понимание) выше отношения и что самопознание (понимание себя) выше отношения к себе. Однако необходимость оставаться в рамках анализа структуры отношений обязывает нас обратить внимание на их средний уровень — межиндивидные отношения. Их репрезентируют три типа отношений.

Во-первых, любовь — отношение между мужчиной и женщиной, основанное на перспективе рождения жизнеспособного потомства. Любовь является самым сложным (наиболее наполненным противоречиями) типом межиндивидных отношений. Она обладает чрезвычайной экзистенциальной значимостью, поскольку представляет собой высший смысл жизни женщины и необходимое условие актуализации

высшего смысла жизни мужчины. Любовь — наименее отчужденное отношение между полами и между людьми в целом. Все межполовые отношения, которые находятся за пределами любви, соответствуют классификационным разрядам, расположенным ниже ее. Полемически заостряя этот тезис, заметим, что всякие отношения между мужчиной и женщиной, кроме любви, представляют собой войну полов, в которой нет и не может быть победителей.

Во-вторых, родство — отношение, основанное на биологической идентичности. Степень родства прямо пропорциональна степени биологической идентичности. Родство — начальная школа любви, однако оно вместе с тем является серьезным препятствием для любви и первым приходит ей на смену при ее капитуляции. Родство крепится потребностью человека в продолжении рода и ослабляется эгоистическими устремлениями участников этого отношения. Занять ведущее место среди межиндивидных отношений родству мешает его инцестуальная составляющая, актуализация которой разлагающе воздействует на мораль, ограничивает биологическую вариативность и тем самым существенно снижает жизнеспособность человечества.

В-третьих, дружба — отношение между людьми одного пола, основанное на общности мировоззрений. Половая дифференциация не является принципиальной для дружбы, поэтому между мужчиной и женщиной отношение этого типа не возникает. За дружбу между полами обычно принимают приятельство, товарищество, партнерство и т. п. отношения, которые не дорастают до дружбы и в лучшем случае оказываются отдаленными предшествиями любви. Кроме того, половая дифференциация предполагает различие в высшем смысле жизни у мужчины и женщины, что, безусловно, является мировоззренчески значимым. Поэтому мировоззренческая общность полов не настолько кардинальна, чтобы образовать основу дружбы. А отсутствие основы отношения исключает возможность его актуализации. Мужская дружба прочнее женской, потому что высший смысл жизни мужчины — познание — обладает более мощным мировоззренческим потенциалом, чем высший смысл жизни женщины — любовь. Однополая природа дружбы свидетельствует о присутствии в ней жизнеотрицающего момента и обусловливает ее низовое положение на шкале межиндивидных отношений.

Непосредственно за дружбой находится последний уровень отношений — общественные отношения. Они возникают между людьми, принадлежащими к одной либо разным социальным общностям. Типологическая структура общественных отношений двучленна. Их верхнюю ступень занимают сословные отношения. Они основаны на

имущественной дифференциации и представлены такими видами, как классовые, профессиональные, кастовые и т. п. отношения.

На нижней ступени располагаются этнические отношения[7], основанные на биологической дифференциации. Национальные отношения являются одним из их видов, наряду с родоплеменными, расовыми и др.

Таким образом, национальному принадлежит место в конце иерархии отношений, однако это не отрицает имманентности национального отношениям. Оно входит необходимым компонентом не только в структуру отношений, но и в структуру личности, аранжируя ее индивидуальность. Через национальное в структуру личности внедряется один из элементов причастности к общему, без которого нельзя быть причастным к универсалиям: сознанию, познанию (мышлению), истине.

Прогрессивное развитие литературы сопровождается переходом от социоцентризма к персоноцентризму, поэтому для художника слова в процессе творчества важную роль играет определение меры значимости национального. Его гипертрофирование свойственно молодым литературам и является естественным этапом их становления. Так, национальный компонент отчетливо акцентирован в «Слове о полку Игореве», равно как и в большинстве произведений древнерусской литературы, в которых ощутим дефицит художественного анализа отношений среднего и особенно высшего уровня. В русской литературе XVIII в. к национальному также проявляется пристальный интерес, хотя в эту эпоху предпочтение отдано изображению сословных отношений.

Постепенное перемещение вверх по шкале художественного исследования отношений в XIX столетии привело русскую литературу к ее классической стадии. Творцы этой литературы составили духовную элиту России, составляют ее по сей день и, по большому счету, не имеют в этой номинации достойных конкурентов. Но еще важнее то, что русские писатели-классики входят в мировую духовную элиту, и там их имена находятся на самом верху.

Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, а в XX в. — Шолохов, глубже других отечественных и зарубежных писателей проникли во внутренний мир человека, отразив типологическую полноту его отношений, и при этом, как правило, чтили

[7] Политические, правовые, религиозные и т. п. отношения являются не типологическими, а гибридными, потому что они мотивированы сословными и этническими отношениями, т. е. производны от них.

отношенческую иерархию. В русской литературной классике с такой регулярностью утверждался приоритет личности, богатой сложными отношениями, что этот духовный тип был обозначен специальным термином — «лишний человек». К типу «лишнего» принадлежат либо тяготеют главные герои лучших произведений русской литературы, которую надо бы называть не русской классической литературой, а классической русской литературой, чтобы прежде всего подчеркнуть ее элитарность и лишь затем — национальное качество.

В классическом облике предстает перед читателем роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Белинский назвал это произведение энциклопедией русской жизни, но справедливость такой характеристики частична. Энциклопедичность является количественным параметром, указывающим на обилие зарегистрированных писателем фактов. Нетрудно заметить, что пушкинский роман менее энциклопедичен, чем многие крупные произведения мировой литературы, которая все же не располагает произведением лучше «Евгения Онегина». Дело не в энциклопедичности, не в широком наборе фактов, а в умении установить и художественно запечатлеть их иерархию, — вот в чем доблесть писателя. А в иерархии фактов нужно отдать предпочтение отношениям, расположив их в строгой последовательности в соответствии с тем, как это происходит в реальности. Копирование здесь исключено: необходимо иметь чрезвычайно тонкое чутье художника, чтобы обнаружить ту глубину, которой не заметили другие.

В результате получится постижение человека через постижение отношений, или, если огрублять, — постижение жизни. И, конечно, не только русской жизни, хотя и русской тоже.

В романе «Евгений Онегин» национальный компонент занимает подобающее ему место. Пушкин не преуменьшает и не преувеличивает значимость национального, а органично вписывает его в структуру отношений. Например, Онегин одевается, как лондонский денди, безупречно владеет французским языком, а хандру Евгения автор именует русской. Однако более существенными для понимания образа главного героя являются его отношения с гувернерами, прислугой, крестьянами, помещиками, высшим светом Петербурга. Еще важнее дружба Онегина с повествователем и Ленским, родственные отношения с отцом и — косвенно — с дядей, любовь между Евгением и Татьяной. А наиболее значима рефлексия Онегина, которая помогла ему сформировать свой уникальный внутренний мир и стать «лишним человеком», одиноким вследствие его духовного превосходства над окружающими.

То, что душа Татьяны русская, принципиально, но для героини важнее ее отношения с няней и родными, а необходимее всего — любовь, и Пушкин постоянно подчеркивает это.

Автор романа «Евгений Онегин» настолько последователен в воссоздании иерархии отношений, что однажды выстраивает ее даже в лирическом отступлении (глава четвертая, строфы XIX — XXII). В нем поэт поочередно развенчивает дружбу, родство и любовь, с тем чтобы завершить свои иронические сентенции персоноцентрическим призывом: «Любите самого себя, / Достопочтенный мой читатель! / Предмет достойный: ничего / Любезней верно нет его». В этом лирическом отступлении пушкинская ирония имеет серьезную подоплеку, будучи направленной не на логику рассуждений, а на категоричность рассуждающего.

Среди величайших произведений русской литературы имеется одно, в котором, на первый взгляд, нарушена иерархия отношений и наблюдается перекос в сторону их национального компонента. Речь идет об эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». В ней сразу и едва ли не повсюду ощутима волевая установка автора на «мысль народную», т. е. на торжество русской идеи. И хотя главные герои в конце концов достигают согласия с ней, их духовные поиски, без которых роман не состоялся бы как великий, далеко выходят за рамки национального.

Итак, императивом для литературы является соблюдение иерархии отношений, в которой четко определена позиция национального компонента. Вернее, это императив для шедевров литературы. Его можно игнорировать, вооружившись методом деиерархизации, но тогда о высоком качестве произведений останется только мечтать, а их профессионально выверенная оценка растворится в дурной бесконечности релятивистских версий.

Что же касается национальной элиты, то ее масштаб определяется весомостью вклада в мировую духовную сокровищницу. Русские гении останутся русскими — этого у них никто не отнимет. Однако не забудем, что их духовная специализация — всечеловечность, или всемирная отзывчивость, как сказал Достоевский. Мы — духовные глобалисты, и это наша национальная черта. Такими мы были искони, такими и останемся, пока будем жить.

III

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Метафизика суверенности

Б. Паскаль с мистическим ужасом еще в XVII в. отметил непостижимое извращение человека, который проявляет чудовищное бесчувствие ко всему возвышенному и божественному и в то же время со столь же чудовищной сверхувлеченностью предается всему мелочному, порочному, поглощен и прямо-таки заворожен гибельной суетой (см.: [1, 261]). Сочетание бесчувствия к великому и сверхвосприимчивости к мелким пакостям вынуждает человека постоянно лгать, делает ложь его второй натурой и движущей силой его жизни.

Продолжая эту традицию беспощадного срывания масок человеческого самообмана, Л.Н. Толстой уже в XX в. заметил, что многие люди лгут, ошибаются, обманывают не потому, что они не ведают истину, что истину трудно познать, а потому, что они уклоняются от реального труда, скрываясь в сфере наукообразного дипломированного паразитизма (см.: [2, 348, 338]).

Наиболее радикально эти извращения поразили научное познание, сделав его своим бесподобным идолом: науки исследуют не то, что нужно людям для спасения, а то, что несет им вред и гибель; науки открывают и умножают не смысл бытия, а его мнимую бессмысленность; науки исследуют мир не для служения жизни, а для поклонения Ее Величеству Бомбе! Наука ни на йоту не убавила нищеты, страданий миллионов людей, ничего существенного не делает в борьбе с отходами, пожирающими планету, хотя причина этих зол лежит на поверхности и называется — паразитизм. Серьезная академическая наука всячески уклоняется от гносеологического контакта с паразитизмом, не подвергает его беспощадному логическому бичеванию и разоблачению.

Эта антропологическая деформация субъекта стала сфинксом на пути изучения, определения бытийного и экономического суверенитета нашего отечества. В меру осознанности этой беды попытаемся все же на миг прыгнуть выше самих себя, дабы достичь хотя бы частичного знания тех условий, при которых возможен относительный суверенитет русской жизни.

Экономический суверенитет — не самостоятельная проблема, а зависимая часть общей суверенности государства и общества. Суверенно

то общество, которое реализует свои же жизненные цели, создает для этих целей свои самобытные институты, самостоятельно добывает нужные ему знания, творит свою культуру, формирует класс трудящихся «умелых», «умных» рук, которые способны создавать все необходимые средства, инструменты для преобразования материи.

Но и суверенитет общества как целого зависит от идейно-теоретического, духовного творчества культурно-интеллектуального слоя, способного осознавать и создавать необходимые жизненные и смысловые ценности народа.

Во внешнем плане суверенитет — категория сугубо политическая и территориальная; но в то же время она содержит в себе глубочайшие общеисторические и — даже — метафизические измерения. Быть суверенным, значит быть не только следствием и условием, но и причиной своего жизненного бытия во всей целостности его воспроизводства. А эта причина жизни коренится в мире сакральных смыслов. Суверенитет — это форма проявления абсолюта, способ его действия как субстанции (causa sui)[1] — самообусловливающейся целостности. Суверенитет — это и иерархия смыслов-идей, социальных институтов, знаний и умелых трудовых рук. Поэтому не столько человек ведает, владеет суверенностью своей жизни, сколько сама эта метафизическая суверенность владеет людьми, выбирая среди них те общности, которые в силу своей сакральной приверженности могут, пригодны и должны служить Высшему Суверену всех Суверенов.

В этом сущностном (ноуменальном), скрытом, но определяющем плане суверенность присуща лишь Богу, Творцу, который абсолютно независим, абсолютно свободен не только от Творения, но и от самого Себя, даже от своей воли и желания. Но абсолютный суверенитет присущ Богу не потому, что он Бог, а потому, что Он находится в вечном духовном, интеллектуальном поиске идей, мыслей, планов, посредством которых ничто преображается в бытие, мертвое — в живое, посредством которых всякое нечто охраняется от агрессии ничто, каждое бытие направляется в гавань истины и смысла. Бог — абсолютный суверен, ибо он — созидатель первообразов всех вещей, идей, людей, слов, перводвижитель всех энергий, времен, событий, дел, происшествий. Бог — вечное доказательство и утверждение суверенности бытия, жизни, мысли.

Благочестиво вольнодумствующий Аристотель полагал, что не только ум присущ Богу, но и Бог присущ уму; а вместе они составляют одно и то же непрерывно длящееся мышления, которое в качестве веч-

[1] Causa sui — причина самого себя (лат.).

ной сущности постоянно мыслит самого себя, а посему и служит божественным перводвигателем космоса. Аристотелевский Бог — совершенный мыслитель, владеющий всеведающим, всепонимающим и всезнающим интеллектом, который и делает его абсолютным сувереном мироздания, гарантом суверенности истины.

Поэтому истинность науки коренится не в ней самой, а в объективной суверенности мирового ума-Бога. Ум стоит выше истины и заблуждения, ибо эти категории суть его орудия, созданные им для постижения реальности и в качестве таковых они подчиняются ему, а не он им. Отсюда следует: «Наука не может иметь своим предметом начала. Но так как ничто, кроме ума, не может быть истиннее, чем наука, то ум может иметь своим предметом начала. Таким образом, если помимо науки не имеем никакого другого рода истинного познания, то ум может быть началом науки» [3, 288].

Именно отношение к уму определяет, по Аристотелю, меру суверенности, свободы и рабства человека, ибо раб по природе тот, кто способен воспринимать, понимать мысли других, но не обладает суверенностью в сфере размышлений и мыслетворчества [4, т. 4, 383].

Творчески суверенная природа ума как целевой причины уникальна и незаменима, ибо он является связующим звеном мира физического и метафизического, выступая в качестве третьей миротворной силы, связующей вечность и время. Ум превращает вечные идеи в деятельные силы мира, а физический субъективизм времени — в законы и формы вечности. Если вечность — это родина идей, душ, нетленных прообразов, если время — это место, где они находятся в гостях, странствиях, где они истлевают, то должно быть у них еще место, где они трудятся, ведут борьбу с безразличием вечности и с тлетворностью времени, отстаивая интересы истины и жизни. А таковым является ум, который служит общим рабочим местом всех обитателей вечности и времени. Поэтому методом Аристотеля является не диалектика противоречий, а триалектика их преодоления и разрешения. Методологической клеточкой его размышляющего анализа является троица «вечность — ум — время». Соответственно и суверенность в своем метафизическом статусе есть высший союз вечности и времени, скрытый диалог этих базовых противоположностей бытия в различных модальностях мира и жизни.

Исключительной актуальны взгляды Аристотеля на то, каким именно образом эта суверенность божественного ума воздействует на мир, ибо здесь речь идет об особом типе воздействий идеального на материальное. Ум движет не вещественно-материальными средствами, не законами, не насилием, не тайной, не хитростью, не пользой, а по-

средством естественной и объективной… любви. Ум есть целевая причина, поэтому «движет она, как предмет любви (любящего), а приведенное ею в движение движет остальное» [4, т. 1, 309]. Ум движет любовью, которую он непреднамеренно вызывает у всего существующего самим своим бытием; и эта присущая уму любовь придает ему высшую и неотразимую суверенность, которая становится конечной целевой причиной человека, жизни, вещей и мира. Суверенность ума, если и не совпадает с любовью и блаженством, то является их сущностным качеством.

Мир для Аристотеля является «божественным мышлением, которое направлено на самого себя на протяжении всей вечности» [4, т. 1, 316]. Поэтому «деятельность ума — это жизнь, а Бог есть деятельность его, какова она сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь» [4, т. 1, 310]. В мировом уме кроется тайна суверенности человека. Человек не должен довольствоваться уделом смертного существа, а делать все, чтобы стать гражданином ума. «…Право, если по объему это (ум. — *Н.Б.*) малая часть, то по силе и ценности она все далеко превосходит а, значит, человеку присуща жизнь, подчиненная уму, коль скоро человек и есть в первую очередь ум. Следовательно, эта жизнь самая счастливая» [4, т. 4, 283].

Несомненно, что в учении Аристотеля о мировом уме-Боге содержится какая-то неведомая эзотерическая религиозность человечества, глубинная вера в суверенность как наиболее полное единение божества и ума в человеке и мире.

Учение Аристотеля о Боге как всесведущем уме-перводвигателе близко к христианской формуле: «Бог—Любовь». Действительно, любовь есть высшая и парадоксальнейшая форма суверенности, когда любящий добровольно и свободно приносит себя в жертву ради любимых — таких неблагодарных и коварных, таких злобных и бесстыдных, таких малодушных и порочных, таких дерзких и неисправимых, таких безумных и жалких. Высший суверенитет христианство видит в добровольной жертве, в свободном отказе от своего суверенитета во имя спасения суверенной (хотя может и недостойной?!) жизни других. Но парадокс в том, что постоянное жертвование своим суверенитетом в пользу нуждающихся слабых людей вопреки всякому здравому смыслу укрепляет, возвышает и хранит суверенитет самого христианства. Поэтому Христос не укреплял свое войско (оборону), не принимал мер по спасению кассы от кризисов (финансы), не собирался удваивать ВНП (пять тысяч хлебов), не совершенствовал свои информационные и навигационные службы (СМИ, ГЛОНАС), а укреплял свой Дух — источник, двигатель и смысловой ресурс своей абсолютной

суверенности. Суверенность для Христа состоит в том, чтобы сохранить верность своему Отчему Духу, божественному интеллектулюбви, которые только и могут превратить временное поражение, временную несуверенность в вечную суверенную и духовную первопричину жизни.

Следовательно, суверенностью могут обладать лишь те сущности и существа, которые в наибольшей мере сохранили связь с мыслящелюбящей силой Бога, с оригиналами и перводвигателем всех вещей, с истоками *сувереногенеза,* питаясь его живыми смыслами, его творящими и благодатными энергиями.

Даже если взять чистую науку, внешне якобы противостоящей сакральному миру, то и ее относительная суверенность в полной мере обусловлена связью с Первосувереном мира. И. Кеплер, Г. Галилей, И. Ньютон, Р. Декарт, Г. Лейбниц, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн и масса других выдающихся ученых сделали открытия и отстояли свою малую суверенность против злобы, пошлости и глупости людской только благодаря своей внутренне интимной связи с Первосувереном мира. И даже такие яростные атеисты, как Вольтер, П. Гольбах, Ж. Мелье, М. Бакунин, А. Герцен, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, вершили свою исполинскую суверенность не без помощи сакральных сил. И для них непререкаемым священным авторитетом был все же языческий богбунтарь, Прометей, заплативший за свою божественную суверенность вечными муками[2]. А бесподобный бунтарь Неба, Фидель Кастро, завершил свою атеистическую идеологию созданием единственного на Кубе православного храма!

И даже откровенные сатанисты, отрицающие сакральные авторитеты и ценности, вредоносничают лишь посредством отрицания Высшего Суверена, ибо всякое другое отрицание сделало бы их мелкими пакостниками и глупыми преступниками, а не серьезными сатанистами.

Внутренний закон суверенности неотвратим: максимум земной, внутренней суверенности индивидов и стран осуществим через максимум сакральной зависимости и несуверенности. И в точке пересечения, сопряжения полюсов суверенности и зависимости зажигается Иное как высший смысл этих противоречий: «Высшая суверенность Я — это Ты, Мы и Все. Я во Всем и Все во Мне».

Вот почему истинное рассмотрение проблемы экономического суверенитета возможно лишь в религиозном контексте, лишь в сакральных координатах, а если быть уж предельно строгим, то в рамках христианской парадигмы, в которой суверенность осуществлялась как в

[2] «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском словаре» [5, 25].

прямых, банальных, так и в парадоксальных формах самопожертвования.

Люди мало задумываются о том, что доступные им разные (но малые!) доли суверенности и самостоятельности возможны лишь потому, что наш Бог целиком пожертвовал своей суверенностью, дабы разделить ее среди рода человеческого, в большинстве своем даже не подозревающего о том, чьим суверенитетом и жизнью оплачены крохи их суверенной свободы, мгновения их блаженства и счастья. Самопожертвование Сына Божьего является незримым, но спасительным метафизическим гарантом общественной и экономической суверенности.

Но, увы! Никуда не уйти от антисакральности, квазирелигиозности, антирелигиозности и духовной безразличности современного мира; вот и приходится рассматривать экономический суверенитет в чуждом методологическом контексте как чисто человеческую, социально-политическую и экономическую проблему, хотя в этом контексте она и не имеет решения. Взглянем все же на эту проблему глазами метафизики, сохранившей в себе религиозные измерения мира и познания. Но не будем забывать, что истинное понимание, обоснование экономического и политического суверенитета коренится именно в нормальном горении религиозного духа[3].

---

[3] Невозможность суверенности государства и общества без религии всесторонне обосновал Гегель: «До тех пор, пока истинная религия не появится и не получит господства в государствах, до тех пор и истинный принцип государства не найдет себе осуществления в действительности» [6, т. 3, 341]. А истинный принцип — это суверенность, свобода, которые невозможны без органического единства власти и религии. «В религии и в государстве — одно понятие свободы. Это одно понятие есть самое высшее из того, что дано человеку, и оно реализуется человеком. Народ, имеющий плохое понятие о боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы» [7, 400]. Гегель полагал, что именно религиозный дух и совесть суть та первичная суверенность, которой должны соответствовать все законы и реформы. «Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии, — *революцию* произвести без *реформации*, — воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной им власти устанавливать государственный бюджет… законам будет сообщена устойчивость. Желание отделить права и законы от религии можно рассматривать только как крайний шаг, свидетельствующий о бессилии проникнуть до глубины религиозного духа и поднять его до его собственной истины» [6, т. 3, 339]. Для Гегеля даже «церковь есть государство, возведенное в мысль» [8, 382]. Поэтому отделение церкви от государства фактически означает отсечение государством своей части. А реформация (или — контрреформация?) уже в современном плане — это восстановление связей общества, государства, человека с естественной суверенностью

Итак, Бог — единственный полноценный суверен известного нам мира, живущего жертвой этой божественной суверенности.

Но христианство подарило нам и чудную притчу о Вавилонской башне, которая служит сакральным символом человеческой, чисто человеческой суверенности. Если грех прародителей был просто отклонением от Бога в пользу своей суверенности, то Вавилонская башня — это уже целая идеология, которая дерзко и бездумно противопоставила человеческий суверенитет Творцу, сделав этот суверенитет целью, принципом, идеалом безрадостного и безблагодатного бытия. Потеряв связь с суверенностью Творца, люди сразу же потерял и свою собственную суверенность. Ну, и, не зная, что им по большому счету делать, люди стали убивать друг друга, полагая, что тот, кто больше угробит своих собратьев, тот больше захватит для себя суверенитета. И счета убийствам, похоже, не будет конца до самого конца. Тем более что эти убийства, соединяя в себе полезное с приятным, служат мощным источником научно-технического прогресса, развития культуры и прав человека.

Символ Вавилонской башни сверхубедительно и наглядно доказывает нам, что суверенитет вне религиозного контекста неотвратимо превращается в сугубо разрушительное и демоническое начало, выступающее внешне в трех якобы противостоящих друг другу формах.

Во-первых, антропологический суверенитет человека выступает в качестве демократического принципа — как право народов на самоопределение. Но это право разрушает органические целостности общества на мелкие части, которые дробятся дальше, вплоть до прав отдельных индивидов, хотя теперь уже есть права на самоубийства, «права» органов человеческого тела быть проданными, право быть рожденным или абортируемым.

Во-вторых, права на самоопределение требует и властное насилие, воплощенное в государстве, которое, кажется, от суверенитета выиграло больше всего. Что-что, а насилие в человеческом, чисто человеческом мире обрело полный суверенитет, став перманентным терроризмом государства против граждан.

В-третьих, появилась революция как новый самостоятельный суверен, требующий бесконечной борьбы частей друг с другом во имя… Да, во имя чего? Кажется, свободы… Но постоянная борьба частей друг с другом неизбежно ведется за счет целостности общества и в

религии. Суверенность обретается не в революциях, не в МВФ, не в НАТО, а в священном мире религии.

итоге разрушает ее. Революция породила феномен партийной борьбы, вообще партийщины, которая со своими противостоящими друг другу идеологиями и программами стала с тех пор самым совершенным средством разрушения самосознания и духовной идентичности народов России. Народы ведь не арифметические совокупности составляющих их индивидов, а уникальные коллективные Существа, соборные Личности, ядром которых служат религиозное восприятие, осмысление мира, оценка его как духовной и значащей сущности. И суверенитет народов есть лишь частица, искра Божьего суверенитета, дающего вечный смысл всем мыслям, словам, делам, путям людей.

Коварную роль в утверждении чисто человеческой суверенности сыграла и играет диалектика со своим учением о раздвоении единого на противоположные борющиеся части. Великий мастер диалектики, В.И. Ленин, быстро понял коварство этого вздорного андрогина и пресек его действия политической резолюцией «О единстве партии» на X съезде РКП (б)[4]. О, сколько суверенных голов потеряли свою суверенность от этой простой, как мычание, резолюции! Диалектика так обезмыслила людей, что они никак не могут уловить очевидный факт: почему так выходит, что чем больше люди борются за суверенитет и свободу, тем меньше этих благ у них остается, да и людей остается все меньше и меньше, а смысл и вовсе исчезает. Диалектика твердит, что нет зла без добра, а добра — без зла; нет суверенности без зависимости и наоборот. Поэтому же между этими началами должна по законам диалектики вестись непрерывная война. Зачем? Во имя чего? Какой смысл в ней? Молчат суверенитет и свобода, ставшие добычей ненасытных демонов диалектики!

Естественно, что человечество упорно искало выход из тупиков своего вавилонского суверенитета. Не без помощи Провидения была найдена *империя* — наиболее удачная форма сакрально-человеческого

[4] В философии В.И. Ленин твердо заявлял: «Раздвоение единого и познание противоположностей его… есть с у т ь (одна из “сущностей”, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [9, 316]. А вот в партии против подобного же «раздвоения» меры принимались самые суровые. «“Мы Кронштадта в партии не потерпим”, а с нарушающими партийное единство, разлагающими партию необходимо говорить винтовкой и пулеметом. Все фракции, платформы и группы должны быть распущены. Запрещаются всякие фракционные выступления. Нарушение этих требований влекло за собой немедленное исключение из партии. ЦК получал право применять любые взыскания, вплоть до исключения из состава ЦК и из партии даже членов ЦК. Ленин настаивал на недопустимых в обычных условиях мерах ущемления внутрипартийной демократии, прекрасно понимая, что эти меры чрезвычайные, антидемократические, временные. Тем не менее, резолюция не была отменена до последних дней партии» [10, 229].

суверенитета. Империя стала первым земным субъектом относительной исторической суверенности народов.

Сегодня империя как идеал и как реалия раздражает до злобы инфернальной очень, даже очень многих радикалов гуманистического суверенитета. Империя как живой социально-политический организм является относительным выходом их хаоса разрушительных сил чисто человеческой и земной суверенности; она связала их, загнав их агрессию в лоно сакральной законности. При всех своих суровостях, жестокостях, при всех своих аномалиях и отклонениям от нормы империя все же признавала высший и непререкаемый суверенитет не за императором (царем, королем), а за Богом. Высшие правители империи обладали максимумом суверенитета не сами по себе, а от Бога. Граждане империи мистически чувствовали эту зависимость своих владык от Высшего Суверена; поэтому они искренне почитали, любили императоров, жертвуя даже своей жизнью ради не всегда достойных носителей высшей власти. Империя сохраняла народы и племена в составе более высокой органической и духовной целостности, предохраняя их от растворения на мелкие и враждующие механические общности, которые затем распадаются на толпы и стада. Она выступала как тотальный посредник в общении граждан с Небом.

Империя признавала свою тотальную зависимость и несуверенность от Бога, а потому обретала максимум суверенности в своем земном бытии. Империи самостоятельно творили суверенные цели своей жизни, свои суверенные социально-политические институты, создавали суверенные культуры, суверенные системы образования и научного творчества, формировали особые военно-трудовые классы «умелых людей».

Империя была первым земным субъектом суверенной экономики и власти народов. Понятно, что не всякое государство, именовавшее себя империей, реально соответствовало ее объективному содержанию. Англия, США не являются империями, ибо их высшая власть не имеет метафизически сакральной санкции, а целиком обусловлена чисто земными интересами. Выражения «Священная Британская империя», «Священная Американская империя» звучат даже как-то кощунственно хотя бы в сравнении со Священной Римской империей. Хотя, хотя, даже империеподобие этих стран делает их более привлекательными, целеосмысленными, чем страны, не имеющие в духе своем такой ценности.

С деградацией религиозной духовности и культуры империи лишались благостной поддержки сакральных сил Неба и разрушались безумствующими строителями Вавилонских башен. И с 1793 г. появился

новый субъект суверенности общества и власти — *нация*. Хотя… хотя французская Вандея и крестьянство Российской империи еще долго сопротивлялись превращению своих естественных общностей в национальные союзы.

«Прогрессбиянская» историография, связывая возникновение наций с капитализмом, видит в формировании национальных общностей великое благо, для поддержки которого был задействован в полной мере весь разрушительный потенциал права на самоопределение. Правда, это самоопределение исторически оказалось хромым, слепым, однобоким и доступным не для всех народов: в одном случае самоопределение называется свободой и всячески поощряется, а в другом — такое самоопределение именуется сепаратизмом, угрожающим целостности нации, и против него ведутся военные действия на уничтожение. Нации беременны неразрешимым противоречием: или давать полную свободу праву на самоопределение и тем самым разрушать свою же суверенность, или же им следовать закону общественной целостности, но тогда сами нации являются незаконнорожденными осколками, искусственными конгломератами общества, в которых заложены мины замедленного действия.

Вовсе не случайно, традиционализм Р. Генона крайне негативно оценивает возникновение наций. Его аргументы серьезны настолько, что их почти невозможно принять, хотя и опровергнуть их нельзя.

Р. Генон констатирует, что европейским нациям предшествовало духовное единство, религиозная общность европейцев; эта общность была создана христианством, его университетами, единой индивидуализированной системой образования, единым политическим союзом с едиными вооруженными силами и финансами. Эта европейская общность опиралась на качественные различия индивидов, что и было закреплено в социально-профессиональных цехах, союзах, орденах, сословиях[5]. Экономические единство выросло позже уже на руинах этого первичного социально-духовного строя.

Разрушать этот строй европейского Средневековья начала с XIV в. французская монархия посредством борьбы с духовной властью. И эта вражда завершилась революцией, отринувшей духовную власть и монархию и учредившей в качестве высшей власти нацию, которая опи-

[5] Р. Генон полагает, что после разрушения античности «на несколько столетий возрождается нормальный строй. Ему соответствует период Средних веков, о которых наши современники, не способные осмыслить всю полноту интеллектуальности и духовности той эпохи, имеют настолько превратное представление, что считают их гораздо более чуждыми нам и далекими, чем классическая античность» [11, 22].

ралась на две иллюзии: равенство всех людей, народное самоуправление. Р. Генон прав, что такого равенства нет даже в мире чисел и точек, которые все же отличаются хотя бы местом в «третьем мире». Ну, а полное самоуправление народа — это величайшая глупость и невозможность, которые никогда не имели никакого смысла и реальности: люди не могут одновременно управлять и быть управляемыми, ибо управление — это наука-искусство и практический навык, для обретения которого нужны высокое развитие интеллекта и практический опыт. Трудовому люду некогда обрести эти способности, а ленинская кухарка скорее состарится, чем научиться управлять государством, растеряв вдобавок свои несомненные кулинарные умения. Но трудящимся да и просто неумелым в управлении людям посредством гипноза внушили, что это именно они сами собой правят посредством выборов, всеобщего голосования, демократического принятия законов. На деле вся исполнительская власть сосредоточена в руках капитала, который в свою очередь повинуется анонимным лидерам анонимного духа анонимной религии, к которой большинство электората взывает в минуты жизни скверные.

Поэтому и «установление “национальностей” было средством, используемым для разрушения социальной традиционной организации Средних веков» [12, 218]. Последствия учреждения наций как новых субъектов суверенитета стали постоянным кошмаром для европейцев и всего мира вплоть до наших дней. Сразу же появились национальные интересы, национальная безопасность и… мировые войны. Р. Генон пишет: «Особенно зловещим для тех, кто даст себе труд задуматься об этом, должно представляться то, что “восстание масс” или “всеобщая мобилизация” становится постепенно совершенно нормальным явлением, и почти все за редким исключением спокойно принимают идею “вооруженной нации”. …Тотальные войны стали возможными благодаря формированию “наций”, произошедшему как следствие разложения высшего единства средневекового Христианства» [13, 88].

Кризис идеи нации проявился даже раньше ее практических воплощений в учениях утопических, научных и ненаучных социалистов, которые, как и традиционалисты, провозгласили эпоху постепенного отмирания наций, их перерождения в новый тип более крупных исторических, региональных, континентальных общностей, с перспективой слияния всего человечества в единую метанациональную общность, в единого и подлинного субъекта тотального суверенногенеза.

Но христианство, уже знавшее такого единого субъекта, сохранившего память о нем и виртуально храня его субъектность в своем духе и в своем организационном строе, скептически смотрит на этот само-

дельный интернационально-социальный экуменизм. Скептически, ибо эта новейшая историческая общность в качестве субъекта суверенности формируется лишь на основе материальных интересов, которые исключительно неустойчивы, ибо находятся в состоянии непрерывной конкуренции.

И глобализация крушит нации, трансформируя их суверенность в сырье неведомой общности, в горючий материал для самоопределения метанациональных и сверхнациональных Левиафанов. Самоопределившиеся нации становятся донорами и средством самоопределения своих гробовщиков.

Вслед за самоубыванием и саморастворением наций как временных носителей суверенитета трансформируется и властное насилие суверенитета, воплощенное в национальных государствах. Можно предположить, что новым субъектом суверенности человека и человеческого рода станет уже не нация, а единое мировое государство, возникаемое в недрах глобализации. И теперь это становящееся анонимным метагосударство посредством наций разрушает уже не донациональные формы жизни человека, а сами национальные общности людей превращает в стада и толпы мегаполисных кочевников без рода и племени.

Но, кажется, бьет час и самому государству, которое разъедает, доедает коррупция, с одной стороны, и насилие, применяемое к своему населению, — с другой. Государство незаметно теряет свои властные функции, саму власть, свои территории, свое население, свои войска и доходы, оставаясь оболочкой власти.

Этот феномен глубоко исследовал в философии хозяйства. Ю.М. Осипов, лидер этого одного из самых плодотворных общенаучных направлений, отмечает, что глобализация качественно деформирует истоки, суть власти и государства. «Государство истаивает, передавая власть невидимому, даже непознаваемому, субъекту. <…> Никто никому ничего не указывает и никто никого за руки не держит, но все, или подавляющее большинство, действуют почему-то… по образу и подобию, конечно же, не божественному и природному, а всего лишь… предложенному… *ниоткуда*. *Власть ниоткуда* — это феномен, феномен *нового мира*…» [14, 11, 12]. Всеобщая формула этой власти гласит: «Цель — ничто, а игра, к ней ведущая, — в потемках!» [15, 224].

Действует эта власть сказочно-мистическим образом, требуя от подвластных идти туда, не зная куда, и приносить то, не зная что. Но самый невероятный парадокс заключен в том, что все идут именно туда, куда нужно незримой власти и приносят именно то, что нужно

этой власти. Ю.М. Осипов обозначил эту власть термином «криптократия». Ну, а всякая криптограмма имеет свой шифр и свою разгадку.

Но кто предположительно может быть скрывающимся субъектом «власти ниоткуда»? Ведь власть и государство все же остаются, хотя и облачившись в шапку-невидимку.

Истоки и суть подобной власти обычными предметными методологиями не постичь. Здесь нужно глядеть на бытие с точки зрения и притязаний призрачной, фальшивой, паразитической реальности, которая в сути является нереальностью, околореальностью, антиреальностью. *«Власть ниоткуда»* — это ведь власть ничто, небытия, власть бездны, власть отрицания и разрушения как таковых. А субъектами этих инфернальных сфер являются призраки и демоны, которые посредством активизации исторически преодоленных сил бессознательности, иррациональности и бессмысленности уже давно властвуют над людьми и их правителями, наивно полагающими, что все происходящие события творятся ими, их сознанием и умом. Они не ведают, что творят, ибо не ведают о тех, кто творит ими, и о том, что с ними творят эти неведомые субъекты. Они не ведают того, что их сознанием и действиями осуществляется великий проект ничто.

Каковы же способы, методы средства осуществления власти ниоткуда?

Ю.М. Осипов абсолютно прав, утверждая, что власть эта «вовсе не такая уж полицейская, а в первую очередь — *концептуальная*, мало того — *осознанивающая*, но, разумеется, по-своему и для себя» [14, 13].

Это положение имеет принципиальнейшее значение для понимания сути суверенитета современных обществ и государств. Власть ниоткуда правит посредством каких-то неведомых концепций, знаний, которые несоизмеримо превосходят качество сознания и ума управляемых. И эти властвующие знания относятся, прежде всего, к пониманию самого ничто; в этих знаниях ничто является своим адептам, закрывая для них свет мысли и вскрывая их сознание для тайных сил безмыслия и безумия. Властвует тот, кто лучше и глубже понимает деструктивную суть ничто, кто активнее участвует в его черных мистериях, кто полнее использует потенциал его тьмы во властных целях. На феноменальном антропологическом уровне эта власть ничто осуществляется посредством инстинктов гедонизма, агрессии бессознательного (хаоса) и безмыслия иррациональности. Вот эта троица и составляет суть власти ниоткуда, направляя волю как правителей, так и подвластных, как сознательных манипуляторов, так и манипулируемых, позволяя всем

им в разной мере пользоваться своими коварными допингами и кредитами, своими временными дарами и свободами.

Каковы же возможные цели этой власти ниоткуда?

Ю.М. Осипов полагает, что власть эта необходима атлантоевропеоидам «ради исполнения какой-то таинственной сверхзадачи… ради прорыва в *иные*, т. е. нечеловеческие миры». И почему бы этой власти ничто не устремиться «к тому же бессмертию, принеся остаточный мир в неизбежную жертву?» [14, 13—14]. Крепко сказано!

Но здесь нам нужны уже существенные различения. Есть бессмертие живое, благостное, божественное, даруемое за праведную жизнь, за служение идеальным силам вечности. Это бессмертие жизни может быть достигнуто лишь путем отрицания отрицаний самой смерти («смертию смерть поправ»).

Но есть бессмертие неживое, инфернальное, достигаемое за счет потребления жизни («жизнь поглощается смертью бессмертной» (Лукреций)). Но смерть остается бессмертной лишь пока длится смертная жизнь, ибо с отсутствием жизни наступит конец и инфернальному бессмертию. И смерть, ничто тоже знают о временной природе своего бессмертия; поэтому они ищут более надежные гарантии не только для своей вечности, но и просто для сохранения своего существования. И поскольку инфернальное бессмертие требует постоянных и массовых жертвоприношений на алтарь ничто, то в итоге оно требует принесения в жертву всего человечества. Гибель всего живого логически и онтологически необходима для бессмертия ничто и смерти.

Посредством глобализации ничто стремится превратить свое временное и преходящее бессмертие в бессмертие вечное, принеся ему в жертву жизнь. А поскольку жизнь коренится в силах духа, то ничто стремится сделать бытие, жизнь и дух своими вечными пленниками, которые будут снабжать Кощея ничто эликсиром бессмертия, добываемого из рационально регулируемого потребления живой жизни. Жизнь не должна отвлекаться на всякие там культуры и смыслы; она должна отдавать все свои энергии делу сохранения ничто. Глобализация и есть феноменальная, легальная форма, посредством которой ничто надеется сделать жизнь своим вечным донором, утвердив тем самым инфернальный вариант бессмертия в качестве высшего закона вечности. «И вот эта-то инфернализация и надвигается сегодня на человечество… Соглашаясь на глобализм и глобализацию, человек рискует обрести не новую жизнь а самую настоящую *антижизнь*…» [14, 18].

Современное государство отражает, словно зеркало, свое собственное уничтожение в качестве суверенного политического тела, заменяя

свою реальность служением антижизни, прикрывая политическими, а то и аполитическими, псевдособытиями свое социальное оборотничество.

Парадокс, но эволюция государства завершается крахом насилия. Современные государства не имеют самостоятельной политики; они не могут рационально регулировать социальные отношения; они теряют свою сущность, которая вымывается шантажом, подкупами, устрашениями, притворством, празднествами, показными хлопотами. Современное государство с неистовой яростью пожирает свои органы, разрушает свои города, деревни, ландшафты, выступая как «форма государственного терроризма». И погром СССР (Союза Священных Сил России!) устроило именно советское государство, правда, от имени и по поручению «власти ниоткуда». Эта же «власть ниоткуда» уничтожает политический и государственный суверенитет всех современных наций вместе с самими нациями.

Соответственно, и третий элемент чисто человеческого суверенитета — революции — становятся рукотворным, рыночным товаром, делаются по заказу, позволяя всякой части общества в любой миг вцепиться в другую его часть и начать «последний и решительный бой». Революции, как авто, можно теперь выбирать даже по цвету. Суверенность революций заканчивается суверенной волей их анонимного заказчика, требующего добровольно и без лишнего шума покончить со всем этим суверенным бредом и сбродом с пустой головой.

Итак, нация как наследник имперской субъектности к исходу XX в. исчерпала свой потенциал суверенности. Три разрушительных начала человеческого суверенитета — самоопределение, государство, революция — завершаются разрушением самих себя, доказывая вечную правду символа уробороса. И хотя президенты все еще молятся и клянутся национальными святынями, главное-то не в них, а в воле нового хозяина, нового носителя Нового Суверенитета. Уста их клянутся, а душа дрожит от страха не успеть на последний борт заминированного лайнера. Власть — величайшая чистюля; поэтому ей особенно неприятны властители, ставшие мусором.

Какая же социально-политическая сила, структура, нашего мира может подхватить грозное знамя суверенитета, стать новым субъектом суверенитета, сохранив хотя бы мизерные остатки сего драгоценнейшего бальзама, без которого невозможны никакие человеческие общности?

Имперские и национальные потенциалы суверенности, взятые сами по себя, явно недостаточны, но при поддержке анонимной «власти ниоткуда» они могут пережить еще свой ренессанс и стать внешними

формами бытования приласкавшей их власти, если они, конечно, сумеют найти с ней общий язык, что крайне сомнительно, хотя и не исключено.

Можно позволить вопросу о сути суверенности современных обществ самому выбрать свою постановку, ну, например, такую: «Какое социополитическое, экономическое и религиозное начало современных обществ обладает максимумом суверенитета, свободы, независимости, средств, финансов? Где сосредоточиваются сегодня наилучшие ученые, конструкторские, инженерные, вообще, человеческие силы? Наконец, какая структура обладает наиполнейшей и наисовершеннейшей информацией обо всем и обо всех еще на уровне замыслов, начал и проектов?».

Правильно! Тайная полиция! И именно общество, максимально приближенное к образу и подобию тайной полиции обладает сегодня максимальным суверенитетом во всех своих сферах, включая и финансово-экономическую безопасность.

Тайная полиция — изобретение не сегодняшнего дня, и не только людей. Очевидно, что уже на Небе блестящая чистка ангельских чинов от падших предателей была невозможна без слаженной работы горних спецслужб.

Земно-небесным прообразом тайного ведения и незримых действий стала инквизиция. До сих пор это слово служит самой страшной печатью отверженности человека от общества, хотя по сравнению с уничтожением коренного населения Америки, Австралии, по сравнению с работорговлей в Африке, по сравнению с атомными бомбами, мировыми войнами, инквизиция выглядит старомодно, а ее «производительность» никак не устраивает современных гуманистов.

Еще Ф.М. Достоевский пророческим видением своим открыл, что подлинное время инквизиции не в прошлом, а в будущем. А как далеко глядел Великий инквизитор, указавший, что современный человек может найти покой, счастье, надежную работу, приличный достаток лишь под эгидой инквизиции, которая к тому же полностью обезопасит его от криминала, инфляции, коррупции и душевных страданий[6].

[6] Г. Бемер и Г. Ли, авторы солиднейших книг, признают, что по мере ознакомления с изучаемым материалом их оценка иезуитов и инквизиции все больше смещалась в позитивную сторону. Светские власти и суды было гораздо суровее и беспощаднее к обвиняемым, чем в инквизиции, где процессы порой тянулись годами. Большинство обвиняемых (до 90%) оправдывались, или же они осуждались на чисто символические наказания. Количество сожженных инквизицией ведьм и чародеев просто позорно для такой солидной и грозной организации. Инквизиция в основном занималась профилактикой ересей, а не казнями. Авторы доказывают, что фактически инквизиция служила удоб-

ным карательным органом светской власти, которая списывала все свои преступления на инквизицию. Но самое главное, европейские общества того времени не могли обойтись без единой власти, которую худо ли бедно осуществляла именно инквизиция как исполнительный орган всей Европы; инквизиция собственно и слепила известную нам сегодня Европу [16, 8, 448—449].

Однако при всем позитиве инквизиции, следует заметить, что человеческое общество — не курятник, в котором можно с большим благожелательством проводить селекцию. Известно, что все проекты селекции людей завершались деградацией самих селекционеров. Человека делает человеком самостоятельное решение, изучение, свободная воля и ответственность за свою жизнь и свою… смерть. Инквизиция же покушается именно на эти качества людей, превращая их в человекоподобных потребителей благ жизни.

А. Кураев уж совсем сладостно, хотя и вполне реалистически, благовествует нам «Доброе слово об инквизиции». Приведенные им массы фактического материала говорят убедительней всяких слов. Так, Испанская инквизиция была учреждена в 1478 г., Португальская — в 1540, Римская — в 1542 г.; Индекс запрещенных книг заработал с 1571 г. А до этого людей казнили и жгли светские суды и власти. Массовая охота на ведьм — феномен не Средневековья, а Ренессанса и даже Просвещения. Дело в том, что на пути проектов революционных изменений общества стояла не столько церковь, сколько крестьянская и ремесленная культура, составной частью которой было колдовство, защищавшее трудящихся от газетной мути своих новых господ — просвещенных рыночных рабовладельцев. Вот светская власть и использовала церковь как орудие разгрома суверенной трудовой культуры. Инквизиционные архивы красноречивы: с 1550 по 1800 г. инквизиция засудила 150000 человек; из них только 3000 — смертные приговоры, а остальные были оправданы или отделались символическими наказаниями (постом, епитимьями и др.). Да и пытки применялись очень редко. Все светские суды европейских стран имели в этом плане гораздо лучшие показатели, ибо практически оправдательные приговоры в них были крайней редкостью, а нормой были пытки и смертные казни [11, 22—28].

Совместными усилиями инквизицию оболгали протестанты, просветители и оккультисты; они были недовольны не самой инквизицией и казнями, а малой производительностью ее карательных сил. Они же жаждали революционных трибуналов, которые за месяц казнили больше, чем вся инквизиция за все время своего существования. А. Кураев пытается несколько облагородить и оправдать инквизицию перед современностью, хотя это излишне: все мы прекрасно знаем, что как только потухли костры инквизиции, сразу же запылали пожары революций. В этом плане инквизиция проводила санацию общества, превентивно обезвреживая будущих пламенных революционеров. Поэтому инквизиция не исчезла, а стала составной частью тайных полиций, постепенно глобализуя их в духе новых задач спасения рода человеческого уже от глобальных ведьм и колдунов революции, от финансовых чародеев и мошенников, от экологических выродков.
Очень важны мысли А. Кураева о том, что главной и специфической функцией инквизиции была не борьба с ересями и колдовством, а… послушаем автора: «Как ни странно, но у рождающейся науки и инквизиции была общая черта: и там и там требовали доказательств и не слишком верили субъективным свидетельствам, доносам и заявлениям, стараясь найти способы их объективной проверки. И вовсе нельзя считать случайностью то обстоятельство, что рождение науки пришлось на пору расцвета инквизиции…» [11, 34].

Какие бы проклятья в адрес инквизиции мы ни посылали, экономика, культура и социум требуют своего — не государственного, а именно инквизиционного управления и регулирования. Сегодня именно тайная полиция, которая, видимо, никогда не порывала своих деловых и творческих контактов с инквизицией, является, пожалуй, единственной здоровой силой общества, которая знает, что делать, как делать, чем делать, к какой цели нужно стремиться. Оспаривать данный факт можно, но он уже давно внушил нам свою неоспоримость.

И этот процесс возвращения инквизиции к центру общества уже «пошел» и зашел настолько далеко, что остановить его, а тем более повернуть назад уже никак и никому на Западе невозможно. Самая свободолюбивая Англия выделила 10 млрд фунтов стерлингов на создание электронной сети тотального контроля за своими и чужими гражданами, приступив тем самым к реализации давних проектов Б. Рассела[7]. Конечно, нужно время, чтобы люди привыкли к слову, чтобы

Глубокие и крутые мысли! Инквизиция и наука — братья-близнецы; на время их пути разошлись, но сегодня они вновь соединяются, чтобы спасти разлагающееся и погибающее человечество, которому наш классик поставил безнадежный диагноз.

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки

(А.С. Пушкин)

Спрашивается, какой должна быть власть, чтобы совладать с такими гуманоидами? Правильно! Власть, сочетающая змеиную мудрость инквизиции и науки! Неоинквизиция! Большинство людей в глубине души согласны с таким решением. Ведь не зря детективная литература пользуется таким спросом! Она же приучает народы к этой грядущей власти.

[7] Как это конкретно должно быть, расскажет нам дух Англии. Главным идеологом, научным и практическим экспертом неоинквизиции заслуженно и по праву является величайший гуманист XX в., лорд Б. Рассел — автор и подписант ряда гуманитарных манифестов и проектов всеобщего счастья человечества. Именно наука, по убеждению Б. Рассела, окончательно решит все вопросы человечества, осуществит самые дерзкие мечтания великого инквизитора — достичь тотального контроля и управляемости над людьми. Идеал инквизиции давно тревожит пытливые умы ученых.

Великий инквизитор учил, что эту задачу надо решать, начиная с разрушения семьи и создания тотально подконтрольного образования. Лорд согласен со своим учителем и заверяет нас, что вскоре «наступит время, когда любой сможет убедить любого в чем угодно, если ему удастся заполучить объект молодым, а государство предоставит финансы и технику». На сей счет наш мудрейший друг может не сомневаться.

Б. Рассел гуманитарствует далее: «Объект, попавший в руки ученых в условиях *научной диктатуры* (курсив мой. — *Н.Б.*), будет двигаться семимильными шагами… Социальные психологи будущего займутся разработкой методов, с помощью которых они

смогут, работая со школьниками, убеждать их в том, что снег черный. Результаты не замедлят проявиться. Во-первых, будет доказано, что семья мешает. Второе — обработка не даст существенных результатов, если она начнется после десятилетнего возраста. Третье — стихи, положенные на музыку с повторами, очень эффективны. Четвертое — мнение, что снег белый, нужно считать проявлением болезненной эксцентричности. Ученым будущего предстоит отработать эти максимы и точно подсчитать, во сколько встанет убедить одного школьника, что снег черный, и насколько дешевле будет убедить его в том, что снег темно-серый».

Важная роль принадлежит и научной полиции, которая тщательно должна следить, чтобы доступ к науке получали «только представители правящего класса. Простолюдины не узнают, как формируются их убеждения. Когда техника будет отточена, любое правительство, руководящее образованием в течение жизни одного поколения, сможет надежно контролировать своих подданных без армии и полиции». Возможно, так и будет, но кто будет контролировать правящих контролеров из самого правительства? А то нелогично получается: все должны быть подконтрольны, а тут люди с чудовищной властью могут презреть всякий контроль и сломать идеальную научную диктатуру. Нет проблем! Б. Рассел заявляет: «Научные правители будут давать одно образование обычным мужчинам и женщинам и другое — тем, кто должен унаследовать научную власть. От обычных людей требуются покорность, трудолюбие, пунктуальность, бездумность и довольство. Из данных качеств важнейшим, по всей вероятности, следует считать довольство. На его достижение будут брошены все силы психоанализа, бихевиоризма и биохимии… Всех мальчиков и девочек с раннего возраста будут учить “сотрудничеству”, а именно делать то, что делают остальные. Инициатива у этих детей будет пресекаться, и неповиновение будет искоренено без наказаний, научным путем». Образование детей правящего класса будет качественно иным: «От них требуется только преданность мировому Государству и существующему порядку вещей, во всем остальном у правящего класса будут поощряться предприимчивость и инициативность, а также понимание того, что именно они должны в будущем усовершенствовать научную методику и поддерживать довольство рабочих, предлагая им все новые развлечения».

В отличие от Великого инквизитора XV в., наш современный неоинквизитор не доверяет даже детям, предусматривая такие воспитательные меры, как «камеры смерти». «В тех редких случаях, когда мальчик или девочка, переросшие возраст определения социального статуса, демонстрируют выраженные способности, говорящие об интеллектуальном равенстве с правителями, возникает нешуточная ситуация, которая потребует серьезного размышления. Если юноша готов порвать со своими прежними сверстниками и всецело связать свою судьбу с правителями, его можно, после соответствующих испытаний, ввести в соответствующий круг, Если же он выказывает прискорбную солидарность с людьми из своего прошлого, правителям придется принять трудное решение: он безнадежен, и остается лишь отправить его в камеру смерти прежде, чем его плохо дисциплинированный ум начнет сеять смуту. Это будет тяжкий долг правителей, но, думаю, они не уклонятся от его выполнения».

Но Б. Рассел напрасно утруждает себя размышлениями. Если великий инквизитор мотивировал сожжение еретиков тем, что иначе они в революционных пожарах сожгут вместе с собой и все общество, то лорд Б. Рассел предлагает отправлять в камеры смерти мальчиков и девочек еще до всякой реальной угрозы с их стороны. Онаученная диктатура инквизиции мечтает о том, чтобы чисто биологическим путем получать прирожденных рабов и прирожденных правителей, подобно тому, как сегодня пока еще прирожденным оказывается мужской и женский пол.

увидели и светлый лик инквизиции, которую можно назвать неоинквизицией.

Итак, реальным субъектом суверенитета современных обществ стремится стать и неоинквизиция, скрывающаяся пока под обликами различных глобальных организаций и структур, корректируя и координируя их общую антропологическую стратегию.

Но, как всегда, на пути европейского прогресса опять-таки оказывается Россия, отстаивающая суверенитет в форме добровольного единения народов в составе демократически-национальной империи на основе справедливости и общего блага. Высший закон этого метаобъединения народов гласит: «Общее благо или для всех, или никому!». (И в этом плане СНГ (Союз Наших Государей) в перспективе может через ряд плодотворных микрокризисов, избавляющих от иллюзий самодовлеющей автаркии, стать высшим типом суверенности общества и экономики в современном мире.)

Россия изначально не укладывалась ни в рамки западных и восточных империй, ни в рамки западных наций, формаций, культур, циви-

---

Окончательно идеал инквизиции будет реализован как всемирный концлагерь непрерывной радости. О. Хаксли, автор антиутопии «Прекрасный новый мир», в 1960-х гг. заявил: «Уже при жизни следующего поколения будет разработан фармакологический способ, чтобы заставить людей полюбить свое рабство и установить диктатуру, так сказать, без слез. Будет создано нечто вроде безболезненного концлагеря для целых сообществ, у людей по сути отнимутся их свободы, но это им скорее понравится, потому что от мыслей о бунте их отвлекут пропагандой, промыванием мозгов, усиленными фармакологическими препаратами. И, похоже, что это будет последняя революция. Единственное, что стоит на пути этой революции, так это — “Библия”» [17, 166, 168, 169].

Но Библия исчерпывающе ответила этому живодеру от науки еще до его рождения. «Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтоб он соблазнил одного из малых сих» (Лк. 17, 2).

Только инквизиторы-традиционалисты более осмотрительно относились к науке, видя в ней угрозу и для своей власти. Великий инквизитор Ф.М. Достоевского, видимо, зря предупреждал своих преемников, говоря, что свободный ум и наука заведут людей в такие дебри и поставят их пред такими чудесами и неразрешимыми тайнами, что они от ужаса перед сделанным покончат с собой, а оставшиеся приползут к инквизиторам искать спасения от своих наук. Да, наука вначале может помочь инквизиции усмирить тысячемиллионное человеческое чудовище. Но кто и как сумеет затем укротить возомнившую себя всесильной науку? Ведь она явно и открыто притязает на полноценное научное диктаторство, стремясь превзойти даже деспотизм самой инквизиции. Лорд Б. Рассел не подумал о том, что за малейшие сомнения в непогрешимости науки даже его не спасут от «камер смерти» ни принадлежность к классу господ, ни всевозможные научные регалии. Наука беспощадна даже к своим творцам и хозяевам. И если от лукавого можно еще отвертеться, предав крест, то от научно-электронного лукавства не спасет никто. Судя по всему, свой конец научно-тоталитарная цивилизация найдет в генетических лабораториях Англии.

лизаций, эпох, хотя определенное сходство с этими историческими формами в ней можно найти. Западное общество измеряет свою суверенность независимостью, отчужденностью от Бога и массой покоренных им народов; Россия измеряет свою суверенность мерой сакральной зависимости, мерой своей сакральной ответственности и жертвенности во имя блага всех народов. Поэтому она всегда отбивалась от более прогрессивных в деле чисто человеческой суверенности западных наций. Даже Наполеон, который нес России гражданские свободы и отмену крепостного права, не смог соблазнить сакральную суверенность русских крестьян.

Есть уникальная историческая методология, выделяющая в качестве структурных единиц истории не части, а целостности, именуемые мирами. Наиболее полно эта методология развита в гегелевской «Философии истории», в которой история предстает как совокупность уникальных миров. Гегель выделял восточный, греческий, римский и германский миры [6, т. 8]. Русского же мира, находящегося рядом, он не заметил, видимо, по причине своей лупоглазой диалектики.

Но Россию-мир заметили и признали русские крестьяне, устроив по ее образу свои малые міры-общины. «Крестьянский мир» — это абсолютно суверенная единица, клеточка общества, в своем воспроизводстве зависящая лишь от себя и своего небесного Владыки. И этот мир веками охранял сакральную и реальную суверенность России. Все попытки отнять суверенитет России будут завершаться потерей ума и суверенитета отнимающими.

Россия как особый исторический «мир миров» обладает и особой глобальной управленческой структурой, которая основана на матрице: «Идеальное — цель, материальное — средство, бессознательное — условие». Поэтому Россия непрерывно находится в духовном, смысловом, ценностном, концептуальном, творческом поиске глобальных смыслов и проектов. В XX в. Россия жила не только извращенным социализмом, она выдвинула ряд глобальных концепций: ноосфера, коэволюция, этногенез, философия хозяйства, символизм. При этом Россия немало выдвинула и узко-прагматических, технических идей, постоянно подпитывая ими западный мир.

Именно постоянное сакральное, интеллектуальное и духовное творчество должно служить основой, источником, средством и движущей силой социально-политического и экономического суверенитета России в XXI в. Суверенитет — это постоянно подтверждаемое духовное лидерство в сфере сакральных смыслов, хотя заниматься ими могут и люди, весьма далекие от всякой теории. Главное, чтобы эти смыслы постоянно занимались не ведающими о них практическими

людьми. Перводвигателем суверенитета всегда является мыслящая себя, а потому понимающая все Иное мысль. Нет собственных мыслей — не будет ни суверенитета, ни природных ресурсов, ни хозяйства, а будет одна сплошная экономика, непрерывно находящаяся в кризисе.

Есть у России (как и у некоторых других стран!) еще один «плюсик»: она не крестилась, а ее избрало и окрестило само христианство. Отсюда следует, что как бы Россия не заблуждалась, как бы не отклонялась от своего Крестного Отца, он-то никогда не оставит ее без своего попечения и наказа.

Все эти концептуальные проекты и сакральные смыслы несомненно обусловили собой геополитический идеал современной России — восстановить целостность трех ветвей (европейскую, русскую, американскую) единой христианской цивилизации, многополярный мир, справедливость как основу международного права. Фактически этот идеал апеллирует к метахристианским энергиям и смыслам, коренящимся в тайных смысловых пространствах Св. Троицы. Там же и куются новые проекты суверенности народов, стран, царств; оттуда же пришел к нам глобальный проект суверенной экономики — философия хозяйства.

Экономика сама по себе не может быть суверенной по трем причинам. Во-первых, она зависит от вещественно-натуральных ресурсов природы и труда. Во-вторых, экономика — часть, денежно-стоимостная, счетно-расчетная часть целого — хозяйства; и как часть-орган тела не может суверенно функционировать, так и экономика. В-третьих, экономика каждого отдельного общества товарно-денежными и стоимостными узами связана с экономиками всех стран, зависит от них, участвуя вместе с ними в общем процессе разрушения природы мира и человека.

Подлинно суверенным может быть лишь хозяйство, которое содержит в себе все вещественно-ресурсные, сакральные и человеческие факторы своего воспроизводства. Хозяйство независимо даже от природы в том плане, что оно само есть природное явление, в котором природа своеобразно общается с самой собой. А самое главное, хозяйство содержит в себе субъекта суверенности — хозяина, в то время как назвать экономиста субъектом будет просто бесчеловечно и преступно. Поэтому вопрос о суверенности российской экономики нужно ставить как вопрос о переходе от доминирования экономики (средств, богатства) над хозяйством к доминированию хозяйства и жизни над экономикой.

Итак, суверенитет как социокультурная и экономическая ценность стал сегодня объектом притязания трех сил: империи, неоинквизиции

и России. В онтологическом плане за империей стоит бытие, за инквизицией — ничто, за Россией — вечность. Решение — за субъективным фактором сакрального мира. Россия же может дать всему миру лишь то, что не ею создано, а то, что создало ее — благодатную полноту того Духа, который дышит в хозяйстве, убегая напрочь из экономики.

Субъективно наивысшая интеграционная, мобилизующая и креативная ценность присуща империи, за ней идет инквизиция, замыкает же эту троицу спасителей мира Россия. Инквизиция, несмотря на все усилия Петра I, так и не смогла вынести обычных суровых реалий России, которая оказалась посерьезнее всего того, что придумала и сотворила инквизиция в западном мире. Поэтому не инквизиция страшит Россию, а наоборот — Россия страшит и влечет к себе инквизицию, которая видит в северном соседе свое спасение, а то и сияющее будущее.

Литература

1. *Паскаль Б.* Мысли. М., 1995.
2. *Толстой Л.Н.* Соч.: В 22 т. Т. 16. М., 1983.
3. *Аристотель*. Аналитики. М., 1952.
4. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1976—1984.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. М.; Л., 1929—1959.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2 т. Т. 1. М., 1975.
8. *Гегель Г.В.Ф.*. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М., 1971.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.
10. Материалы к изучению истории СССР (1921—1941 гг.). М., 1989.
11. *Кураев Андрей, диакон*. Неамериканский миссионер. Саратов, 2006.
12. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 1994.
13. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1991.
14. *Осипов Ю.М.* Россия: ни глобальное, ни национальное, а имперское // Философия хозяйства. 2004. № 1.
15. *Осипов Ю.М.* Сознание // Философия хозяйства. 2004. № 1.
16. *Бемер Г. Иезуиты. Ли Г.Ч.* Инквизиция. СПб., 1999.
17. *Медведева И.Я., Шишова Т.Л.* Оргия гуманизма. Жизненные ценности и глобализация. М., 2005.

В.Т. РЯЗАНОВ

Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка

Польза разработки философии хозяйства, проявляемая в разных аспектах, в главном отражает потребность восстановления тесной связи философии с экономической теорией. Выход за пределы чистого экономического знания, основанного на рациональности поведения человека, открывает простор не только для более глубокого понимания самой хозяйственной деятельности, но и позволяет оснастить экономическую методологию новыми познавательными инструментами. В современной экономической методологии возникает немало сложных проблем, стимулированных философским осмыслением самой познавательной практики[8]. К числу таких следует отнести проблему *понимания* и *истолкования* экономических текстов как относительно самостоятельную. Можно сказать, что то, как экономисты понимают и истолковывают, должно органично дополнить вопрос о том, как они объясняют.

Экономическая герменевтика: как экономисты понимают и истолковывают

Конечно, «понимание» («истолкование») и «объяснение» («обоснование») — весьма близкие по смыслу и взаимосвязанные категории в познавательной практике, но все же они не тождественны[9]. Их взаимосвязь и даже совпадение особенно заметны, когда речь идет об объекте познания. Чтобы объяснить событие, явление или процесс, экономисту-исследователю необходимо предварительно самому понять, что это такое и с помощью языка (текста) представить его для последующего применения как полученного знания. Проблема понимания и истолкования в теории познания возникает тогда, когда в качестве объекта анализа берется не само по себе экономическое явление, а его словесное выражение. При этом надо иметь в виду, что само познание

[8] Не случайно, что в одной из наиболее известных работ на русском языке, автором которой является М. Блауг, с характерным подзаголовком «Как экономисты объясняют», предлагается экономическую методологию определять как «ветвь экономической науки, где мы рассматриваем способы, которыми экономисты обосновывают свои теории, и приводимые ими причины, по которым они предпочитают одну теорию другой» [1, 18].

[9] Взаимосвязь понимания и объяснения П. Рикёр трактует следующим образом: «…понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание» [2, 8].

хозяйствования не может существовать вне языковых форм, которые выступают его смысловыми и универсальными средствами.

Выделение текста или высказывания — как одно, так и другое связаны с ролью языка в научном познании — расширяет проблемное поле любой науки. Оно же объясняет причины рождения такой научной дисциплины, как *герменевтика,* призванной не только выработать общие правила и процедуры понимания и истолкования, но и дополнить верификацию выдвигаемых теорий, в частности, через использование понятий «значение» и «смысл», которые скрываются за словесными формами.

Вообще следует отметить, что споры о роли языка в познавательной деятельности ведутся уже давно. Собственно первая и, может быть, самая трудноразрешимая проблема заключается в объяснении того, как связан язык (слово) с мыслительной деятельностью людей и одновременно с многообразием реально существующего мира. Исторически сложились две альтернативные традиции в ее исследовании. Одна развивает идею о том, что слова, имена, понятия первичны и только через их использование можно раскрыть значение и смысл вещей и явлений[10]. Другая исходит из того, что прямая связь между словом и вещью (явлением) отсутствует. Это предполагает, что вещи, явления и процессы, существуя сами по себе, содержат в себе необходимые «значения» и «смыслы». Что же касается языка (слова), то его роль вторичная (коммуникативная) и вспомогательная.

Не вдаваясь в детали философского спора, все же подчеркнем, что в современной теории познания произошел резкий крен в область разработки статуса языка (текста) в науке, который получил название «лингвистический поворот». С этим связано и возникновение многочисленных новых направлений в философии познания (эпистемологии). Помимо упомянутой герменевтики, это, к примеру, лингвистическая философия, логическая семантика и т. д. Универсальность используемых ими категорий «понимание» и «истолкование» относится фактически ко всем наукам, а в более широком плане — ко всем явлениям культуры, организованных на основе языка. В полной мере это применимо к экономической науке и прежде всего к ее методологическому разделу, который не должен оставаться в стороне от новых разработок в теории познания. *Экономическая герменевтика* как теория понимания и интерпретации экономических текстов, выступая составной частью общей герменевтической платформы, одновременно может

[10] Примечательно такое утверждение одного из представителей школы герменевтики Х.-Г. Гадамера: «Бытие, которое может быть понято, есть язык» [3, 548].

с достаточным основанием претендовать на включение в методологический арсенал теоретической экономии.

Герменевтический контекст в экономической науке особенно важен в ситуации, когда речь идет о том, как происходит диалог между самими экономистами по поводу одних и тех же фактов и процессов хозяйственной жизни. Или когда в ходе развернувшейся теоретической дискуссии предстоит определиться с выбором одной из предлагаемых позиций. Хотя научное знание, как правило, создается сугубо творческим действием отдельных ученых, но оно не остается в границах только личностного знания. Обладая способностью к передаче другим лицам и к широкому распространению в обществе, полученное знание приобретает качество своего рода общественного блага. Вот почему каждому ученому-исследователю требуется не только сопоставить альтернативные подходы с реальными хозяйственными процессами, но и правильно понять их содержание и аргументацию. В таком процессе понимания на передний план выдвигается проблема научного языка. Она тем более значима, поскольку одной из особенностей, существенным образом осложняющих научный диалог, является различие языков, на которых говорят представители соперничающих школ в сфере экономики[11]. Такое обстоятельство создает серьезный барьер в сопоставлении теорий и в проверке их истинности.

По сути дела, речь идет о роли языка в экономической науке. Согласно одному из наиболее распространенных подходов, верификация истины происходит путем осуществления аналитико-эмпирической проверки, т. е. на основе обращения к хозяйственной реальности с использованием разнообразных приемов[12]. Но даже в этом случае любое утверждение и его сравнение с альтернативными вариантами, так же как и сами формулировки истины в области экономики и во всех других сферах жизни, всегда имеет свою языковую (семантическую и лингвистическую) форму выражения. Поэтому без понимания и истолкования словесной ткани теории не может считаться полноценной проверка самой выдвинутой идеи.

Креативность языка в процессе понимания и истолкования проявляет себя и с другой стороны, когда встает вопрос о распространении полученных знаний в обществе, в равной степени касаясь их практического применения, обучения и элементарного информирования. Ведь

---

[11] Как пишет Я.В. Соколов: «Разный язык способствует тому, что один и тот же объект может называться неодинаково, а это с неизбежностью приводит к возникновению различных семантических полей» [4, 18].

[12] О проблеме верификации в экономической науке подробнее см.:[5].

общество и все его группы — не пассивные участники хозяйственных процессов. Для того чтобы общество и хозяйство нормально развивались, политическая элита и социальные группы должны понимать, что происходит, принимать или не принимать те объяснения, которые наука им предлагает. Важность этого аспекта понимания (истолкования) продемонстрировала современная практика реформирования в России и в других постсоциалистических странах. Пренебрежение интересами и ожиданиями большинства населения, дополненное нежеланием даже толком ему объяснить содержание и цели реформирования, способы их достижения — все это не могло не сказаться на неприятии навязываемого курса реформирования.

Неприятие населением тех или иных социально-хозяйственных решений, безусловно, в первую очередь связано с теми последствиями, которые они несут. Но и язык в этом случае также имеет свое немаловажное значение. Выбираемый язык экономистами и политиками, может быть, и непроизвольно, но становится символом и характеристикой того курса, который осуществляется. При обращении к современной хозяйственной жизни России и к ее научным и иным объяснениям первое впечатление, которое возникает — это огромный поток новообразованных терминов, в основном иностранного (англоязычного) происхождения. Уместен вопрос: на каком языке в таком случае говорят российские экономисты? Что означает такой «лингвистический поворот» в России и каковы его последствия для науки и практики? Только ли он является отражением новизны в хозяйствовании или за ними скрываются и другие факторы?

Конечно, данная ситуация в сфере экономики отражает общую тенденцию с употреблением русского языка как в повседневной жизни людей, так и во всех сферах жизни российского общества. Отличие хозяйственной сферы в том, что она, возможно, в наибольшей степени стала объектом агрессивного иноязычного вторжения. Защита родного языка в профессиональном плане — это задача в первую очередь специалистов, исследующих и преподающих русский язык. Однако и представители других наук не могут не озаботиться, по сути дела, судьбой языка в своих науках и теми последствиями, которые могут произойти при переходе к создаваемому смешанному «англо-русскому» научному языку. Не говоря уже о том, что сохранение чистоты родного языка — это способ самозащиты общества и всех — без исключения — его групп и слоев. Ведь любая нация начинается с языка, а, теряя его, с неизбежностью вступает в фазу угасания национальной идентичности, которая на завершающем этапе заканчивается ее исчезновением или растворением в других этносах.

Таким образом, познавательный потенциал экономической науки, его накопление и особенно реализация зависимы от того, как он понимается экономистами и обществом, что, в свою очередь, побуждает к более внимательному рассмотрению творческой функции языка в этом процессе.

Понимание и его роль в научном познании

Рассмотрим более подробно роль понимания в научном познании. Как уже отмечалось, понимание выступает неотъемлемой стороной (формой) процесса познания. Его можно рассматривать как предваряющую и вспомогательную фазу в создании объяснительного потенциала относительно конкретного хозяйственного явления или процесса. Когда научное обоснование изучаемой проблемы окончательно выработано, то можно считать, что понимание в таком случае растворяется и исчезает в самом акте научного объяснения. Как правило, в дальнейшем экономистов уже мало интересует то, как сформировалось понимание той или иной проблемы, их внимание переключается на содержательную сторону обоснования, его достоверность, практичность, прогностичность и т. д. Казалось бы, что вопрос о понимании в этом случае уходит в область интереса психологии творчества или лингвистики. Однако и для экономистов есть свои резоны обращения к нему, не говоря уже о полезности учета результатов смежных наук.

Какие здесь возникают области интереса для экономистов?

Прежде всего, это вопрос о месте понимания в процессе формирования экономического знания. Изначально происхождение проблемы понимания как самостоятельной связано с разработкой концепции так называемой «*понимающей методологии*» в научном познании общественных явлений. Она активно разрабатывалась с конца XIX в. в трудах немецких философов и социологов неокантианской школы. Ее приверженцами были, в частности, М. Вебер, Г. Зиммель и др. Считается, что возникновение данного подхода опиралось на существующие различия в немецком языке терминов «объяснение» (Erklaren) и «понимание» (Verstehen). Важнее то, как это различие в языковой форме привело к существенному уточнению методологии изучения общества и его хозяйства. Сторонники этой школы обосновывали, что обществоведение, имея дело с социальной деятельностью людей, их поведением, достоверные знания может получать «не извне» при помощи наблюдений и экспериментов, как это происходит в естествознании, а только «изнутри», фактически ставя себя на место действующих лиц. Ведь «понимание» поведения других индивидов при всей его сложности экономисту-исследователю все же доступно, чего не скажешь о

возможности «понимания» поведения, к примеру, атома[13]. Такая трактовка природы знания о жизни обществ позволила выдвинуть гипотезу о понимающей методологии и, соответственно, трактовать любую науку о разных ее сторонах как «понимающей науки».

Возможность применения интроспекции (самонаблюдения) вместо опыта и эксперимента, присущая обществоведению, так же как и большее значение интуиции, действительно отличает его от наук о природе. Поэтому экономический анализ не может ограничиться исключительно выявлением причинно-следственных связей и поиском экономических законов, действующих объективно и независимо от сознания людей, но должен и учитывать особенности социальной деятельности людей, их ценностные ориентации, мотивы, интересы и т. д.

Разграничение природы знания в гуманитарной и естественной сферах проведено уже с давних времен, тем не менее дискуссии по поводу целесообразности использования единой предписывающей методологии (методологического монизма), выработанной на примере изучения природных процессов, не прекращаются. Не вдаваясь в обсуждение этой долгоиграющей темы, ограничимся двумя тезисами, которые полезны для продолжения обсуждения поставленных вопросов в статье.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что экономическая наука фактически с момента ее окончательного утверждения и особенно на протяжении всего XX в. развивалась при доминирующем влиянии идеи «методологического монизма». Этим был сделан выбор наук о природе (в первую очередь, физики и математики) в качестве эталона для подражания как в содержательном, так и в методологическом плане. Экономическая теория в своей истории продемонстрировала немало примеров, когда она воспринимала разного рода новации из эталонных наук применительно к хозяйственной жизни. Так, хорошо известно, что классическая политическая экономия в лице А. Смита использовала идеи ньютоновской физики в сфере экономики. Или принцип методологического индивидуализма можно соотнести с доминирующей в свое время идеей о неделимости атома в физической картине мира. Что касается маржиналистской революции, то она опиралась в трудах А. Курно и Г. Госсена на аналогию полезности с энергией, а предельной полезности — с силой энергии, а это давало возможность

[13] «Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, — подчеркивал М. Вебер, — которые могут быть *понят но* истолкованы» [6, 495].

применить в экономической теории методы дифференциального и интегрального вычисления[14].

Предписывающие методологические принципы в экономической науке нашли реализацию в виде опоры на хозяйственную практику и рациональность хозяйствующих субъектов, строгость и доказательность в аргументации, примат объективного содержания в хозяйственной деятельности и обоснование действия экономических законов (принципов) наподобие законов природы и т. п. — все то, что позволило молодой науке добиться немалых достижений в познании экономической жизни, выработав свой научный стиль и создав определенный потенциал для практических рекомендаций. Не случайно экономическая наука со временем стала рассматриваться почти как эталон для других наук об обществе, а сама она со своими разработанными методами устремилась на территорию других общественных наук.

Даже не развивая и другие возможные аргументы о полезности ориентации в экономической науке на естественно-научную методологию, можно заключить, что такой опыт оказался в принципе продуктивным и вряд ли целесообразно от него вообще отказываться. Так, одним из таких новейших направлений развития экономической методологии в русле действия общих предписывающих исследовательских правил стала разработка «экспериментальной экономики», которая использует лабораторные эксперименты (!) не только в эмпирическом экономическом анализе, но и для верификации теоретических положений (!)[15]. Хотя попутно заметим, что в экономической теории приводятся серьезные аргументы, отвергающие вообще возможность «лабораторных экспериментов» в экономике, в частности, из-за отсутствия в ней постоянных зависимостей[16].

Во-вторых, развитие экономической науки в русле реализации единой предписывающей методологии не могло не подойти к точке исчерпания всего того преимущественно позитивного, что в ней содержалось. Она окончательно обозначилась, когда в своей устремленно-

---

[14] Приведенные примеры дают основание поставить вопрос о возможности соотнесение (может быть, даже симметрии) научной картины окружающего природного мира и ее отражения в экономической и других социальных науках.

[15] См.: [7]. Как пишет Т. Сэндлер: «В условиях экспериментальной экономики лабораторным путем обнаруживаются аномалии в поведении объектов, и эти результаты затем включаются в другие теоретические модели и методы для дальнейшего объяснения» [8, 203]. См. также: [9].

[16] Так, Л. фон Мизесу принадлежит такое утверждение: «Аналитические постоянные зависимости отсутствуют в сфере человеческой деятельности за пределами физической и химической технологии и терапии». Отсюда «невозможны никакие измерения» [10].

сти к подражательности естественным наукам подошла к предельному уровню формализации. Добиваясь формализованной (модельной) строгости, экономическая наука пожертвовала реалистичностью и практической пользой, что не могло не сказаться на снижении качества научных идей и их объяснительного потенциала. Это стало зримым признаком наступившего кризиса науки.

Нарастающая исчерпанность сложившейся экономической методологии, прежде всего представленной в ее неоклассической парадигме, подкрепляется общим кризисом классического наукознания и позитивистской методологии как его стержня. В настоящее время в естественно-научной сфере происходят революционные перемены, связанные, в частности, с развертыванием нелинейной методологии, которая по-новому рассматривает процесс развития, дает иную трактовку соотношения закономерного и случайного и т.п. Характерно, что произошедшие серьезные изменения в XX в. в физике и других науках о природе, которые являются эталонными, практически остаются вне внимания экономистов. «Создается впечатление, — делают вывод Р.Р. Нельсон и С.Дж. Уинтер, — что экономическая наука, по существу, так и не выросла из детства, протекавшего в эпоху, когда ньютоновская физика была единственной наукой, достойной подражания, а небесная механика — наиболее примечательным достижением этой науки» [11, 30][17].

Экономическая наука в своем развитии должна была, в принципе, реагировать на новые тенденции в естественно-научном комплексе, если исходить из действенности методологического монизма. Но здесь возникают весьма серьезные ограничения. Как квантовую физику и теорию относительности применить в качестве образца для экономиста? Не исключено, что физика в своем развитии, например, подошла к такому уровню сложности, когда она не может выступать в роли традиционного эталона уже в силу ее недоступности для полноценного понимания экономистами[18].

---

[17] В другом месте авторы перечисляют ряд открытий и в гуманитарной сфере, на которые неоклассическая школа не обратила внимание: «…например, на открытие психологов — индивидуальный выбор в условиях неопределенности следует принципам, совершенно отличным от предусмотренных теоремой Байеса и аксиомами полезности фон Неймана-Моргенштерна. Не проявили они интереса к открытиям исследователей поведения организаций, которые показали, что происходящее внутри организаций лишь в первом приближении определяется технологией. Не воспользовались и обильными свидетельствами о процессах принятия решений в организациях, противоречащими идее максимизации» [11, 502—503].

[18] Это тот случай, когда уместно вспомнить такое утверждение М. Поланьи: «…великие теории редко бывают просты в обыденном смысле этого слова. И квантовая физика, и

Последнее обстоятельство только усиливает потребность в определенной переориентации в методологической сфере экономической науки. Как представляется, не отказываясь вообще от идеи использования общей предписывающей методологии там, где это оправданно[19], все же следует принять во внимание вызревание достаточных предпосылок для разработки собственной ее базы и выхода из тупика методологического монизма. В этом случае экономическая наука должна вернуться к своим изначальным истокам, когда она относилась к разряду морально-этических наук. Переход от натурцентризма в пользу антропоцентризма (культурцентризма, социоцентризма) дает возможность сделать человека во всем многообразии его качеств и хозяйствующим субъектом, и одновременно объектом экономического анализа[20]. При таком развороте эталонная роль для экономистов сдвигается от физики и математики к антропологии как науке о человеке, открывая новое пространство для ее развития (подробнее см.: [15]).

Усиление внимания экономической науки к человеку вполне логично предопределяет соответствующие крупные перемены и в экономической методологии в направлении формирования «*качественной методологии*», опирающейся на междисциплинарный подход. Такая переориентация в экономических исследованиях не означает вообще отказа от использования количественных параметров и формализованных моделей, которые остаются в арсенале экономистов. Она, скорее,

---

теория относительности очень сложны для понимания; мы запоминаем факты, объясняемые теорией относительности за пару минут, но за то, чтобы овладеть теорией и увидеть эти факты в надлежащем контексте, уходят годы обучения» [12, 27].

[19] Особенно если иметь в виду позицию, когда такая «предписывающая методология» опирается на использование общей логики, которая едина для всех наук. Как писал А.А. Зиновьев: «Не существует и не может быть никакой особой логики для той или иной науки (физики, химии, истории, математики и т. д.), отличной от логики для других наук» [13, 125]. Хотя далеко не все исследователи согласны с такой позицией. К примеру, Л. фон Мизес разрабатывал концепцию «полилогизма», отрицая единообразие логической структуры человеческого разума [14, 32—32].

[20] Примечательным симптомом разворота экономической науки по направлению к человеку являются изменения в тематике присуждаемых нобелевских премий по экономике. Если ранее большинство таких премий присуждалось за исследования взаимосвязей рынков и разработку моделей рационального выбора, то в последние годы лауреатами все чаще становятся ученые, изучающие влияние людей на экономические процессы. Так, Дж. Эйкерлоф, М. Спенс и Дж. Стиглиц (2001) показали изъяны в функции рынка из-за ассиметрии информации, которой обладают участники рынка. Д. Канеман, В. Смит (2002) отмечены за использование психологических исследований в экономике, Р. Ауманн и Т. Шеллинг (2004) — за расширение понимания природы конфликта и сотрудничества при помощи теории игр.

нацелена на более пристальное внимание к новым средствам познания, хорошо освоенным в антропологических исследованиях, таким как включенное наблюдение, анализ экономических институтов и хозяйственных инструментов (своеобразных артефактов), герменевтическое исследование экономических текстов и т. д[21].

При этом не только правила и набор исследовательских инструментов, но и роль «человеческого фактора» в самой науке становятся для «качественной методологии» важными. Как и почему рождаются те или иные научные идеи, каков их исторический и социально-экономический контекст, что собой представляют мировоззренческие и идеологические мотивы экономистов, какова роль языка и метафор в понимании теорий и т. д.? Таков примерный круг вопросов, который возникает при использовании «понимающей методологии» в экономической науке и который углубляет процесс познания самой экономики и экономического знания.

Проблема истолкования в экономической науке

Понимание, выступая стороной научного познания, одновременно предполагает дополняющую характеристику в виде «истолкования» (или «интерпретации»)[22]. В некоторых случаях понимание и истолкование крайне сложно разграничить. К примеру, когда речь идет о саморефлексии, в процессе которого понимание проблемы и ее авторская интерпретация представляют собой единое целое с точки зрения последующего обоснования, осуществляемое при помощи языковых конструкций (текста или высказывания). Хотя и здесь между появлением научной идеи и ее истолкованием вполне могут присутствовать разрывы. Тем более, когда такому авторскому пониманию предшествует предварительное выдвижение гипотезы.

Более определенно выделение истолкования в качестве завершающей фазы процесса понимания относится к чужому тексту или высказыванию. Из этого можно сделать такой вывод: полноценное понимание выдвинутой научной идеи должно подкрепляться способностью интерпретирующего к собственному ее истолкованию. Этим фиксиру-

---

[21] В этой связи отметим и такую, казалось бы, довольно необычную позицию, согласно которой роль эталона для современной экономической науки должна перейти к медицине, во всяком случае, с точки зрения поиска возможных для экономики аналогий и метафор [17, 22].

[22] Согласно утверждению Х.-Г. Гадамера: «Истолкование — это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее соответственно суть эксплицитная форма понимания» [3, 364].

ется его открытость и творческая природа, которые выражаются в множественности и диалогичности интерпретации одного и того же текста, объясняющего какое-то хозяйственное явление. Такие его характеристики, важные для общей оценки герменевтического подхода, подтверждают давно сложившееся представление об относительности и неокончательности научного познания хозяйственной жизни и трудности в проверке его истинности. В своей предельной форме они рождают сомнения в познавательных возможностях человека и скептицизм[23]. Вместе с тем сдерживающую роль скептицизма в познании если и нельзя преодолеть полностью, то можно хотя бы уменьшить благодаря использованию множественности интерпретаций смысла и значения, содержащихся в тексте. Эта множественность побуждает и стимулирует исследователя постоянно включаться в творческий диалог[24]. Ведь выйти из тупика скептицизма можно, если непрерывно поддерживать потенциал творческой активности, одна из сторон которой направлена на перепроверку истины полученного знания.

Если обратиться к процедуре истолкования теоретической позиции, выраженной в соответствующем тексте, то в ней отображается решение различных по значимости задач. Это освоение и приспособление интерпретируемого знания к отличающимся условиям хозяйствования или к новому этапу в развитии экономики, его распространение в образовательных и просветительских целях, развитие и углубление за счет открытия новых вариантов смысла и значения, содержащихся в нем, поиск новых областей применения. При этом нельзя исключить, что переосмысление кем-то выработанной теоретической позиции может стимулировать отход от первоначальных выводов или включение ее в качестве частного случая в другое, возможно более общее теоретическое обоснование.

Следует отметить, что в исследовательской практике экономиста ее интерпретационная сторона преобладает. Самым ярким примером является историко-экономическое направление, которое в исследовательской сфере реализуется в виде герменевтического анализа теоре-

---

[23] В этой связи можно привести такое заключение, сформулированное У. Куайном. «Научный метод — это путь к истине, однако он даже в принципе не способен дать единственного определения истины» [17, 22].

[24] Своеобразным отражением такого непрерывного творческого диалога является выдвижение так называемого «герменевтического круга», который трактуется как повторяющаяся структура, где всякая новая интерпретация ссылается на предпонимания и возвращается к ним. [3, 317—322]. О проблеме (апории) «круга» в познании в контексте относительности получаемого знания см.: [4, 25—27].

тических концепций, их сопоставления и развития[25]. Но и в процессе обучения через изучение истории экономической мысли и в ходе последующего становления экономиста-теоретика для него в первую очередь важны научные тексты. Многообразие экономических теорий и масштабность накопленного теоретического материала, который должен быть им освоен для занятия наукой, таковы, что просто не оставляют времени для изучения реальной хозяйственной жизни. К тому же развитие экономической науки по пути аналитического усложнения, перенасыщенного математическим аппаратом, ориентирует профессиональную деятельность экономиста-теоретика в основном на изучение и интерпретацию сформировавшегося массива экономических знаний. Это превращает его в своеобразного «толкователя» экономических текстов, к тому же очень часто имеющего весьма приблизительное и книжное знание о настоящей экономике.

Отсюда и специфика возникновения новых идей в области экономики. Чаще всего они появляются не от более глубокого и тщательного освоения хозяйственной жизни, а от очередного переосмысления уже существующего научного знания. Ранее на такую особенность указывал А. Маршалл, который по этому поводу сделал такой вывод: «Новые доктрины лишь дополняют старые, иногда исправляют их, поновому расставляя акценты, но очень редко ниспровергают их» [19, 45]. В настоящее время положение в экономической теории мало изменилось. К примеру, в оценке современной ситуацию М. Блауг использует похожие слова: «…экономисты скорее подтверждают, нежели опровергают» [1, 34][26].

Примеров, иллюстрирующих такое положение в экономической науке, можно привести немало. Так, даже Дж.М. Кейнс, создавая отличную от неоклассиков концепцию, тем не менее опирался на переосмысление наследия меркантилистов. П. Сраффа, устранив недостатки в формулировках представителей классической школы, можно сказать, повторно открыл теорию стоимости и прибавочного продукта и т. д.

Возможно, положительным моментом такого характера приращения научного знания в сфере экономики является постепенное формирование предпосылок создания единой системы теоретической эконо-

[25] В качестве примера интерпретации трудовой теории стоимости см: [18].

[26] Об этом же пишут и другие авторы. Так, по мнению М. Вайцмана, в экономической науке новые теории появляются вследствие соединения нескольких ранее известных идей или как результат новой формулировки последних, что дает заметное увеличение числа теорий с темпом, который превышает темп экспоненциального роста (цит. по: [20, 15]).

мии, как это происходило в теоретической физике, во всяком случае, он реализует преемственность в развитии исторически сложившихся научных школ.

Если обратиться к истории экономической науки в России, то следует отметить, что само ее возникновение и последующее развитие в одном из ее направлений, связанном с освоением западной экономической мысли, может рассматриваться как яркий образец масштабного использования интерпретационной практики. Одна за другой рожденные на Западе экономические школы — классическая и неоклассическая, марксистская и институциональная и т.д. — находят своих примерных последователей и, в лучшем случае, интерпретаторов. Причем очень часто речь идет о варианте истолкования, напрямую связанном с работой по переводу или пересказу иноязычных текстов.

Приведенные примеры интерпретационной практики в сфере экономического знания свидетельствуют о том, что идеальная модель истолкования как способа обеспечения творческого освоения научного наследия за счет поддержания диалога, плюрализма теоретических позиций и особого внимания к отработке текста, нередко дает сбои. Они возникают вследствие усиления дистанции между теорией и хозяйственной жизнью, которая все больше похожа на непреодолимую пропасть между ними. Это приводит к тому, что теория замыкается в себе, не выходя за пределы анализов текстов и высказываний. Такая линия в развитии экономической науки дает веские основание для ее переквалификации в контексте экономики постмодерна в «риторику» (Д. Мак-Клоски, А. Кламер и др.)[27]. В этом качестве в ней начинает доминировать способность убеждать, которая опирается на повышенное внимание к культуре готового слова[28].

Риторическая, а еще более точно, схоластическая тенденция, возникающая в случае замыкания теории сугубо на языковых конструкциях в отрыве от реальной хозяйственной жизни, хорошо иллюстрируется недавним опытом марксистской версии герменевтической практики, процветавшей в советской политической экономии[29]. Ее развитие наглядным образом демонстрирует потенциальные изъяны сугубо

[27] Еще в античные времена Аристотель определял риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [21, 19].

[28] «В риторике как особой «культуре готового слова» интересует не орнамент, не украшение, но искусство слова, характер аргументации. Приходит понимание, — пишет Д.Е. Расков, — что не только теория реализует себя в языке, но и сама практика, экономика как таковая осуществляется людьми через слово и не может быть понята вне этого контекста» [22, 19].

[29] Более подробно см.: [23, 169—187].

лингвистического подхода к экономическому знанию, как и к любому другому.

Прежде всего отметим, что марксистское наследие фактически трактовалось по аналогии со Священным писанием, которое не подлежит ревизии и только может истолковываться в целях обнаружения невыявленного ранее какого-то значения или интерпретироваться с учетом возникших новых обстоятельств. Похожесть трактовки статусов предопределила заимствование в интерпретационной процедуре и технике с опорой на изучение соответствующих текстов. Сохранить приверженность первотексту (Библии)[30], но и одновременно сделать его объектом непрекращающегося истолкования, которое поддерживает веру в содержащиеся в нем Божественные откровения и согласовывает их с изменяющимися условиями жизни, — все это дает пример классического варианта использования герменевтической практики. В соответствии с этим текст Священного писания обрастал комментариями, постановлениями Соборов, посланиями иерархов и каноническими толкованиями.

Для советской версии марксистской политэкономии было характерно такое же использование отработанных приемов и техники истолкования, которое сложилось в теологии, но применительно к области рационального знания. Поддерживая статус непогрешимости теории марксизма, что на самом деле изначально противоречит природе научного знания, тем не менее, истолкование ее текстов допускало возможность развития науки в изменившихся условиях. Отсюда в качестве интерпретируемой проблемы выдвигалось соотношение марксизма с ленинизмом (троцкизмом, маоизмом и т. п.). Это могло трактоваться как развитие марксизма или как его ревизия. Или еще пример, связанный со спорами вокруг наследия «раннего» и «позднего» Маркса. Другим предметом истолкования можно назвать дискуссию о противоречии между первым и третьим томами «Капитала» Маркса и т. д.

Опасность превращения работы с текстами в самодостаточный познавательный процесс имеет еще одно малопривлекательное проявление. Дело в том, что в этих условиях не только экономическая наука отрывается от реальной жизни, но практика хозяйствования перестает искать в науке опору для принятия управленческих решений, разработки стратегий развития и т. п. Такая ситуация характерна не только для плановой экономики прошлого, но и в неменьшей степени отно-

[30] Так, архиепископ свт. Кирилл Иерусалимский уже в IV в. поучал: «…самая спасительность веры нашей не на высказанных словах основана, но на доказательствах из Божественных писаний» (цит. по: [24, 28]).

сится к рыночной системе хозяйства. Предприниматели и управленцы, даже если они когда-то и изучали экономическую теорию (микро- и макроэкономику), оказавшись в реальном хозяйственном пространстве, напрочь ее забывают как бесполезную для практики.

Таким образом, при всей важности для экономической теории текстов для ее понимания и истолкования их изучение не должно превратиться в самоцель. Экономическая наука особенно чувствительна к практическому применению, и данное обстоятельство не может не учитываться на всех этапах познавательной деятельности.

Практический язык экономической науки: истина, смысл, значение

Чтобы не превратить окончательно экономическую теорию в схоластические упражнения по бесконечному истолкованию текстов, попадая в порочный круг интерпретаций, требуется преодолеть разрыв между теми сторонами науки, которые характеризуют ее как языковую универсальность и как практическое предназначение. С терминологической точки зрения это означает, что понимание и истолкование экономических текстов не должны отрываться от обоснования (объяснения) самих хозяйственных процессов[31].

С содержательной стороны проблема понимания и истолкования в экономической науке, которая не может не иметь прямого отношения к анализу роли языка (текста или высказывания), тем не менее, должна рассматриваться в контексте приоритетности достоверности и точности отображения хозяйственной жизни во всех формах ее проявления в сравнении с риторическими приемами. Это связано с ее спецификой. В отличие от философских текстов, которые в значительной мере носят отвлеченный характер и относятся к сложным вопросам человеческого бытия и познания, экономическая наука более приземлена и ориентирована на практические дела. Поэтому она, опираясь на философско-герменевтические разработки, касающиеся процедур истолкования текстов, должна их использовать так, чтобы в конечном счете обеспечить объективное обоснование происходящих хозяйственных явлений и процессов с возможностью его практической реализации. В известном смысле можно утверждать, что речь в данном случае идет о роли *практического языка*, на который следует ориентироваться в герменевтическом анализе применительно к экономике. Практическая сторона языка фиксирует то обстоятельство, что он, будучи частью на-

[31] Или, как пишет П. Рикёр: «Став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения» [2, 6].

циональной культуры и мыслительной деятельности, выступает в качестве первичного средства непосредственного восприятия социально-хозяйственной реальности.

Практичность языка особенно важна при реализации коммуникативной его функции, принимая во внимание, что он в познавательной деятельности выступает «не во всем многообразии его признаков и функций в жизни людей, а лишь в качестве знакового аппарата познания реальности людьми и средства фиксирования и сохранения результатов познания» [13, 19]. Этим не отвергается то обстоятельство, что успешность процесса познания зависит не только от способности мышления адекватно отобразить изучаемый объект, но и от его должного словесного выражения. Во втором случае оно должно руководствоваться правилами логики, избегая внутренних противоречий (парадоксов) за счет строгости и точности в построении лингвистических конструкций.

Что касается проверки истинности теоретического обоснования, то с учетом роли языка ее можно представить в два этапа. На первом (основном), она обеспечивается через обращение к хозяйственной практике, на втором (вспомогательном) — через осмысление предложенного текста (словесного варианта), имея в виду, что все онтологические хозяйственные явления — суть экспликация языковых выражений, аналоги которых присутствуют в обыденной речи или в метафорах из других наук.

Тем самым научное познание в экономике образно можно представить как движение по двум маршрутам. При укороченном (первом) его варианте характер и возможности отображения хозяйственного бытия автоматически определяются мыслительной деятельностью ученых и их конкретной способностью проникнуть в суть происходящего. В этом случае от лингвистического фактора можно абстрагироваться, а истина выдвигаемых положений подтверждается обратным обращением к хозяйственной практике.

Выбор второго маршрута предполагает более длительный двухэтапный процесс познания. При помощи мыслительной деятельности обеспечивается исследование хозяйственной реальности, а затем наступает этап упорядочивания наблюдаемых фактов, их систематизация, формулирование гипотез и окончательных выводов, который предопределяет вступление в сферу языковых феноменов[32].

[32] Хотя можно представить и другой вариант отображения реальности, связанный с отождествлением мышления и языка. Как писал по этому поводу Л. Витгенштейн: «Мышление и язык — одно и то же. А именно, мышление есть вид языка» (цит по: [25, 129]).

Казалось бы, и в случае с познавательной деятельностью более короткий путь предпочтительней, поскольку сокращает расстояние до истинного знания. Но так бывает не всегда. Надежнее вариант более длительного двухэтапного процесса познания. В рационально представляемом мире, а хозяйство по преимуществу и является таковым, истина и ложность — это свойства все же познавательной практики, проявляющиеся в создаваемых научных знаниях, а они, в свою очередь, предстают в тексте и высказывании. Сам по себе материальный мир, выступая носителем истины или ложности, не может их включать в себя[33].

Выделим еще один аспект истинного знания, который возникает в процессе понимания. Понимание в совокупности всех своих составляющих может рассматриваться как дополнительный способ тестирования теории на истинность, особенно если иметь в виду такое ее проявление, как «польза для практического применения»[34]. С этим связана и возможность использования в оценке предлагаемых теоретических обоснований хозяйственных процессов, наряду с традиционной оппозицией «истинность — ложность», таких оценочных характеристик, как «непонятность», «неопределенность», «недоказанность» и т. д. Если теоретическое утверждение оказывается непонятым из-за чрезмерной усложненности текста или нечеткой аргументации, то какие могут быть основания для суждения об его истинности, не говоря уже о пользе для практического применения?

Помимо безусловной ориентации познавательной деятельности в сфере экономики на изучение хозяйственной практики, нельзя недооценивать и существующую возможность в самой языковой деятельности повысить ее эффективность, обеспечивая тем самым привязку к реальным экономическим проблемам. В этих целях в понимании и истолковании экономических текстов на передний план выдвигаются такие понятия, как «значение» и «смысл», используемых в научных объяснениях языковых конструкций[35]. Учтем, что основные расхождения в интерпретационной практике приходятся на различие в их трактовках. В качестве иллюстрации приведем два примера.

---

[33] Такой подход отражает суть корреспондентской теории истины, разрабатываемой, в частности, Б. Расселом. В соответствии с ней истина и ложь — свойства убеждений и утверждений, а потому не относятся непосредственно к материальному миру, который не может включать в себя ни истины, ни лжи (см: [25, 119]).

[34] О «пользе» как форме проявления истины см.: [5, 15; 4, 30].

[35] «Герменевтика призвана показать как данные на уровне языка значения слов в процессе речевого использования и понимания конкретизируются и превращаются в смыслы» [26, 10].

Так, для характеристики генезиса капиталистической экономики важным фактом становится появление устойчивой группы людей, в руках которых концентрируются деньги, применяемые уже не только для расточительного личного потребления; одновременно с этим обычно происходит массовое разорение мелких производителей и т. п. Что собой представляют его значение и смысл? Те, кто это объективное явление рассматривают как значимое и смыслообразующее в понимании происхождения капитализма, обозначат его «первоначальным накоплением капитала». Те же, кто не согласен с такой трактовкой, будут пытаться обнаружить другие основания в генезисе капитализма через поиск соответствующих фактов и процессов, происходящих в хозяйственной жизни.

Другой пример касается истории спора о роли свободной торговли. Очень часто она подменяется абстрактными рассуждениями о якобы бесспорных преимуществах свободы торговли перед протекционизмом. Однако в действительности такое утверждение, как и обратное, доказать невозможно, хотя бы из-за того, что оно просто достоверно непроверяемо на практике. Любая страна, выбрав в какой-то период один из двух альтернативных решений в области торговли, вернуться назад и пройти по второму пути не может. Так в чем же тогда смысл и значение свободной торговли? Очевидно, не в том, что такой режим сам по себе является лучшим. Один из возможных ответов заключается в том, что он способен создать более благоприятные условия для расширения предложения товаров в рыночной экономике.

Как один, так и другой пример показывают, что акцентирование внимания в анализе экономического текста на его смысле и значении побуждает исследователя обращаться к реальной хозяйственной практике, находя в ней соответствующие подтверждения.

Тем самым выявление значений и смысла, содержащихся в тексте, следует рассматривать в качестве основной цели герменевтического анализа. В процессе познания хозяйственной деятельности понимание-истолкование предшествует объяснению и последующему применению полученного знания, т. е. его распространению в обществе в разных целях — для практической реализации в хозяйственной деятельности, для обучения и просветительства и т. п. Его можно условно разделить на три этапа:

- *терминологический* — подбор из существующих (заимствованных или изобретенных) терминов (суждений) таких, которые пригодны для первичного описания исследуемой стороны экономической реальности;

- *установочный* — установление значений, которые присутствуют (скрываются) в предложенных терминах (высказываниях);
- *смыслообразующий* — обнаружение смысла, т. е. в конечном счете обеспечение его согласования с истинностью утверждения.

Уже само несовпадение явлений и сущности делает принципиально важным нахождение в процессе теоретического анализа языковых значений и смыслов, которые могут не совпадать с наблюдаемыми событиями, фактами и процессами. Исследуя их, экономическая теория вступает в область смыслообразования. Тем более, что конкретные хозяйственные факты скрыты в огромном море других фактов и событий. Поэтому их значения и особенно смысл глубоко погружены в экономическую жизнь и очень часто непосредственно себя не проявляют. Этим предопределяется необходимость использования в познавательной практике специальных методов и интуиции. Трудноуловимость, неоднозначность, многосмысленость сущего и многое другое — все это и придает сложность и неокончательность каждому акту познания, что обусловливает неизбежность постоянного возвращения к объекту изучения, формально отодвигая роль языка на второй план.

Таким образом, в научной картине хозяйственной жизни, как и в любой другой, язык не ограничивается коммуникативной функцией. В ее создании он выполняет *творческую* роль. Хотя в зависимости от состояния экономики и степени ее адекватного отражения наукой она может выдвигаться на передний или уходить на второй план. Но в любом случае языковый феномен должен стать объектом пристального внимания экономистов в неменьшей степени, чем выбор аналитического аппарата и обоснование научных гипотез и итоговых выводов. Такой подход объясняется уже тем, что сама наука выступает не как простое отображение (фотографирование) хозяйственных процессов, а как упорядоченная совокупность научных знаний[36].

В идеале экономическая теория, как и любая другая, должна стремиться к точности и однозначности используемых понятий (терминов), уберегая теорию от двусмысленности. На них особенно делается акцент, когда предпринимаются попытки создать в экономике «чистые модели», которые поддавались бы обсчету и одновременно стали бы универсальными. Их конечная неосуществимость объясняется в первую очередь особенностями самого объекта — экономики, который находится в состоянии непрерывного движения и изменения, что предопределяет принципиальная незавершенность любого описания.

[36] «Если определять науку как совокупность научных знаний, то понять логику науки, — подчеркивает Л.А. Маркова, — можно через изучение логики языка» [27, 191].

К тому же для понимания и истолкования экономических процессов чрезвычайно важен их *контекст* — исторический, социокультурный и т. п. Через его учет в распознании смысла и значения текста происходит согласование всеобщего с особенным и единичным (уникальным), присущими самой хозяйственной жизни. Этим языковые формы выражения прочнее привязываются к хозяйственной реальности, обеспечивая практичность экономического языка за счет его погруженности в национальную культуру. Одновременно такой характер научного познания еще в большей степени усиливает значение языка. Подчеркнем, мыслительный процесс в тех сферах жизни человека, где прямое использование эксперимента и опыта затруднительно или просто невозможно, проявляется в виде его творческого употребления. Этим подкрепляется ранее сделанное принципиальное заключение о том, что сам язык обладает созидательным статусом, способен развивать творческое воображение экономистов и помогать им в освоении новых средств интерпретации хозяйственной жизни. Еще более активной его роль в хозяйственной сфере становится тогда, когда в обществе и в хозяйстве происходят крупные изменения, которые не могут не влиять на его употребление в практической и научной деятельности.

Иноязычность, причины и последствия для российской экономической науки

То, что формирование новой экономики в России рождает потребность в обновлении экономического языка, вытекает из ранее проведенного анализа. И в этом смысле само появление такого его варианта является закономерным и одновременно дополнительным свидетельством созидательного потенциала, который в нем заложен. Но почему он оказался столь перенасыщен иноязычными заимствованиями?

Можно считать, что герменевтическая тема в российской экономической науке имеет дополнительный и особый контекст, связанный с проблемой вытеснения русского языка из научного употребления. Его нельзя не заметить, поскольку масштабность иноязычных заимствований создает специфические трудности в реализации процесса понимания и истолкования русскоязычных научных текстов.

Обратимся к характеристике общей ситуации лингвистического взаимодействия. На этот счет кратко сформулируем несколько общих тезисов, которые вполне значимы и для экономики.

Так, доказывается, что иностранные заимствования обогащают язык и выступают результатом активного взаимодействия различных национальных культур и наук, обмена опытом и достижениями в технике и экономике. Тем не менее данный тезис нельзя принимать как

абсолютный. В действительности обогащает язык его развитие на собственной основе, а не внедрение чужих слов с совершенно иной структурой. Заимствовать можно, но не путем копирования чужих слов, если они не из родственных языков, а через поиск своих аналогов.

В этой связи уместно вспомнить спор, начавшийся с конца XVIII в., о том, как в русском языке нужно отражать новые явления в науке и технике, экономике и политике, которые шли с Запада, активно проникая в социально-хозяйственную практику. В это время (в частности, А.С. Шишковым) вместо простого копирования иностранных слов и понятий с последующим их внедрением в научную лексику и обыденный язык предлагался поиск аналогов в русском языке, особенно в тех случаях, когда они имелись или их можно было создать на основе располагаемого материала[37].

Обычно, когда вспоминают об этом споре, в качестве курьеза приводят пример с «мокроступами», которые предлагались в качестве замены уже появившемуся французскому слову «галоши». Однако даже в приведенном примере ясно, что само наличие русского корня в любом новом слове изначально делает его понятным и значимым практически для каждого носителя языка. Причем уже в корневой основе слова можно обнаружить неразрывную связь знака (вещи или явления) с его значением, почувствовать смысл и в первую очередь множественность контекстов, которые за ним могут скрываться[38].

Отметим также и то, что в реальной языковой практике можно найти немало удачных примеров в обозначении научных понятий как производных от однокоренных русских слов. Скажем, понятие «промышленность» (от корня «промышлять», т. е. заниматься делом как средством к жизни), хотя оно сосуществует с заимствованным словом «индустрия» или «земледелие» и т. д.

Еще одно утверждение связано с тем, что русский язык настолько могуч, что в состоянии переварить очередное иностранное нашествие. Конечно, нынешний англоязычный поток в русскоязычную среду — это не первое такое масштабное вторжение, что только подтверждает,

---

[37] Кстати, адмиралом А.С. Шишковым по заданию императора Николая I был в создан первый научный толковый словарь о морском деле, в котором автор реализовал свои идеи, используя, по возможности, русские аналоги. При этом с учетом достаточно узкой специализации данной сферы деятельности он не исключал устоявшиеся заимствованные понятия.

[38] Приведем такой пример: коренное слово «*мир*» с общим значением «тишина, спокойствие, согласие, дружба между государствами, народами...» объединяет в русском языке 116 однокоренных слов, каждое из которых отличается оттенками семантики и стилистики.

вроде бы, устойчивость русского языка[39]. Однако и в этом случае надо принимать во внимание одно важное обстоятельство. Известно, что разруха в обществе начинается в головах людей, но ей предшествует подрыв родного языка, а значит, собственной культуры и способности к мыслительной деятельности. Язык по своей сути -наиболее консервативное и защищенное устройство в любой цивилизации. Даже в испорченном варианте он еще может достаточно долгое время функционировать. Но в результате его ослабления наносится разрушительный удар по менее защищенным от внешнего воздействия слоям — культуре, национальным традициям, науке, и, в конечном счете, по самосознанию и менталитету людей, их мыслительной практике. Именно они способны исчезнуть в первую очередь, даже в условиях продолжения существования языка, хотя уже и в «полуживом» состоянии.

Не случайно сегодня не только Россия, но и другие более благополучные страны (например, Франция, Германия) озабочены проблемой сохранения своих языков и предпринимают серьезные усилия по их защите. Так что наша страна не единственная страдает от нашествия англицизмов[40].

Наконец, нередко утверждается, что проникновение иностранных терминов в научный лексикон, так же как и заимствование чужих идей, полезно, дает возможность включиться в мировой научный процесс и использовать накопленный научный опыт в мире. Вместе с тем следует иметь в виду, что в строении слова присутствуют два главных слоя: звуковой (фонемы) и смысловой (семемы, т. е. значения, смыслы) (см.: [30, 139—149]). Они существуют совместно и нераздельно. Отсюда и способность человека интуитивно понимать значение и смысл просто из самого звука (фонемы). Чем в большей степени научный лексикон опирается на свой национальный язык, тем более термины и категории открываются для понимания во всем многообразии их оттенков и контекстов значений и смыслов описываемых экономических фактов и явлений, и, значит, содействуют продуктивному диалогу между учеными и развивают саму науку. Еще более важно, что такая открытость для понимания обеспечивает незатрудненное проникновение научных знаний в общество в интересах практического применения в хозяйствовании и просветительстве.

---

[39] Уже в самом конце XIX в. Словарь используемых в русском языке иностранных слов включал почти 150 тыс. иностранных слов [28]. Для сравнения отметим, что Словарь великорусского языка В. Даля содержит примерно 200 тыс. слов.

[40] Например, в Германии сегодня практически отсутствуют рецензируемые научные экономические журналы на немецком языке. В большинстве своем они перешли па английский язык (см.: [29]).

Таким образом, язык, если рассматривать его как творческий инструмент в познавательной деятельности, требует внимательного отношения к его использованию в создании словесной ткани экономической науки в России. Российский двухвековой опыт преимущественно интерпретационного (переводческого) использования экономических идей, рожденных в отличающейся культурной и языковой среде, вполне убедительно подтверждает наличие в нем серьезных изъянов и негативных последствий. Распространение иностранных терминов методом калькирования в экономической науке России, получившее широкое распространение, выступает наиболее легким способом перевода. Передача произношения или написания иностранного слова средствами другого языка не требует никаких творческих усилий, что ограничивает активную роль языка в познавательной практике и вредно для развития научных идей. Это означает, что привычка заимствовать чужие понятия и термины не столь безобидна. Леность в словах рождает леность в умах.

Причем стоит заметить, что для российских экономистов, как и для представителей других наук, стало модным рассматривать использование иностранных терминов как признак высокой научности, превращающей их в тексты только для посвященных.

Одно из возможных негативных последствий копирования чужих терминов и понятий, хотя и не самое значительное, заключается в трудности обеспечения точности их перевода на русский язык. От нее же во многом зависит адекватность понимания экономических идей, представленных в соответствующих текстах, и их последующего истолкования и применения. Оттенки мысли чрезвычайно трудно бывает изложить на другом языке. Не случайно, что разные переводы одного и того же текста разными переводчиками почти никогда не бывают совпадающими.

В этой связи нелишне будет вспомнить примечательную историю перевода на русский язык понятия «Wert» в «Капитале» К. Маркса. Отметим, что она началась задолго до революции в России, имея не столько лингвистический, сколько содержательный смысл в толковании этого понятия, важном для уяснения истинного замысла самого произведения. Напомним, что первоначально данное понятие было переведено Н. Даниельсоном как «стоимость» (к 1896 г. вышло три издания с этим переводом «Капитала»). Однако затем в переводе П. Струве в 1898 г. был предложен другой вариант — «ценность». Не вдаваясь в детали спора о точности этого перевода всего лишь одного термина, подчеркнем, что на данном примере видно, как разные его варианты в состоянии развернуть содержательные (смысловые) коор-

динаты всей теоретической конструкции. И таких примеров существует огромное множество.

Заметим, что обеспечение адекватности перевода рядом авторитетных представителей лингвистической философии трактуется как неразрешимая проблема[41]. Неопределенность перевода из-за креативного статуса языка, дополненная характерным для каждого языка социокультурным контекстом и национальным самосознанием, — все это не просто усложняет переводимость экономических теорий, но и нередко ведет к искажению их подлинного смысла. Более того, в литературе выдвинута гипотеза об определенной предрасположенности или неприятии конкретных языков к тем или иным наукам (теориям)[42]. Ведь язык — это не просто словарный запас и правила его использования, но и особый способ, благодаря которому слова и выражения приобретают свое значение и смысл.

Вместе с тем проблема точности перевода иноязычных экономических текстов — это далеко еще не самая серьезная угроза для развития науки в России. Затянувшийся период ученичества российской экономической науки, как и в целом обществознания, одним из своих истоков имеет используемый метод копирования иноязычных понятий, который вполне закономерно оборачивается таким же по характеру заимствованием чужих идей и теорий. Для сравнения отметим, что в мире накоплен поучительный опыт принципиального отказа от практики иноязычных заимствований, вместо которых обеспечивается перевод новых понятий на родной язык через поиск своих аналогов. В Европе этим особенно отличается исландский язык. Даже в настоящее время в немецком языке для половины заимствованных из английского терминов находятся свои немецкие синонимы. В русском же языке заимствование английских терминов в науке и технике достигает 90%.

Еще более уникален опыт Китая, который на протяжении 5000 лет непрерывной истории сохраняет надежную защиту своего языка, отвергая метод калькирования иностранных слов. При этом стоит специально подчеркнуть, что непрерывность и устойчивость китайской ци-

---

[41] По поводу переводов У. Куайн высказал такую гипотезу: «В бесчисленном множестве случаев они будут различаться в том, что они предлагают в качестве соответствующих переводов предложений одного языка предложения другого языка, которые не находятся одно к другому в отношении какой-либо удовлетворительной эквивалентности» [17, 24]. Особенно проблема неопределенности перевода осложняется для неродственных языков и отсутствия общности культуры.

[42] По этому поводу самое радикальное мнение принадлежит М. Хайдеггеру, которому приписывается высказывание о том, что философствовать можно только на немецком, ну, в крайней случае, может быть, еще на греческом языке [31, 271].

вилизации на протяжении столь длительного периода времени, так же как и возможность ее дальнейшего развития на собственной (самобытной) основе, наверное, в немалой степени обеспечивались непроницаемостью своего языка.

Как видим, контрастом китайскому опыту выступает пример России. Превратив русский язык в открытый для проникновения чужеземных слов, принципиально отличных по своему строению, мы тем самым фактически открыли простор для внедрения масштабных заимствований, действующих разрушительно и в отношении экономической науки, и собственного цивилизационного устройства. Природа вторичности русской экономической мысли не может не иметь корней в сфере формирования научного языка.

Для судьбы экономической науки в России, вполне возможно, таким рубежным событием стало само обозначение хозяйственной деятельности и науки, которая призвана была ее изучать. Напомним, что первоначально в этих целях употреблялось понятия «*домоустройство»,* или «*домострой*», которые определяли, согласно словарю В. Даля, «заботу о добром порядке всего домашнего обихода». Характерно и то, что одно из первых русских наставлений о хозяйствовании, появившееся в XVII в., носило название «Домострой». Такое название точно соответствовало исходному смыслу понятия «экономия» как *домоведение*, введенном Ксенофонтом в IV в. до н. э. И только в более позднее время в русский язык внедряется термин из греческого языка «экономия», ставший затем общепринятым, с производными от него понятиями «экономика» и «экономический» для обозначения содержания хозяйственных процессов и самой науки[43].

Использование термина «домостроительство» в качестве идеи и словесного образа зарождающегося его русского варианта изначально было ориентировано на самобытные начала, в основе которых лежали духовность и нестяжательство в хозяйствовании[44]. Одновременно национальный язык мог стать отправной точкой и опорой в развертывании и укреплении собственных представлений о хозяйстве в стране, что давало шанс для их творческого оформления в виде такой же са-

[43] Также как домострой понятие «хозяйство» и его производные в семантическом (смысловом) отношении более точно отображают природу русского домостроительства. Поэтому «экономика» и «хозяйство» будучи содержательно и терминологически близкими понятиями в современной экономической теории, тем не менее могут различаться (см. об этом: [32, 71—89]).

[44] О домострое как основе национальной хозяйственной модели России см.: [33]. Правда, возникает вопрос о том, насколько саму идею русского домостроительства как самодостаточную оправданно включать в систему координат институционализма.

мобытной системы научных знаний. Любая национальная экономика наиболее точно воспроизводится и описывается терминами и понятиями, рожденными в своей культурно-языковой среде. В свою очередь, язык помогает реализовать творческий потенциал национального самосознания и мыслительной практики народа.

Вообще следует отметить, что роль языка как в сохранении, так и в разрушении исторически сформировавшихся цивилизаций велика. Характерно, что волны иноязычных заимствований в России практически совпадали с волнами реформ, нацеленных на очередные попытки цивилизационного слома. Дело в том, что такого рода изменения в языке выступают своего рода аналогом мутации, при которой происходит смена наследственного вещества и рождается иной ген. В языке близким по последствиям становится изменение его фонетической структуры, которое открывает простор для перекодирования этноса. Первый его результат — это формирование у научной, культурной и политической элит этноса комплекса неполноценности, возникающей из-за забвения своего языка и его замещения языком более дееспособной нации.

В этой связи уместен такой вопрос: нынешнее исторически промежуточное состояние страны, определяемое, с одной стороны, утратой огромного массива культурного наследия и традиций, которое ставит вопрос о возможности обеспечить гармоничное развитие в будущем на собственной основе, с другой — незавершенностью «цивилизационной перековки», которое не позволяет в действительности перейти на иную траекторию развития — разве все это не имеет свои корни в сфере языковой практики?

Встать прочно на свои цивилизационные основания в социально-культурной и хозяйственной сферах, игнорируя важную роль языка, невозможно. Конечно, сегодня трудно в полной мере обеспечить восстановление его утраченного творческого потенциала, учитывая огромную силу инерции и непонимания. Тем не менее поставить задачу и последовательно решать ее, добиваясь хотя бы не усугубления ситуации с ослаблением русского языка, при соответствующей нацеленности можно. Для начала требуется в каждом новом хозяйственном и научном явлении находить свой конкурентоспособный и краткий термин, который бы конкурировал с иноязычным и выступал дополняющим, а впоследствии, по мере возможности, и замещающим понятием. Иначе говоря, экономисты России, как и представители других общественных наук, должны по-настоящему вернуть русскому языку полноценный творческий статус, без которого трудно рассчитывать на самостоятельность самой научной мысли.

Возрождение российской экономической мысли как развивающегося и творческого сегмента мировой науки может найти еще одну опору. Она связана с выбором в качестве приоритетного объекта не абстрактной экономики или экономики других стран, а российского хозяйства. Отличаясь своеобразием социально-хозяйственной среды, традициями и менталитетом людей, которое предопределяет специфику научного знания о нем, оно имеет свои естественные национально-языковые обозначения. Отечественная экономика наиболее точно воспроизводится и описывается русскоязычными терминами и понятиями. Отдавая предпочтение изучению экономики России, ее устройству и особенностям развития и используя для этого в полной мере созидательные возможности русского языка, можно соединить экономическую герменевтику с содержательностью и практичностью самой экономической науки, а значит, обеспечить простор для реализации ее самостоятельного и творческого начала в современной России.

Литература

1. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
2. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
4. *Соколов Я.В.* Скептицизм как метод экономической науки // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2008. Вып. 1.
5. *Рязанов В.Т.* Проблема верификации в экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 4.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
7. *Смит В.* Экспериментальная экономика. М., 2008.
8. *Сэндлер Т.* Экономические концепции для общественных наук. М., 2006.
9. *Шлиссер Э.* Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики. 2007. № 3.
10. *Мизес Л.* Человеческая деятельность. М., 2005.
11. *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
12. *Поланьи М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
13. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М., 2006.
14. *Мизес Л.* Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.
15. *Рязанов В.Т.* Антропологический принцип в экономике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2006. Вып. 1.
16. *Корнаи Я.* Здоровье нации. Размышления об аналогиях между экономикой и медициной // ЭКО. 1987. № 9.
17. *Куайн У.* Слово и объект. М., 2000.

18. *Черемисинов Г.А.* О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика. Саратов, 1994.
19. *Маршалл А*. Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993.
20. *Курц Х.Д.* Куда идет история экономических учений: медленно двигается в никуда? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2008. Вып. 3.
21. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М., 1978.
22. *Расков Д.Е.* Экономическая теория как риторика // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2005. Вып. 3.
23. *Соколов Б.Г.* Рецепция герменевтики в России // Между метафизикой и опытом / Под ред. Д.Н. Разеева. СПб., 2001.
24. *Симонов В.В.* Церковь — общество — хозяйство. М., 2005.
25. Аналитическая философия / Под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М., 2006.
26. *Касавин И.Т.* Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. 2005. № 4.
27. *Маркова Л.А*. Контекст и слово // Эпистемология & философия науки. 2007. № 4.
28. Самый полный общедоступный словотолкователь 150000 и объяснитель 150000 иностранных слов, вошедших в русский язык» / Сост. Соколов, Кремер, доп. С.Н. Алексеев. М., 1899.
29. *Либман А.* Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3.
30. *Гачев Г.Д.* Слово и смысл. Слово и истина // Философия хозяйства. 2005.
31. Эпистемология & философия науки. 2007. № 4.
32. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М., 2005.
33. *Юдина Т.Н.* Институциональные принципы домостроя (идейная основа конституирующей национальной модели хозяйственной системы России X-начала XX вв.). М., 2006.

Ю.А. БЕЛОВ, А.Н. РАЛЬЧУК

Социум и универсум — герменевтика кризисной не-взаимности

1930-е гг. ознаменовались двумя нестандартными событиями — интеллектуальным и экономическим, — совпадение которых во времени, как теперь становится ясно, не хронологическая случайность, а обозначение некого нового статуса, обретаемого глобальным социумом. Этот статус соответствовал выходу человечества на еще невиданные по интенсивности, глубине и масштабам параметры его деятельности на новых горизонтах бытия, когда прежняя, не предвещав-

шая каких-либо неожиданностей и в целом надежная логика поведения, начала давать внезапные сбои.

В познавательной, интеллектуальной сфере сбой точно датировался 1931 г., когда австрийский логик и математик К. Гедель в своей работе «О формально неразрешимых предложениях Principia Mathematica и родственных систем I» сформулировал ряд важных теорем [1; 2]. Они показали некорректность дотоле несомненной (как полагали) возможности абсолютно точного описания математических объектов и систем, а отсюда, шире — и объектов и систем «реального» мира, универсума. Среди них две имеют особое значение — так называемые *первая* и *вторая теоремы Геделя* — соответственно о неполноте и о непротиворечивости. Предельно проясняя и популяризируя формальный аппарат теорем и актуализируя их смысл при том общем условии, что в них идет речь о попытках с позиций некой первой системы (сознания, культуры, языка и т. д.) описать (определить, понять, управлять) некую другую систему (сознание, культуру, язык и т. д.), причем более сложную (богатую, более развитую), чем первая, теоремы можно интерпретировать следующим образом.

Из первой теоремы следует, что попытка описать вторую систему с позиций первой приводит или к *неполным* (упрощенным), но и *непротиворечивым*, или к *полным* (подробным), но и *противоречивым* характеристикам второй системы. Вторая теорема — обычно рассматриваемая как следствие первой — показывает, что *полное и непротиворечивое* описание любой системы возможно *только посредством некой более сложной, чем она, системы* (метасистемы). Опять предельно проясняя формальную сторону проблемы, но актуализируя смысловую, теоремы можно проиллюстрировать так. Пусть есть какой-то условный человек с «упрощенным» сознанием (и соответствующей культурой) и другой человек, со «сложным» сознанием (и соответствующей ему развито́й культурой), причем первый знает второго скорее заочно — «по делам его», но интуитивно представляя его личностные масштабы. Тогда первый человек будет судить о втором «в чистом виде» или упрощенно-понятно, или, как бы спохватываясь и воздавая ему должное, сложно и фантастически-запутанно.

Приведенный здесь мысленный эксперимент свидетельствует о двух эпистемологически и онтологически взаимосвязанных важных вещах. В *эпистемологическом ракурсе* здесь открылась невозможность полной формализации систем, их однозначного и корректного описания, причем не только в математике — для чего, собственно, теоремы и предназначались (крах программы Д. Гильберта полной формализации математики), но и значительно шире — в мире, универсуме —

природном и социальном — вообще. Стало понятно, что и природа, и человек в своем строении и поведении значительно сложнее и богаче, чтобы поддаваться какой-либо однозначной формализации («формулизации»). В частности, основываясь на доказательстве теоремы Геделя о неполноте, Н. Бор сформулировал *принцип дополнительности* [3] применительно к квантовой физике: для того, чтобы адекватно описать физический объект, относящийся к микромиру, его необходимо представлять во взаимоисключающих, «дополнительных», системах описания, например, одновременно и как частицу, и как волну.

В более широком плане теоремы К. Геделя послужили одним из оснований перехода от *классической науки* (полагавшей существование абсолютной истины и «гарантированность» ее постижения вне зависимости от какой-либо конкретной исследовательской «технологии») через *неклассическую* (уже исходившей из представлений о «срезах» истины, обусловленных использованием тех или иных конкретных исследовательских «технологий») до *постнеклассической науки* (добавившей к этому обусловленность «срезов» истины и ценностно-целевыми структурами человека) [4]. Здесь, в постнеклассической науке, эпистемологический ракурс сопрягается, собственно, с *онтологическим* — точнее, с *онтологически-деятельностным* (*онтическим*) *ракурсом* в том отношении, что начинает пониматься некорректность (и ущербность) прежней познавательной (и практической) позиции человека. Эту позицию можно охарактеризовать как «монологическую» прежде всего не в том представлении, что здесь первая («познающая») система относительно второй («познаваемой») действует внешним образом — обычно это неизбежно — а в некотором другом, более глубоком смысле. Так, когда вторая система чисто математическая и статическая («фиксированная»), то теоремы Геделя «срабатывают» с неизбежностью формально-логического закона исключенного третьего (или истинно, или ложно) — естественно при том условии, что вторая система более сложная, чем первая. Иное дело, когда вторая система способна к самоорганизации (природная, социальная, социоприродная система), причем система имеет открытый, трансцендентный характер, познание которой никогда не может быть полным. Тогда познавательное — неизбежно сопряженное с преобразующим — воздействие на систему запускает в ней процессы самоорганизации. Результаты воздействия здесь могут проявляться не только через значительное время, но и иметь неявный характер, затрудняющий «тест на Геделя». Поэтому постнеклассическая наука исходит из необходимости иного — «не-лобового» — режима действия ценностно-целевых структур «познающей» системы. Она видит в «познаваемой» системе

не только некую исходную сложность, но и возможность/неизбежность изменения ее сложности в процессе познания, а, следовательно, и необходимость параллельных корректировок самих ценностно-целевых структур «познающей» системы («изменение изменений»).

Подобное глобальное познавательно-преобразующее воздействие человечества на мир как на взаимозависимые и трансцендентные социальный и природный универсумы было уже осуществлено в XX в. Причем осуществлено практически синхронно и как бы для «натурного» экспериментального подтверждения первой теоремы Геделя в ее разделенности на отдельные варианты неполноты и противоречивости (Провидение постаралось, чтобы человечество могло понять, что к чему, герменевтически осмыслить *это*?).

Первый вариант естественно отождествляется с проектом *социалистического мироустройства* и с его практической реализацией на основе однопартийной политической системы и административно-командной экономики. Реализация проекта, исходившего из представлений о необходимости единого центра власти, управления и идеологии, который должен был действовать в условиях кое-где дружественного, кое-где нейтрального, а кое-где и прямо (или скрыто) враждебного природного и социального универсумов, первоначально обещала очень неплохие результаты — простые и ясные. В значительной степени эти результаты, в особенности если вспомнить «стартовое состояние» бывшего Советского Союза — его населения и хозяйства, — были осуществлены (правда, чудовищной ценой метода «проб и ошибок»).

Простое и ясное общество — в смысле понятных и ощутимых политики, идеологии и морали, отсутствия какого-либо серьезного социального расслоения, работающего народного хозяйства, гарантирующего более чем прожиточный минимум, высокого (при желании его достичь) культурно-образовательного уровня, перспектив будущего — было в целом построено. Но, в конце концов, в этом обществе с нарастающей силой (и «по Геделю») начали действовать упоминавшиеся сбои — здесь «сбои простоты». Простота и ясность обозначились (проявили себя) как отсутствие демократических институтов правового государства, стагнирующее народное хозяйство с нерешенными продовольственной и жилищной проблемами, усиливающееся научно-техническое отставание и многое другое. (Собственно, здесь все основания для того взгляда, что построенное общество не было социалистическим и при социализме еще никто и никогда не жил.)

Второй вариант вполне отождествим с проектом *капиталистического мироустройства* с его практической реализацией на основе многопартийной политической системы и либерально-рыночной экономики. Подчеркнем здесь *проектное начало* данного мироустройства: оно, в первую очередь, его экономический базис, не возникло так уж само по себе, органическим образом, ведомое «невидимой рукой» А. Смита или самоорганизуясь благодаря *спонтанному рыночному порядку* Ф. фон Хайека. Здесь была масса принудительных (а следовательно, «проектных») моментов. И в начале реализации «капиталистического» варианта как *рыночной экономики* стоит вспомнить исследования такого авторитета, как Ф. Бродель [5, 34], или известное из истории Англии насильственное обезземеливание крестьян («огораживание») с образованием класса наемных работников. Целиком реально «проектная принудительность» действовала в период мирного сосуществования (соревнования на выбывание?) социалистической и капиталистической систем — массой силовых военно-политико-идеологических средств. Проектное начало капиталистического варианта вполне действует и сейчас, с исчезновением проекта социалистического мироустройства, в эпоху униполярной глобализации, в широком диапазоне средств принуждения — от внешне добровольных и как бы доброжелательных (соответствующие масскультура, СМИ, реклама и, в конце концов, сам навязываемый потребительски-гедонистический образ жизни, который практически уже не оставляет никаких иных возможностей, кроме подчинения ему) через «еще» экономическое давление *корпоратократий* (Дж. Перкинс) до силовых (военно-политическое могущество «главного» государства — США).

Реализуемый проект капиталистического мироустройства в сравнительно короткие сроки невероятно интенсифицировал, наполнил и усложнил мир. Но и «по Геделю» он не мог не породить противоречий. Первым звонком таких противоречий стал *мировой экономический кризис* (Великая депрессия) 1929 — 1933 гг., заметим, синхронно и, как теперь становится ясно, поучительно-предупреждающе совпавший с доказательством К. Геделем его знаменитых теорем. Противоречие, породившее мировой кризис, с чисто экономических позиций трактовалось как кризис перепроизводства. Производительные силы мирового капитала к тому времени работали столь интенсивно, вырабатывали такое огромное количество разнообразной продукции, что человечество, производившее это изобилие, буквально в нем «захлебнулось». Будучи не в состоянии потребить (в том числе и физически) все это богатство, не затребованное для его нового воспроизводства, человечество парадоксальным образом оказалась как бы ненужным для само-

го себя. Поэтому данное противоречие (в варианте интерпретации марксистской политэкономией — противоречие между трудом и капиталом), по сути, было обусловлено несоответствием высокой эффективности капиталистического хозяйства и естественной природы человека (бережливого, не склонного к излишней роскоши и риску, весьма скромно оценивающего свои потребности, предпочитающего скорее традиции, чем новшества, и т. д.). Напротив, для безкризисно работающей капиталистической, либерально-рыночной экономики, т. е. экономики, непрерывно усложняющейся, интенсифицирующейся и захватывающей все новые и новые сферы деятельности (от образования до религии), был необходим и «новый человек». Им должен был стать некий ненасытный потребитель (а отсюда, volens-nolens, и производитель), жаждущий все новых и новых товаров и услуг и легко расстающийся с прежними, склонный к безоглядному риску и вообще не очень-то и рефлексирующий, но с удовольствием проникающий во все возможные и невозможные сферы (поры?) жизни для их коммерциализации. Такой человек, по существу, как в реторте, был «выведен» в одной стране (США) в рамках Нового курса президента Ф. Рузвельта — на основе *экономики эффективного спроса* Дж.М. Кейнса — и как клон стал быстро заполнять весь капиталистический мир [6, 12—13]. С крушением социалистического мироустройства и образованием униполярного глобализированного мира «новый человек» стал, по сути, вселенским, универсальным человеком.

Между тем и теорема Геделя демонстрировала свои вселенскость и универсальность. Как бы обойденное, «снятое» противоречие, в условиях эффективно усложнившегося капиталистического хозяйства стало преобразовываться в новые противоречия, уже не имеющие таких сравнительно легких и очевидных решений. В основном это противоречия *экологические* (не-устойчивое развитие с завышенными стандартами жизни нынешнего поколения за счет будущих поколений), *социально-политические* (с быстро увеличивающимся разрывом в жизненных уровнях между богатыми странами «мирового Севера» и бедными странами «мирового Юга») и *экономические* (с растущим разрывом между реальным сектором экономики, где производятся товары и услуги, и финансовым, необходимым, собственно, для обслуживания реального сектора, но занимающего относительно него все более диктаторскую и произвольную позицию).

Пожалуй, все же главнейшим (но и менее распознанным, так как оно находится «внутри нас») является *противоречие между некими органическими психосоматическими параметрами человека*, поскольку он сложился как особый антропологический, исторический, куль-

турный, моральный вид, и теми *новыми параметрами*, в которых все это напрочь отбрасывается. Собственно, то, что начинает пониматься как проблема «расчеловечивания человека». Или, в более широком плане, начинает действовать та особенность, что *уже не экономика для человека* (как прежде, в виде некоего необходимого инструмента жизнедеятельности), *а человек для экономики* (как необходимый функциональный компонент для ее безграничного самовозрастания). Тяга к неограниченному потребительству, гедонизму, преимущественно инструментальный (а не творчески-критический) разум «нового человека», по сути, «гламурно» прикрывают его мутацию, выход из тех нравственных, психических, интеллектуальных и соматических координат, где человек, как таковой, только и может сохранять свою психосоматическую идентичность. «Мы не будем знать, когда нас не будет» (В. Кутырёв).

Такое прочтение «по Геделю» первого (социалистического) и второго (капиталистического) вариантов мироустройства, при всей их антагонистичности, а в период их параллельного существования и неприкрытой (и понятной) враждебности имеет и некий *общий онтоэкзистенциональный знаменатель*. Это, напомним, *монологическое,* волевое, диктаторское, обобщенно — «преобразовательное» — *отношение человека к миру*, трансцендентную сложность которого мы не в состоянии охватить. И тут действуют два интересных познавательных сюжета.

Во-первых, сюжет, снова сопряженный с мысленным экспериментом. Он представляет собой попытку разобраться в том, гарантировали ли простота и ясность социалистического проекта его вечное или хотя бы долговременное существование, если бы параллельно ему не действовал и капиталистический проект. Добавим — и подрывавший силы социалистическому проекту непосильной гонкой вооружений, и демонстрировавший потребительское изобилие вместе с демократическими свободами. Причем тогда, когда, условно говоря, это был привлекательный «капитализм с человеческим лицом» и нынешние его противоречия в униполярном мире еще не успели пугающе обозначиться (впрочем, только для того, кто хочет и может их понять и осмыслить). Две основные (под)системы социалистического проекта являются маркерами оценки возможности долговременности такого существования: социум и природа.

Если говорить о социуме, то относительные неудобства «слишком простой и ясной жизни» — от идеологических до материальных — он, в целом, приспособился обходить буквально по принципу Ле Шателье — Брауна для биологических систем — принимать те новые компен-

сирующие состояния, когда давление (упрощение) становится меньшим. Эзопов язык, анекдоты и «разговоры на кухне» на идеологическом полюсе проекта, приписки к плану, «теневой рынок», а то и прямое подворовывание — на материальном. Ради справедливости следует уточнить, что основной официальный «психосоматический стержень» социума был вполне разумен и гуманистичен — от требований здорового образа жизни до высокой культуры (пусть и изрядно идеологизированной, но именно высокой). Поэтому в исторической перспективе — и в рамках данного мысленного эксперимента — в формате социалистического проекта социум мог бы, похоже, существовать достаточно долго.

Иное дело — природа. Также подчиняясь принципу Ле Шателье — Брауна, она натиск упрощающих преобразований социалистического проекта стала реализовывать в более широкой палитре компенсирующих состояний. Эти состояния простирались от внешне невинных индустриальных пейзажей и «спальных районов» больших городов до прямо катастрофических результатов мелиорации и изъятия полезных ископаемых. Венцом катаклизмов, очевидно, здесь являются катастрофа осуществившаяся (Чернобыль) и еще не успевшая реализоваться («поворот» северных рек СССР на юг в засушливые районы). Так или иначе, но по «линии природы» социалистический проект медленно, но верно, подрывал собственные устои — его значительно возросшие производительные силы логикой своего упрощенного (линейного), но мощного действия вошли в противоречие со сложными (нелинейными) законами природы. Это и обрекало социалистический проект на некую долговременную историческую стагнацию (напомним, при условии отсутствия капиталистического проекта) и, делая стагнацию явной, парадоксальным образом определяло возможность ее критического осмысления (попытка перестройки), в отличие от нынешней «гламурной» мутации капиталистического проекта.

И здесь, во-вторых, впору перейти к следующему сюжету. Его задача — объяснить ту непонятную, даже пугающую легкость, с которой социалистический проект «самоликвидировался» и начал себя реализовывать уже в варианте капиталистического проекта. Многое объясняется, естественно, неопытностью реформаторов социалистического проекта («прорабов перестройки»), более того, похоже, их неосведомленностью в том, что социалистический проект только и мог существовать как таковой в довольно узких рамках «простоты и ясности». Выход за эти рамки, многоаспектное усложнение проекта, ведет к потере контроля над ним с переориентацией его и «самодостраиванием» уже как капиталистического проекта.

Многое можно объяснить и тем, что политико-управленческая элита социалистического проекта (в большой мере не совпадавшая с реформаторами) в значительной степени к тому времени переродилась в некий бюрократически-гедонистический класс («новый класс», по М. Джиласу), с интересами, далекими от целей проекта. Поэтому, даже научившись уютно существовать в «порах» проекта, она внутренне тяготилась им. Нельзя сбрасывать со счетов и *людей воздуха* (по А. Неклессе [7]): в условиях социалистического проекта пусть и не очень большого отряда, но агитационно весомого, оказывающего прямо-таки гипнотическое воздействие на умы социума — от звезд эстрады до звезд спорта, которые и сами стремились свою рекламно-звездную жизнь сделать реальной, и пробуждали подобные неуемные стремления в масштабе всего социума (*восстание масс*, по Х. Ортеге-и-Гассету). Многое объяснимо и постоянным желанием (с осуществившейся неожиданной возможностью) капиталистического проекта избавиться от своего докучливого конкурента. Спектр этого желания был предельно широк: от доброжелательности простых людей и наивности ученых мужей (Ф. Фукуяма), с их радостью по поводу ожидаемых всеобщего торжества либеральных ценностей, наступления «вечного мира» и исчезновения бедности, до «людей воздуха» уже капиталистического формата (геополитиков и геостратегов), видевших для себя все выгоды наступавшего униполярного («однопроектного») мира.

Понятно, что это объясняет многое в легкости самоликвидации социалистического проекта, но не все. Остается ощущение некоего «фактора Х», уходящего в глубины человеческой экзистенции, определяющего ключевую суть нынешнего — и недавнего социалистического, а теперь преимущественно (или желающего стать таким) капиталистического социума. Этим «фактором Х» является, собственно, отмеченное ранее общее монологическое отношение современного социума к миру — и как человечества в целом, и как совокупности отдельных индивидуумов.

Говоря языком современной экономической социологии, монологичность является ключевым поведенческим институтом человечества — некой устоявшейся совокупностью норм и правил его отношения к универсуму — как природному, так и социальному. Очевидно, что в основе монологичности лежит исходная самодовольная (и несамокритичная) человеческая установка недоверия к миру и представления о его пустоте, недозавершенности, со стремлением это активно компенсировать всеми возможными средствами. По-видимому, можно говорить и о генетической близости монологичности к *манихейско-*

гностическому комплексу [8] с его установкой непрекращающейся борьбы против «онтологически ущербного» мира. Казалось бы, по мере культурного и научного развития, с ростом знания о безмерном богатстве, неповторимости (искусственной невоспроизводимости) и хрупкости мира, установка монологичности должна была бы заменяться установкой диалогичности — партнерского, дружески заинтересованного отношения к миру. Однако одной из особенностей социально-экономических институтов является *path dependence* — усиливающаяся зависимость складывающихся норм поведения социума от уже некогда испытанных ситуаций. Особенность же траектории path dependence в том, что регламентируемые таким образом нормы обычно канонизируются, даже если в них пропала прямая необходимость, предопределяя *такой тип развития* — иногда, по большому счету, и *патологический*, и *абсурдный*, с которого чем дальше, тем труднее свернуть. Собственно здесь path dependence начинает преобразовываться в так называемую *институциональную ловушку* — деятельность, эффективную в коротком интервале времени и для небольшого сегмента социума, но, в целом, социально-экономически вредную для всех. Если сейчас выделяются два основных типа ловушек — на уровне национальных государств (уклонение от налогов, коррупция, неплатежи — *институциональные макроловушки*) и на уровне транснациональных корпораций (*институциональные мегаловушки*) [9], то относительно монологичности как ловушки пагубного мировоззрения, неверной ориентации в бытии, очевидно, можно говорить как об *онтической* (предполагающей конкретный способ «прочтения» бытия) *институциональной ловушке*. Здесь исходной ситуацией, породившей такой тип ловушки, похоже, был период десятитысячелетней давности, связанный с резкими климатическими пертурбациями, когда прежний гомеостаз человека с природой (универсумом) был нарушен, и мифологическое состояние гармонии «золотого века», с возможностью жить, собирая дары природы, очень быстро заменилось необходимостью каждодневных хозяйственных трудов и хлопот.

Образовавшийся тип *монологического хозяйствования* — как результат недоверия «шокированной» генетической памяти человечества к миру, оформленный соответствующими социально-экономическими институтами и выкристаллизовавшийся в онтическую институциональную ловушку, стал доминирующей, если не абсолютной формой деятельности глобального социума. Такая форма *природно-исторической* монологичности была закреплена и усилена и *искусственно-цивилизационной* монологичностью при реализации упоминавшейся экономики эффективного спроса Дж.М. Кейнса. Отличительной

особенностью монологичности становится уже не просто недоверие к миру (вполне понятное и отчасти даже прощаемое), а искусственное «пересотворение» (Ю. Осипов) самого мира. Чтобы экономика могла работать эффективно (без значительных кризисов и стагнации), мир должен теперь «сидеть на игле» всеобщей искусственности: спроса, предложения, потребностей, самой своей инфраструктуры (технобиосферы) и, самое главное, «нового человека» — в данном аспекте, что важно, безоговорочно монологического. Такая монологичность, вполне овладевшая глобальным мировым социумом к концу XX в., все же имеет различную региональную «окраску» — *эгоистическую* для стран «первого мира» (капиталистического проекта) и, по-прежнему, *недоверчиво-историческую* — для стран «третьего мира». Для стран «второго мира» — самоликвидировавшегося социалистического проекта — это, скорее всего, окраска *обманутого ожидания*, требующего своей скорейшей компенсации.

Монологичность как «фактор X», легко изменившая вектор направленности на *противоположный* (от регламентируемого социалистическим проектом на предлагаемый капиталистическим), но *сохранившая свою сущность*, своеобразно отразилась в поведении реформируемого бывшего социалистического социума — от его эмпирического до теоретического полюсов. На *эмпирическом полюсе* — это смена «статической монологичности» социалистического предприятия (с заданными наперед планом, потребителями и снабженцами) на «динамическую» нарождающегося капиталистического предприятия (с постоянной необходимостью устанавливать новые связи, обновлять производство и продвигать свою продукцию). В эмпирическом же полюсе представлен и мощный, интенсивно разрастающийся сектор особой монологичности (условно назовем ее «цинической монологичностью»), связанный с разного рода виртуальными (здесь в смысле — произвольно надуманными), полукриминальными, а то и просто криминальными практиками — от разного рода посреднических фирм и трастовых обществ до прямых рейдерских действий.

«Восхитительная легкость монологического перехода» (если перефразировать название романа М. Кундеры) особенно заметна на *теоретическом полюсе* (как-то неожиданно у всех открылись глаза) и, в особенности, в экономической науке (экономика — дело политическое, какая политика, такая и экономика), и прямо-таки явилась «знаковым образом» в одном из сегментов экономического знания — математической экономике. Монологичность адептов *системы оптимального функционирования социалистической экономики* (СОФЭ)

[10] здесь легко и даже с каким-то восторгом заменилась близким им одномерным рационализмом математизированного *экономикса*.

Отсюда, первая теорема Геделя как будто способна продемонстрировать, осторожно выражаясь, некорректность — в смысле несоответствия неким глубинным принципам *идеи прогресса* (Т. Шанин) и социалистического, и капиталистического проектов, в равной степени связанных с попыткой внешнего (монологического) преобразования крайне сложного универсума. Парадоксальным образом в эпистемологическом отношении социалистический проект оказывается даже в выигрыше: в генетически присущем ему ключе простоты и ясности он честно (явно) продемонстрировал несостоятельность использованной им модели. Иное дело — капиталистический проект: его генетическая (но и искусственная) сложность, реализуясь, начинает проявлять какую-то инверсию своих замыслов — «как бы прогресс» стабильно генерирует некую привлекательную патологию, «свет источает тьму» («Если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 23)).

Здесь, пожалуй, и исчерпывается доказательный ресурс первой теоремы Геделя — внешним (монологическим) образом преобразовать что-либо более сложное, чем мы, затея не только напрасная, но и опасная. Не прибавляет оптимизма (опять-таки, монологического, диктаторского) и вторая теорема — мы никогда не сможем стать сложнее, чтобы безошибочно управлять (править?) тем органическим сложным миром, в котором живем, ни реально (как Бог), ни даже в мыслях (как, например, «демон Максвелла»).

Остается некий единственный вариант человеческого бытия-в-мире (похоже, единственно реального, достойного и справедливого бытия). Оно состоит не в прежнем, по сути, «внешнем» существовании социума (человечества и отдельного человека) относительно мира (универсума, природы) и неуемном желании диктаторски, монологически распоряжаться (помыкать?) этим миром, а жить «внутри» мира, сообразуя свои действия с его возможностями и, соответственно, хорошо представляя их. Иными словами, речь идет о перспективе и необходимости замены не просто одной существующей монологической позиции другой (с подчиненностью миру), но такой, которая согласовывает внешнее и внутреннее, преобразовывая человеческую деятельность в *участную* (М. Бахтин) состоянию мира. Это — позиция диалога. Собственно, здесь мы выходим на корпус представлений нынешней — постнеклассической — науки о возможностях как человеческого познания, так и бытия-в-мире.

Представляя диалогичность как «правильный» — в отличие от «ловушечности» монологичности — онтический институт мировоззрения,

отметим два важных момента. Во-первых, диалогичность не является чем-то неестественным и заемным для человека. Творчество — это *внутренний диалог-самореализация,* когда в человеческом сознании новое (идеи, знание, формы) возникают именно в процессе диалогового взаимодействия его двух различных «Я» — одного, что-либо утверждающего, и другого — ему оппонирующего. Результат — синергия, взаимодействие этих двух условно различных начал («Я») одной и той же человеческой личности (целостности) — и есть некий творческий продукт. Отсюда диалог является, собственно, инструментом порождения нового и требует высокой культуры и ответственности. В диалоге обязательно присутствие двух взаимодействующих «параллельных» начал, их принципиальная *не-слитность* и *не-раздельность*, порождающая в итоге тот результат, на который эти начала не способны ни по отдельности, ни даже если их механически объединить. Диалог (диалогичность) и монолог (монологичность) необходимо дополняют друг друга — диалог как творческий процесс генерирует что-либо по содержанию новое, когда это новое «нащупывается» в процессе взаимодействия начал, монолог — когда в новом содержании нет необходимости и можно, по сути, от имени одного из начал «изготовлять» нечто стандартное. Во-вторых, поскольку диалогичность, как возможность, генетически представлена в человеческом сознании, то она может реализовываться и в самом способе жизни человека, в его бытии. Началами тогда являются, с одной стороны, сам человек, с другой — природа, в которой он живет, мир, универсум.

Развитых и развивающихся далее — благодаря такой онтической диалогичности личностей в человеческой истории существует достаточно много. Исходя из необходимости разнообразия культурных образцов, можно указать хотя бы на древнекитайский принцип *у-вэй* и православную практику *исхии* [11, 91]. Примечательная здесь глубокая «технологическая» схожесть этих видов диалога определяется их общей онтической базой. Так, в соответствии с у-вэй человеческое вмешательство в бытие должно исходить исключительно из возможностей бытия развиваться своим органическим путем — «дао». (Напомним и мысль М. Хайдеггера: человек лишь «пастух бытия» и это должно определять горизонт человеческих действий.) Исихастская (исихия — спокойствие, мир, тишина, уединение…) духовная практика — «Умное делание», — действующая в общем ключе православной аскезы, исходит из возможности и необходимости некой *аутотрансформации* (С. Хоружий) человеческого начала в направлении горизонта Божественного бытия. Говоря уже языком не церковным, а светским (и научным), это позволяет достичь большей «продвинутости» в постижении

подлинного блага бытия (как результата диалога): и как возможности открыть себя и донести миру, и как способности принять этот мир в себя во всей его полноте и глубине. Здесь следует правильно понимать принцип аскезы — она не является призывом к принудительной нищете и воздержанности, а скорее — требованием избавления от неких «экранов» — материальных, умственных, поведенческих, которые встают между человеком и миром, делают невозможным их диалог. (Отметим и требование исхии в диалогичности — как тихой, серьезной, спокойной и ответственной сосредоточенности на себе и на мире, на их богатстве и трансцендентности, с недопустимостью упустить что-либо существенное при общении. Очевидно, для нынешней победившей монологичности — «времени коротких мыслей и фраз» — это требование совершенно тщетное: стоит вспомнить «коллажность» современного мышления и «клиповость» информации.)

Резюмируя практику «диалогической жизни» как некий (пока что) опыт микросоциального бытия, отметим, что, в отличие от монологичности, он ориентируется одновременно как на исходное богатство бытия, его неповторимость и суверенность, так и на пассионарную и творческую миссию человека (и человечества) это бытие понять и принять в себя, а себя бытию — донести. Иначе говоря, результатом диалога, причем как процесса, как жизни, должен быть некий обобщающий вектор: с одной стороны, *всего доступного* (постижимого и непостижимого) для *человека-в-мире,* с другой — *всего лучшего в человеке-для-мира.* Этот вектор включает в себя как материальные, так и идеальные компоненты, как сохраняемое старое, так и создаваемое новое, как даваемое миром, так и творимое человеком.

Каким образом микросоциальный опыт диалогичности немногих праведников в эпоху торжествующей, несмотря на быстрорастущую кризисность и уже катастрофичность монологичности, индокринировавшей абсолютную массу социума и действующей практически на уровне физических законов природы, может расширить диалогичность, сделать спасительной idée fixe для той же абсолютной массы социума? Есть ли сейчас у диалогичности какие-либо серьезные и значительные силы поддержки? Парадоксальным образом и есть, и, что стоить иллюзии, — они недееспособны. Это наука, она сильна и серьезна своим знанием о новых горизонтах бытия, где действуют многие тонкие, необычные и важные вещи, и беспомощна в той степени, в какой преобладающий социум об этих вещах ничего не желает знать — как будто с ними и необязательно сообразовываться, руководствуясь прежним мышлением и поведением (path dependence). В самой же науке критическим является понимание двух основных аспектов —

широкого, эпистемологического, и более узкого — специализированно-предметного.

Эпистемологическому аспекту соответствует, собственно, парадигма нынешней постнеклассической науки. Ценностно-целевые структуры постнеклассики, как было показано ранее, через свой режим «изменения изменений» и задают науке потенциал диалогичности — как познавательной, так, через реализацию научного знания — и практической. Однако это именно потенциал, в принципе, он может выродиться в ту же монологичность. Здесь, похоже, существуют два полярных варианта.

Первый — назовем его вариантом солипсизма — сопряжен с выходом знания на некие новые онтологические горизонты бытия, где какая-либо эмпирическая проверка знания пока невозможна по определению. Крайнюю позицию тут, к примеру, занимает Х. фон Фёрстер, согласно которому мы не отражаем, а конструируем мир [12]. Поскольку мир является нашей конструкцией, то каждый человек обречен на когнитивное одиночество (шире — непонимание его иными людьми). Второй вариант — условно назовем его прагматическим — действует на уже существующем горизонте бытия, изменяя его в некой сфере своей деятельности таким образом, что это служит самореферентным эмпирическим подтверждением правильности предпринимаемых действий на основе соответствующих знаний. Похоже, в подобной ситуации сейчас находится нынешняя экономическая наука, соотносящая свои знаньевые действия с результатами этих действий — на исторически коротких промежутках времени и в некоем ближнем пространстве, «вплотную» прилегающем к этим действиям. Отсюда проверочные эмпирические характеристики — типа роста ВВП, прибыли, инвестиций и т. д. — будут всегда *самореферентно* подтверждать правильность *такого* типа экономических действий (на базе *такого* типа экономических знаний). Задача оценки экономической деятельности — и мотивирующего ее знания, которая основывается на более глубинных характеристиках состояния универсума, тут не только не ставится, но и не предполагается как таковая [6]. Указанные крайние варианты — и как маркёры возможного вырождения теоретического знания (прямая задача предупреждения), и как мутация познавательной (и деятельностной) диалогичности в монологичность (косвенная задача предупреждения) — решаются или предполагаются быть решенными в рамках научной картины мира постнеклассики (как универсального эволюционизма) на основе ее представлений об объекте (системе) и инструментарии исследований. Это определяет вто-

рой — специализированно-предметный — аспект и он требует своего подробного рассмотрения.

Литература

1. *Клини С.К.* Введение в метаматематику. М., 1957.
2. *Успенский В.А.* Теорема Геделя о неполноте. М., 1982.
3. *Алтухов В.Л.* Дополнительности принцип // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
4. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
6. *Дорогунцов С.И., Ральчук А.Н.* Хозяйствование — синергетический инвариант. Киев, 2006.
7. *Неклесса А.И.* Люди воздуха, или Кто строит мир // http://www.zlev.ru/83_139.htm
8. *Яковенко И.Г.* Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. 2007. № 3.
9. *Балацкий Е.В.* Глобальные институциональные ловушки: сущность и специфика // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9.
10. Оптимального функционирования социалистической экономики теория // Экономико-математический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Данилов-Данильян. М., 2003.
11. Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научн. сборник / Под ред. С.С. Хоружего. М., 1995.
12. *Foerster von H., Pörksen B.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Aufl. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998.

С.А. БОЧКАРЕВ

Собственность: от представления к понятию (анализ русской философии собственности)

В экономической литературе, посвященной собственности, как правило, бытуют различные представления о ней, а не поиск и раскрытие ее сущности. В результате авторы, отстаивая свою субъективность, демонстрируют определенную меру правды, тогда как истина остается за «кадром» исследовательской практики. Отсюда необходимо пройти дорогу от представления к понятию, по пути утверждения объективно-

го содержания через преодоление субъективности. Автор статьи и ставит перед собой задачу пройти этот путь.

Анализ опыта русской философии собственности позволяет конкретизировать возможности представления о собственности и понятии «собственность» на уровне чувственного и рационального ее освоения.

Понятие — это рациональное отражение действительности, логический образ реальности в ее общих и существенных признаках. Понятие как логическая форма освоения мира сопряжено с представлением. В формировании представления принимают участие опыт прошлого восприятия мира и способность субъекта восприятия к воображению и переживанию. Представление можно выразить в знаке, в слове. Поскольку полученная информация может быть востребованной в коммуникационных потоках, представление ориентировано не столько на знание, сколько на признание. Представление о том или ином фрагменте действительности подтверждает ее актуальность в форме проблемной ситуации.

Что касается феномена собственности, то трансформация термина «собственность» в понятие «собственность» сопряжена с определенными трудностями, в том числе и трудностями спекулятивного характера, когда представление о собственности усугубляется определенным дискурсом «от политического до религиозного» и претендует на истину. Хотя в действительности, в лучшем случае, демонстрирует только правду (субъективную правоту) в системе коммуникативных отношений.

В целом, проблема собственности демонстрирует непреходящую актуальность. Только через ее осмысление можно уяснить основные механизмы развития того или другого общества, выявить его специфику. При этом она еще не нашла своего достойного ответа. Анализ справочной литературы свидетельствует о различных определениях собственности и ее толковании [1—3]. Складывается впечатление, что составители этой литературы предали забвению наработанный опыт философии собственности в России.

Вероятно, этим объясняется, что в большинстве случаев, исследователи обращают внимание, прежде всего, на то понятие собственности, которое содержится в положениях Гражданского кодекса РФ. Положения Гражданского кодекса РФ воспринимаются как отправная точка отсчета в научных работах многих авторов. На взгляды этих авторов не влияет то обстоятельство, что современное гражданское уложение имеет целевой характер. Кроме того, отсутствует целостное представление о собственности на уровне теории и философии права, что ведет к абсолютизации отдельных концепций, а также к игнориро-

ванию специфики конкретных общественных отношений и особенностей их регулирования соответствующими отраслями права.

Гражданское право, в отличие от иных отраслей права, имеет исторически сложившееся определение собственности, что обеспечивает ему возможность быть донором иных отраслей права, в том числе и уголовного, в определении института собственности и отношения к ней.

Сложившееся состояние юридической науки следует принимать во внимание, но нельзя им довольствоваться на уровне поиска средств (инструмента) рассмотрения и разрешения современных проблем, связанных с собственностью и отношениями к собственности. Это актуально не только для сферы частного права, но и публичного, что, в частности, проявляется при рассмотрении проблемы коррупции как современной формы проявления мошенничества.

В числе значимых проблем собственности длительное время находится триада правомочий собственника. Под триадой, как правило, понимаются правомочия владения, пользования, распоряжения.

Право владения означает возможность фактического обладания вещью, удержание ее в своей власти. *Право пользования* вещью и извлечения из нее полезных свойств — это возможность эксплуатации вещи и получения от нее плодов и доходов. *Право распоряжения* вещью — это возможность собственника по своему усмотрению совершать действия, определяющие юридическую судьбу вещи: продавать, закладывать и др. Право распоряжения включает и право уничтожения вещи.

Современная исследовательская мысль ищет исторические, теоретические и практические основания для объяснения взаимосвязи собственности с владением, пользованием и распоряжением. Во всех случаях предлагается утверждение о взаимной обусловленности владения, пользования и распоряжения. Разница в исследовательских подходах заключается лишь в том, какая из отмеченных категорий является определяющей. Есть представления о «триаде», которая раскрывает содержание права собственности, а есть мнения о собственности, что она якобы образуется вследствие исторического развития самой «триады».

Различие во взглядах на существо и значение триады в теории права требует выхода в пограничную область — философию права [4, 36], которая обеспечивает возможность проверить обоснованность представлений о собственности и правах собственника, претендующих ныне на универсальность.

Основательным фундаментом на пути становления современного представления о собственности и правах владения, пользования и рас-

поряжения может стать русская философия собственности. Вклад в ее становление и развитие осуществили: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, В.Ф. Эрн и др. Знакомство с их исследовательской практикой позволяет определить онтологическое основание собственности, ее подлинную сущность, а также выявить ее «значение в жизни человека, живущего либо по привычке и под знаком страха, либо по убеждению и под знаком совести» [4, 39].

Представления основателей русской философии собственности заслуживают особого внимания и подлежат концептуальному анализу и обобщению, которые обеспечивают формирование единого образа собственности.

Собственность — явление пограничное. И это состояние напрямую связано с человеком — существом пограничным, который «одновременно принадлежит миру природному, социальному и духовному» [4, 140].

Этот посыл является ключевым, потому что «неотъемлемое основание собственности… заключается в самом существе человеческой личности» [5, 313]. По этой причине отношение отечественных мыслителей к личности является исходным началом в каждом учении о собственности.

Свое сочинение «Оправдание добра» Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) начинает с критического отношения к идее противопоставления личности обществу. Рассматривая проблему собственности, В.С. Соловьев принимает во внимание представления о собственности как сторонников индивидуализма, так и сторонников коллективизма. Проанализировав их мнения, основанные на крайностях, он отвергает взаимосвязь личности и общества, основанную на противостоянии друг с другом. Философ нашел два начала, логически и исторически взаимно друг друга предполагающих.

В природе личности, способной «все понимать своим разумом и все обнимать сердцем», В.С. Соловьев видит ментальное свойство сознания отличать себя от своего, свои мысли, чувства и желания от того, кому они принадлежат, т. е. «от себя как мыслящего, чувствующего, желающего» [5, 313]. Содержание внутреннего, психического опыта человека, по мнению мыслителя, является основанием феномена собственности, а также разделения собственности на внутреннюю область ее бытия и внешнюю сферу ее проявления. Отчуждение части себя и признание ее своим душевным состоянием являются первородным, онтологическим основанием собственности.

К внутренней собственности В.С. Соловьев относит спектр душевных состояний человека и его тело, которые основаны на прямой и

естественной связи. Аналогичную, *идеальную связь* с человеком имеет и внешняя собственность, к которой отнесены все «внешние вещи». Подтверждением этого основания собственности служит условность *реальной связи* вещей с человеком. В качестве примера В.С. Соловьев приводит связь между лицом и украденной вещью. Равным же образом он демонстрирует, что отсутствие прямой связи между человеком, живущим в Петербурге, и его недвижимым имуществом, находящимся в Восточной Сибири, не препятствует образованию и утверждению собственности [5, 315].

Соглашаясь с общепринятым определением собственности как идеальном продолжении личности в вещах, В.С. Соловьев называет права владения, пользования и распоряжения единичными актами проявления личной воли. Этих прав, утверждает философ, «достаточно только для перемещения уже существующего права собственности (через завещание, дар и т. п.), а никак не для создания самого права», которое образуется трудом и завладением.

В своей докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» философ обосновывает связь отмеченных прав с собственностью. Эта взаимосвязь основана на том, что «собственность предполагает право передачи (личное наследство и возможность капитализации богатства)» [6, 572]. Ценность последнего создана обществом, в котором это право призвано распределять имущество и разделять общество на классы. Для общественного организма всякое обладание вещественным предметом является социальным фактом, который не имеет нравственного значения, но может его получить от сознательно поставленной цели, которой они служат [6, 574—575].

Аксиологическая интерпретация отмеченных прав позволяла В.С. Соловьеву утверждать, что общество есть нечто большее, чем хозяйственный деятель или союз, а, следовательно, собственность тоже есть нечто большее, чем хозяйственный процесс общества [6, 578].

Существенный вклад в развитие философии собственности внес Иван Александрович Ильин (1883 — 1954). В основу своей концепции права он закладывает правосознание. На основе правосознания личность может осуществлять свою свободу, основанную на собственности, переводить эту свободу в состояние самодисциплины, быть субъектом права; претендовать на доверие и уважение как на уровне отношений с другими, так и на уровне отношений с государством; заявлять о своей способности и готовности сопротивляться злу силою [7, 110].

И.А. Ильин рассматривает проблему собственности, начиная с противопоставления духовного и бездуховного понимания человека. В каждом из этих представлений мыслитель видит определенные осно-

вания. Эти основания позволяют решать и вопрос о частной собственности. Как в одном, так и в другом случае, мыслитель исходит из целостности идеи собственности.

Собственность не выдумана произвольно. Она «вложена в человека и подсказана ему самою природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт» [8, 358]. Разница лишь в способах жизни, в противоположных мировоззрениях. Один человек является субъектом права, а собственность — объектом его творчества. Другой человек является объектом управления, а его имущество предметом посягательства.

Духовный человек заявляет о себе как живой центр семьи, родины, нации и государства, а также как источник духовной культуры: церковной жизни, науки, искусства, нравственности, политики, труда и хозяйства. В этом тезисе прослеживается естественный вывод о том, что человек по своему существу выступает естественным носителем ценностей социальной организации. Он выступает субъектом их рождения, производства и отчуждения. Только в человеке могут зародиться и развиваться духовная самостоятельность и творческая самодеятельность. Эти качества являются его первой и личной принадлежностью. В них он находит мотив для труда и проект своего будущего, свой смысл и образ жизни. В этом выводе проявляется и объясняется онтологическое основание собственности. Речь идет не о собственности на средства производства или о процессе распределения материальных благ, а о способности индивида к осмыслению своего бытия, о способности индивида к самоосуществлению и самореализации.

В отличие от В.С. Соловьева А.И. Ильин не разделяет собственность на собственность внутреннюю и внешнюю, но и не отрицает возможность такого деления. Проблема собственности не сводится мыслителем «к тому, какие именно внешние вещи находятся у людей во внешнем распоряжении, и притом у каких людей» [8, 355]. Ценность собственности основана не на оправдании любого и всякого распределения имущества или всякого злоупотребления им, а следует из естественной потребности человека вкладывать свою жизнь в жизнь вещей [8, 356].

Инвестирование собственности заключается в превращении вещей в объективное выражение и продолжение самой личности. Источником этого инвестирования является труд, под которым понимается не только телесно-мускульный, но и нервно-душевный и созерцательно-духовный процесс [8, 358, 360]. Такой труд, имея нравственное значение и соответствующее измерение, является выражением долга и дисциплины каждой личности в конкретном обществе. Но актам пользо-

вания, владения и распоряжения И.А. Ильин не придает особого значения. Он их относит лишь к средствам социальной организации, необходимым для сужения или расширения круга вещей, путем их приобретения, продажи, дарения или уничтожения [8, 361].

Таким образом, под правом собственности И.А. Ильин понимает полное, обеспеченное и закономерное полномочие частного лица над вещью. Основным свойством такого права является исключительность, гарантирующая его реализацию и охрану от угрозы отчуждения. Право собственности основано на идеальной связи между вещью и собственником. Оно не связано с фактическим господством силы и непроизвольным захватом. Собственником может быть индивидуальное человеческое существо, одаренное личным духом и инстинктом, имеющее субъективное правосознание и хозяйственную волю, преследующее свои частные интересы [8, 360—361].

Существенным вкладом в развитие философии собственности является работа В.Ф. Эрна (1882—1917) «Христианское отношение к собственности». Религиозно-историческая основа этого произведения не должна являться препятствием на пути осмысления духовного опыта, составляющего неотъемлемую часть русской культуры. Принимая В.Ф. Эрна, философско-правовая мысль получает уникальный материал психологической и сознательной деятельности человека.

Мыслитель редуцирует сложность социальной действительности человека до единичности, объединяющей мир духовный и материальный. Характерной чертой такого соединения является его безотносительность к различным типам обществ и государств. Подтверждением соединения прошлого и современного служат Евангелие и последующие гамлетовское «Быть или не быть» и «Иметь или быть» Э. Фрома.

Обращение В.Ф. Эрна к Евангелии дает ему ответы на вопросы о том, что есть и чем должна быть собственность, а также каково должно быть отношение к ней человека. И этот ответ заключается в способности человека отречься от всего, в том числе от человеческого и природного, от отца и матери, от своей наличной жизни [9, 196].

Таинство отмеченной рефлексии всецело определено особым состоянием сознания человека. Этим актом сознания В.Ф. Эрн объясняет идеальную связь человека с окружающим его внешним (материальным) миром. Этим же, психическим, «внутренним постановлением» человек утверждает существенный признак собственности — «мое» — и в противоположность всякому другому устанавливает пределы «своего», границы и препятствия для «чужого» [9, 197].

Признав живым нервом собственности сознание, В.Ф. Эрн отмечает, что его отсутствие, как и отсутствие самого человека, не позволяет

сохранить личную, частную, собственность. Наличие каких бы то ни было внешних условий, необходимых действий не определяет необходимость собственности. Для этого достаточно владения и пользования.

Подтверждением выводов В.Ф. Эрна служит тысячелетнее существование института наследования. Смысл его положений сводится к переходу имущественного комплекса, ранее составлявшего единое целое с собственником, к иным лицам. Независимо от предыдущего собственника, все в тех же условиях, по отношению к тому же имуществу, могут быть реализованы владение и пользование. Образно этот процесс обращения собственности философ сравнил с водой, содержащейся в сосуде. В случае уничтожения сосуда собственность, как и вода, растекается «в разные стороны, и неутомимость человеческой нужды впитывает ее всю» [9, 197].

К числу основных свойств собственности В.Ф. Эрн относит ее ограниченность во внешнем измерении, устойчивость по отношению к человеку и конечность в своем назначении для человека и его быта. Придание собственности иного, противоположного, значения ведет человека к служению «двум господам» — идолослужению или атеизму, которые по-своему затрудняют движение человека к свободе. Рассмотрение собственности в отдельности и обособленности, вне общей связи с общим, не позволяет увидеть ее ценность в праве.

Свой вклад в развитие философии собственности внес и Борис Николаевич Чичерин (1828—1904). Он видит основания собственности в отдельно взятой личности. В его произведении «Философия права» собственность представлена первым проявлением свободы в окружающем мире. Особое внимание мыслитель уделяет выяснению отношения между собственностью и государством. Что касается государства, философ убежден, что оно не создает собственности и лишено права ее упразднять, также как государство не создает личности и не имеет права ее уничтожать [10, 113—114]. Но за государством сохраняется прерогатива узаконить собственность, так же как оно узаконивает свободу. Другими словами, «государство освещает только то, что вытекает из природы человека. В этом смысле, собственность есть краеугольный камень всего гражданского порядка… как бы не осложнялись общественные отношения, в какое бы они не слагались связанное тело, они все-таки исходят из лица и возвращаются к лицу. Ибо свободная воля лица составляет источник всякой человеческой деятельности, и в лице же заключается цель всего общественного устройства: им ощущается потребность и им же ощущается и сознается удовлетворение. А потому, в устроении гражданского порядка важнее определение того, что присваивается лицу, что образует законную область его дея-

тельности, чем оно может располагать по своему изволению. Это и есть собственность. В ней лицо находит и точку опоры, и орудие, и цель своей деятельности. Чем тверже эти точки опоры, тем свободнее оно может действовать, тем вернее те отношения, в которые оно вступает с другим, тем крепче и основанный на этих отношениях порядок» [10, 114].

Руководствуясь сравнением с миром природы, мыслитель высказывает предположение о том, что «*присвоение* внешних предметов для удовлетворения физических потребностей составляет необходимую принадлежность всякого органического существа» [10, 85]. По этой причине собственность не вытекает из удовлетворения физических потребностей, а процесс их ублажения еще не образует права собственности. Последнее есть не физическое, а умственное начало, в связи с чем нет необходимости и возможности им физически владеть, пользоваться и распоряжаться.

Таким образом, Б.Н. Чичерин отличает право собственности от физического владения вещью. Это различие основано на том, что право собственности есть «умственная принадлежность вещи лицу». Оно признает за человеком законные возможности приобретать и отчуждать, но для него совершенно безразлично то, как он воспользуется этими возможностями [10, 86].

Вместе с тем мыслитель не отрицает значения, которое придает отмеченным актам юридический закон. Они прямо отнесены к праву собственности и называются юридическими титулами и сервитутами. В теории собственности данные титулы объединены правом употребления и злоупотребления вещью. К значению этого права отнесена и возможность человека употреблять вещь «хорошо или дурно». В целом, смысл этих актов заключается в переносе права с одного лица на другое.

Значительное внимание проблеме собственности уделял и Николай Александрович Бердяев (1874—1948). Неотъемлемой частью его фундаментальных произведений «Философия неравенства», а также «О рабстве и свободе человека» являются разделы, посвященные собственности.

Н.А. Бердяев разделяет представление о собственности как о явлении, имеющем материальное и духовное измерения [11, 180]. Начала собственности он неразрывно связывает с началом личности, а ее корень видит в духовной свободе человека. Характер становления собственности Н.А. Бердяев объясняет спецификой развития человеческой личности.

Исследуя феномен собственности, Н.А. Бердяев приходит к выводу, что ее ценность не может быть высшей и абсолютной. Она должна быть подчинена ценности человеческой личности. Приоритетом личности над собственностью Н.А. Бердяев определяет отношение человека к собственности, которое основывается на относительности, ограниченности, функциональности и зависимости от человека [11, 183]. Но таким требованиям отвечает не всякая, а только личная собственность, которая опирается на труд и реальность [11, 182]. Выражением личной собственности во вне является владение, под которым Н.А. Бердяев понимает не полномочие человека властвовать над вещью, а его функциональное отношение к материальному миру. Изменение соотношения отмеченных начал включает механизм овеществления человека и расщепления его целостного образа.

С понятием собственности философ связывает возможность становления индивида личностью. Человек становится личностью и собственником в меру преодоления мира видимых вещей и иерархии их положения. Противоположный индивид ориентирован на бесконечное поглощение будущего. Его деятельность образуется сказуемыми — «ставить» и «свергать», «создавать» и «порабощать», «порождать» и «делать» все более «фиктивной» жизнь людей [11, 181—182]. Эти акты Н.А. Бердяев называет условными, в силу их способности трансформироваться и приспосабливаться к различным условиям жизни. Основание *права* собственности он видел в акте наложения воли свободного духа человека на стихийные силы природы. От этого действия рождаются неотъемлемые права и обязанности. Человек принимает на себя обязательство уважительно относиться к материальной природе, чтобы последняя сумела обеспечить его связь с предками [12, 199]. Все акты, наполняющие материальную связь отцов и детей, Н.А. Бердяев ассоциирует с правом передачи собственности, но не с правом собственности. К праву собственности относится лишь воплощение и поддержание связи времен и поколений, а не скрепление условных фигур.

По Бердяеву, необходимыми условиями становления института права собственности являются особое социальное пространство и время, определенные нравы и особый тип культуры. Для этого института неотъемлемыми являются история становления собственника и происхождение его собственности, действительность и подлинность возникших отношений, а также достоверность пути отчуждения собственности.

Проведенное исследование заявленной проблемы позволяет констатировать следующее.

1. Предельное основание собственности следует искать не в обществе и не в государстве, а в самом человеке, в его отношении к миру. Собственность есть тот узел, в который *естественно* вплетаются и с которым *исторически* связаны практически все проявления человеческой жизни.

2. Собственность «вложена в человека и подсказана ему самою природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт» (В.С. Соловьев). Другими словами, человек обретает право собственности через свободное отношение к миру, утверждая свою бытийность. Это отношение является ключевой ценностью права, которую человек получает в акте своего рождения.

3. Ценность собственности определяется через отношения людей. Через собственность своего бытия и свободу своего проявления человек заявляет о своей возможности самоопределиться и самоутвердиться, показывая, что он существует не только для других, но и для себя, что он есть не только объект, но и субъект.

4. Собственность выступает выражением фактической возможности человека реализовать свое собственное отношение к миру.

5. Источником собственности является труд как чистое произведение человеческой воли и проявление свободы. Под трудом понимается не только телесно-мускульная, но и нервно-душевная и созерцательно-духовная активность человека. Эта активность через проявление воли и осуществление свободы заявляет о себе как сущность собственности, которая находит свое выражение в понятии «собственность».

6. Что касается известной триады прав владения, пользования и распоряжения, то она учреждена обществом и характеризует не собственность, а представление о ней через отношение конкретного субъекта к предмету собственности.

7. Через предельные основания собственность заявляет о себе как естественная данность человека, которая находит выражение в понятии «собственность». Через отношения владения, пользования и распоряжения собственность находит свое выражение в представлении о собственности, что влечет за собой субъективность исследовательской практики, амбивалентность и неопределенность. На практике это ведет

к оправданию любого и всякого распределения имущества или даже злоупотребления им.

8. Собственность выступает базовым основанием правоспособности индивида, является условием его автономии и гарантом защиты от посягательств со стороны государства. Государство не имеет прямого отношения к собственности. В стремлении осуществить роль единоличного распорядителя собственности государство через законодательную деятельность использует триаду владения, пользования и распоряжения ею.

9. Проводником права собственности являются подлинные отношения между его субъектами, которые имеют свою историю становления и историю происхождения собственности. Эта история свидетельствует о наличии идеальной связи между человеком и вещью и требует установления достоверного пути становления, развития и отчуждения собственности.

Литература

1. Гражданское право. Словарь-справочник. М., 1996.
2. Современный экономический словарь. М., 1996.
3. Новая философская энциклопедия. М., 2001.
4. *Кальной И.И.* Философия права: Учебник. СПб., 2006.
5. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия / Вступ. ст. А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой. М., 1996.
6. *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. М., 1999.
7. *Ильин И.А. О* сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М., 1993.
8. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: Соч. М., 2006.
9. *Эрн В.Ф.* Христианское отношение к собственности // Исупов К., Савкин М. Русская философия собственности (XVII—XX вв.). СПб., 1993.
10. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство //Исупов К., Савкин М. Русская философия собственности (XVII—XX вв.). СПб., 1993.
11. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М., 2006.
12. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства / Состав., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. М., 1990.

В.А. ТВЕРДИСЛОВ, А.Э. СИДОРОВА

Политика хозяйства: от концентрированного выражения экономики к концентрированному выражению экологии

> Все человечество, взятое вместе, представляет ничтожную долю массы планеты. Мощь его связана не с материей, а с его мозгом. В истории биосферы перед человечеством открывается огромное будущее, если оно не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление.
>
> *В.И. Вернадский*
>
> Социализм губит Природу в борьбе за План, а капитализм — в борьбе за Прибыль.
>
> *Б. Коммонер*
>
> Человеку предстоит разумно использовать те потенциальные возможности, которые дала ему Природа. А для этого ему понадобится определенная общепланетарная стратегия.
>
> *Н.Н. Моисеев*

Ноосфера (экосфера) образована системой иерархически сопряженных активных сред, формируемых геобиосферой и антропосферой, связанных сетью природно-антропогенных взаимодействий, а также факторами морали, права, экономики. Природа как пассивный источник ресурсов хозяйственной деятельности Человека не может выступать в качестве участника рынка. Актуальным представляется радикальное политическое включение финансовых отношений и ограничений в рациональное природопользование и природосбережение. Развивается концепция главенствующей роли политической составляющей, прямого системного управления в формировании устойчивого коэволюционного развития человека и геобиосферы, включающая в качестве составляющих факторов экономическую заинтересованность, право, мораль, культуру, систему науки и образования.

Макроэкология как стратегия

Расхожее представление времен становления капитализма, а затем и социализма: «политика есть концентрированное выражение экономики» — является, в большей или меньшей степени, осознанно или подсознательно, руководством к действию для многих современных политических деятелей, считающих себя прагматиками. И хотя известно, что между политикой и экономикой существует целая сеть

прямых и обратных связей, положительных и отрицательных, а сама политика связана национальными интересами и особенностями в области культуры, морали, религии, права и т. д., главным критерием ее успешности считается именно экономическая компонента [1; 2]. «Когда экономические процессы, задачи, интересы получают *сознательный* и *обобщенный* (“концентрированный”) характер, они тем самым входят в область политики, образуя ее существо. В этом смысле политика, как концентрированная экономика, возвышается над повседневной, раздробленной, неосознанной, необобщенной экономической действительностью» (Л. Троцкий [3]).

Этот, казалось бы, самоочевидный в социально и экономически неоднородном мире критерий, в значительной степени губителен для развития человечества в целом, особенно в период глобализации. Причина проста. Природа Земли, в принципе, не способна своими ресурсами обеспечить всему населению планеты достигнутый «золотым миллиардом» уровень жизни, если полагать критерием качества жизни бесконтрольно растущий уровень потребления материальных ценностей [4; 5].

Луи Пастеру принадлежит знаменательная мысль: «Прикладных наук никогда не было, нет и не будет, потому что есть наука и есть ее приложения». Это соображение напрямую относится к экологии. Упрощенное восприятие многими нашими современниками экологии только как мониторинга окружающей среды и комплекса достаточно очевидных природоохранных мероприятий далеко не исчерпывает ее содержания и предназначения. Впитывая и объединяя знания и подходы других наук, экология по мере своего развития обретает статус главенствующий в естествознании, а по своей значимости для человечества — статус важнейшего экономического и политического руководства в области сохранения своего вида и биосферы в целом.

В современном представлении *экология есть наука о механизмах взаимодействия и совместном развитии биотической, абиотической и социальной сред на Земле,* или, иными словами, *экология есть системная наука о совместном развитии (коэволюции) неживой и живой природы с участием социума и в перспективе — наука о рациональном управлении ноосферой в границах ее устойчивого развития.*

Стратегическая часть экологии направлена на решение глобальной проблемы контролируемого и управляемого существования человечества как составной части эволюционирующей биосферы. Практическая (тактическая) часть — на формирование рационального (интенсивного и экстенсивного) природопользования и эксплуатации природных ресурсов, а также на охрану природы. Поэтому целью экологии является

исследование причин нарушения экологической устойчивости биосферы (в современной трактовке — ноосферы) как глобальной экосистемы.

В последние годы экология проходит тернистый путь от сугубо антропоцентрического взгляда на природно-антропогенные взаимодействия (к примеру, все предельно допустимые воздействия и поныне нормируются на организм человека, а не на наиболее уязвимые звенья экосистем) к экосистемному мировоззрению. И только сейчас приходит понимание того, что сохранение человечества является всего лишь составной частью сохранения самим человечеством биосферы в целом.

В то же время, экономика, имеющая принципиально антропоцентрическую направленность, изучает общественные отношения в сфере производства, обмена и распределения продукции. В сущности же, *экономика как наука изучает всего лишь включенную подсистему в глобальной иерархии ноосферы.* Цена природных ресурсов формируется экономикой исключительно как стоимость их «*поедания» и «переваривания»* обществом. Поэтому человечество не сможет устойчиво развиваться экономически вне коэволюционной связи с биосферой. Очевидно, что социально-экономические и экологические направления науки, при кажущемся несовпадении «целей» антропосферы и экосферы, вынуждены развиваться совместно.

Эволюционирующие системы, будь то биосфера Земли, экономика какой-либо страны, сама Вселенная, развиваются в протоке энергии, парциальные потоки которой определяются структурой взаимодействий в данной системе. Эти структуры формируют особенности внутренних связей в системе, канализирующие потоки энергии и определяющие траекторию эволюции системы в целом, как и ее подсистем [6]. Подобные системные процессы служат основой пространственно-временной самоорганизации в них.

В эпоху глобализации условия жизни человека становятся социально все более сложными и труднопрогнозируемыми из-за нестабильностей в политике, экономике, обществе и биосфере. Самоорганизация (порядок, хаос) как в биосфере, так и социуме, возникает в соответствии с законами сложных динамических систем [7]. Однако именно природные экосистемы как более сложившиеся системы создают эти законы и тем самым помогают нам найти пути управления сложными социо-экологическими системами. Поэтому любой кризис, тем более глобальный, охватывает все области нашей жизни: это и кризис идеологии, и кризис политики, и кризис науки, и кризис экономики, и, конечно же, кризис биосферы.

Современный цивилизационный кризис

Нынешний прогрессирующий цивилизационный кризис включает и кризис идеологии, и кризис политики, и кризис науки, и кризис экономики [8]. Как экологический кризис он есть следствие способа взаимодействия человека и природы, закрепленного в техногенной культуре и идеологии общества потребления. Техногенная культура явилась средой, в которой вызревал не только экологический кризис, но и кризис духовности. В результате, экологическая проблема сегодня разрастается из проблемы комфорта в проблему выживания. Особенность момента такова, что второй раз за весь период антропогенеза человечество вновь, как в верхнем палеолите, столкнулось не с локальным, а глобальным экологическим кризисом, а это качественно меняет ситуацию. Техногенная культура сделала человека «покорителем» природы, при этом природа способна обернуться не домом, не «храмом» и не «мастерской», а некрополем для человечества.

Эволюционирующие системы в своем развитии чередуют этапы устойчивого и кризисного развития. Равновесие социально-экологической системы означает соответствие между материально-вещественными и финансовыми потоками — это закономерность развития природы и общества. Различия принципиальны в механизмах достижения такого равновесия.

Н.Н. Моисеев [9; 10], А.П. Назаретян [11], Н.В. Тимофеев-Ресовский [12], Л.Н. Гумилев [13] и ряд других авторов связывали современный цивилизационный кризис с завершением неолитической фазы развития человечества, приведшей к вытеснению органически целостного отношения «человек — мир» его вырожденной формой «субъект — объект». Современный глобальный экологический кризис — кризис технологического отношения к миру, и потому, ограничиваясь технологическими средствами, преодолеть его в принципе невозможно [14].

Неолит создал производственную сферу, промышленная революция привела к переходу от аграрного общества к промышленному, а продолжающаяся научно-техническая революция ведет к переходу от промышленного общества к сервисному. Все эти процессы происходили асинхронно в разных странах и регионах, однако имели и имеют глобальный характер. Прежние цивилизационные кризисы разрешались революциями (аграрной, промышленной, информационной и др.). Современный глобальный экологический кризис — кризис технологического отношения к миру, и, ограничиваясь технологическими сред-

ствами, преодолеть его невозможно. Его грядущее разрешение пока еще может пройти не революционным путем, а эволюционным.

Различие между понятиями *«экологический» и «цивилизационный экологический» кризисы* достаточно условно. Человеческое сообщество как элемент «антропосферы» характеризуется мозаичностью (в зависимости от природных условий и социально-экономических задач) и многогранностью взаимодействия с окружающей средой. Еще Э. Леруа Ладюри отмечал, что кривая развития хозяйства в Европе связана не столько с климатическими колебаниями, сколько с социальными и экономическими кризисами [15].

Экологические кризисы прошли путь от *природных экологических кризисов* (стихийные бедствия, падение космических тел и т. д.) к *цивилизационным природно-антропогенным кризисам* и далее к *антропогенным кризисам как новой ступени цивилизационного кризиса*. Если первые характеризовались локальной и региональной неустойчивостью естественных экосистем, то в результате исторического процесса, связанного с прогрессом средств производства и производственных отношений, прошла череда смен цивилизаций.

Глобальный экологический кризис — состояние резкого снижения устойчивости биосферы и отдельных ее компонентов, вызванное превышением порога экосистемной устойчивости противоборствующими процессами: геофизическими — биотическими и цивилизационными — антропогенными. Таким образом, можно сказать, что проблема глобального экологического кризиса сводится к определению устойчивости качественно нового состояния биосферы (ноосферы).

Ввиду многоплановости взаимодействия природно-антропогенных процессов, региональные и даже локальные экологические кризисы все чаще перерастают в глобальные. Например, 10—50 тыс. лет назад в результате уничтожения крупных травоядных, применения подсечного земледелия и перехода к скотоводству *имел место ряд экологических кризисов регионального масштаба*. Позже к тому же результату привело истощение и засоление почв (1,5—2 тыс. лет назад), а также промышленная революция в связке с новыми технологиями в сельском хозяйстве (150—250 лет назад). Подобных примеров можно встретить в истории человечества множество. Когда системе «природа—общество» удавалось достичь временного экологического равновесия, технический и социальный прогрессы замедлялись. Однако желание получить максимальные блага при минимуме изменений привычных условий обитания, как правило, приводило к экологическим и социальным кризисам. Так, в открытых физических и химических термо-

динамических системах обычные флуктуации перерастают в «гигантские».

В равновесном или близком к равновесию состоянии существует только одно стационарное состояние, зависящее от управляющих параметров. При некотором значении параметров система способна достичь порога устойчивости — точки бифуркации. В зависимости от режима состояний в критических пороговых точках система становится неустойчивой и способной не просто реагировать, но эволюционировать. В неравновесных системах таких состояний может быть множество, а выбор системы определяется свойствами самоорганизации вблизи точки бифуркации, где случайные флуктуации способны формировать новые системные режимы, в частности переход в состояние хаоса.

Адекватным подходом, учитывающим закономерности эволюции биосферы, является коэволюционный, или ноосферный. В данном подходе человеческое общество, возникновение и развитие которого есть закономерный исторический процесс, рассматривается как составная часть биосферы. Результатом этого единства является создание новой структурно-функциональной организации биосферы — ноосферы, а стратегической задачей — сохранение устойчивости биосферы вдали от точек бифуркации. Это возможно при соблюдении двух условий: сохранения естественной траектории развития геобиосферы, т. е. способности природных комплексов к саморегуляции, и конструктивной позиции человечества в области управления устойчивым развитием ноосферы [16].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что объективным критерием экологического кризиса экосистем является снижение системной устойчивости. Переход к устойчивому развитию может происходить двумя путями: посредством череды затухающих возмущений социально-экономического и техногенного характера или посредством плавного асимптотического приближения к оптимальному режиму. Поэтому экологический кризис определяется как нарушение структурно-функциональной целостности экосистемы, вызванное превышением порога устойчивости экосистемы возмущающими факторами. Экологический кризис сопровождается резким снижением устойчивости и возможностью перехода в новое качественное состояние при прохождении точки бифуркации [17].

Известно, что если в раннем Средневековье лес практически полностью покрывал Европу, то к XVII в. площадь лесных массивов уменьшилась в несколько раз, а в Западной Европе, на территории которой в это время интенсивно шло становление нового способа произ-

водства и производственных отношений — капитализма, преобладали безлесные территории. С другой стороны, период XIII—XVIII (середина XIX) вв. характеризовался снижением среднегодовой температуры — так называемый «малый ледниковый период». Климатические изменения в зонах антропогенной активности активировались человеком, что подтверждало мысль известного советского эколога С.С. Шварца о том, что лес больше влияет на климат, чем климат на лес. Существенное уменьшение лесных территорий, увеличение поверхностного стока, истощение и обезвоживание почвенного горизонта, обеднение видового состава растительного мира и неизбежный в условиях роста производства рост содержания CO_2 в атмосфере, привели к усилению климатических контрастов. В результате наступления ледников возрос пресноводный сток в прибрежные моря на севере Атлантики, который способствовал интенсификации образования льдов (обратная положительная связь).

Таким образом, вследствие несбалансированности техногенеза выигрыш в экономической сфере оборачивается проигрышем в сфере экологии. Всегда. Так за тысячи лет освоения человеком пустыни Тенера площадь о. Чад уменьшилась в 8 раз, а за последние 20 лет — в 3—4 раза. Многочисленность и мозаичность подобных кризисов в истории человечества, и особенно в XX—XXI вв., учат нас одному — сливаясь, эти «пятна» способны создавать глобальные экологические природно-антропогенные и далее антропогенные зоны кризисов. Видимо, иждивенчески-хищнические настроения человечества не убывают, а результаты его деятельности, увы, не только накапливаются, но посредством обратных положительных связей, которые продуцируются природными и антропогенными процессами, усиливаются.

Современный эволюционный кризис обладает рядом особенностей, обусловленных значительным превосходством скоростей антропогенных процессов над природными и ориентацией человека исключительно на собственное выживание. В основании этой диспропорции лежит биологическая особенность вида Homo sapiens, определившая его роль в глобальном биосферном круговороте как «машины-насоса» — акцептора и донора сопряженных социально-экономических и экологических процессов.

1. Биосфера Земли приобрела мозаичный характер как по видовому составу, так и в пространстве. До техногенной революции, развившейся на территории Европы, а затем и Северной Америки, эволюция человечества шла постепенно и, по сути, выдерживала природно-антропогенный баланс. И хотя на территориях Америки, Азии или Австралии с появлением европейцев естественная среда была достаточно

разрушена, тем не менее, довольно устойчивые симбиозы «человек—природа» существовали там тысячелетиями. Эти достаточно гармоничные взаимоотношения были продиктованы знанием и пониманием аборигенами особенностей климата, ландшафта и биоценоза своей территории, теперь же они во все большей степени фрагментируются. Так, в настоящее время в результате интенсивного антропогенного воздействия каждый день исчезает один биологический вид. А согласно правилу Дарлингтона, уменьшение площади «острова» в 10 раз сокращает число живущих на нем видов вдвое!

2. Более 60% населения Земли проживает в границах урбоэкосистем (УЭС), из них порядка 80% — в мегаполисах, что создает дополнительные локальные зоны часто запредельного экологического напряжения. УЭС как экстремальные экосистемы характеризуются неравномерностью и спонтанностью антропогенного воздействия, размытостью системных границ, подавляющим количеством необратимых системных процессов. В значительной степени это связано с особенностями структурно-пространственной организации грунтов, водной и воздушной среды, их физических, физико-химических, биотических свойств в условиях мощного антропогенного прессинга. Однако главной особенностью динамики экосистем данного типа является нелинейное синергетическое взаимодействие множественных возбудимых элементов (социума, биотических и абиотических факторов), проявляющееся в неаддитивности системных процессов и несбалансированности развития системных процессов [18].

3. Поскольку многокомпонентные открытые системы в процессе самоорганизации способны создавать иерархию конкурирующих и взаимодействующих подсистем, то движимое желанием получить максимум при минимальном вложении человечество в условия ресурсного дефицита создало свою «внутривидовую иерархию», выделив страны с развитой экономикой и слаборазвитые страны — поставщики природных и человеческих ресурсов. А поскольку есть неравенство, есть и внутривидовая борьба за комфортные условия жизни.

Как правило, близкородственные биологические виды совместно не выживают в одном ареале. Теорема о дифференциальном использовании ресурсов двумя видами на одной территории гласит: для поддержания устойчивого равновесия в экосистеме необходимо, чтобы ресурсный потенциал не превышал потребления, а виды, конкурирующие за общие ресурсы, ограничены разными факторами (если ограничения по некоторым факторам снимаются, видовое разнообразие снижается). В условиях единой базы природных условий и всеобщего желания жить комфортно начинается кризис, т. е. внутривидовая борьба.

И эта борьба только обостряется в современном однополюсном мире, а, следовательно, ведет к интенсивному фрагментированию и хаотизации мирового сообщества.

В качестве примера человеческого эгоцентризма можно привести следующие. После появления Римского клуба начала развиваться идея экономии ресурсов, и Джимми Картер, кандидат в президенты США, стал одним из лидеров этого движения. Другой кандидат, Рейган, выбрал противоположную стратегию: негоже экономить великой нации американцев. «Великая» нация предпочла комфорт любой ценой — выбрали Рейгана. Европейцы практически уничтожили леса на своей территории еще к прошлому веку. Однако, когда ринувшаяся к материальным благам Бразилия стала вырубать сельву, дающую 1/3 кислорода планеты, это вызвало негодование «цивилизованного» мира. Безусловно, последствия оголения тропиков с точки зрения биосферы гораздо более негативны, чем вырубка лесов в умеренном климате. Но материальные предпочтения людей, желающих жить хорошо сегодня, оказываются сильнее рассуждений о всеобщем благе. «Пиррова» победа человека над средой обитания (вместо обуздания собственных эгоистичных устремлений) достается за счет уменьшения устойчивости глобальной экосистемы.

4. Интенсивно развивающиеся в последнее время интеллектуальные технологии ведут не только к утрате традиционных моральных и духовных ценностей, поддерживавших человечество, но и в перспективе могут привести к непредсказуемым бифуркациям на пути эволюции человечества как биологического вида и как активного компонента социума. Доминирующим производственным ресурсом теперь становятся информация и знания [19]. Научные разработки становятся главной движущей силой инновационной экономики. Вместе с тем, свободного потока информации вне политического контроля, как и потоков капиталов, быть не может. В этом также проявляется значимость функциональных прямых и обратных связей в природно-антропогенных системах. Две первые революции — промышленная и информационная — сформировали глобализацию, и, как следствие, современные антропогенные экологические катастрофы и кризисы — глобальны.

5. Любой глобальный экологический кризис связан с кризисом экономической системы, но, в отличие от предыдущих кризисов, настоящее время характеризуется, в первую очередь, кризисом финансовой составляющей. И чем больше пропасть между желаниями финансово-политических структур, тем глубже пропасть между антропогенной и природной подсистемами, и, следовательно, тем интенсивнее разру-

шение последней. Более того, в наши дни интересы экономики все более смещаются в сферу финансового капитала. *Современный цивилизационный кризис в первую очередь проявляется как экономический кризис, а в основе своей как кризис мировой финансовой системы, предельно удаленной от биогеосферы.* Вместе с тем сфера хозяйствования по отношению к экосфере значительно более бережлива, так как непосредственно примыкает к природе, будучи встроена в окружающую среду.

В ходе эволюции человеческие сообщества многократно объединялись и разъединялись, однако общий интеграционный вектор всегда был направлен в сторону глобализации. В эпоху глобализации в экологической сфере доминанта неблагоприятного воздействия сместилась в сторону антропогенных факторов, затрагивающих также социально-экономическую, культурную и информационную сферы. На современном историческом этапе, с середины XX в., глобальный экологический кризис характеризуется несоответствием антропогенного воздействия и буферных свойств биосферы, что создает объективные предпосылки для перехода экологического кризиса в иное качественной состояние — глобальную экологическую катастрофу — необратимый экосистемный процесс. И, тем не менее, сейчас нельзя говорить о запредельном нарушении исторического процесса коэволюции человека и биосферы, а лишь о значительном разрушении способности природных комплексов к саморегулированию.

Таким образом, поскольку глобальный экологический кризис — закономерное и объективно неизбежное следствие развития человеческого общества, необходимо коренное изменение основных принципов взаимоотношений «человек—природа» для обеспечения не только социально-экономического развития общества, но, в первую очередь, для сохранения и улучшения состояния природной среды как основы стратегии долгосрочного устойчивого развития человечества.

Суть стратегии устойчивого развития сводится к двум основным задачам: обеспечению воспроизводства природных ресурсов и устойчивости биосферы, а также существованию человеческого общества как разумного биологического вида посредством достаточного удовлетворения его материальных и интеллектуальных потребностей. Следует отметить, что устойчивость ноосферы как качественно новой структурно-функциональной организации не может определяться исключительно пассивными биосферными механизмами гомеостаза. Поэтому *устойчивое развитие ноосферы — это научно обоснованный выбор траектории коэволюции вдали от точек бифуркации и потери устой-*

чивости биосферы. На данном этапе «рациональность» и «прагматизм» элит должны уйти из сферы экономики в сферу экологии.

Известно, что наиболее эффективно система функционирует в характерных только для нее пространственно-временных пределах, при этом характерный размер системы должен соответствовать выполняемым функциям. Поэтому сокращение человеком естественных экосистем в объеме, превышающем пороговое значение, ведет к невосполнимости биосферы (*принцип формирования экосистем*). Как следствие этого процесса вместо вопроса «Что есть благо для человека?», мы обязаны задаться вопросом «Что есть благо для развития всей системы?» [20].

Действительно, количество видов, которое может поддерживать данная экосистема, тем выше, чем больше площадь этой экосистемы. Сокращая площадь экосистемы, мы получаем не уменьшенную копию оригинала, а новую экосистему с ощутимо меньшим количеством видов. Другими словами, десять небольших участков дикой природы могут поддерживать существование лишь половины видов, которые можно было бы обнаружить на едином участке земли с площадью, равной суммарной площади этих клочков. В этом, на наш взгляд, заключается знаменательный экологический посыл политэкономическим решениям.

Уже с 1970-х гг. человечество, стоя на пороге нового глобального кризиса, задается вопросом, каким образом самый сильный из наших инстинктов — инстинкт самосохранения — дал сбой. Существует много объяснений, но, видимо, наиболее приемлемым представляется следующее.

Во-первых, в ходе биологической эволюции животного царства возник человеческий вид, который характеризовался снижением детерминированности поведения в рамках филогенетических инстинктов. По мере социального и интеллектуального развития, отодвинувшего на второй план характерные для живых организмов врожденные инстинкты, человек оторвался от природы и стал ощущать свои выделенность и обособленность, неоправданную исключительность, в результате чего развивался антропоцентризм и, как следствие, право на вседозволенность и экологический нигилизм [20].

Во-вторых, выраженная социальная неоднородность современного общества активизировала в человеке эгоистическое желание получать «все и сегодня». Необходимые радикальные изменения в образе жизни ради будущего требуют от всех людей жертв сегодня. Но чем более человек (или социум) успешен, т. е. чем более зависим от собственности, внешнего мнения и прочих атрибутов «успеха», тем труднее при-

носить эти жертвы. Можно сказать, что в этом вопросе наблюдается значительное совпадение индивидуального и социального.

В-третьих, согласно З. Фрейду, преимущественная ориентация на собственность характеризует период, предшествующий достижению умственной и социальной зрелости [21]. А современное общество как раз и характеризуется громадным разрывом между техногенными достижениями и нравственной незрелостью. В ходе своей эволюции человечество планомерно создавало общество потребления, т. е. общество, в котором желание «иметь» не ограничено ничем. Эта нравственная дезориентация привела к невозможности даже посредством самого развитого производства удовлетворить это желание. Отсюда и нарастание сырьевых войн, знаменующих нашу эпоху. Если человек застревает в данной точке развития — это патология, а если общество — глобальный кризис. Однако только лишь осознание причин болезни, не подкрепленное практическими шагами на пути исправления ситуации, неэффективно. Необходимо четко знать, чего мы как сообщество хотим и как этого достичь.

Арнольд Тойнби выделил 21 цивилизацию в истории человечества. Их можно разделить на два основных типа — традиционный и техногенный, который часто называют западным, по региону его возникновения. Техногенная цивилизация основана на использовании новых технологий, обеспечивающих в первую очередь экономический рост общества, и в значительно большей степени, чем традиционный тип, унифицирует общественную жизнь. В этой системе ценностей деятельность человека направлена на преобразование окружающего мира, тогда как традиционная система ценностей включает человека как элемент единого организма природы. Именно в этом и заключается основное противоречие современного постиндустриального общества как общества, в экономике которого в результате научно-технической революции приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг (постиндустриальными странами называют, как правило, те, в которых на сферу услуг приходится значительно более половины ВВП). В этом отношении постиндустриальное общество как общество потребления (неограниченного потребления природных ресурсов) является тупиковым.

Если XIX в. был веком геополитики, XX в. — веком геоэкономики, то XXI в., по мнению многих ученых, будет веком геокультуры, в котором разные цивилизации будут отстаивать свои ценности и, в конечном счете, свой способ выживания [22].

Формирование индустриального общества неявно предполагало создание такого «рукотворного» мира, в котором природа являлась

лишь строительным материалом, а грядущий прогресс позволял посредством максимально комфортных условий обитания сделать счастливыми всех людей. Оба посыла оказались ложными. Во-первых, превращение природы из союзницы в тривиальный резервуар разрушило структурно-функциональные связи экосистем и тем самым создало существенные преграды на пути нашей эволюции. Во-вторых, удовлетворение всех желаний в отрыве от потенциальных возможностей источника не «может способствовать благоденствию», поскольку вседозволенность в обществе развращает индивиды [20]. Техногенная культура явилась средой, в которой вызревал не только экологический кризис, но и кризис духовности.

Экологическое общество как основа стабильного развития ноосферы

Условия формирования стабильного будущего сводятся к двум основным аспектам, в основе которых лежит необходимость возникновения нового партнерского отношения к природе: формирование Нового человека и Нового общества. Очевидно, что эти условия неразрывно связаны. Антропогенная составляющая социоэкологической системы в целом не только растет, но и становится непомерной нагрузкой для биосферы. Для достижения необходимой гармонии критично выполнение всего лишь одной давно известной, простой, но трудной в исполнении, гуманистической идеи — установления новых кооперативных взаимоотношений между человечеством и природой. Кстати, если необходимость познания природы как условия господства над ней впервые была научно провозглашена Ф. Бэконом в 1620 г. («Новый Органон»), то противоположная точка зрения вызрела только к XX в. (В.И. Вернадский [23], Н.Н. Моисеев [9; 10] и др.) — это был долгий путь [11; 24; 25].

По мере увеличения организационной сложности социально-экономических систем возрастают число и взаимовлияние системных связей (социально-экономических, демографических, этнических, культурных, информационных, экологических) — признак глобализации. И этот процесс может приводить к системной неустойчивости. Согласно теории систем, для устойчивого их развития необходимо оптимальное количество элементов и связей. Безусловно, глобализация на современном историческом этапе — составной элемент движения человечества по траектории выживания в условиях частично разрушенной им биосферы. Поэтому путь по «минному полю» сопровождается попытками известных государств за счет научного, технологического и военного преимущества вырваться в единоличные лидеры, подчинив ресурсную базу планеты. Налицо очередное проявление сис-

темы взаимоотношений «хищник—жертва», только в более жесткой и не присущей природным системам форме.

Глобальная экосистема представляет собой единое целое, в рамках которой не существует вещественного, энергетического и информационного выигрыша, поскольку природа — гармонично сбалансированная эволюцией устойчивая система. А вся эволюция человечества направлена на получение максимальной прибыли при минимальных вложениях (подобен и базисный принцип экономики). Казалось бы, рецепт прост: все, что было извлечено из природы человеческим трудом, должно быть возвращено (закон бумеранга Б. Коммонера). Однако, учитывая ограниченность компенсаторных свойств биосферы — неаддитивность природно-антропогенных взаимодействий и значительную (по меньшей мере, на порядок) разницу между скоростями антропогенных и природных процессов, воплощение этого рецепта в жизнь нереально. В исходных объемах вернуть изъятое уже невозможно. Даже в простых системах полная обратимость в циклических процессах согласно второму закону термодинамики недостижима. Энтропия возрастает (если не в самой системе, то в смежных подсистемах). Единственный, он же оптимальный, вариант — сопряженная эволюция антропосферы и биосферы — коэволюция — союз, но не покорение.

Н.Н. Моисеев полагал, что для устойчивого развития биосферы необходимо сочетание двух факторов: сохранения способности природных комплексов к саморегуляции и, учитывая бурное техногенное развитие, активной позиции человечества в области управления этим устойчивым развитием [9; 10]. И подобная пастораль сохраняется до тех пор, пока объем потребляемых ресурсов не превысит пороговый уровень регенерационного потенциала природы в данный временной интервал, т. е. количества природно-возобновимых ресурсов и отходов, которое может быть восстановлено за счет естественных механизмов. Поэтому исключительно важным фактором достижения системой устойчивого состояния является эффективное управление в области потребления обществом жизненно необходимых ресурсов. Поскольку природно-антропогенные системы обладают сложной иерархической структурой, система управления также должна быть многоступенчатой, а основой ее должна служить теория управления. В основе ее лежит обязательный учет взаимодействия прямых и обратных связей, характерных для самоорганизующихся систем.

Самые простые и самые общие математические модели этой сильно нелинейной ситуации приводят к простейшим качественным выводам: в отличие от линейных систем, в которых результаты пропорциональны усилиям, в нелинейных системах эффективность управления опре-

деляется структурно-функциональной сложностью системы и характером обратных связей. Именно поэтому одноступенчатая система управления наиболее эффективна лишь для простейших систем. Что же касается рассматриваемых нами социоэкономических и социоэкологических систем, их устойчивость, безусловно, зависит от используемой схемы управления, которая заведомо многоступенчата. А ее эффективность определяется адекватностью выбранной схемы, по отношению к которой небезынтересны следующие аналогии и соображения.

Колебательные, а также самоподдерживающиеся автоколебательные и автоволновые режимы свойственны многим системам с распределенным ресурсом энергии, способным к самоорганизации. Биоценозы, экосистемы, а также социальная сфера общества могут рассматриваться как иерархии сопряженных протяженных систем, каждая из которых является активной средой, поддерживающей энергией развитие происходящих в ней процессов на всем ее пространстве. Основой процессов самоорганизации в активных средах является возможность возникновения в них автоколебательных и автоволновых режимов, приводящих к эволюционированию систем, их пространственно-временной регуляризации (подробно этот вопрос рассмотрен нами в: [6; 16; 17]).

Наиболее известный пример, которой позволяет выделить характерные режимы поведения активной среды — колебательная химическая реакция Белоусова—Жаботинского—Заикина. Реакция по своей природе такова, что в каждой точке реактора происходят самопроизвольные химические осцилляции, сопровождающиеся изменением цвета раствора. Если весь объем реактора быстро перемешивается, система ведет себя как точечная — осцилляторы связаны перемешиванием. В этом случае во всем объеме наблюдаются синфазные самоподдерживающиеся осцилляции — *автоколебания* — раствор периодически изменяет цвет.

При отсутствии перемешивания в тонком слое жидкости система становится распределенной — двумерной активной средой, в которой точечные осцилляторы последовательно взаимодействуют друг с другом, что в однородной среде сопровождается появлением распространяющихся концентрических цветных пространственных структур — *автоволн*. Эти кольцевые волны распространяются вокруг так называемых *водителей ритма* — спонтанно возникающих на неоднородностях центров колебаний. Водитель ритма с самой высокой собственной частотой постепенно «съедает» всех своих конкурентов, захватывая их «территорию», и втягивает всю систему в работу со своей час-

тотой вплоть до полного истощения запаса свободной энергии в системе. В неоднородных активных средах или при внешних возмущениях происходит искажение волнового фронта, возможен его разрыв, возникновение и размножение спиральных автоволн, так называемых «реверберaторов». Закручиваясь, спиральные автоволны развивают максимальную скорость распространения, вследствие чего обладают максимально возможной плотностью упаковки и не имеют возможности «захватывать» соседние зоны за счет опережения соседей.

Данная периодическая химическая реакция, являющаяся визитной карточкой синергетики, демонстрирует способность даже самых простых динамических систем к эволюции, основанной на конкуренции ее подсистем. В подобных самоорганизующихся системах возникающая диссипативная упорядоченность исчезает при истощении энергетического ресурса. В биологических и экологических системах возникающая регулярность фиксируется генетическим аппаратом организмов. В социальных системах благоприобретенная упорядоченность закрепляется законодательством, моралью, религиями и т. д.

Разумеется, буквальные аналогии с социоэкологическими системами неприемлемы, однако государственные органы можно уподобить «водителям ритма», а правовое регулирование в обществе — кинетической схеме рассмотренного физико-химического процесса. Эволюция цикличности развития экономических систем обусловлена стремительным развитием техногенеза, расширением экономических и геополитических интересов различных стран и регионов, а также обострением глобального ресурсного кризиса. Уже в XX в. период циклов, определяемых усложнением структурно-функциональных связей, стал заметно сокращаться, что чревато резкими и часто неожиданными кумулятивными эффектами. Поэтому постиндустриальное развитие характеризуется не только сжатием циклов, но и преодолением системой пороговой точки и переходом на новые качественные уровни.

С позиций синергетики можно высказать одно утверждение общего характера: *по мере истощения сырьевого резервуара и увеличения числа и типов каналов потребления природных ресурсов техносферой в условиях нарастающей конкуренции нелинейные эффекты в ноосфере усиливаются, приводя к изменениям пороговости, периодичности, возникновению непрогнозируемых стационарных состояний или хаосу.*

Как мы наглядно убеждаемся на примере последних финансово-экономических кризисов, сама по себе рыночная экономика — не панацея, поскольку она способна приводить не только к желаемой устойчивости, но и к триггерному переходу на новый стационарный уровень через хаотические состояния или к продолжительному хаосу. В

системе нашей биосферы хаотизации способствуют наблюдаемые в последние годы глобальное потепление, истощение природных ресурсов, демографические проблемы и т. д. Следует вывод: для выживания человечества необходимо выработать и исполнить единую программу устойчивого развития.

Заключение

Н.Н. Моисеев называл XX в. веком «предупреждения, предвидения новых катастроф» и «предвестником наступления новой эпохи» в условиях «несоответствия замыслов и реальности» [10]. Но только перегрузив структурно-функциональные возможности биосферы, т. е. дойдя до точки бифуркации, человечество приходит к осознанию своего места, роли в общей экосистеме и синтеза как единственно возможного пути спасения цивилизации.

Очевидно, что социально-экономические и экологические направления науки, при кажущемся несовпадении «целей» антропосферы и экосферы, вынуждены развиваться совместно. Впитывая и объединяя знания и подходы других наук, экология по мере своего развития обретает статус главенствующей в естествознании, а по своей значимости для Человечества — статус важнейшего экономического и политического руководства.

В постиндустриальном обществе экономика должна быть экологичной. Для этого естествознанию и социально-экономическим наукам предстоит создать количественные модели устойчивого развития Ноосферы, а людям многое изменить в своем миропонимании. В настоящее время основным направлением современного мирового экономического и социального развития, безусловно, являются активизация инновационной деятельности и широкое распространение инновационных технологий, активно способствующих формированию неоднородности в глобальной социо-экосистеме. Это позволяет философам и социологам предполагать формирование новой цивилизации как цивилизации инноваций [19]. Вместе с тем, краткосрочные инновационные проекты («короткие деньги») не могут быть экологично встроенными в Природу, развивающуюся в других, больших, масштабах времени. По-настоящему рациональны лишь долгосрочные комплексные проекты. Но это всего лишь один из способов экологизации экономики и предмет политической экономии.

В соответствии с представлениями фундаментальной экологии Человек постепенно отходит от исторически сложившегося антропоцентрического взгляда на земную природу. Человечеству предстоит важнейшая мировоззренческая перестройка, по масштабам подобная той, в которой восторжествовала гелиоцентрическая система Коперника

взамен геоцентрической. Тогда Человек осознал, что не является центром мироздания, теперь ему предстоит осознать, что он — не центр живой природы, а только ее критичный компонент, и что его выживание как вида целиком зависит от сохранения биосферы и ее биоразнообразия. Успокаивает только, что биосфера как динамически сбалансированная гармоничная система в природных катаклизмах более устойчива, чем род *Homo erectus,* и способна выжить без него. Однако *Homo sapiens,* защищая себя в экологических и цивилизационных кризисах, способен сохранять биосферу, теперь уже как ноосферу.

Антропоцентричная в своей основе, экономика быстро совершенствуется как наука, ставящая своей целью разработку путей наиболее эффективного использования ограниченных природных ресурсов для утверждения общества потребления. Однако Природа не умеет вступать в рыночные отношения или же встраиваться в плановую экономику. Экономика в примитивной трактовке низводит Природу до окружающей среды и изнутри, сама по себе, не способна озаботиться проблемой коэволюции Человечества и Биосферы. В этом она — продукт системы мышления неолитического этапа развития общества

Резюмируя, можно с определенной долей уверенности утверждать, что согласованные политические решения и политическая воля государств и государственных деятелей, опирающиеся на научно продуманное законодательство и международное сотрудничество, культуру и образование, способны воплотить в реальность преодоление нынешнего критичного для Человечества экологического, а по сути — цивилизационного, кризиса.

На современном этапе необходимо целостное научное восприятие природно-антропогенной сферы и механизмов ее развития. Этот вывод, как и заключение о необходимости фундаментального изменения нашего мироощущения, коррелирует с выводами о том, что нынешняя экологическая ситуация нуждается не столько в финансировании разрозненных природопользовательных или природоохранных мероприятий, сколько в радикальном пересмотре сложившихся моральных и естественнонаучных парадигм. Именно в таком аспекте следует реализовывать синергетический метод решения данной, наиболее актуальной проблемы современности. Классические моральные, этические, религиозные и даже юридические ограничения на данном этапе не способны уберечь биосферу — наш дом. Также и экономика в силу узости предмета и метода не может и не должна определять политические решения в сфере природопользования. *Научным обеспечением гармоничной коэволюции Природы и Человечества должна стать по-*

литически регламентированная управляемая коэволюция экономики и экологии.

Литература

1. *Сидорова А.Э., Твердислов В.А.* Экос. Грани устойчивости // Экология урбанизированных территорий. 2008. № 1.
2. *Сидорова А.Э., Твердислов В.А.* Экос. От концентрированного выражения экономики к концентрированному выражению экологии // Экология урбанизированных территорий. 2008. № 4.
3. Бюллетень оппозиции. 1940. № 82—83.
4. *Медоуз Д., Раедерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. М., 2007.
5. ГЕО—3: прошлое, настоящее и перспективы на будущее. Программа ООН по окружающей среде., 2002.
6. *Твердислов В.А.* Активные среды. От физико-химических — к экологическим и социоэкономическим системам // Экология урбанизированных территорий. 2006. № 4.
7. *Mainzer K.* Thinking in Complexity. // The Computational Dynamics of Matter, Mind, and Mankind, 4 erweiterte Aufl. Berlin, 2004.
8. *Люри Д.И.* Развитие ресурсопользования и экологические кризисы. М., 1997.
9. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001.
10. *Моисеев Н.Н.* Мир XXI века и христианская традиция // Заслон средневековью. М., 2003.
11. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (социология, психология и футурология). М., 2001.
12. *Тюрюканов А.Н., Федоров В.М., Тимофеев-Ресовский Н.В.* Биосферные раздумья. М., 1996.
13. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.
14. *Урсул А.Д.* Устойчивое природопользование и эколого-энергетическая безопасность // Экология урбанизированных территорий. 2008. № 2.
15. *Леруа Ладюри Э.* История климата за 1000 лет. М., 1971.
16. *Твердислов В.А.* Активная среда. I. От физико-химических к социальным системам // Труды семинара «Время, хаос и математические проблемы». М., 2001.
17. *Сидорова А.Э.* Урбоэкосистемы как активные среды: автоволновая самоорганизация и устойчивость // Физические проблемы экологии (Экологическая физика): Сб. научных трудов / Под ред. В.И. Трухина, Ю.А. Пирогова, К.В. Показеева. М., 2007. № 14.
18. *Антонов В.А., Сидорова А.Э.* Устойчивость урбоэкосистем с позиций теории автоволновой самоорганизации активных сред // Экология урбанизированных территорий. 2006. № 4.
19. *Капустин В.С.* Осторожно, инновации // Материалы Международной конференции «Путь в будущее — наука, глобальные проблемы, мечты и надежды». М., 2007.

20. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
21. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб., 2001.
22. Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2006.
23. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М., 2007.
24. *Акимова Т.А., Хаскин В.В.* Экономика Природы и Человека. М., 2006.
25. *Нартов Н.А., Нартов В.А.* Геополитика. М., 2007.

И.И. РУДЯК

Метафизика суверенитета

1. Сюжет и фабула. Формалисты Шкловский и Томашевский фабулой называли материал рассказа, т. е. лежащие в его основе житейские события, а сюжетом — формальную обработку рассказа. Петровский же, напротив, сюжетом называл событие как повод для рассказа, а фабулой — художественную («поэтическую» в его терминологии) обработку. Выготский считал, что главное — это разграничение двух понятий. Выготский пользуется терминами формалистов: фабула — это материал, а соотношение материала и формы в рассказе есть соотношение фабулы и «поэтического» сюжета.

Выготский пояснил это на примере рассказа Бунина «Легкое дыхание». Сегодня назрела необходимость рассмотреть эту проблему немного иначе. Мы будем рассматривать «формальное содержание» как философскую категорию: применительно к искусству содержание — это смысл, это «то, о чем». Например, фильм Германа «Хрусталев, машину!» о том, что Сталин «мнет» страну. «Формальный сюжет» мы будем рассматривать как «историю» (вне зависимости от «художественной последовательности» событий, которая бывает очень запутанной: Фолкнер, например, сообщал своим читателям дополнительно «историю как таковую»). В данном фильме сюжетом является история о гибели врача. Форму же «подачи сюжета» (что за чем «монтажно расположено») мы будем называть «формальной фабулой».

2. Сюрреалистический суверенитет. Станиславский, написав режиссерскую экспликацию к «Чайке», создал тем самым основной стержень для работы профессионального режиссера. Фактически режиссерский сценарий фильма пишется по тому же самому принципу. Классический режиссерский сценарий пишется «вдоль» литературного сценария: он параллелен сюжету как сценарной истории. Однако Дю-

фи отделил контур изображаемого предмета от его же цветового пятна.

В фильме «Хрусталев, машину!» Герман проделал примерно то же, что и Дюфи, поставив кино тем самым на новый уровень: здесь режиссерский сценарий написан не к литературному сюжету, не к истории, а к философскому содержанию: к смыслу, к «тому, о чем». Сам «сюжет смысла» — «перпендикулярен сюжету»: в реальности он подразумевается, но не виден. Так вращение Земли — незаметно, но смена времен года мы видим. Мы видим лишь следы элементарных частиц. Мы судим о магнитном поле — по его воздействию на окружающие объекты. Но страшная «тень смысла» — «проекция режиссерского сценария» — падает на историю, на сюжет: поэтому — и не видно, и не слышно, и не понятно: Сталин смял историю, рассказанную в кино — режиссерский сценарий о том, «как мнет». А Сталин мнет страну — всю подряд, не деля ее на людей, предметы, социум, внутреннее пространство человеческой психики, внешнее пространство страны: так, создавая аппликацию, Колейчук разрезает фотографию на фрагменты. Сталин «поставил перпендикуляр» течению жизни людей — и не сюжет, а форма говорят нам об этом. Сталинское государство — это «матрешка Сталиных» (врач — это отраженный в меньшем масштабе Сталин): и в слоях матрешки «отраженные Сталины» убивают друг друга. Так в «матрешке власти», как в ступе из «железного занавеса», «пестиком перпендикуляра» по «вектору деспотизма» и осуществлялся «сюрреалистический суверенитет» экономики (для сюрреализма характерно давление на объект окружающего пространства — вплоть до поломки внутренней структуры объекта: поэтому у Дали — «слон на паучьих лапах»). В «закрытом государстве» «композиция предприятий» представляет собою замкнутую внутри государства сеть. И эти «пауки в железной матрешке» называли себя «товарищами». План экономики Сталина был жестким и неподвижным, как приказ Сталина.

3. Конструктивистский суверенитет. Петр Первый прорубил окно в Европу, чтобы обогатить Россию иностранными достижениями (Пушкин: «Все флаги в гости будут к нам»). Вскрыв железный занавес, Горбачев открыл «ворота в Европу» — и хлынула Ниагара по «вектору анархизма» из России в мировую экономику (в Китае даже мафия денег из страны не вывозит). Россия, как арт-объект конструктивизма — Центр Помпиду в Париже, покрылась снаружи углеводородными трубами, перегоняя за границу вместе с нефтью и газом «конструктивистский суверенитет» своей экономики. В «открытом государстве» «композиция предприятий» представляет собою замкнутую вокруг государства сеть: «паук глобализации» раскинул свои тенета вокруг Рос-

сии, которая превратилась в его добычу. А внутри России завелись «господа». План экономики свое существование прекратил — ему на смену явился «стихийный рынок», полная свобода которого напоминала, скорее, хаос.

4. План как кибернетическая система. В 2001 г. в космос запущен зонд, который улавливает космические сигналы — флуктуации микроволнового (электромагнитного) фона: это — реликтовое излучение, и на карте этого излучения просматривается порядок чередования «холодных» и «горячих» областей. Астрофизики Стивен Хсу (Орегонский университет) и Энтони Зи (Калифорнийский университет) сочли этот порядок «посланием небес». Послание имеет двоичный код, а символы сгруппированы в матрицу-таблицу — Вселенная напоминает компьютер. Еще Пифагору мир виделся как система чисел, т. е. в нашем понимании — как компьютерная программа. Работая над спектаклем «Мексиканец», Эйзенштейн писал, что спектакль должен быть своеобразным резонансом Вселенной. Сеть связей между предприятиями надо строить вместе с созданием предприятий — как компьютерную программу «идеального компьютера» государства и как резонанс компьютерной программы Вселенной. Соответственно и экономический план должен иметь компьютерную природу (в СССР был «план без обратной связи»).

Связь экономики современной России с мировой экономикой строится сегодня по разумному принципу «полупроницаемой мембраны», который успешно работает на уровне биологии. В состоянии покоя мембрана аксона держит закрытыми свои каналы для пропуска натрия, а при раздражении каналы открываются, ионы натрия устремляются внутрь аксона, где отрицательный заряд заменяется положительным. Одновременно ионы калия устремляются наружу (их больше не удерживает разность потенциалов) через открывшиеся калиевые каналы (ионы калия крупнее ионов натрия). В конце фазы калиевые окна закрываются и все приходит в исходное состояние. Натрий-калиевый насос, как и машина-компьютер, работает по принципу обратной связи. В СССР макароны делали того же диаметра, что и патроны, а производство мыла легко превращалось в производство толовых шашек, т. е. перестройка происходила изнутри предприятия. В свое время предметная живопись породила живопись беспредметную, которая отображала не предметы, а связи. Сегодня мы можем перестраивать не только сами предприятия, но и сеть связей между предприятиями. Система отношений может перекомпоновываться по «принципу детских кубиков». На несколько детских кубиков наклеена одна разрезанная картинка, затем все эти кубики поворачивают — и наклеивают

другую картинку… и так шесть раз. Теперь мы можем по-разному разворачивать кубики, изменяя сеть связей между фрагментами.

5. План как кинетическая скульптура. Вселенная расширяется, и все во Вселенной движется. Резонансно Вселенной на Земле хорошо работают кинетические системы. Правило Иноземцева распространяется не только на товар, но и на экономическую систему: с течением времени количество связей начинает превалировать над массой материала. Связи между предприятиями подвижны, словно компьютерная программа как система подвижных связей. В искусстве это выражается как кинетическая скульптура (Франкфурт-на-Майне, подвижная скульптура человека с молотком). Подвижность связей возникает также от изменений, связанных с прогрессивными открытиями науки, что необходимо для выживания человечества. Неандертальцы 200 000 лет не изменяли своих орудий труда — и вымерли, а кроманьонцы быстро изменяли свои орудия — и живут. «Кинетический план» современности возникает от сочетания подвижности рынка и структурности плана: при этом «монтаж плана и рынка» возникает как «распыл (рынок) на структуре (план)».

Когда-то в СССР план был статичным, а в США был подвижный «свободный рынок», законы которого напоминали законы естественного отбора («свобода без структуры»). Но в СССР произошла Перестройка, а в США — финансовый кризис. Чтобы спасти мир, осенью 2008 г. в США государство взяло под свой контроль деятельность ряда частных компаний: получился «кинетический план» как «распыл на структуре». Так видел «мир в идеале» и Ярослав Смеляков: «Дороги таблиц кряхтят под стадами, Цифры растут молодыми садами» («Баллада о числах»): государственный план — идеальная структура, а производство по плану — его «материализация как распыл».

Связи между предприятиями как компьютерные программы двух основных сетей («внутренней сети» России и «внешней сети» мировой экономики). «Сети связей» как структура, созданная учеными и утвержденная государством — это повторение плана, а свободный рынок — это «река распыла», в поток которой погружаются сети плана. Связи «кинетической сети» структуры и плана должны иметь возможность «композиционно перераспределяться» по мере необходимости. Если узел оборван, а петля спущена, то нет блокады и впадания в ступор: человек умирает от одной пули, а сеть включает новый узор. Вспомним битву при Фермопилах (480 г. до н. э.). Анапейская тропа вела в тыл спартанского царя Леонида, его трехсот спартанцев и небольшого отряда союзников, «мясорубкой» сдерживавших в Фермопильском проходе четвертьмиллионную армию персидского царя

Ксеркса. Никто не знал об Анапейской тропе, но все знали, что персы владеют золотом. Грек Эпиальт, прознавший о тропе, продал информацию Ксерксу — все защитники Фермопильского прохода погибли, потому-то не умели переключать связи: в период битвы «связь тропы» должна была быть закрытой.

6. Топологический суверенитет. Сегодня астрономы могут видеть одни и те же созвездия в одно и то же время в разных частях неба, потому что Вселенная имеет топологическую природу. Резонансно ей должна быть топологичной и экономическая система. В изобразительном искусстве черные и белые «утки Эшера» топологически входят друг в друга — такая шахматная игра по топологическим правилам является наилучшей моделью для экономики современной России. Чтобы обеспечить экономический суверенитет, нужно создать две «топологические сети» связей между предприятиями: внутреннюю, российскую и внешнюю, мировую — и затем так замкнуть их между собою, чтобы возник «топологический баланс» между ними. Соответствовать этому будет «топологический план» (в СССР план был угловатым, прямолинейным). Игра в «топологические шахматы» делает нас «коллегами», потому что люди любой профессии участвуют сегодня в создании экономического суверенитета России, разумно вмонтированного в мировую сеть экономической глобализации. Абстракционист Кандинский изображал не объекты, а сети линейных связей. Когда же связи расположены по мебиусу, то возникает «топологический абстракционизм», который ждет изобразительного решения.

7. Метафизика суверенитета. Современная наука считает, что расширяющаяся Вселенная имеет топологическую и компьютерную природу. По такому же принципу должна быть устроена и наиболее эффективная экономическая система. План должен быть подвижным, как рынок: за счет обратной связи (в рамках «топологического компьютера» с его «топологической программой») он должен самопроизвольно перестраиваться по ходу поступления новых данных. Суверенитет России носит метафизический характер, потому что локализуется в потенциальной возможности «композиционно переключать» связи между предприятиями. Обе топологические сети связей России (внутреннюю и внешнюю) надо «топологически сочетать» (две ленты Мебиуса в сумме составляют бутылку Клейна). Общая сеть представляет собой компьютерную программу, а «переключатель связей» есть «интеллектуальный центр» с компьютерной мышкой в руках («компьютер экономики», разумеется, идеальный). В случае необходимости можно будет по-разному «перекомпоновывать сеть» (Колейчук), делая ее по мере необходимости то замкнутой на России, то разомкнутой — и

замкнутой на глобальной сети мировой экономики, то замкнутой на отдельных стран («режимы перекомпоновки»). Владея «мышкой суверенитета», словно «ядерной кнопкой», Россия никогда не будет зависеть от капризов политики и природы — и это будет настоящий, т. е. «метафизический суверенитет».

Д.И. ПАПЫРИН

Специфика развития гражданского общества в России

Изучая вопрос развития гражданского общества в России, можно столкнуться с мнением, что его формирование в нашем государстве предопределено историческим прошлым. В этой связи весьма любопытна, но не бесспорна позиция Э. Геллнера: «Централизованная монархия с ее уважением к собственности подготовила почву для гражданского общества, а современное демократическое государство завершило этот процесс» [1, 82].

Автор отмечает, что в России жестокое угнетение крестьянства было обратной стороной уважения прав дворянства — служилой аристократии, лояльность которой покупалась ценой неприкосновенности их собственности и привилегий.

Однако надежда на продолжительную традицию правоприменительной практики в России как на основание развития гражданского общества вызывает большие сомнения. Фактически в России никогда не существовало правового государства в законченном виде. Многие законы носили условный характер, и их нарушение далеко не всегда порицалось общественным мнением. Зачастую закон был не ориентиром для социального действия, а инструментом достижения корыстных интересов. Это обусловлено тем, что законодательная практика в России в первую очередь ориентировалась на сохранение и закрепление старых, традиционных феодально-крепостнических отношений, а если законы и менялись, то, прежде всего, с оглядкой на нормы и ценности европейских стран. Таким образом, система права в России была, с одной стороны, не адекватной историческим реалиям, а с другой — играла второстепенную роль, что позволяло ей сохраняться в несколько нелепом состоянии и в то же время быть аргументом, к которому мог апеллировать монарх.

Подобная ситуация повторялась и в СССР, где на главу государства замыкалось управление всеми сферами жизнедеятельности индивидов,

а правовые нормы представляли из себя чуть большее, чем декларацию. Зачастую общественные нормы не соответствовали закрепленным в законе нормам правовым. И было бы преждевременным утверждать, что в современной России ситуация кардинально изменилась. Осложнение развития гражданского общества в России в значительной мере обусловлено сформировавшейся культурой подчинения и проявления личной активности лишь в границах дозволенного государством или же полным отрицанием этих границ. Поэтому наивно ожидать, что смена права-дозволения на право-ограничение тут же изменит культурные стереотипы в обществе. Для этого нужно время.

После разрушения Советского Союза самосознание подавляющего большинства населения требовало кардинальной трансформации в соответствии с изменившимися реалиями. Практически все возрастные категории граждан были вынуждены адаптироваться к новой экономической системе, тем правилам политической жизни, которые предполагала демократия.

Но что действительно оказалось сложным, так это не просто адаптироваться к новой модели общественного бытия, а сориентироваться в условиях фактического отсутствия реализации этой модели на практике и доминирования хаоса в экономике. Страх перед полным разрушением страны имел куда большую силу, чем перспективы рыночной экономики и блага демократии, которые, впрочем, стали ощущаться лишь через 10 лет после драматических событий 1991 г. Молодое поколение, входящее во взрослую жизнь на протяжении этого десятилетия, ориентировалось на условия переходного периода, где зачастую идеология криминальных структур формировала образ жизни общества. Отсюда такой бурный всплеск криминальной субкультуры в 1990-е гг. Не удивительно, что на этом фоне представления населения о том, что такое гражданское общество и каковы его цели, оказались достаточно скудны.

Помимо правовой культуры не менее важна способность граждан к самоорганизации в случае возникновения общественно значимых проблем. Однако в России взаимодействие граждан традиционно имеет свою специфику. Многие назревшие социально-политические проблемы нередко становились поводом для формирования групп граждан. Однако деятельность данных групп сводилась либо к выработке коллективного мнения по возникшей проблеме и этим ограничивалась, либо к ряду действий, направленных непосредственно против государства. Данный факт обусловлен тем, что в советский период возможности для конструктивного взаимодействия государственной власти и общественности были достаточно скудны. Поэтому чаще всего ком-

муникация граждан сводилась к поддержанию социализированности, психокомпенсаторной и информационной функции. При этом решение практических задач посредством коммуникации уходило на второй план. Примером могут послужить те же «кухонные разговоры», столь популярные в СССР. Особенно важно то, что в результате подобного рода коммуникации вырабатывалось определенное групповое мнение (или несколько позиций) преимущественно по большинству как политических, так и социальных вопросов, хотя бы немного касающихся ее участников. Выработанные позиции, как правило, оставались неформализованными, не имели выхода на государственный уровень. Объясняется это достаточно просто: если в советское время и можно было иметь свое мнение по общественно значимым вопросам, то открыто выражать его считалось достаточно опасным. Степень наказания за «вольномыслие» в разные исторические периоды разнилась, что не мешало государству поддерживать режим гражданского молчания практически до 1980-х гг.

Достаточно своеобразная гражданская культура, существовавшая в советское время и сохранившаяся по сей день, во многом связана с патерналистским сознанием большей части населения России, а также инерцией сознания большей части населения. Впрочем, патерналистское сознание медленно, но все же изменяется под воздействием меняющихся социально-экономических и политических реалий.

Вторым моментом, который необходимо преодолевать, является разрыв между обществом и властью. Исторически обусловленный, подкрепляемый отчасти низкой политической культурой российского общества, отчасти тем же патерналистским сознанием, он не является причиной, тормозящей развитие гражданского общества, как считают некоторые отечественные авторы. Разрыв общества с властью — это атрибутивное свойство оппозиции общества и государства. Проблема заключена в степени и характере этого разрыва. И в том смысле, в каком принято говорить о ней в отечественной литературе, проблема видится в отсутствии взаимопонимания, а также эффективных форм взаимодействия между государственной властью и обществом.

В этой связи имеет смысл упомянуть о функции обратной связи, которую, как правило, берет на себя гражданское общество. В ситуации с Россией государственная система пока еще не готова к адекватному диалогу с общественностью ввиду бюрократических барьеров, формалистского подхода чиновников и невысокой оперативностью реакции на назревшие проблемы. Для общества же остаются закрытыми многие процедуры принятия решений. И здесь становится очевидно, что открытое общество невозможно без «открытого» государства,

правовой характер которого определяется самой нормативной моделью, а «открытость» является одним из аспектов ее реализации в социальной действительности. Тем не менее можно говорить о легкой положительной динамике в этом направлении. Так, 12 февраля 2003 г. правительством был издан указ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти» [2, 658], инициирующий подготовку и опубликование сведений о текущей работе властных структур России. Этот момент можно уверенно отнести к одному из шагов государства навстречу гражданскому обществу.

В целом проведение государством административной реформы, нацеленной на более тесное сотрудничество с институтами гражданского общества, не видится чем-то невозможным. Даже с учетом того, что основное бремя возьмет на себя власть, а не зарождающиеся и пока еще не окрепшие структуры гражданского общества, сложно отрицать положительный эффект от таких преобразований. Данный момент может послужить показательным примером для сторонников тезиса о том, что гражданское общество необходимо строить «снизу». Это не означает, что мы хотим оспорить данную позицию и отвернуться от действительно актуальных проблем самоорганизации российского населения. Безусловно, без гражданской активности гражданское общество невозможно представить. Но и опасаться инициатив государства по увеличению позитивных сдвигов в этом вопросе видимо неуместно. Ведь усилия власти по реализации идеи правового государства в определенном смысле приводят к формированию более благоприятной среды для существования и эффективной работы неправительственных организаций. В силах государства создать ряд предпосылок для становления гражданского общества.

Еще в 1950—1960-х гг. в западной социологии закрепилось убеждение в том, что средний класс является основой гражданского общества. В основном он представлен средними слоями городского населения и выделяется как отдельная социальная группа, занимающая в индустриальном обществе Запада по статусу, доходу, профессии и образованию промежуточное положение между немногочисленной состоятельной верхушкой общества и малоимущими низами. Рассматривая средний класс как опору гражданского общества, прежде всего, необходимо определить, на каком этапе развития он находится в современной России и какие по отношению к нему наблюдаются тенденции. Обратившись к российским исследователям гражданского общества, мы встречаем неутешительную оценку в отношении состояния среднего класса в стране. «Крушение тоталитарного социалистического строя

не привело, однако, к бурному подъему среднего класса, что само по себе уже свидетельствует об их незрелости в недрах советского социума» [3, 276].

Низкий уровень социального порядка в 1990-е гг., перманентные реформы и экономическая нестабильность делали невозможным формирование социальной группы, которая бы послужила опорой гражданскому обществу как группа, формирующая через деятельность составляющих ее индивидов специфический род общественных отношений, характерный для гражданского общества, с одной стороны, и как группа — выразитель общественных интересов — с другой. От населения в то время требовалось в первую очередь научиться выживать в новых для него условиях. Высокий уровень безработицы, неуверенность в завтрашнем дне вынуждали людей, прежде всего, заботиться о собственном благе.

Хотя в начале 1990-х гг. в России рыночная экономика и характеризовалась интенсивным ростом мелкого предпринимательства, выделять сформировавшуюся в это время мелкую буржуазию как элемент среднего класса было бы преждевременным, поскольку деятельность ее представителей имела в целом хаотичный характер и не отличалась стабильностью и перспективностью. Зарождение мелкой буржуазии в этом случае было бы уместней трактовать как процесс, только предшествующий становлению среднего класса.

На наш взгляд, со стороны государственной власти было бы наиболее продуктивным предпринять ряд следующих шагов. Это, во-первых, принятие на государственном уровне и закрепление в массовом сознании нормативной модели правового государства и сопутствующих ему гуманистических ценностей, во-вторых — ее последовательная реализация. В процессе этой реализации исключительно важным является повышение эффективности работы всего бюрократического аппарата. Она заключается в создании таких условий для работы чиновников, которые были бы несовместимы с коррупцией, максимально возможно ограждали от использования политиками административного ресурса.

Высокая степень коррумпированности аппарата при слабости возникающих политических партий и гражданских ассоциаций способствует формированию теневой экономики, не подконтрольной государству. Не секрет, что для переходного периода было характерно образование подобных теневых структур, действующих вне закона и типичных для обществ, переходящих от авторитаризма в политике к демократии и от жесткого государственного регулирования экономики — к рынку. Их образование было связано главным образом с размытостью

представлений между «рыночным» и «государственным». В результате «бюрократический рынок», т. е. рынок взаимных услуг и обязательств внутри государственного аппарата, зародившийся еще в советскую эпоху, органически сросся с рынком настоящим, создав единый рынок во многом коррупционных услуг.

Опыт многих стран показывает, что институты такого рода демонстрируют чрезвычайную жизнеспособность в меняющихся условиях и в значительной степени затрудняют процесс становления гражданского общества. Следует, однако, заметить, что развитие коррупции нередко связано и с тем, что зачастую рядовые граждане предпочитают пользоваться незаконными способами реализации интересов вместо того, чтобы, действуя в рамках закона, формировать институты гражданского общества. А государство, оказавшееся в плену у таких институтов или даже просто допустившее их чрезмерное развитие, вынуждено впоследствии прилагать огромные усилия или идти на большие затраты и жертвы, чтобы освободиться от их разлагающего влияния.

На сегодняшний день государство в лице высших органов власти, действующее в рыночно-бюрократической среде, пока еще не в состоянии предотвратить спорадическое или постоянное использование своих учреждений в частных интересах. Эти интересы могут быть как чисто экономическими, так и связанными с конфликтами внутри самого бюрократического аппарата за статус, влияние, а также с политической борьбой. Поскольку до сих пор продолжается традиция лоббирования экономических интересов группами лиц, связанными с руководством крупных предприятий энергетического и сырьевого секторов, говорить о работающей системе представительной демократии видится пока преждевременным.

На наш взгляд, деятельность, касающаяся «тактики» участия государства в развитии гражданского общества, имеет не меньшее значение, чем стратегическая позиция государственной власти, предполагающая гражданское общество в российской общественной системе. К «тактике» можно отнести формирование правовой базы общественных организаций, работу по распространению демократической культуры. Иными словами, для обеспечения возможности развития гражданского общества в России сама государственная система должна быть преобразована настолько, чтобы удовлетворять требованиям нормативной модели правового государства. Это требование является первичным по отношению к ожиданиям от государственной власти «условий» для «комфортного» развития гражданского общества в виде государственной поддержки НПО, ассоциаций.

Оценивая состояние гражданского общества в современной России, нельзя не обратить внимание на достаточно распространенную и уходящую корнями в советское прошлое практику перманентной оппозиции государству, по сути, превращающей деятельность общественных организаций в политическую игру, в которой интересы граждан и случаи ограничения их прав нередко становятся разменной монетой в процессе политического торга. Зачастую внутренняя логика этого явления состоит в следующем: уровень правовой защиты, распространенности гуманистических ценностей, социальной защищенности граждан остается по сей день весьма низким и не соответствующим уже сформировавшимся в европейских странах нормам. Несомненно, ответственность за это несет преимущественно государственная власть. И этот факт, а также другие «огрехи» со стороны государства становятся весьма выгодным поводом для стран Запада поддерживать миф о тоталитарной России как наследнице СССР. И в этом смысле не столь важно, действительно ли Россия тоталитарна или нет. На основании этого мифа западные государства оставляют за собой право оценки качества преобразований в сфере развития демократии и гражданского общества и зачастую используют эту оценку как политический аргумент. Это дает основание утверждать, что наряду с передачей опыта гражданского общества также наблюдается политически ангажированное отношение стран Запада к России как относительно неполноценной.

Открытость гражданского общества для широкого спектра мнений и идеологем создает существенные сложности в его функционировании, когда речь идет о PR-технологиях. Фактор владения достоверной информацией зачастую приобретает решающее значение при формировании общественного мнения. Зачастую бывает достаточно трудно отличить здоровую гражданскую активность от общественной активности, являющейся лишь политиканским инструментом, если брать в расчет такой критерий гражданской активности, как стремление к установлению социальной справедливости. Роль СМИ особенно возрастает, когда перед гражданским обществом возникают вопросы публичного характера, требующие от общественности консолидированного ответа. В этом контексте можно даже говорить о случаях, когда общественное мнение формируется на основе недостоверной информации, что приводит к дисфункции структур гражданского общества.

К сожалению, в современной России наиболее «боеспособные» общественные объединения существуют пока что при поддержке государственной власти и, надо полагать, являются лишь политическим инструментом в ее руках. Весьма показателен пример молодежной

организации «Наши», роль которой сводится к имитации гражданской поддержки существующей на данный момент политической системы. Для тех же целей существуют «Молодая гвардия» и «Идущие вместе». И пока что наблюдается активное использование такого ресурса, как акции гражданского неповиновения, в политической игре России и стран Запада по правилам двойных стандартов.

Было бы утопичным уповать на отказ политических сил от вышерассмотренных приемов. В этом смысле особенно, когда дело касается участия институтов гражданского общества в решении вопросов общегосударственного масштаба, свободное, незашоренное мышление индивида, его творческая автономия оказываются особенно важны. Стремление к осознанию себя гражданином проявляется в том случае, когда символ гражданственности — государство как система — представляется членам общества гарантом личностных свобод и благополучия. Однако далеко не всегда реализация собственной свободы ограничивается представлениями индивидов о равноправии. В России социальное и материальное неравенство воспринимается основной массой населения как неизбежный спутник повседневной жизни. Эти представления возникают не просто как отражение социальной действительности в умах людей, но еще и катализируются плачевным материальным положением большинства россиян.

Обратим внимание на тот факт, что в странах, о которых можно сказать, что в них есть гражданское общество, среднестатистический уровень жизни на порядок выше, чем в России (это, прежде всего, страны Западной Европы). Социальная политика в них действительно реализуется, а не просто декларируется. И это уже вопрос не просто экономического благополучия того или иного государства, а скорее социальной ответственности как сотрудников государственного аппарата, так и политической системы в целом. Однако призывы к законопослушности и гражданственности как формам реализации личных интересов для многих в России выглядят попыткой государства ограничить свободу индивидов. Поэтому в обыденном сознании складывается малопривлекательный образ российского государства и законов, регулирующих общественную жизнь.

Тоталитарно-принудительный характер социального устройства, доминировавший в России веками, привел к иному пониманию свободы, нежели в капиталистических странах Запада. Если в последних под свободой понимается возможность активного преобразования внешнего мира в разрешенных пределах и принятие ответственности за собственные действия, то в России свобода долгое время представлялась как произвол и уход от ответственности. Объяснить сложившуюся

ситуацию возможно, обратившись к истории России, где практически до конца XIX в. большая часть населения не обладала достаточными правами ни для экономической, ни для политической свободы. До сих пор сохранилась традиция, берущая начало из феодально-крепостных отношений, суть которой удивительно точно сформулирована в поговорке «Солдат спит — служба идет». Плохо оно или хорошо, но это то историческое наследие, которое досталось нам из глубины веков и с которым нельзя не считаться. Его нельзя не учитывать как тормозящий момент в становлении действительно правовых отношений в России.

Да и формальное равенство правовых условий далеко не всегда гарантирует действительное равенство возможностей, особенно в тех обществах, где право недостаточно защищено государством и есть возможность для развития теневой, неподконтрольной государству экономики. Но необходимо еще раз отметить, что это характерно для тех обществ, которые недостаточно соответствуют критериям правового общества. Правовое государство и гражданское общество не сводятся лишь к декларативным заявлениям о правовом статусе гражданина, равенстве и свободе индивидов в рамках права. Пока не будет реального функционирования описанных выше механизмов, общественное устройство не может называться правовым.

В отечественной литературе можно найти взгляд на этнические проблемы как фактор, препятствующий формированию гражданского общества (см., напр.: [4, 81—95]). И действительно, этническая проблематика нередко становится фоном для острых социальных конфликтов. Однако, на наш взгляд, более оправдан подход, рассматривающий многонациональный и поликультурный характер российского общества как неизбежную данность, которую невозможно никоим образом кардинально изменить, но требующую предельного внимания со стороны государства. Не случайно межэтнические конфликты, нередко приобретающие религиозно-конфессиональный оттенок, зачастую были причинами разрушения общественных систем. А гражданское общество как раз и должно стать площадкой урегулирования подчас непростых межэтнических проблем и неурядиц. В этом ключе особенно актуальным становится жесткий контроль государства за соблюдением законности, направленный на исключение какой бы то ни было дискриминации, или, наоборот, попустительства по национальному признаку. Поэтому важнейшей общенациональной задачей можно считать обеспечение приоритета гражданского самосознания над этноконфессиональным. При этом важно, чтобы сотрудники госаппарата всех уровней отдавали себе отчет в том, что этнокультурные разногласия и конфликты ни при каких обстоятельствах не могут служить

предлогом для открытого нарушения законов и неповиновения законным требованиям власти. Особенно внимания требуют ситуации, когда этнические различия используются как мотив для экстремистских действий или для оправдания откровенно криминального образа действий различных группировок на территории России.

Безусловно, речь не идет об изживании или нивелировке этнического самосознания, которое должно сохраняться в исторической памяти и культурных традициях народа. Важно только, чтобы при этом оно не приобретало исключительного значения в мотивации социального поведения представителей различных этносов, входя в противоречие с основами общегражданского сознания. То же самое относится к религиозному сознанию. Признание религиозными конфессиями принципов правового государства и равенства людей перед законом — существенный момент в преодолении религиозной нетерпимости, которая в современном мире все чаще становится причиной кровопролитных столкновений.

Таким образом, для успешного развития российского гражданского общества в первую очередь необходима долгосрочная экономическая и политическая стабильность. Для того чтобы в культуре возобладали идеалы гражданственности и выработался высокий уровень правового сознания, требуется время, наполненное практическими свидетельствами тех преимуществ, которые эти идеалы обеспечивают в повседневной жизни людей. Есть все основания полагать, что, только добившись значительной практической действенности законодательства, а также, воплотив в жизнь эффективные механизмы социальной защиты граждан, можно рассчитывать на столь необходимый нам рост уровня правовой культуры и, в конечном счете, эффективную работу институтов гражданского общества.

Литература

1. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
2. Собрание законодательства РФ. М., 2003. № 7.
3. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / Под ред. В.Г. Хороса. М., 1998.
4. *Рывкина Р.* Между этнократией и гражданским обществом // Свободная мысль. М., 1997. № 4.

В.С. СИЗОВ

Что такое эффективное образование

Сегодня на самом высоком государственном уровне вдруг зазвучали грозные требования о необходимости срочной и фундаментальной реформации российской системы образования вообще, и высшего профессионального образования в частности. Снова говорить о необходимости реформы высшего образования — занятие весьма странное, если вспомнить, что последние пятнадцать лет мы только этим и занимаемся. Однако воз (или вуз?) и ныне там. В чем же дело? И принесет ли успех очередной, громко озвученный всеми средствами массовой информации «национальный проект», которому по тому жесткому характеру, с которым за него взялись федеральные органы управления образования, можно дать кодовое название «Дело вузов»? Очищение от недобросовестных руководителей и преподавателей высшей школы, необходимо, но не переусердствовали бы, не «срубили бы сук», на котором все мы находимся.

Выскажемся более определенно — сфера образования всегда, т. е. во все времена и везде, т. е. во всех странах мира, являлась и, по-видимому, еще долго будет являться наиболее проблемной. Перед ней стоят наиболее трудно разрешимые социальные задачи. Проблема заключается еще и в том, что руководители многих стран, в том числе и России, не рассматривают сферу образования как наиболее ответственное и сложнейшее для государства поле деятельности, имеющее стратегический приоритет над всеми другими сферами деятельности. Над всеми без исключения, включая оборону и безопасность, экономику и право, медицину и экологию и т. д.

Образование в российском государстве является стратегической сферой лишь декларативно, а не по факту. Нет смысла приводить здесь цифры статистики затрат на образование или сравнение его качества в России и за рубежом. Об это известно многим, во всяком случае, всем, кто об этом должен знать. На самом деле цифры бюджетных затрат на образование, которыми так любят оперировать те, кто может рассчитывать на получение доли от этих затрат, мало о чем свидетельствуют. Дело ведь не в том, сколько правительство той или иной страны тратит в год на образование — 10 или 100 млрд дол., имеет значение лишь то, приносят ли сделанные затраты ожидаемый эффект. Известно, что в России прекрасно развито искусство «правильно» отчитываться. И если те, кто потратил выделенные деньги, великолепно за них отчитались, наглядно с цифрами и диаграммами «доказав», что запланиро-

ванные результаты были получены, тем не менее остается вопрос — те ли результаты были запланированы, в них ли нуждается на самом деле государство и общество, а в конечном счете каждый из нас? Так ли уж эффективна «ожидаемая эффективность»? Главная же проблема в управлении образованием заключается в определении того, *что следует понимать под эффективным образованием*!

Проблематика эффективности образования на этом не заканчивается. Она столь же обширна, как широкое взаимодействие людей с миром и потому носит характер высокой философской абстракции, без приемлемого решения которой невозможна эффективная работа ни одной из сфер человеческой деятельности. А как иначе, если любая деятельность начинается с обучения?

В таком случае, каким же должно быть эффективное образование?

Для этого надо уловить глубинный смысл, можно даже сказать «дух» образования. В чем же он заключается?

Член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук А.В. Хуторский высказывает мнение, что существуют разные смыслы образования. Он пишет: «Мы придерживаемся точки зрения, что смыслов образования существует множество. Возможно, что их столько, сколько существует человеков» [1].

На наш взгляд — это заблуждение, поскольку могут быть лишь разные цели, которые преследуют отдельные люди или группы посредством образования, но множественность смыслов образования — это такой же нонсенс, как множественность смыслов потребляемой еды, выпиваемой воды, вдыхаемого воздуха и т. д. Можно лишь в разных смыслах говорить обо всех этих предметах, но для человека их потребляющего смысл еды, воды и воздуха в одном — в поддержании своего существования. Иначе говоря, у каждого предмета или явления имеется только один смысл.

В этой связи немецкий логик, математик и философ Г. Фреге писал, что: «правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, — определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке» [2].

Таким образом, если образование имеет какой-то смысл, то он, безусловно, один, всеобщий, хотя само образование может преследовать разные цели. Однако и всю множественность целей образования можно свести к двум базовым группам целей. Это образования «для себя» и «для других».

В первом случае целью образования является нематериальное обогащение личности, которое посредством полученной информации (в том числе знаний, умений, навыков, воспитания) повышает возможности ее выживания и устойчивости к физическим факторам внешней среды, а также социальной адаптивности и подвижности, устойчивости к внешним и внутренним психическим факторам.

Во втором случае целью образования является материальное и нематериальное обогащение других людей (отдельных личностей, групп или общества в целом) посредством целенаправленного образования личности, как правило, с заданными параметрами, которое впоследствии должно, по их мнению, увеличить их собственные возможности для выживания и социальной адаптации.

Для нахождения смысла образования можно воспользоваться методом редукции. Для этого исключим из понятия «образования» как явления все второстепенное, что не является основным, без чего наше сознание будет уверенным, что речь по-прежнему идет именно об образовании. Например, «удалив» из образования все культурологические аспекты и то, что связано с социальной практикой, с опытом личностных переживаний или чьими-то внешними устремлениями, но сохранив в нем понятие приобретения информации, мы продолжаем понимать, что речь идет об образовании. Если же из понятия образования удалить его информационный аспект, сразу исчезает и образование как особое явление. Получается, что без приобретения информации (разнообразной по видам и качеству) образования нет! Следовательно, приобретение информации составляет основу смысла образования. И уже не в пресловутом «широком смысле» или в обессмысливающем многосмыслии, а единственно возможном и истинном.

Наш вывод сделанный из опыта редукции смысла образования, близок к мнению известного российского ученого академика С.П. Капицы, высказанного им в своей «Общей теории роста человечества» [3]. Он утверждает, что успех человека как биологического вида определила способность людей активно обмениваться информацией. Люди, обмениваясь информацией между собой и передавая ее последующим поколениям, получили дополнительный способ накопления информации о том, как жить и выживать. Капица пишет: «… Анализ роста числа людей на Земле позволяет предположить, что он определяется обменом и распространением информации, а человечество представляет собой информационное сообщество».

Что касается образования, то оно не предполагает обязательного обмена информацией. Оно может происходить и без установления двусторонних или многосторонних контактов. В образовании гораздо

более важную роль играет способность к усвоению информации и к ее активному применению. Простой же обмен информацией между различными контактирующими субъектами может быть абсолютно несопоставим по своей ценности.

В повседневной жизни люди стараются контактировать с теми, общение с которыми представляет для них ту или иную ценность, потому что происходит взаимный обмен многогранной и разноплановой информацией, как правило, удовлетворяющей запросы обеих сторон. Такой информационный обмен может происходить в различных формах и проявлениях, даже через ссоры и конфликты. Однако если информационный обмен не удовлетворяет хотя бы одну из сторон, контакты постепенно сводятся до минимума или вообще исчезают. Назовем это феноменом «бывших одноклассников». Бывшие одноклассники, не общавшиеся десять лет (пять или двадцать пять лет — принципиальной разницы нет), если они не работают в близких сферах и не имеют одинаковых увлечений, через час общения обнаруживают, что им просто не о чем больше говорить!

Иное дело образование. Различие между информационным потенциалом профессора и начинающего студента, как правило, огромно, и контакт между ними не может быть основан на обмене информации, во всяком случае, равноценном. Однако работа профессора оплачивается, поэтому у него есть стимул передавать учащимся информацию, которой он владеет. Конечно, оплата информации является не единственным стимулом делиться ею, но весьма существенным.

Возникает закономерный вопрос о смысле приобретения информации. Ответ на него в той роли, которую информация играет для улучшения качества жизни отдельного человека и выживания человечества в целом.

Таким образом, смысл образования — приобретение и усвоение информации, способной дать дополнительные ресурсы выживания и повышения качества жизни. Следовательно, главная цель образования — увеличение жизненного потенциала и качества жизни как отдельного человека, так и человечества в целом.

Исходя из таких посылок, можно выдвинуть спекулятивную идею (в философском понимании этого термина) о том, что не труд, а именно образование сделало из обезьяны человека! Труд же является вторичным по сравнению с образованием фактором. Действительно, и лошади, и собаки, и ослики трудятся на благо людей, но в людей, почему-то не превращаются.

Однако полученные определения не способны дать однозначного понимания того, какими должны быть характер и направленность об-

разования. Это происходит вследствие его нацеленности на жизнь. А получить однозначный ответ о характере и направленности образования без ответа на вопрос о смысле жизни — невозможно! И если, как многие неправомерно считают, у каждого человека свой собственный смысл жизни, то тогда, конечно, и смысл образования у каждого человека должен быть свой. Но выше было показано, что многосмыслие того или иного явления — обессмысливают его, а осмысливает единственно возможное и, следовательно, верное объяснение. Многосмыслие же порождается от неполноты знания об окружающем мире вследствие ограниченности познавательных и интеллектуальных возможностей отдельных людей и человечества вообще. Пока мы не видим картину того или иного явления целиком — нам трудно судить о предназначении и сути ее отдельных частей. Именно поэтому были возможны глобальные, общечеловеческие заблуждения, например, такие как то, что Солнце вращается вокруг Земли или что каждое утро на небе рождается новое светило, умирающее вместе с вечерней зарею. И многие другие, от которых мы до сих пор не избавились, просто потому, что даже не ведаем, в чем заблуждаемся, принимая многие процессы и явления жизни — apriori, как должное. Это даже не вера в них, потому что вера подразумевает и сомнение и потому они не открываются перед нами до тех пор, пока не возникает сомнение в их истинности. Так, ребенку до определенного возраста не свойственно задумываться о том, что такое жизнь, о том, что было до того, когда его не было, и где он тогда был, как и почему появился на свет. Жизнь представляется само собой разумеющейся, а явление смерти дети не связывают с собой. Смерть — это нечто их не касающееся, невозможное лично для них. Некоторые люди, не развиваясь должным образом, так до самой смерти и остаются с подобными убеждениями.

Священник Вадим Коржевский с горечью констатирует: «В современном образовании вообще отсутствует сама постановка вопроса о цели и смысле жизни. Все внимание обращено на лучшее обустройство своего номера в земной гостинице до тех пор, пока из него не выселят» [4].

Но возможно ли однозначное заключение — хорошо или плохо, что некоторые не задумываются о смысле жизни, а другие не принимают его решения, предлагаемого религией, до тех пор, пока мы не познали не только, что такое жизнь, но чем является смерть, и верно ли, что нас ждет что-либо и после нее?

Каков же тогда единственно правильный характер и единственно верная цель образования? От этого зависит то, чему, кого и как учить!

А также то, чему, где и как обучаться! И именно в ответах на эти вопросы лежит базовая основа эффективного образования.

Так, можно ли сегодня однозначно утверждать о том, что такое «эффективность образования» и связанное с ним понятие «качества образования»? Увы, — нет. Понятия эти еще очень далеки от раскрытия, и вряд ли в обозримом будущем будет получено их однозначное, т. е. правильное, толкование. Каждый человек должен сам решить для себя вопрос о том, какое образование ему необходимо для своей самореализации. Государство же решает за тех, кто не смог или не способен принять на себя ответственность за его решение.

Нынешнее пристальное внимание государства к сфере образования вполне понятно. Система образования — это стратегическая сфера интересов государства. От образования, его характера, глубины и направленности зависят устойчивость власти и независимость государства. Иными словами, их выживание, процветание, само существование!

Следует отметить, что интересы государства, общества и отдельной личности в сфере образования различны, хотя и могут совпадать в способах их реализации. Мало того, только совпадение способов реализации отличных по своей сущности интересов государства, общества и личности, ведет к всеобщей гармонии и прогрессу. Однако более подробное рассмотрение этой роли образования как частного аспекта эффективного взаимодействия между властью, обществом и личностью выходит за рамки заявленной нами темы.

Литература

1. *Хуторский А.В.* Наличие разных смыслов образования — условие его человекосообразности. Тезисы доклада на VII Международных Лихачевских научных чтениях. 24—25 мая 2007 г. г. Санкт-Петербург // http://www.khutorskoy.ru/be/2007/0525/khutorskoy.htm.
2. *Фреге Г.* Смысл и значение // http://www.philosophy.ru/library/frege/02.html.
3. *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М., 1999.
4. *Коржевский В.* Смысл образования (в контексте истории образования в России) // http://www.rusk.ru/st.php?idar=18261.

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В.И. КОРНЯКОВ

Диалектика общественного воспроизводства: неисследованные зависимости. *Триптих. Статья первая*

Снятие упрощения абстрактной теории реализации. Воспроизводственный подход — наиболее общий-абстрактный из всех подходов, которые только знает экономическая теория и вся экономическая наука. Первоисследователь проблемы К. Маркс специально оговорил особо высокий уровень абстракций теории общественного производства. Этот уровень гораздо выше, чем в макроэкономике. Возможно, это — одна из причин, почему экономисты, профессионально имеющие дело с фактическими хозяйственными процессами, ныне нечасто вспоминают о законах общественного воспроизводства. Однако жизнь давно доказала, что этот жареный петух при небрежении им очень больно клюется, обязательно заставляя уважительно с собой считаться.

В своих рассуждениях и построениях я не покидаю традиционного уровня воспроизводственной абстракции и лишь снимаю одно из упрощений, введенных Марксом (для облегчения понимания проблемы реализации). Маркс, прекрасно зная всю важность различения средств и предметов труда, тем не менее допустил-предположил, что срок функционирования (износа) и предметов труда, и средств труда — один и тот же, а именно — один год. Я снял это упрощение. Понятно, это не отменяет открытых классиком закономерностей, но, *во-первых*, вводит новые параметры. Теперь это не средства производства в целом, а средства труда и предметы труда. Авансированный постоянный капитал предстает как $C_{осн.} + C_{об.}$ (стоимость основного и оборотного капитала), в стоимость производимой продукции входят амортизационные отчисления. Появляются третье подразделение — производство предметов труда — и парки основного капитала при каждом подразделении. Все это неявно подразумевалось и в классическом анализе, но находилось как бы за шторой вышеупомянутого упрощения. *Во-вторых*, расшторивание, снятие Марксова упрощения, введение в анализ указанных параметров позволяют увидеть зависимости общественного воспроизводства, весьма значимо дополняющие те, которые были установлены классиком. Среди них — зависимости, управляющие как экстенсивным (на основе создания новых рабочих мест), так и

интенсивным (через повышение общественной производительности труда) экономическим ростом.

Неисследованная зависимость, ограничивающая создание новых рабочих мест. Практика развитых стран уже столкнулась с растущими сложностями трудоустройства новых работников. И в теории воспроизводства (после снятия вышеуказанного упрощения) обнаруживается пока что неисследованный экономистами объективный воспроизводственный механизм, либо ограничивающий, либо даже запрещающий увеличение численности занятых.

Суть дела весьма проста. Производство фондосоздающими отраслями нового рабочего места требует не просто наличия и приведения в движение резерва мощности. Нужно особое техническое строение фондосоздающих производств. Объем их продукции П должен превышать К — основной капитал данных отраслей, т. е. должно соблюдаться П/К>*1* . Иначе ее, этой продукции, недостанет для обеспечения ею средств занятости добавочных рабочих. И отсюда общий, предельный воспроизводственный диапазон вовлечения в производства не работающих на основе данного производственного цикла: П — К.

Анализ показал, что в нашей стране со второй половины XX в. наиболее благоприятные условия для экстенсивного роста были в 1950—1960-х гг. В эти годы предельный диапазон был положителен. Но уже и тогда использование экстенсивного фактора перенапрягало и разбалансировало экономику. Дело в том, что отношение П/К — только лишь исходное, первоначальное. Учтено одно только оснащение рабочего места техникой. А его надо оснастить еще и предметами труда, и предметами потребления. Значит, из того же ресурса средств труда, который образован указанным воспроизводствнным диапазоном, надо набрать оборудование не только для самого нового работника. Нужно оснащать и другие новые рабочие места для полного обеспечения вовлекаемого работника всем необходимым для его труда — товарами производственного и потребительского назначения. Я уже публиковал и формулы, обобщающие эти объективные зависимости, и расчеты по этим формулам [1, 138—146]. Соблюдение этих формул для современных развитых экономик неподъемно. Отсюда — почти отказ от экстенсивного фактора, «статический» тип расширенного воспроизводства в этих странах основного капитала — за счет амортизационных фондов, что не требует создания новых рабочих мест. Отсюда же неадекватность для современных условий таких считающихся основополагающими (и классическими) моделей, как знаменитое равенство *S*=*I*, производственная функции, модель Р. Солоу, «золотое правило» Е. Фелпса, модель Р. Харрода [1, 161—168]. Поскольку это

обстоятельство значимо ограничивает научный арсенал главенствующих направлений экономической теории Запада и получает поэтому методологическое значение, мне, по-видимому, придется еще раз объяснить свой вывод (в дальнейшем). Наконец, отсюда же феноменальный мгновенный останов, что называется, на полном скаку экстенсивно-интенсивного, основанного на высокой норме накопления, экономического роста японского гиганта.

Сложившимися экономическими условиями развитым экономикам в качестве решающего оставлен интенсивный тип экономического роста, без вовлечения новых работников.

Две неисследованных закономерности расширенного общественного воспроизводства интенсивного типа. В «чистом» виде такое воспроизводство обеспечивается без увеличения численности занятых, т. е. повышением общественной производительности труда. Первая из двух неисследованных закономерностей предполагает примерно равный темп роста общественной производительности труда по всем основным разделам хозяйства. Это — упрощение, облегчающее объяснение, но его снятие не изменило бы сути происходящего. А она состоит в цепном процессе, включающем в себя а) превращение части средств труда в излишние для текущего производства; б) превращение в излишние сопряженные производства предметов труда и предметов потребления; в) выведение тех и других из текущего производства; г) уменьшение массы факторов текущего производства (средств производства, работников) при увеличении объема выпускаемой продукции. И объяснение опять столь же простое.

Капиталосоздающие отрасли производят не что иное, как оснащение рабочих мест, рабочие места. Производительность труда повышается, и тем самым рабочих мест создается больше, но это было бы переходом к использованию экстенсивного фактора, запрещенного, как показано выше, сложившимися обстоятельствами. Не пресекая роста производительности труда, приходится выводить из текущего производства становящиеся «излишними» капиталосоздающие рабочие места — работников с их средствами труда. Причем показатель такого выведения, по-видимому, будет несколько отставать от показателя роста производительности, ибо действие рассматриваемой закономерности будет понижать удельный вес капиталосоздающих отраслей во всем общественном производстве. Из вышесказанного понятно, что рассмотренная закономерность — отнюдь не пересказ известной обратно пропорциональной зависимости между ростом производительности труда и уменьшением стоимости единицы товара, она действует

не в границах отдельного предприятия, а через изменения воспроизводственных совокупностей.

Вторая закономерность — главная. Она вбирает в себя первую как главную составляющую одной из своих сторон (сил). Рост общественной производительности труда — инициирующая сила первой закономерности — всегда опирается на инвестиции реновации, на капиталовложения обновления-замены производственного аппарата. Даже когда рост производительности (не интенсивности!) труда происходит без непосредственно предшествующего обновления производственной мощности — все равно это реализация технических возможностей совершенствования средств производства, заложенных в них при их выпуске и инвестировании. Следовательно, «вести», «считать» повышение производительности труда необходимо от инвестиций. А инвестиции есть введение в текущее производство дополнительных масс общественного труда и в этом смысле — его удорожание.

Но далее это моментное удорожание текущего производства (в смысле его «утяжеления» новыми капиталовложениями и переноса на выпускаемую продукцию более высоких амортизационных отчислений) обязательно сменяется диаметрально противоположным процессом — его последовательным удешевлением, ибо повышается производительность труда. Сначала, в итоге выхода на производственную мощность, это более концентрированное, «взрывное» удешевление, спрогнозированное в технико-экономических обоснованиях капиталовложений. Затем — россыпи последующих внешне самостоятельных технических усовершенствований с повышениями производительности труда и новыми удешевлениями; по оценкам А.И. Каца, они доставляли в 1970-х гг. до половины и более общего-итогового удешевляющего эффекта.

Таким образом, вторая закономерность общественного воспроизводства интенсивного типа состоит в обязательности взаимоналожения увеличений и уменьшений затрат текущего производства, с неизбежностью вызываемых интенсификацией, заменой оборудования, ростом производительности труда. Иначе: поскольку интенсификация движима реновацией средств производства и ростом на этой основе производительности труда — в экономике неизбежна борьба удорожающей и удешевляющей направляющих текущего производства. В научной литературе многократно рассматривались разные моменты данной закономерности, но в своей целостности, с учетом включенности и содержания первой закономерности, предметом научного анализа она еще не была.

Закономерность борьбы удорожания-удешевления текущего производства предопределена, но тот или иной конкретный исход этой борьбы железно раз и навсегда не предопределен. Ее ход образует тот или иной цикл интенсификации общественного производства интенсивного типа, складывается в последовательность, в цепочку этих циклов.

Три варианта цикла интенсификации общественного воспроизводств интенсивного типа. Любое обновление производственного аппарата со временем устаревает и должно воспоследоваться новым, очередным. Таков естественный цикл интенсивного типа общественного воспроизводства — от обновления основного капитала через борьбу удорожаний-удешевлений до начала нового обновления функционирующих средств труда. Но в зависимости от исхода этой борьбы теоретически могут иметь место три варианта цикла.

Первый: «ничья», из текущего производства высвобождается примерно та же сумма затрат, которая инъектирована в него исходными капиталовложениями. Ввиду повышения производительности труда единица продукции дешевле.

Второй: «поражение», рост производительности труда оказался недостаточным для высвобождения добавленных затрат, текущее производство подорожало. Возможен вариант, когда единица продукции тоже стала дороже, т. е. генерирована воспроизводственная инфляция, которой нет среди исследуемых наукой. Очевидно огромное значение знания социумом того критического темпа роста производительности труда, который необходим для хотя бы «ничьей», гарантирующей не только повышение благосостояния, но и отсутствие воспроизводственной инфляции. Однако ни теория, ни, естественно, практика никогда не устанавливали, не диагностировали, не «видели» такого параметра, не задавались задачей исследования и решения этой проблемы. Ни в одной стране критические темпы роста производительности общественного труда не известны, не определены.

Наконец, третий вариант: победа уменьшений затрат над увеличениями вследствие превышения критических темпов роста производительности, общее выведение части затрат и соответствующих ресурсов из текущего производства. Это — саморазвивающийся восходящий вариант. Ведь высвобождаемые ресурсы — новые-передовые, они идут не на свалки, а пополняют мощности, отвлеченные от текущего производства для создания техники-технологий нового поколения. Их будет становиться все больше. Логика требует не смешивать их с текущим производством, выделить в особое подразделение (фонд) развития. Абстрактная модель этого подлинно интенсивного воспроиз-

водства: удорожающие капиталовложения и установление техники-технологий нового поколения — текущее производство с закритическими темпами роста производительности и удешевлением выпускаемой продукции, нарастающим высвобождением ресурсов (первая закономерность) — параллельное создание подразделением развития техники-технологий очередного поколения — итог цикла как превышение удешевлениями удорожаний, новое соотношение текущего производства и подразделения развития, новый уровень благосостояния и свободного всестороннего развития членов общества, старт очередного цикла интенсификации.

Основное историческое социальное противоречие воспроизводства интенсивного типа. Ныне все более налицо историческая социальная необходимость использования экстенсивного фактора роста в виде создания новых рабочих мест. Создание новых рабочих мест — головная боль ряда правительств развитых стран. Но главное не в этом. Согласно данным МОТ, темпы создания рабочих мест в мире драматически отстают от темпов роста всемирной безработицы, которая в обозримом будущем грозит захватить полмиллиарда людей. Все они, так или иначе, видели «картинки» быта развитых странах, одержимы стремлением обрести этот уровень и образ жизни. С ними заодно — миллиарды их почти столь же обездоленных соотечественников с нищенской оплатой. Такого напора никаким заборам, спешно возводимым ныне вокруг ЕС, не выдержать. Опускаю ту очевидность, что Европе придется делиться с «третьим миром», в том числе уступать ему свои рабочие места. Но это не выход. Потребуется создавать по всему миру миллиарды новых рабочих мест, что даже при их экологической безопасности, как было показано выше, запрещается закономерностями общественного воспроизводства.

Однако с теоретической точки зрения проблема решаема. Рассмотренный выше диапазон П—К может постепенно увеличиваться, причем как за счет возрастания уменьшаемого, так и посредством снижения вычитаемого. Причем посредством тех же самых мероприятий, при помощи которых, как я не раз доказывал в ЦОН, наиболее эффективно преодолеваемы острейшие проблемы российской экономики.

В центре этих мероприятий — обеспечение полного, естественного действия закона повышения производительности труда. Сначала — об общественно-производственном уровне. На уровне общественной производительности труда улучшается соотношение П/К, и это улучшение усиливается благодаря первой закономерности интенсивного роста, вследствие которой из текущего производства высвобождается часть мощности, создающей основной капитал, а также сопряженные

мощности (при увеличении массы продукции П). И чем выше общественная производительность труда, тем выраженней весь этот процесс. Это — эффект соотносительного движения воспроизводственных совокупностей. Но этого недостаточно. Главное должно задаваться процессами, развертывающимися на уровне предприятий и рабочих мест.

Речь идет о том, чтобы снижение затрат (от роста индивидуальной производительности труда) вместо обычного превращения в сверхприбыль фирмы неущемленно «пропускалось» к партнерам-покупателям, затем к их партнерам и так по всему общественному технологическому производственному процессу. Моделирование показывает, что разовое и индивидуальное удешевление многократно «прокручивается» вновь и вновь. Получается многократное умножение экономии, полученной на пионерском предприятии, за счет, прежде всего, выведения из текущего производства общественного постоянного капитала. Добавляется и выведение ресурсов поставщиков. Все это — процессы высвобождения из текущего производства стоимости постоянного капитала, в конечном же итоге также и замены дорогого основного капитала — более дешевым, расширения диапазона (П — К) за счет уменьшения знаменателя. А при передаче формирующейся динамической ренты тем, кто ее создает, раскроются невиданные в истории стимулы неограниченного повышения производительности труда всей массой работников, т. е. усиления этих процессов.

Такое расширение диапазона П — К со временем смягчит, а в перспективе — устранит ту несовместимость сбалансированности воспроизводства и создания новых рабочих мест, которая сложилась в развитых странах со второй половины XX в. И национальные экономики, руководство которых под напором императивных требований эпохи решится на переход от экономики прибыли к потоковой экономике динамической ренты, станут не только первопроходцами к ноосферному идеалу В.И. Вернадского, но и пионерами в отведении от человечества угрозы безбрежной захлестывающей безработицы[1].

Литература

1. *Корняков В.И.* Воспроизводство как поток единой субстанции: зависимости, модель, объемные структуры. М.; Ярославль. 2000.

[1] Продолжение следует.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Глобализация и проблемы формирования национальной модели развития высоких технологий и инноваций

Формирование национальной инновационной системы и развитие сектора высоких технологий объявлены приоритетными задачами социально-экономического развития Белоруссии на нынешнее и последующие пятилетия. Тем не менее ряд существенных вопросов пока остается вне поля зрения ученых и политиков. Это проблемы взаимодействия глобального и национального в инновационном развитии, совершенствования права интеллектуальной собственности, создания благоприятной среды для инноваций методами институциональной и налоговой политики.

Соотношение глобального и национального в развитии сектора высоких технологий

Отправным методологическим положением является то, что природа, характер и само протекание инновационного развития в современном мире носят универсальный характер и органично связаны с формированием глобальных финансовых потоков. Фундаментальные, или базовые, технологические инновации происходят прежде всего там, где сконцентрированы огромные денежные средства, т. е. на уровне транснациональных корпораций, международных финансовых центров, имеющих свои штаб-квартиры в странах так называемого «золотого миллиарда». Здесь создается ядро всемирного инновационного процесса и глобальной технологической системы. Исходя из этого, представляется концептуально оправданным ввести в научный оборот новую категорию, которая наиболее адекватно определяет современную стадию развития мировой экономики как сформировавшуюся *глобальную финансово-технолого-инновационно-информационную систему* (ГФТИИС). Она сложилась на основе полного контроля денежных и финансовых потоков (глобальный монетаризм и финансизм). Ее основные характеристики:

- глобальные программы научных исследований и инноваций с целью концентрации их в передовых странах в качестве общемировых образцов;
- особый род финансово-информационных сетей, посредством которых реализуется монополия финансово-технологических центров, а также распространяются базисные технологии внутри технологических метрополий (США, ЕС, Восточно-Азиатский регион) и передают-

ся вторичные, производные технологические инновации в страны «третьего мира» путем продажи им лицензий и других объектов интеллектуальной собственности; технологический трансфер и т. п.;

- трансформация знаний в финансовые, технологические, управленческие инновации и формирование на этой основе постоянно воспроизводящегося инновационного процесса в мировом масштабе.

Такое понимание глобальной инновационной системы является чрезвычайно продуктивным и позволяет понять специфику становления национальных инновационных систем в регионах, относящихся как к глобальной финансово-технологической метрополии, так и к ее периферии, представить инновационное развитие как процесс в системе общемировых координат.

Характерной особенностью ГФТИИС является система взимания глобальной ренты на всех уровнях. Схематично структуру ГФТИИС можно представить в виде совокупности связанных между собой следующих уровней.

1. Глобальная сеть производства товаров и услуг, в которой большую часть занимает ориентированный на мировые рынки (экспортно-ориентированный) сектор высокотехнологичных товаров и услуг как материально-технический базис системы. Ее субъекты — транснациональные корпорации (ТНК), штаб-квартиры которых расположены в основных мировых технологических ареалах (США, Евросоюз, Юго-Восточная Азия).

2. Глобальная долговая система. Охватывает следующие подуровни.

2.1. Кредитно-денежная система под патронатом эмиссионных центров в мировых технологических ареалах — США, Великобритании, Евросоюза, Юго-Восточной Азии (прежде всего Японии и Китая), а также связанных с ними (прежде всего с Федеральной резервной системой США) международных финансовых организаций, таких как МВФ, группы Всемирного банка реконструкции и развития (МБРР) и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Эмиссионные центры, формально имеющие профиль центральных банков указанных государств, на деле выполняют не только национально-государственные, но прежде всего транснациональные функции. Результатом их функционирования являются мировой сеньораж и мировые задолженности по кредитам.

2.2. Глобальная валютная система, или мировой валютный союз (начало которому было положено Ямайской системой, 1976), предполагает дифференциацию валют. В частности, Ямайская система ввела следующую классификацию валют:

- мировые резервные деньги (свободно конвертируемая валюта), в которой осуществляется подавляющий объем платежей;
- валюта с ограниченной международной конвертируемостью, например, по текущим операциям, экспорту, импорту, транспортным услугам;
- валюта с внутренней конвертируемостью.

В глобальной валютной системе активно используется инструментарий *устойчивого отклонения курсов стран вне группы «золотого миллиарда» от паритета покупательной способности. Это — глобальный валютный арбитраж.* Он (наряду с мировым сеньоражем) является способом перераспределения мирового национального дохода в пользу стран—эмитентов мировых валют. В русле этой схемы работают рекомендации МВФ, которые предлагают развивающимся и переходным странам для поддержки их экспорта понижать их реальный обменный курс.

2.3. Глобальная система ценных бумаг (мировые биржи и мировой фондовый рынок) представлена основными мировыми финансовыми (биржевыми) центрами, или столицами капиталов (Нью-Йорк, Лондон, Токио, Гонконг, Сингапур, Франкфурт-на-Майне). Все они в свое время возникли как страновые финансовые центры, обслуживающие ТНК и быстро растущие экспортные секторы экономики собственных стран. В настоящее время мировые финансовые центры (столицы) все более и более приобретают интегрированный профиль, т. е. охватывают не только сегмент финансового рынка, но и сопряженные с ним сегменты высоких технологий и их трансферы (международные трансферты).

3. Глобальная информационно-коммуникационная система, обслуживающая транснациональные потоки товаров и услуг (глобальную товаропроизводящую сеть), а также глобальную долговую систему. Ренту этой подсистемы формируют ведущие глобальные собственники операционных систем и программного обеспечения.

4. Глобальная система инноваций и трансферта технологий (ГСИТТ), в основе которой лежит система глобальной интеллектуальной собственности. Ее регулирующими глобальными субъектами выступают Всемирная организация интеллектуальной собственности и патентные системы стран основных мировых технологических ареалов (США, ЕС, Японии). Рента этой подсистемы, которую можно обозначить как интеллектуальную ренту, выступает прежде всего в виде роялти.

Указанная система работает, как нам представляется, следующим образом.

Глобальная технологическая метрополия создает под себя и для себя глобальную финансово-информационно-технологическую сеть, которая является результатом и продуктом становления и функционирования главнейшей глобальной отрасли — информационно-коммуникационных технологий и служит продвижению по миру глобальных продуктов и услуг, навязыванию стандартов образования, потребления, образа жизни и т. п., а также в значительной мере обеспечивает выкачивание интеллектуальных ресурсов из национально-государственных образований — через международные образовательные программы, систему грантов, международных образовательных стандартов и т. п. Все эти действия можно охарактеризовать как глобальную технологическую интервенцию, которая сама по себе опасна, поскольку она ломает национально-государственные структуры и механизмы инноваций и подминает их под себя, вынуждает приспосабливаться к навязанной парадигме догоняющего развития как неизбежному результату реализации глобальной технологической монополии и глобальной монополии на инновации.

В глобальной технологической метрополии преобладают инновации, сосредоточенные в биотехнологиях и генной инженерии, микромире, кибер-, нанотехнологии (технологии агрессивного переустроительного толка, которыми занимаются небольшое число людей). Эти исследования засекречены, и последствия их по сути бесконтрольны.

Далее, глобальная технологическая метрополия создает интегрированные в указанную сеть институты развития и продвижения глобальных технологий. Такие институты первоначально создаются внутри глобальной технологической метрополии, затем на границе глобальных и национально-государственных взаимодействий (через многосторонние и двусторонние международные соглашения, модельные законы, рассчитанные на определенные регионы и т. п.), а впоследствии так или иначе прививаются, распространяются, внедряются в виде копий внутрь национальных государственных образований.

При этом есть строгая функциональная градация институтов глобальной технологической метрополии, отвечающих за ту или иную сферу. Поэтому глобальную технологическую метрополию вкупе с креативной инфраструктурой можно охарактеризовать как глобальную технологическую матрицу, назначение которой создавать копии институтов глобальной технологической метрополии на карте национально-государственных образований. По сути своей это не что иное, как институты двойного назначения.

Цель эксплицитная — закрепление глобальных технологических и инновационных институтов глобальной технологической метрополии и глобальных принципов и сценариев осуществления инноваций, нацеленных на поддержание и закрепление глобальной технологической монополии, на подавление инноваций и выкачивание ресурсного потенциала из национальных государств за пределами глобальной технологической метрополии.

Цель имлицитная — манипулирование политикой и политиками третьих стран, предложение якобы ответов на вызовы, стоящие перед национальными экономиками. Главный вызов для национально-государственных экономик заключается в том, чтобы либо приспособиться к условиям, диктуемым глобальной метрополией, создать соответствующие механизмы встраивания в глобальную систему, либо оказаться на обочине глобального развития, а, возможно, и вовсе утратить жизнеспособность. На деле подобные институты-копии, производные от институтов ядра глобальной технологической метрополии, создаваемые на периферии глобальной инновационной системы либо как передаточные звенья между центром и периферией, служат незаметному и весьма эффективному управлению инновационными процессами в национальных государствах, формированию нужной центру инновационной политики и стратегии национальных государств, дезориентации национальных государств и профанации предпринимаемых их правительствами мер в области налаживания самостоятельной политики инноваций.

Отсюда задача национально-государственного уровня — создавая у себя подобные институты встраивания в глобальную технологическую систему, по возможности позаботиться о том, чтобы перенастроить, перепрофилировать эти структуры на свой лад, с тем, чтобы защитить собственные национальные интересы и интересы национальной безопасности. Образно говоря — «перепрофилировать», «перенастроить» в свою пользу прообразы и матрицы этих институтов. Отсюда сложность и великое значение политической задачи обеспечения технологического суверенитета национальных государств. Наиболее интересный опыт в этом отношении показывают такие страны, как Финляндия, Австралия, Индия, Китай.

Нынешняя мировая практика показывает, что наиболее успешными страновыми «ходами», или институциональными решениями, по страновому встраиванию в глобальную систему были:

а) создание технологических и информационно-технологических кластеров (по этому пути пошли Финляндия, Ирландия, Австралия);

б) создание финансовых центров мирового класса (классические примеры — Сингапур, Тайвань, Гонконг);

в) синтетические решения, ориентированные на создание финансовых, информационно-коммуникационных и технологических центров (такой подход пробует реализовать Индия при создании финансово-информационного и технологического центра в Мумбаи, по этому пути пытается пойти Казахстан и в определенной степени Россия).

В плане содержания инноваций следует подчеркнуть, что есть инновации глобализаторского, агрессивного, «переустроительного» толка (так называемый американский тип инноваций) и более социальные, экологичные, национально-ориентированные (так называемых европейский и азиатский типы, которые ориентированы на сохранение национально-государственных ценностей. Впрочем, каждый из типов посвоему ориентирован, нацелен на глобальное доминирование. Но реально в мире преобладает пока «американский» тип. Характерно, что в азиатском ареале массовые инновации осуществляются не на основе собственных фундаментальных и прикладных научных разработок, а путем покупки лицензий США. Это означает, что США держат под контролем технологии Юго-Восточного ареала, и, как ни странно, прежде всего японские (табл. 1).

Инновации «американского» типа, осуществляемые сейчас мировыми технологическими центрами, включая биотехнологии, нацеленные на взлом генетического кода человека, кибертехнологии, ориентированные на развитие искусственного интеллекта, и их сочетание, обеспечивающее производство биороботов, прямо подталкивают человечество к созданию некой мировой элиты, жизнь представителей которой будет искусственно продлеваться, и аутсайдеров в виде человеческих существ с заданной программой и набором функций. При таком сценарии произойдет и существенное сокращение общей численности населения Земли. Эта футурологическая перспектива чревата гибелью целых наций, народов и в конечном итоге — уничтожением человечества.

Таблица 1

Участие США в мировой торговле лицензиями на использование прав интеллектуальной собственности (1990—2003), млн дол. США

	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2001	2002	2003
Поступления доходов от продажи лицензий									
Во все страны мира	2 333,00	2 525,00	3 026,00	3 566,00	3 499,00	4 705,00	4 174,00	4 021,00	4 775,00
В ЕС-15	500,00	498,00	598,00	937,00	1 071,00	1 314,00	1 297,00	1 257,00	1 452,00
В Юго-Восточную Азию	1 465,00	1 704,00	2 063,00	2 299,00	2 094,00	2 910,00	2 454,00	2 366,00	2 763,00
Китай			33,00	43,00	47,00	44,00	43,00	69,00	100,00
Гонконг	6,00	11,00	15,00	19,00	23,00	12,00	14,00	18,00	26,00
Индия	21,00	34,00	28,00	37,00	20,00	23,00	20,00	13,00	22,00
Индонезия	11,00	13,00	20,00	13,00	11,00	15,00	10,00	19,00	21,00
Япония	1 028,00	1 268,00	1 372,00	1 429,00	1 172,00	1 636,00	1 567,00	1 245,00	1 341,00
Ю.Корея	249,00	220,00	396,00	478,00	483,00	896,00	506,00	611,00	786,00
Тайвань	55,00	42,00	39,00	130,00	192,00	196,00	190,00	299,00	347,00
Платежи									

Во все страны мира	665,00	818,00	1 034,00	1 319,00	1 319,00	1 695,00	1 720,00	2 000,00	2 188,00
В ЕС-15	360,00	417,00	395,00	649,00	555,00	695,00	816,00	1 076,00	1 012,00
В Юго-Восточную Азию	160,00	152,00	283,00	401,00	480,00	515,00	468,00	478,00	529,00
Китай			7,00			6,00	2,00	6,00	3,00
Гонконг	-	—	3,00	2,00	—	2,00	1,00	—	—
Индия	—	—	—		—	D	2,00		1,00
Япония	141,00	145,00	262,00	308,00	374,00	460,00	411,00	455,00	524,00
Сальдо									
Во все страны мира	1 668	1 707	1 992	2 247	2 180	3 010	2 454	2 021	2 587
В ЕС-15	140	81	203	288	516	619	481	181	440
В Юго-Восточную Азию	1 305	1 552	1 780	1 898	1 614	2 395	1 986	1 888	2 234
Китай			26			38	41	63	97
Гонконг	6	11,00	12	17	23,00	10	13	18,00	26,00
Индия	21,00	34,00	28,00		20,00		18		21
Индонезия	11	13,00	20	13,00	11,00			19	21
Япония	887	1 123	1 110	1 121	798	1 176	1 156	790	817
Источник: данные U.S. Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, Survey of Current Business.									

Инновации, ориентированные на национально-государственные интересы и традиции, напротив, отдают приоритет тем областям, которые повышают жизнеспособность землян, обеспечивают всестороннее развитие творческих способностей, улучшают качество жизни максимально большего числа людей и увеличивают устойчивость среды обитания. К важнейшим направлениям подобного рода инноваций относятся создание новых и возобновляемых источников энергии, утилизация отходов, развитие уникальных производств на стыке искусства и промышленности, освоение национальных традиций и навыков на новом технологическом витке. Соединить традиции с новыми технологиями и укрепить здоровое начало в человечестве — задача творческого и новаторского подхода к самим инновациям.

Глобальная составляющая определяет границы, возможности, способы формирования национальных и региональных инновационных систем, которые зависят прежде всего от географического положения государства и его места в мировой иерархии. Это проясняет парадокс состояния нынешнего инновационного развития в России и других странах СНГ. Если технологическое отставание Советского Союза от Запада принято было связывать с отсутствием рынка, то сегодня на постсоветском пространстве существуют и венчурные фонды, и гранты, и целевые программы, и даже департаменты инновационной политики. Однако технологический отрыв бывших союзных республик продолжает увеличиваться по сравнению с экономическими лидерами. Видимо, государства СНГ выполняют в организации мировых высоких технологий и финансов роль ресурсного донора и реализуют стратегию пассивного приспособления к условиям глобализации. Наука и исследования также финансируются в этих странах, несмотря на провозглашенные инновационные приоритеты, по остаточному принципу, инерционно используя накопленный в прежние десятилетия научный потенциал.

Показательны следующие данные о распределении кадрового и финансового потенциала науки. В США в настоящее время работают 22,8% от общего числа ученых, в Китае — 14,7, Японии — 11,7%. Россия занимает четвертое место — 8,9%. По степени финансирования науки она явно проигрывает, тратя в год на одного ученого 30 тыс. дол., в то время как США — 230 тыс., Япония — 164,5 тыс., Китай — 88,8 тыс. [1]. Однако эффективность затрат на науку в Российской Федерации несоразмерна с отставанием в финансировании. Здесь разрыв намного глубже. Так, доля США в мировом наукоемком экспорте гражданской продукции сегодня превысила 36%, Японии — 30, Германии — 16, Китая — 6%, России же составляет менее 0,5%. Белоруссия отстает от последней вдвое, выделяя в год на одного ученого около 15 тыс. дол. Большинство белорусских предприятий по-прежнему демон-

стрируют свою невосприимчивость к новейшим достижениям научно-технического прогресса. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, в 2003—2006 гг. удельный вес инновационно активных в общем количестве обследованных организаций находился в диапазоне от 13 до 16,3%, что примерно в 4,5 раза меньше, чем в Европейском союзе [2, 255]. По странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доля таких предприятий колеблется в диапазоне от 25 до 80%. В Белоруссии в 2005 г. отношение всей произведенной продукции, подвергшейся каким-либо усовершенствованиям, к экспорту товаров составило менее 12% (в том числе подвергшаяся значительным технологическим изменениям или вновь внедренная — 4,5%), что в 4—5 раз меньше, чем в ЕС [2; 3].

Если посмотреть в целом на глобальную финансово-технологоинновационно-информационную систему (ГФТИИС), или глобальную матрицу высоких технологий, то в ней можно выделить следующие основные ареалы: США, Европейский союз и Юго-Восточная Азия (охватывает такие азиатские страны, как Китай, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Ю. Корея, Тайвань, Таиланд). Основными показателями (критериями), определяющими положение того или иного ареала являются доля ареала, в стоимости высокотехнологического сектора промышленности и услуг. Поясним. Согласно методическим рекомендациям «Организации экономического сотрудничества и развития», к высокотехнологическому сектору промышленности относятся пять отраслей: авиа- и ракетостроение, фармацевтика (производство медпрепаратов), офисная техника и компьютеры, электротехническое оборудование (радио, ТВ, средства связи), научное приборостроение (медицинское, точное и оптическое). К высокотехнологическому сектору услуг относятся пять отраслей: коммуникации, финансы и страхование, услуги по консультированию бизнеса, образование и здравоохранение[2].

По критерию доли стоимости высокотехнологического сектора услуг картина размежевания ареалов в глобальной товаропроизводящей сети выглядит следующим образом.

Доли ареалов в доходах мирового высокотехнологического сектора услуг сохраняли стабильность. Так, доля США выросла с 35,4% в 1990 г. до 36% в 2003 г. Доля Евросоюза несколько снизилась и составила 31,6% в 2003 г. против 32,8% в 1990 г. Доля Юго-Восточной Азии выросла с 15,5% в 1990 г. до 17,7% в 2003 г. (табл. 2; рис. 1, 2).

[2] В Белоруссии подобная статистика, идентифицирующая сектор высоких технологий, отсутствует.

Таблица 2

Ареал/страна	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2001	2002	2003
	млн.долларов США в ценах 1997 г.								
Все страны мира	8 477 935	8 958 165	9 500 546	10 463 948	11 509 241	13 006 297	13 478 975	13 733 723	14 118 836
Три мировых ареала	7 097 698	7 505 237	7 970 589	8 820 614	9 726 172	11 086 753	11 508 381	11 712 694	12 045 899
США	3 004 535	3 049 795	3 249 403	3 583 612	4 050 020	4 692 626	4 813 893	4 907 762	5 087 137
ЕС—15	2 783 084	2 998 765	3 124 478	3 376 493	3 656 600	4 117 062	4 288 194	4 380 060	4 454 916
Юго-Восточная Азия	1 310 079	1 456 677	1 596 708	1 860 509	2 019 552	2 277 065	2 406 294	2 424 872	2 503 846
Китай	128 595	149 931	181 895	214 968	241 192	301 155	320 691	325 379	342 268
Индия	46 061	52 619	64 692	77 822	97 172	113 719	122 051	130 772	139 229
Индонезия	25 671	30 051	34 512	44 038	37 875	40 309	42 795	48 303	53 155
Япония	933 154	1 012 751	1 055 349	1 199 855	1 294 623	1 444 622	1 521 145	1 482 073	1 516 605
Малайзия	13 492	16 454	21 128	26 687	29 400	32 062	35 353	38 666	39 976

Филиппины	10 326	10 195	11 096	13 361	16 348	17 264	18 249	19 981	21 649
Сингапур	25 792	30 642	39 387	46 017	51 396	57 631	59 867	60 360	60 654
Южная Корея	68 866	85 955	102 402	136 082	140 581	148 784	159 382	184 079	190 254
Тайвань	36 837	42 058	51 705	61 402	77 886	90 265	95 125	101 989	105 356
Таиланд	21 287	26 022	34 541	40 278	33 082	31 256	31 636	33 271	34 701

	Доля в мире в целом,%								
Все страны мира	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Три мировых ареала	83,7	83,8	83,9	84,3	84,5	85,3	85,4	85,3	85,3
США	35,4	34,0	34,2	34,2	35,2	36,1	35,7	35,7	36,0
ЕС—15	32,8	33,5	32,9	32,3	31,8	31,7	31,8	31,9	31,6
Юго-Восточная Азия	15,5	16,3	16,8	17,8	17,5	17,5	17,9	17,7	17,7

Китай	1,5	1,7	1,9	2,1	2,1	2,3	2,4	2,4	2,4
Индия	0,5	0,6	0,7	0,7	0,8	0,9	0,9	1,0	1,0
Индонезия	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4
Япония	11,0	11,3	11,1	11,5	11,2	11,1	11,3	10,8	10,7
Малайзия	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
Филиппины	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2
Сингапур	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Южная Корея	0,8	1,0	1,1	1,3	1,2	1,1	1,2	1,3	1,3
Тайвань	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
Таиланд	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2

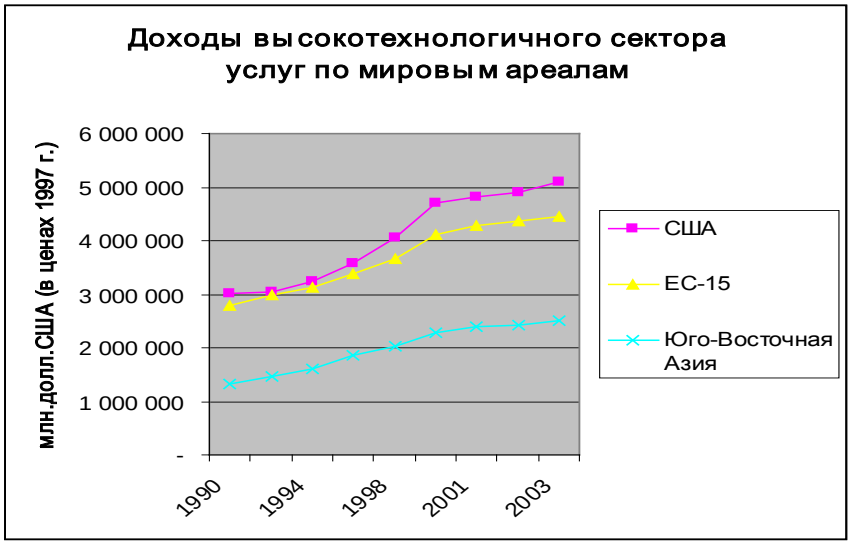


Рис. 1. Доходы высокотехнологического сектора услуг по миру и основным ареалам (1990—2003)

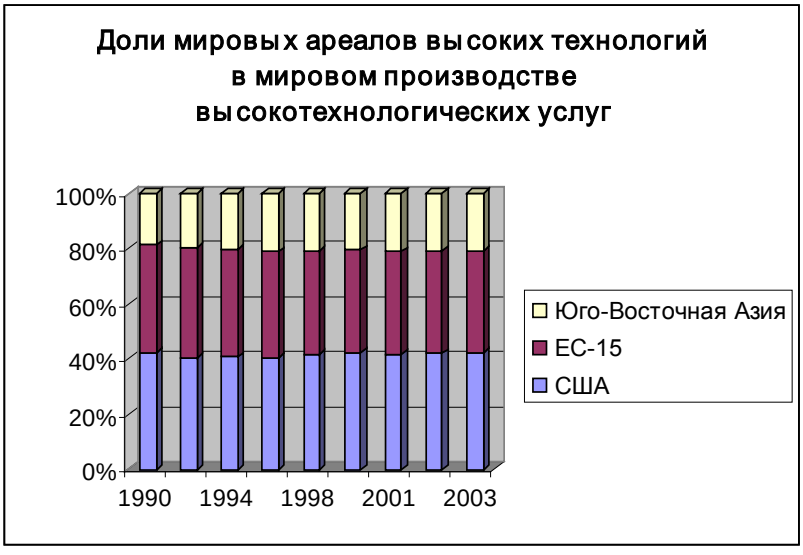


Рис. 2

По критерию доли в добавленной стоимости высокотехнологического сектора промышленности картина размежевания ареалов выглядит следующим образом (табл. 3, 4; рис. 3, 4).

Таблица 3

Добавленная стоимость в высокотехнологической обрабатывающей промышленности высоких технологий в разрезе мировых высокотехнологических ареалов (1990—2003), млн дол. США (в ценах 1997 г.)

	США	Юго-Восточная Азия	ЕС—15
1990	147 061	193 032	166 633
1991	157 633	207 787	167 015
1992	146 755	197 846	160 664
1993	148 110	200 714	157 893
1994	149 118	213 656	163 209
1995	161 432	224 448	168 918
1996	184 461	247 165	169 558
1997	224 941	267 777	180 269
1998	300 532	259 256	191 797
1999	349 607	298 392	202 698
2000	426 802	338 797	216 724
2001	433 178	299 965	219 762
2002	482 836	329 983	216 396
2003	511 316	378 080	222 000

Примечание. ЕС=Евросоюз, Юго-Восточная Азия=Китай, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Ю. Корея, Тайвань, Таиланд.

Таблица 4

Доля ареалов в распределении добавленной стоимости высокотехнологического сектора промышленности (1990—2003),%

	США	Юго-Восточная Азия	ЕС—15
1990	29,0	38,1	32,9
1991	29,6	39,0	31,4
1992	29,0	39,2	31,8
1993	29,2	39,6	31,2
1994	28,4	40,6	31,0
1995	29,1	40,5	30,4
1996	30,7	41,1	28,2
1997	33,4	39,8	26,8

1998	40,0	34,5	25,5
1999	41,1	35,1	23,8
2000	43,4	34,5	22,1
2001	45,5	31,5	23,1
2002	46,9	32,1	21,0
2003	46,0	34,0	20,0

Источник: [4, 2].

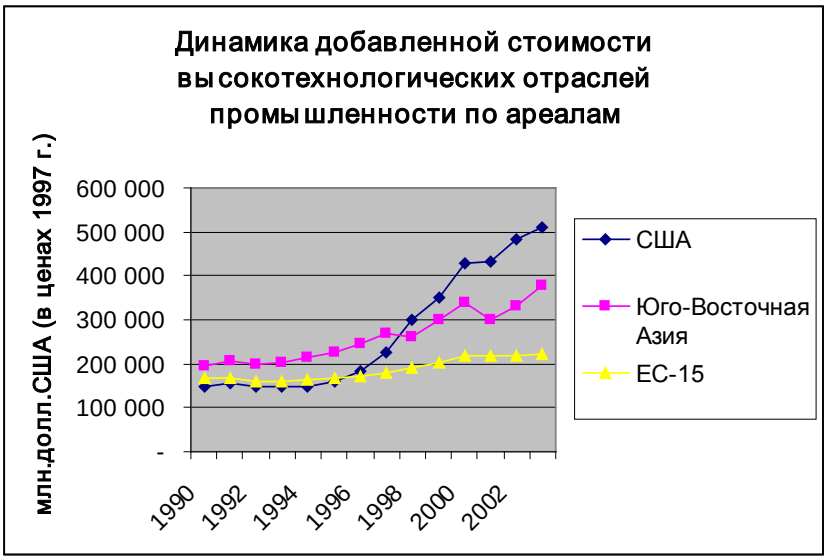


Рис. 3

Как видно из приведенных данных, начиная с 1998 г., США уверенно обходят ареалы Евросоюза и Юго-Восточной Азии по доле добавленной стоимости высокотехнологических отраслей услуг и промышленности. Если в 1990 г. на долю США, ЮВА и ЕС—15 приходилось соответственно 29, 38,1 и 32,9% произведенного ими совокупного продукта высокотехнологических отраслей промышленности (т. е. распределение долей было более или менее паритетным), то в 2003 г. доли соответственно составили 46, 34 и 20% (т. е. США стали производить почти столько высокотехнологичной продукции промышленности, сколько ареалы Юго-Восточной Азии и Евросоюза вместе взятые). Иначе говоря, ситуация изменилась качественно.

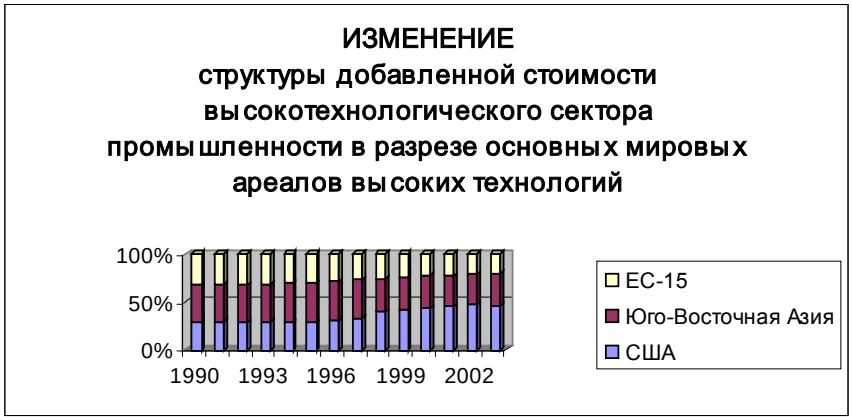


Рис. 4

Перелом произошел благодаря активной политике США по выманиванию научно-технического персонала (система грин-карт, международных образовательных и исследовательских грантов, более высокий уровень оплаты труда и мотивации научного персонала) из других ареалов и принятию ряда законодательных актов, стимулирующих развитие высокотехнологичного и инновационного бизнеса, включая широкое развитие венчурного предпринимательства, которое представляет собой весьма эффективную форму инвестиций. Так, в США в секторе научных исследований занято в 1,5 раза больше специалистов в расчете на 1000 работников, чем в ЕС. Разрыв в развитии высокотехнологичных секторов экономики ЕС и США в денежном выражении составляет около 120 млрд дол. в год, и он с каждым годом увеличивается. Наглядным примером эффективности венчурных инвестиций является следующий факт. По данным Национальной ассоциации венчурного капитала США, при доле инвестиций венчурных компаний в ВВП в 2006 г. 0,2%, эти компании произвели около 17% ВВП [5]. Венчурные предприятия в США производят 92% продукции отрасли биотехнологий, около 70% производства компьютеров, более 36% программного обеспечения.

Однако главная причина лидерства США в глобальной системе, как нам представляется, заключается в создании там изначально транснационально ориентированной системы интеллектуальной собственности и доминировании в глобальной системе интеллектуальной собственности.

Следует отметить выдающееся место в иерархии глобальной системы подсистемы интеллектуальной собственности, которая ориентирована на сохранение глобальной технологической монополии с целью получения глобальной технологической интеллектуальной ренты и формирования унифицированной системы патентно-лицензионной деятельности, воспроизводства технологического отставания в глобальных масштабах. Этому способствует глобальная патентная система, услуги которой в силу многочисленных барьеров для инородных субъектов и дороговизны услуг носит откровенно дискриминационный характер и является ареной ожесточенной конкурентной борьбы. Глобальная патентная система представлена Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и патентными системами стран мировой технологической метрополии: США, ЕС, Японии и т. п.

Структурно процессы, происходящие в глобальной системе интеллектуальной собственности характеризуют данные, приведенные в табл. 5.

Таблица 5

Структура мировой торговли на использование прав интеллектуальной собственности (2006)

Мировые технологические ареалы	Доходы от продажи лицензий, %	Платежи за приобретенные лицензии, %
США	46,11	17,80
Еврозона	17,04	29,83
Юго-Восточная Азия	17,18	28,52
Страны мировых технологических ареалов	80,33	76,15
Мир в целом	100	100

Источник: самостоятельные расчеты на базе данных [6, 312—314].

Из приведенных данных видно, что на долю мировых технологических ареалов приходится 80,3% всех мировых доходов от продажи лицензий. При этом абсолютным лидером являются США, на долю которых приходится 46,1% мировых доходов от продажи лицензий. Кроме того, США, в отличие от остальных ареалов, имеют активное сальдо баланса купли-продажи лицензий.

Что касается законодательства, то США были пионером в реформировании стимулов к коммерциализации интеллектуальной собственности в госсекторе. С середины 1960-х до 1990-х гг. объем патентования в университетах США увеличивался быстрее, чем общий объем патентов, и быстрее, чем росли расходы университетов на исследования. Количество полученных университетами и родственными им организациями патентов выросло в 6 раз. Недавнее исследование показало, что в течение 1990-х гг. университеты США увеличили свою предрасположенность к патентованию более чем в два раза, и та же картина наблюдалась с государственными лабораториями США.

Особенно важными для процесса роста патентования в университетах и государственных лабораториях были некоторые изменения в федеральном законодательстве, направленные на поддержку трансфера технологий в промышленность из финансируемых государством исследовательских организаций. Наиболее известен Закон по патентным процедурам для университетов и малого бизнеса (Закон Байя—Доуля), который позволил университетам, некоммерческим структурам и предприятиям малого бизнеса получать права собственности на изобретения, созданные на государственные средства финансирования. Закон установил, что в обмен на раскрытие изобретения доходы от любого изобретения должны быть поделены между автором и его организацией. Закон Байя—Доуля также позволил исследовательским институтам передавать права собственника третьей стороне для дальнейшей разработки. В результате законодательство упростило и ускорило федеральные методы трансфера технологий, позволяя университетам проявить большую гибкость при заключении лицензионных соглашений, поощряя фирмы в желании заключить с ними такие соглашения.

Аналогично, в 1980 г. Закон об инновациях Стивенсона—Видлера, измененный в 1986 г. Федеральным актом по трансферу технологий, уполномочил государственные лаборатории выполнять соглашения по партнерским исследованиям и разработкам (CRADAs) с частными фирмами и передавать этим фирмам патенты, полученные в результате такого сотрудничества.

С 1980 г. стратегия США была направлена на укрепление системы интеллектуальной собственности. США были первой страной, которая распространила патентную защиту на многие новые технологии и процедуры, тесно связанные с фундаментальными исследованиями, в частности, в области биотехнологий и генной инженерии. Аналогично, США были первыми среди стран, дававших патентную защиту про-

граммным разработкам и бизнес-методам на основе Интернета — еще одной области, сильно связанной с университетами.

Количество патентов, выданных в США в области программных разработок, возросло в три раза с 1990 по 1999 г. При выдаче прав на интеллектуальную собственность США усовершенствовали процедуру защиты владельцев прав, организовав Апелляционный суд со специальной экспертизой по спорам в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, за последние 20 лет США провели широкий спектр реформ в области интеллектуальной собственности, направленных на ускоренное развитие сектора высоких технологий и закрепление позиционирования себя в качестве мирового центра технологий и инноваций.

Вслед за США многие страны также провели реформы интеллектуальной собственности, уточнили и модернизировали законы, регулирующие вопросы собственности на результаты исследований в госсекторе, с тем, чтобы облегчить коммерциализацию и создать предпосылки для развития предпринимательства, ориентированного на высокие технологии в сфере производства и услуг.

Сказанное выше наводит на мысль, что различия в результативности национальных стратегий развития высоких технологий и инноваций определяются не только уровнем финансирования инноваций, но и всей организацией инновационного процесса, дающей синергетический эффект, который улавливается, в частности, в распределении мировой технологической ренты от обладания патентами и лицензиями на их использование.

Масштабы лидерства США можно проследить также по приведенным ниже данным активного сальдо баланса торговли правами на объекты интеллектуальной собственности (технологии, патенты, торговые марки и т. п.), осуществляемого главным образом в форме продажи лицензий и франшиз. Как видно из этих данных (табл. 6), США являются чистым экспортером лицензий по отношению ко всем странам мира. Наибольший объем импорта лицензий из США приходится на ареал Юго-Восточной Азии, в котором наиболее крупным импортером является Япония. Объем продаж лицензий США вырос в 2003 г. по сравнению с 1990 г. более чем в два раза и приблизился к 5 млрд дол. США в среднегодовом выражении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, глобальная финансовая система и глобальная система технологий и инноваций теснейшим образом переплетены друг с другом, и глобальная система интеллектуальной собственности создает подавляющую часть

финансовых активов. Институты и механизмы, в которых глобальная система интеллектуальной собственности реализуется, служат непомерному разрастанию финансовых активов. В результате мировая интеллектуальная рента принимает форму мировой финансовой ренты. Причем здесь есть опасность отрыва от реального стоимостного содержания, что связано с угрозой мировые финансовых (биржевых) кризисов.

Таблица 6

Сальдо торговли США правами на объекты интеллектуальной собственности, млн дол. США в ценах 1997 г.

Годы	Юго-Восточная Азия	ЕС—15	Все страны мира
1990	1 253	140	1 668
1991	1 428	49	1 638
1992	1 470	81	1 707
1993	1 620	24	1 766
1994	1 716	203	1 992
1995	2 059	295	2 565
1996	1 872	288	2 247
1997	1 856	327	2 127
1998	1 681	516	2 180
1999	1 557	705	2 332
2000	2 388	619	3 010
2001	2 542	481	2 454
2002	1 859	181	2 021
2003	2 174	440	2 587

Примечание. Юго-Восточная Азия включает Китай, Индию, Индонезию, Японию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Ю. Корею, Тайвань и Таиланд.

Источник: данные U.S. Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, Survey of Current Business.

Во-вторых, мировая технологическая метрополия неоднородна. Технологическое отставание остальных ареалов глобальной технологической системы, прежде всего Евросоюза и стран Юго-Восточной Азии, наиболее рельефно прослеживается в области патентно-лицензионной деятельности. Поэтому меры по преодолению отставания должны сосредоточиваться прежде всего в области отношений интеллектуальной собственности.

В-третьих, ситуация внутри мировой технологической метрополии может измениться. Прежде всего вероятны отдельные страновые прорывы благодаря активной институциональной политике отдельных стран по интеграции в глобальную систему. Своеобразным индикатором концентрации страновых усилий в этом направлении могут служить доля затрат на НИОКР в ВВП и сосредоточение ученых в населении страны.

Таблица 7

Доля затрат на НИОКР в ВВП и плотность ученых в отдельных странах, в среднем за период 2000—2005 гг., млн дол. США в ценах 1997 г.

Страны и зоны	Затраты на НИОКР/ВВП, %	Численность ученых на 1 млн.населения, чел.
США	2,68	4605
Еврозона	2.02	2734
Отдельные страны		
Швейцария	2,94	3508
Дания	2,45	5190
Швеция	3,86	5977
Норвегия	1.51	4729
Израиль	4,95	нет данных
Австралия	1,77	4099
Япония	3,18	5294
Китай	1,34	708
Россия	1,07	3244
Республика Беларусь	*0,66*	*3144**

Примечание:* 2006 г.

Источники: [2, 242; 6, 312—314; 7, 235].

Из приведенных данных (табл. 7) видно, что по плотности ученых в населении страны первенство занимает Финляндия (по Израилю информации нет), а по удельному весу затрат на НИОКР в ВВП — Израиль.

Инновационная стратегия Евросоюза как реакция на технологическое отставание в глобальном масштабе

Вместе с тем, несмотря на тенденции монополизации в мировом технологическом развитии, следует отметить значительные подвижки, произошедшие в системном устройстве государств Европы, Америки, Азии и других континентов под лозунгом создания национальных инновационных систем и неоднородность мировой технологической метрополии.

Как реакция на отставание стран ЕС в технологическом развитии от США, в марте 2000 г. Европейский совет в Лиссабоне, состоявший из глав государств и правительств стран—членов ЕС, определил в качестве приоритетной цель превращения Европы к 2010 г. в наиболее конкурентоспособную, динамично развивающуюся и основанную на знаниях экономику. Лиссабонская стратегия определила основные параметры структурной и инновационной политики для старых и новых членов Евросоюза до 2010 г. Она предусматривает доведение обязательной минимальной доли расходов на НИОКР в ВВП до 3% при условии, что 2/3 из них будут финансироваться за счет частного бизнеса.

План мероприятий по реализации стратегии тематически разбит на три основные части: а) повышение эффективности методов государственной поддержки научных исследований — как финансовых, так и методов, направленных на привлечение человеческих ресурсов и создание государственной технологической базы; б) перераспределение государственных ресурсов и их направление в сферу науки и технологий путем более эффективного распределения государственных расходов, усовершенствования законодательства, регулирующего механизмы государственной поддержки, более эффективного использования механизма государственного заказа; в) создание благоприятной среды для проведения научных исследований, в том числе создание правовых гарантий защиты прав интеллектуальной собственности, регулирование товарных и финансовых рынков, усовершенствование законодательства о защите конкуренции, налогового и корпоративного законодательства, повышение эффективности корпоративного управления.

Главным элементом стратегии стала задача создания единого Европейского исследовательского пространства. В марте 2003 г. Европейский совет в Брюсселе принял решение поручить Европейской комиссии провести анализ механизмов государственной поддержки научных исследований в странах — членах ЕС.

Европейская комиссия по поручению Европейского совета провела ряд экономических и правовых исследований, результаты которых

легли в основу при подготовке ряда отчетов и рекомендаций для стран — членов ЕС. Было установлено, что главной причиной отставания Европы являются менее привлекательные условия для частных инвестиций в инновации, менее эффективные методы государственной поддержки и наличие различного рода административных барьеров на пути коммерческого использования объектов промышленной и интеллектуальной собственности. Совокупность этих факторов привела к утечке европейских высокотехнологичных инвестиций из региона. Небезынтересно отметить факт, что несмотря на неустойчивость экономики и особенно рынков высоких технологий, крупные европейские компании по-прежнему планируют существенные инвестиции для финансирования научных исследований. Однако они не намерены осуществлять инвестиции в научно-исследовательские проекты на территории ЕС, а предпочитают другие регионы, такие как США и некоторые азиатские страны. Возможности европейского среднего и малого бизнеса ограничены недостатком собственных ресурсов для финансирования и ограниченными возможностями привлечения дополнительного финансирования. Представляет интерес для нас также вывод о том, что развитие малого и среднего бизнеса является наиболее важным условием, необходимым для развития сектора высоких технологий.

Реформирование интеллектуальной собственности — главная составляющая технологического прорыва

Одной из наиболее значимых проблем, которые возникают при формировании дееспособной и конкурентной национальной инновационной системы, являются защита, оценка и использование права интеллектуальной собственности (ИС). Представляется, что это главное звено механизма инноваций, финансовой и инвестиционной деятельности. В пользу данного тезиса свидетельствует несколько серьезных доводов.

Во-первых, в современной глобальной экономике патенты из объекта промышленной собственности все более и более становятся работающим финансовым активом. В 2005 г. в Берлине на конференции «Интеллектуальная собственность как экономический актив: методы оценки и использования» были рассмотрены новые способы применения патентов как средства привлечения внешнего финансирования в виде банковских кредитов, секьюритизации патентов и патентной ренты, а также условия, необходимые для лицензирования. Установлено, что оценка ИС как финансового актива должна быть двухуровневой.

Первый уровень реализуется при расчете баланса предприятий, обладающих правами на объекты промышленной собственности, для

привлечения заемных средств со стороны финансовых институтов. В данном аспекте использование ИС становятся мощным рычагом инвестиций в инновации.

Второй уровень реализуется на уровне экономик стран и регионов. Подобный анализ дает возможность определения инновационного потенциала и его территориального распределения. Оценка нужна и для создания интеллектуального имиджа, который может быть превращен в финансовый актив. Обладание сильным портфелем защищенных на международном рынке прав ИС может являться для инвесторов доказательством наличия у предприятия или страны соответствующего технологического потенциала и преимуществ перед конкурентами.

Во-вторых, важно отметить и еще одно сравнительно новое явление в мире финансов: банки начинают применять патенты как залоговое обеспечение кредитов и выпускать под них ценные бумаги, что открывает их обладателям доступ к финансированию. Таким образом, создается гибкий и эффективный способ направления финансовых потоков в высокотехнологичные предприятия. Предоставление кредитов под заявки на патенты, договоры на права копирования (прежде всего программных продуктов), защищенные патенты, лицензии на их использование практикуется Японским банком развития с 1995 г. Это существенно облегчает промышленное освоение продуктов научно-исследовательской деятельности.

В-третьих, интеллектуальная составляющая занимает все большую долю в рыночной стоимости предприятия. Например, в США нематериальные активы (патенты, изобретения, ноу-хау, права на копирование, торговые знаки, договоры о роялти) в 2002 г. составляли около 75% суммарной балансовой стоимости американских компаний (против 40% в 1998 г.). Для сравнения: аналогичный показатель в нашей стране в 2005 г. — всего 0,2%. То есть наши промышленные организации по уровню технологичности отстают от американских, и их нематериальные активы не оцениваются должным образом.

В Белоруссии число патентных заявок на изобретения в 2005 г. выросло по сравнению с 1995-м на 29%, с 2000-м — на 11,8% и составило 1340, количество выданных патентов соответственно на 64,1 и 83% и равняется 955, действующих патентов — на 41,2 и 71,4% и составило 3794. При этом в 2005 г. из 15 935 использованных передовых технологий 554 (или 3,5%) имели патенты на изобретения. Эти данные свидетельствуют об относительно невысокой патентной активности в республике. Эта динамика идет вразрез с мировыми тенденциями развития данной сферы. Напрашивается вывод о необходимости поддержки и стимулирования патентно-лицензионной деятельности на

государственном уровне в виде программ, а также в виде создания особых институтов по коммерциализации патентов и других объектов интеллектуальной собственности. Подобные программы успешно действуют во всех странах Евросоюза.

На наш взгляд, одним из наиболее успешных примеров стимулирования коммерциализации технологий в европейской практике является Государственная программа создания и развития Агентств по использованию патентов (Patentverwertungsagenturen, PVA) в Германии. Достоинство этой системы состоит в том, что наряду с оформлением и регистрацией прав патентодержателя осуществляется одновременная разработка бизнес-планов по их коммерческому использованию, будь то продажа лицензии или организация собственных инновационных предприятий, в том числе при университетах, поскольку агентства обслуживают на договорных началах несколько университетов, как правило, одного региона. Таким образом, создается профессиональная и эффективная инфраструктура защиты, передачи и промышленного использования прав на объекты интеллектуальной собственности.

Национальная стратегия приспособления к глобальному технопроцессу

Из сказанного выше следует вывод: правительства развивающихся стран технологической периферии должны взять на себя смелость и ответственность за создание таких организационных форм инновационной деятельности, которые могут побороться за свою долю стоимости и расширить рамки уготованной мировыми технологическими центрами и транснациональными корпорациями роли амортизатора и компенсатора высоких глобальных технологических рисков. Нужна своя национальная модель инновационного и высокотехнологического развития, которая базируется на использовании отечественного научно-технологического потенциала, его промышленном освоении во благо прежде всего собственной страны, повышении устойчивости хозяйства, улучшении природной среды обитания, сохранении и развитии уникальных национальных традиций культуры и производства, задействовании интеллектуального потенциала личности на рабочем месте.

Поэтому не случайно в ряде стран, экономика которых наиболее дружественна к человеку и его развитию (Финляндии, Швеции, Ирландии и др.), преобладают инновации в сфере сельского хозяйства, охраны окружающей среды, образования, здравоохранения, транспорта, средств связи и коммуникаций, производства возобновляемых источников энергии — другими словами, в отраслях, формирующих образ жизни нации [8—10].

Становится также понятным, почему национальная наука государств бывшего соцлагеря (причем наиболее интегрированных в мировое хозяйство, таких как Польша, Венгрия, Чехия, страны Балтии) сегодня так мало ориентирована на коммерческий успех. Быть может, несколько неожиданное суждение, но привлечение иностранных инвестиций в эти страны не привело к существенному инновационному прорыву. Это подтверждается данными об отраслевом распределении прямых иностранных инвестиций, которые устремились главным образом в добывающую промышленность, сферу финансов и торговли.

Зарубежная практика показывает, что ни в одной стране мира Национальная инновационная система (НИС) не была сформирована рынком или частным сектором самостоятельно. Повсюду для повышения конкурентоспособности национальной экономики государству приходилось брать на себя функции активного участника. Это позволило осуществлять координацию взаимодействия всех элементов НИС на государственном уровне; контролировать согласованность национальных, отраслевых и региональных приоритетов развития; обеспечивать концентрацию ресурсов на основных направлениях. Сказанное выше дает основание утверждать, что необходимо активное вмешательство государства в инновационный процесс, в том числе в разработку инновационных программ и их финансирование за счет бюджетных средств, концентрацию централизованных источников на выгодных проектах. Инновации возможны в условиях сильного государства, ориентированного на поддержку отечественной науки, прежде всего фундаментальных исследований, которые открывают возможность поистине глобальных, а не улучшающих, косметических, имитационных нововведений. В условиях мировой технологической монополии только такой сценарий является наиболее реалистичным для стран СНГ, включая Белоруссию.

Однако инновации предполагают также, кроме благоприятной среды и поддержки государства, свободное развитие предпринимательства и предпринимательской инициативы. Поддержание конкурентоспособности требует постоянного осуществления нововведений, прежде всего в области высоких технологий. Есть и обратная зависимость. Сами инновации возможны только в условиях жесткой конкуренции. Где нет конкурентной экономики, там нет достаточных стимулов к новым идеям. Конкуренция играет главенствующую роль в инновационном процессе, учитывая заинтересованность бизнеса в постоянном обновлении технологий, производств и продуктов для удержания имеющихся преимуществ. Мировой опыт подтверждает особую способность малого и среднего бизнеса как наиболее динамичной состав-

ляющей. Страны Европы предприняли в последнее время ряд мер по поддержанию именно малого и среднего высокотехнологичного бизнеса, центрами которого являются университеты, НИИ.

Игнорирование проблематики инноваций или попытка уйти, спрятаться от нее чреваты серьезными системными последствиями для национальных государств. Поэтому должны быть учтены глобальные вызовы и угрозы развертывания инновационного процесса в системе глобальных координат. Белоруссии, как и другим странам СНГ, необходимо всерьез заняться инновациями, превратить их в действительный, а не формальный (на словах) приоритет государственной политики. Область формирования инновационной технологической политики национальных государств становится ареной суровой конкурентной борьбы между национальными правительствами и глобальной технологической метрополией. Может быть два исхода этой борьбы[3].

Первый — соглашательство правительств (поэтому мировая технологическая матрица крайне заинтересована в создании соглашательских правительств и коллаборационистских режимов). В этом случае о национальном технологическом суверенитете не может быть и речи.

Второй — формирование и поддержание активной государственной инновационной политики, нацеленной на создание на деле национальной инновационной системы, обеспечивающей национальный технологический суверенитет. В этом случае правительства должны серьезно работать над созданием не столько отдельных институтов, которые будут постоянно использоваться для иных (внешних) системных целей, а над созданием целостной системы институтов, обеспечивающих реализацию целей этой страны, а не внешних системных целей. При этом необходимо создавать институты (защиты и передачи прав интеллектуальной собственности, венчурных институтов, трансфера технологий и другие), обеспечивающие интеграцию страны (НИС) в глобальную инновационную систему, однако при этом четко понимая их двойственную природу, возможность их использования глобальными структурами в своих интересах, а не в интересах национальной инновационной системы. Чтобы грамотно отстоять свои национально-государственные интересы, прежде всего нужны системность и четкое понимание целей национально-государственной политики, т. е. ее активная направленность — неусыпная и неустанная, а

[3] В принципе возможен и третий исход — повторение железного занавеса и отгораживание страны. Однако он в сегодняшних условиях представляется мало реалистичным даже для больших стран, располагающих достаточными природно-сырьевыми и человеческими ресурсами (Россия).

также, разумеется, заинтересованность правительств стран в ее проведении.

Белоруссии не добиться успехов в построении инновационной экономики без проведения реформ, обеспечивающих конкурентоспособные по мировым меркам условия для развития сектора высоких технологий и инноваций. Именно эти условия формируют фундамент национальной модели развития высоких технологий и инноваций. Общими институциональными характеристиками такой модели могут стать:

- минимально допустимый уровень прямого бюджетного финансирования НИОКР — 2,5—3% ВВП плюс понимание того, что благосостояние общества напрямую зависит от инвестиций в них (показательно, что Россия планирует довести уже в 2008 г. общий объем бюджетных расходов на науку до 125 млрд р., что соответствует более 3% ВВП [11]);
- создание специального вневедомственного координационного органа на самом высоком правительственном уровне (с собственным аппаратом, правом законодательной инициативы и приоритетностью решений для остальных центральных органов государственного управления;
- формирование сети региональных центров инновационного развития, позволяющей предпринимателям и изобретателям в одном месте (по принципу одного окна) получать информацию и услуги всех соответствующих государственных органов, прежде всего министерств экономики, промышленности, торговли, сельского хозяйства и иных приоритетных отраслей, включая помощь в разработке инновационных проектов и организации их финансирования либо из внутренних, либо из внешних источников;
- создание отраслевых, региональных и международных центров трансфера технологий, обеспечивающих международный трансфер технологий (главная задача подобных центров состоит в том, чтобы наладить трансфер технологий между странами, обеспечить транснациональное деловое сотрудничество между университетами и предприятиями; это может быть сделано в форме лицензирования новых технологий, содействия в покупке лицензий, в том числе с договоренностью об усовершенствовании лицензионного продукта, который должен быть возвращен держателю лицензии, создания новых совместных предприятий, содействия разработке и принятию совместных соглашений, оказания технической помощи, включая услуги по подготовке персонала и т. п.);

- специализированный инвестиционный или инновационный банк (банк развития), занимающийся кредитованием инновационных проектов, в распоряжении которого находятся ресурсы инвестиционных и инновационных фондов, а также иных фондов долгосрочных накоплений (пенсионных, страховых и т. п.), для повышения эффективности управления активами такой банк использует технологии секьюритизации, организуя выпуск облигаций под долговые обязательства заемщиков;
- создание Национального агентства по использованию (коммерциализации) патентов и иных объектов промышленной собственности и результатов НИОКР с отделениями в областных центрах и разработка государственной программы по поддержке патентно-лицензионной деятельности;
- создание научно-технологических центров при вузах страны, сотрудничающих с Национальным агентством по коммерциализации патентов и иных объектов промышленной собственности и результатов НИОКР;
- создание под опекой министерств экономики и образования и науки областных, городских и районных комитетов по реализации научно-технических и образовательных программ, осуществляющие оказание услуг в области аутсорсинга, подготовки и переподготовки кадров для секторов высоких технологий, информационно-консультационные услуги, обучение основам ведения бизнеса, в том числе по таким направлениям, как обучающие программы в области информационных технологий, в развитии женского предпринимательства и т. п.;
- организация тесного сетевого взаимодействия и сотрудничества между университетами, исследовательскими институтами, а также предприятиями высокотехнологичного сектора, как внутри страны, так и за рубежом (подобные подходы заложены в Лиссабонской стратегии инновационного развития стран ЕС и активно реализуются на практике [12]).

Практические предложения по реформе права интеллектуальной собственности должны, как нам представляется, сосредоточиться на мерах по:

- подготовке новой редакции раздела «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса Республики Беларусь,
- внесению изменений в Налоговый кодекс Республики Беларусь в части обеспечения налоговых льгот в операциях по регистрации

и передаче прав на объекты промышленной и интеллектуальной собственности,

- разработке государственной программы по поддержке патентной и лицензионной деятельности,
- подготовке нормативных правовых актов по упрощению процедур экспертизы и регистрации объектов промышленной собственности, сокращению их сроков (срок экспертизы изобретения в настоящее время составляет 3 года, промышленного образца и товарного знака — 2 года, за это время они успеют устареть для промышленного освоения — во многих странах на товарные знаки и промышленные образцы действует заявительный принцип регистрации на товарные знаки и промышленные образцы),
- расширению функций Национального агентства интеллектуальной собственности Республики Беларусь в части разработки инвестиционных проектов по промышленному использованию объектов промышленной собственности (либо по созданию особых органов, ответственных за разработку инвестиционных проектов по промышленному использованию объектов промышленной собственности; как вариант можно предложить создание Национального агентства по использованию (коммерциализации) патентов с учетом опыта Германии),
- разработке государственной программы создания инновационных кластеров в Республике Беларусь (в этом плане следует подробно изучить финский опыт государственного управления инновациями, проведения кластерной политики и построения национальной инновационной системы, которая, по оценкам многих ученых, признана одной из наиболее успешных, если не самой успешной в ЕС).

Следует также обеспечить разработку статистической отчетности и мониторинга высокотехнологических секторов промышленности и услуг. За основу можно взять методические рекомендации «Организации экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР). Полагаем целесообразным поставить вопрос о создании целостной государственной системы статистики и мониторинга национальной инновационной системы, что органично связано с реализацией прогнозов инновационно-технологического развития и структурно-инвестиционного развития страны, где предусмотреть выделение в экономике секторов высоких, высоких и средних, средних и низких технологий; организацию статистики ключевых инновационных кластеров (информационно-коммуникационных технологий, биотехнологий и связанных с ними отраслей) для отслеживания вклада указанных кластеров в рост

ВВП, экспорта, занятости и других макроэкономических параметров); составление технологического платежного баланса (предоставляющего информацию об экспорте и импорте технологий и объектов интеллектуальной собственности и их источниках; дающего оценку патентного и иного интеллектуального потенциала страны, долю экспорта и импорта технологий по отношению к их внутреннему производству и потребности в технологиях внутреннего рынка); международные сопоставления, позволяющие определить место республики на мировом рынке высоких технологий и продуктов (в соответствии с принятыми подходами международной статистики (ОЭСР, ЮНИДО, ООН).

Литература

1. *Ванчугов В.В.* Наука мира 02.10.2006 // www.humanities.edu.ru/db/msg//80183.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007. Минск, 2008.
3. Main Economic Indicators. OECD. 2003.
4. Asia's Rising Science and Technology Strength: Comparative Indicators for Asia, the European Union, and the United States. Special Report, August 2007.
5. http://www.globalinsight.com/About/PressRelease/PressRelease8726.htm
6. World Developments Indicators. The World Bank, 2008.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2005. Минск, 2006.
8. *Arora A., Fosfuri A., Gambardella A.* Markets for Techology: the Economics of Innovation and Corporate Strategy. Cambridge, Mass. 2001.
9. Economic Survey of Ireland 2006 // http:// www.oecd.org/documents.
10. *Garrett G.* Global Markets and National Politics. Mass.:-Princeton, 2001.
11. Знание — деньги // Коммерсантъ. 2008. 30 мая.
12. *Lisbon* Strategy // www.eu2007.de/en/Policy_Areas/ European_Council/Lissabon.html.

ДЖ. ЛЕСТЕР

Беднейшие слои Латинской Америки: пассивный объект помощи или активный субъект исторического действия?

Проблемы бедности в течение последних лет нового столетия стали предметом пристального внимания международной общественности и многих представителей научного сообщества. Фиксируется сохранение (а в некоторых регионах мира — не прекращающийся рост) бедности, причем не только относительной, но и абсолютной. Характерными чертами бедности XXI в. стали перемещение беднейших слоев из сель-

ской местности в города и образование там нового по своей социально-экономической и общественно-политической природе слоя, который далее будем называть *отверженными*, или *прекариатом* — социальным слоем, который находится в условиях абсолютно негарантированного существования. Он не имеет стабильного экономического и социального базиса для жизни, а в ряде случаев и правового статуса.

Прекариат — это слой лиц, у которых доходы, занятость, самая жизнь не гарантированы никем: ни государством, которое по отношению к основным слоям общества в ряде стран берет на себя некоторые обязательства, ни работодателем, имеющим в случае развитых форм капиталистической организации некоторые обязательства (зафиксированные в коллективном договоре) по отношению к работникам.

В случае с прекариатом все иначе: у представителей этого класса, как правило, нет жилья, нет возможностей для обучения, нет сколько-нибудь стабильной работы и заработка, нет социального обеспечения, во многих случаях нет даже гражданских прав. К этому слою можно отнести некоторую часть временно занятых, эмигрантов и т. п. лиц в развитых странах, но наиболее типичен он для «третьего мира», где к нему относятся до трети городского и значительная часть сельского населения. Это жители трущоб. Отверженные.

Прежде чем обратится к анализу того, как живет и действует этот слой в Венесуэле и Боливии, сделаем несколько предварительных замечаний.

Так, если в посвященных проблемам бедности документах Мирового банка фиксировалась, как правило, экономическая сторона этой проблемы, то документы ООН акцентируют социально-демографические и экономико-географические аспекты. В частности, последние подчеркивают отмеченный выше факт формирования более чем миллиардного слоя бедных городских жителей. Учитывая, что лишь в последнее время число жителей мирового города превысило число жителей мировой деревни и составило чуть более 3 млрд человек, легко сделать вывод, что треть урбанизированного населения планеты живет в нищете. Таков вывод ООН.

Важно также отметить, что и исследователи, подготовившие доклад этой весьма значимой международной организации, и ученые академического толка, в том числе представители левых кругов (укажем лишь на работы профессора Дейвиса), относятся к слою отверженных бедняков как к пассивному объекту мировых и локальных социально-экономических и политико-идеологических процессов (они, как правило, используют понятие «жители трущоб»). Этот слой, по их мнению, достоин сожаления, помощи, но не может, повторим, рассматриваться как самостоятельный социально-политический субъект.

Этот вывод показался нам сомнительным, и мы предприняли несколько долгосрочных поездок по странам Латинской Америки с целью изучения этого нового социального образования. Совместно с Джеммой Бориелло мы посетили Боливию, Бразилию, Венесуэлу и Эквадор, посвятив социологическому исследованию в общей сложности около полугода. Мы постоянно находились внутри сообществ «отверженных», участвовали в их каждодневной социально-политической жизни, находились в тесном контакте, совместно работали, интервьюировали, консультировали и т. п. жителей трущоб этих стран. Выводы этой работы оказались существенно иными, нежели отмеченный выше типичный взгляд на жителей трущоб как пассивный и достойный жалости объект.

В рамках данного материала остановимся только на двух наиболее ярких примерах сообществ отверженных в Венесуэле и Боливии.

Начнем с того, что жители беднейших районов Каракаса (так называемых «бариос», расположенных на склонах гор, окружающих Каракас) имеют долгую историю формирования своих поселений. Все началось с того, что они более пятидесяти лет назад захватили жилые многоквартирные дома, построенные для продажи среднему классу, но не заселявшееся (вследствие дороговизны) в течение долгого времени. Сам акт захвата стал следствием тяжелейшего положения сотен тысяч вынужденных покинуть деревню крестьян, которые не имели абсолютно никаких условий и средств к существованию. После десятилетий борьбы правительство (напомним читателем, что тогда у власти в Венесуэле находились правые силы) было вынуждено де факто признать этот захват. В результате на месте кварталов, предназначенных для жизни 30—40 тыс. человек, сейчас проживает около 600 тыс. жителей. За пятьдесят лет они заполнили практически все возможное и невозможное пространство в этом районе, достроив огромное количество самых фантастических сооружений. Причем все это было сделано их собственными руками. Существенно, что в этих районах без всякой поддержки государства, благотворительных организаций буржуазии или среднего класса (в данном случае, повторим, речь идет о периоде власти правых, до победы Чавеса на выборах) были построены не только места проживания (которые подчас сложно назвать домами), но и некоторое количество школ, клиник, создана простейшая инфраструктура (электроснабжение, теплоснабжение) и т. п.

Кто же и как создавал все это? Ответ оказался столь же прост, сколь и невоспринимаем для большинства представителей «цивилизованного» сообщества. Все проблемы создания, поддержания, ремонта и развития жилья, инфраструктуры, коммунального хозяйства, обеспечения безопасности и социальной жизни жители более полумиллион-

ных кварталов бедноты решали сами, без какого-либо государственного содействия. Они также сами обеспечили поддержание безопасности, относительной чистоты и т. п. И самое главное: они смогли на основе самообеспечения минимально решать проблемы занятости, создавая малые предприятия, кооперативы, развивая простейшие формы производства, торговли и сервиса.

Миф о неспособности беднейших слоев к самостоятельной социальной, экономической и т. п. организации и деятельности при непосредственном изучении предмета оказался именно мифом.

Еще более интересно то, что этот слой оказался и *политически активным субъектом*. Традиционно изменение политической системы в Венесуэле, связанное с победой на выборах президента республики Уго Чавеса, трактуется так, что эта фигура некоторым (как правило, всерьез не анализируется каким именно) образом пришла к власти и затем начала преобразования в пользу беднейших слоев населения. Тщательный анализ событий и диалоги с их непосредственными участниками показали, что причинно-следственная связь в случае с Венесуэлой (и, как мы покажем ниже, Боливией) была обратной. Десятилетия борьбы беднейших слоев общества, названных нами выше прекариатом, причем не только в Каракасе, но и по всей стране, создали ситуацию, когда в Венесуэле изменилось соотношение общественно-политических сил и стала возможна победа кандидата, который сам вышел из низов (Чавес родился в деревне, в бедной учительской семье; самостоятельно сделал карьеру военного, получив высшее образование; до сих пор не перестает учиться: уже будучи президентом он сдал экзамены и поступил в аспирантуру на факультет политологии Центрального университета Каракаса). И еще один важнейший факт: когда президент Чавес был едва не свергнут во время военного переворота, именно жители «бариос», спустившись с холмов в центр Каракаса, защитили своего президента и едва ли не в решающей степени способствовали восстановлению его власти. Да и сейчас голоса беднейшей части населения Венесуэлы по-прежнему обеспечивают высокий рейтинг этого президента и его социально-ориентированной политики. Все это позволяет нам сделать важный вывод: *не Чавес дал полномочия низам общества, а самоорганизация и продолжавшаяся десятилетия борьба обездоленных, отверженных слоев общества привели к власти Чавеса*.

Другое дело, что, придя к власти, Чавес, в отличие от большинства президентов центристского и правового толка, начал и продолжает последовательно выполнять свои обещания, инвестируя значительную часть доходов от продажи нефти именно в развитие беднейших рай-

онов, где строятся школы, больницы, культурные центры, развивается инфраструктура и т. п. За девять лет власти этого президента удалось решить проблемы безграмотности, обеспечения жителей трущоб продуктами питания (по низким государственным ценам или бесплатно), базового медицинского обслуживания (бесплатного) и даже доступа к университетскому образованию. Так, в Боливарианском университете Венесуэлы может бесплатно учиться каждый, поступая без экзаменов, но обязательно сдавая экзамены по мере освоения — кто за семестр, кто за год-два — тех или иных курсов.

При этом, однако, существуют и определенные противоречия между органами коммунального самоуправления и правительством (плюс городскими властями). Подчеркнем: это, как правило, не противоречия с президентом как таковым. В Венесуэле в правительстве и регионах значительную роль играют правые и центристские силы; власть у Чавеса далеко не полная. Государственные органы во многих случаях пытаются сами, без участия низов, решать проблемы распределения и использования средств, выделяемых на развитие «бариос». Жители же этих районов требуют решения всех проблем, в том числе финансовых, на основе самоуправления, при полной прозрачности всех расходов, при использовании процедур демократии участия для решения вопросов о направлениях и порядке расходования выделяемых средств.

Существенно, что сложившееся еще до Чавеса и окрепшее за последние годы самоуправление в этих районах имеет, с одной стороны, очень простые, с другой — весьма эффективные формы непосредственного участия граждан в управлении. На общие собрания под открытым небом приходят (целыми семьями, с детьми) многие сотни, подчас тысячи человек, которые на протяжении многих часов в выходные дни открыто, демократично обсуждают проблемы развития своего района…

Более того, для жителей этих районов характерно неожиданное (на первый взгляд) *стремление к участию в решении стратегических проблем страны*. Поворот Чавеса к строительству социализма в Венесуэле, начавшийся несколько лет назад, произошел во многом под давлением именно органов коммунального самоуправления, которые серьезно, с приглашением экспертов, в том числе часто приезжающих в Венесуэлу крупных ученых Севера и Юга, обсуждают вопросы стратегии развития страны. Более того — и это существенно — они сами говорят о себе как о классе, имеющем свои стратегические экономические и политические интересы. *Представители прекариата четко осознают свои классовые интересы, а также противоположность*

этих интересов и интересов богатейших слоев общества, интересов бюрократии (в том числи и при президентстве Чавеса).

И еще одна интересная «деталь»: для жителей этих районов характерно полное отсутствие расизма и национализма. Более того, *они ориентированы на развитие интернационализма*. Нам довелось присутствовать на конференции представителей органов самоуправления районов компактного проживания «отверженных» стран Азии и Африки. Эти активисты при поддержке центральных властей, но по инициативе жителей «бариос», были приглашены в Каракас для «обмена опытом», выработки согласованных механизмов дальнейших действий и т. п.

Не менее поучителен и опыт Боливии. В этой стране нам с Дж. Бориелло удалось близко познакомиться с опытом возникновения и жизнью поселения, которое можно, переводя с испанского, назвать «На вершине» (El Alto). Оно возникло в 15 км от политической столицы Боливии, города Ла Пас, в Андах, на высоте более 4 тыс. м. 30—40 лет назад там проживало, занимаясь сельским хозяйством, 50—60 тыс. человек. После кризиса 1980-х гг. бывшие шахтеры и крестьяне были вынуждены двинуться на заработки поближе к большому городу и стали селиться в поселении Ель Альто. В результате к настоящему времени там образовался целый город (очень-очень своеобразный) с населением более 900 тыс. человек.

Этот город, как и в Венесуэле, жители полностью построили сами, сделав там абсолютно все — от домов до школ — своими руками. Правительство страны и городские власти Ла Паса (вплоть до победы Моралеса) не только не помогали этим людям, но и активно боролись против них, в том числе вооруженными методами. Полиция и войска не раз атаковали этот город, пытаясь выгнать его жителей с формально не принадлежащей им земли. Многие активисты местного самоуправления погибли в этой борьбе… Однако *поселение сформировалось и выросло в целый город, в котором снизу, самостоятельно была сформирована и развивается в настоящее время система местного самоуправления, решающая все основные вопросы его жизни*. Более того, в этом поселении, где значительная часть занятости приходится на сектор мелкой торговли (особенно продуктами питания), десятки тысяч продавцов организованы в рамках единой системы (своего рода кооператива), в котором происходит значительное добровольное перераспределение доходов на основе взаимопомощи. Коллективизм и взаимопомощь, солидарность — это не слова а повседневная практика жизни в этом почти миллионном поселении, в чем мы не раз убеждались на собственном опыте.

Многочисленные диалоги с жителями этого города позволили нам сделать вывод, что *они в полной мере на практике выработали прин-*

цип коллективного решения проблем и взаимопомощи как абсолютно необходимое условие выживания и развития в условиях крайней нищеты, как единственный способ ее преодоления.

Существенно, что жители этого поселения еще до победы Моралеса сами выделяли средства на развитие бесплатных школ и клиник (в последние годы им помогают центральные власти). По инициативе жителей этого поселения создан и успешно развивается открытый общедоступный университет, в котором могут учиться и учатся и молодые, и пожилые на тех же условиях, что и в Венесуэле: поступление без экзаменов, но обязательное получение соответствующих оценок или зачетов за курсы. Диплом этого университета признан как свидетельство о высшем образовании.

Как и в случае с Венесуэлой, в Боливии именно активность прекариата этой страны привела к власти Моралеса, который сейчас проводит политику поддержки беднейших слоев этой страны. «Отверженные» Боливии сыграли едва ли не решающую роль в существенном изменении политического строя этой страны, показав, что они являются активным и мощным социально-политическим субъектом.

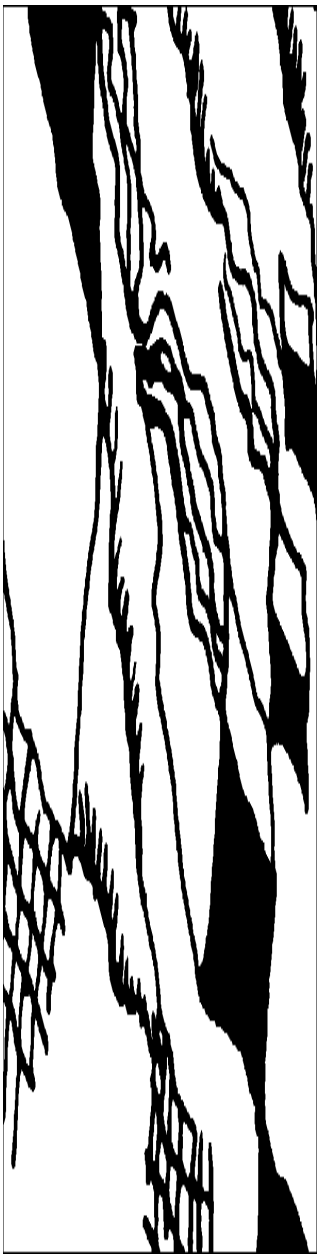
Сделаем некоторые выводы.

Опыт самостоятельного решения экономических и социальных проблем беднейшими слоями Венесуэлы и Боливии, их самостоятельные политические действия, не только бытие особого общественного субъекта, но и самосознание себя в этом качестве — все это показывает, что *прекариат является не только некоторым социальным слоем, но и особым классом, который оказывается в новом веке мощной общественно-политической силой*. В самом деле, едва ли не в решающей степени победа Чавеса в Венесуэле и Моралеса в Боливии стали результатом активности этого класса. В свою очередь, приход к власти этих президентов и дальнейшее давление на них со стороны прекариата обусловили все больший сдвиг влево этих президентов, переход их к курсу на строительство социализма. Наконец, изменение политических ориентиров Венесуэлы, затем Боливии и, отчасти, Эквадора существенно повлияло на общий баланс общественно-политических сил в мире.

Все это обусловливает возможность и необходимость нового взгляда на проблемы социальной структуры современного мирового сообщества и исторической роли тех сил, которые раньше относили (а во многом и сейчас относят) к пассивному и реакционному кругу люмпенов, не способных на самостоятельные экономические, социальные и политические действия.

V

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ



Ю.М. ОСИПОВ

Село

Село — органично встроенное в природу бытие человека, природой в целом обусловленное и к ней целостно приспособленное, непременно оседлое, прочно и всецело скрепленное с окружающей местностью, усадебное, одомашненное и территориально окаймленное, обусловленное ведением специфически сельского — местного, натурального, земельного, домашнего — хозяйства с характерной социальной организацией, особым образом жизни и специфической культурой.

Село (С.) от сесть, садиться, сидеть, т. е. быть на месте, жить оседло (сидя на месте, не странствуя, не кочуя), как правило, совместно, кучно, соседски, семейно, общинно. Отдельное семейное жилье с *домашним хозяйством* (хутор, ферма) — тоже поселение, тоже С., но обычно под С. подразумевается совместное многосемейное поселение, а в России достаточно большое совместное поселение, называемое либо деревней (от дерева, деревянного строительства), либо непосредственно селом (большой деревней).

Можно говорить о хуторском, фермерском, деревенском хозяйстве, но в российском обиходе и в отечественной науке принято говорить всего более о *сельском хозяйстве*, как, собственно, и о жизни, культуре, искусстве, о чем угодно — и все оказывается именно *сельским*, обобщается понятием *село*. Так что С. — не одно лишь само по себе поселение, но и все заселенное посредством сел пространство, вся в селах жизнь, все характерное для сел хозяйство. Разумеется, в С. может реализовываться и что-то совсем и не сельское, но в основе и в целом все так или иначе оказывается сельским — в силу преобладания обстоятельств и начал, присущим именно С.

Строго говоря, С. там, где люди сидят на земле, устраивая постоянное на ограниченной территории жилье и хозяйство (Х.). Однако в реальной жизни все бывает сложнее. Во-первых, есть кочевые племена-общины, которые живут и хозяйствуют непосредственно в природе, ведя вполне натуральное Х., но не образуют постоянных поселений — сел, а довольствуются лишь временными стоянками. Во-вторых, передвижными или временными поселениями довольствуются старатели, лесозаготовители, охотники, рыболовы, когда некое поселение есть, а вот полноценного С. при этом нет. Жизнь и Х. здесь вполне натураль-

ные, а собственно С. нет. Но вряд ли было бы правильным не видеть базового родства между С. и не-С., когда речь идет о бытии на природе, о природной жизни и природном Х. Отсюда следующее заключение: хотя под С. понимается в принципе оседлое поселение, но нет никакого резона не относить условно к сельскому поселению и мигрирующие общины и коллективы, ставя в один ряд с собственно С. и их временные поселения. К тому же С. — это не только поселение как таковое, но и природное пространство природного же обитания.

В самом по себе С., натуральности и ландшафтности сельского бытия, привязанности его к местности, земле, полю, холму, долине, оврагу, лесу, водоему, растениям и животным, пейзажу, климату, дождю и снегу, временам года, восходу и заходу солнца, дню и ночи, нет ничего особенного и удивительного: сельское — значит непосредственно природное, хотя в самом по себе сельском немало и неприродного, однако в основном под природу все-таки пригнанного и с нею эффективно сосуществующего.

Приоритет природного начала не мешает реализации и неприродности, иной раз и весьма значительной: что, к примеру, природного в телеге, доме, печке, мельнице, не говоря уже о тракторе, грузовике, комбайне. Так что сельское — не обязательно строго природное, но непременно в природу погруженное, с ней взаимодействующее, ее обслуживающее, в ней функционирующее, ею живущее. Конечно, надо иметь в виду, что и само природное в сельской интерпретации, как правило, уже и не совсем природное, скорее, окультуренное природное, переделанное, измененное.

Однако природа на С. в явном приоритете, хотя бы по образу бытия, объекту и цели Х., по трудовым задачам, характеру творчества, основному продукту. Сельское Х. каким бы индустриальным, а следственно, искусственным, оно ни было, всегда определяется прежде всего природной составляющей: растениеводство, животноводство, садоводство, огородничество, пчеловодство, лесоводство, собирательство, рыболовство, охота, короче, все вокруг по преимуществу природное, с природой, ради нее, хотя, разумеется, в какой-то мере и против: Х. человека может иметь и имеет весьма отрицательно-разрушительные последствия для природы. И тем не менее главная особенность С., сельской жизни и сельского Х., состоит в господстве натурализма, разумеется, корректируемого, и очень существенно, культурой, прежде всего, технической.

Сначала и весьма длительное время человек бытовал непосредственно в природе, ведя стадный и особенно подвижный образ жизни, но пришло в конце концов и время поселенческого бытия — время С. И

опять же долгое время оседлый человек был по преимуществу именно *сельским человеком*. И лишь спустя большое историческое время С. стало уступать свое ведущее место *городу* (Г.), получив в итоге вспомогательное и даже подчиненное относительно Г. положение.

Г. — не С., это его прямая противоположность, хотя имеет место городское (от Г.) сельское Х., которое является в основном вспомогательным для Г., но иной раз бывает чуть ли не главным — в случае так называемых *аграрных городов*, или *агрогородов*. Но в принципе Г. — это как раз противоположность С., со своим специфическим образом жизни и характерным способом Х. Однако Г. не может обойтись без С., ибо именно С. производит необходимые для существования человека первичные потребительные блага, а потому Г. не порывает совсем с С., а устанавливает с ним необходимые хозяйственные, культурные и цивилизационные отношения.

В свою очередь С. тоже нуждается в Г., хотя и не столь фундаментально, скорее, вспомогательно, ибо Г. является местом сбыта сельской продукции и источником производимых лишь в Г. потребительных благ, в которых бывает заинтересовано С.

История распорядилась так, что Г., будучи более свободным от природного начала и более обращенным к социальному и интеллектуальному развитию (прогрессу), установил с С. если и не совсем неравные, то по крайней мере более выгодные для себя отношения: даже товарный обмен не спасает С. от городского эксплуатационного доминирования, наоборот, он способен устраиваться так, что С. постоянно проигрывает Г. (достаточно упомянуть о так называемых «ножницах цен», т. е. о выгодном для Г. и невыгодном для С. ценообразовании).

История знает всякое, в том числе и жесткую эксплуатацию С. городом, как, правда, иной раз и наоборот, но в целом между Г. и С. поддерживаются более или менее приемлемые взаимоотношения. Не нужно забывать, что Г. всегда развивался за счет С., вопреки С., против С., а С. всегда было донором Г., источником его жизни и развития. До сих пор происходит так, что городское население пополняется за счет сельского, а не наоборот, причем выходцы из С. подвергаются в Г., как правило, достаточно откровенной эксплуатации, во всяком случае, на первых порах, в первых поколениях.

В современном развитом обществе западного типа между С. и Г. установились более или менее паритетные отношения, тем более, что сельское население составляет в передовых странах не более 10% от всего населения, а частенько и меньше. Г. уже не развивается в таких странах за счет С., предпочитая эксплуатацию других стран или же принимаемых из менее развитых стран тех же переселенцев, по боль-

ше части бывших аграриев. Своему же С. современный развитый Г. предпочитает даже помогать, компенсируя часть издержек сельского Х., создавая для С. новую технику и более совершенные технологии. Можно сказать, что в высокоразвитом индустриально, интеллектуально, экологически и цивилизационно обществе С. не чувствует себя какой-то явно эксплуатируемой зоной, занимая вполне органически обусловленное хозяйственное и социальное место. Можно сказать, что хорошо известное в обществоведческой науке и философии так называемое противоречие между Г. и С. (деревней) нашло в высокоразвитом обществе практическое разрешение. Исход сельского населения в Г. там невелик и легко обществом воспринимается.

Россия (Русь) всегда была прежде всего аграрной страной, остается она и до сих пор с большим аграрным, т. е. сельским, сектором. В этом нет ничего плохого, поскольку сельское население всегда было и пока остается источником более здорового, морально устойчивого и вообще более жизнеспособного трудового люда в сравнении с городским населением. Разумеется, в современной России С. переживает системный кризис, в том числе и моральный, что говорит об ослаблении позитивной народонаселенческой роли С., но относительно современного Г. российское С. все еще выглядит предпочтительнее.

Россия не вышла на уровень органического бытия Г. и С., Г. довлеет над С., Г. эксплуатирует С. Реформы 1990-х гг. не просто подорвали С., они его буквально разорили, сознательно доведя до так называемого *банкротства* (данная операция получила даже специфическое определение — *банкротирование села*). Оставшиеся от советского времени аграрные предприятия — в основном *колхозы* (коллективные хозяйства) и *совхозы* (советские хозяйства), занимавшие традиционные для себя территории, были поначалу разделены на фермерские хозяйства, либо преобразованы в акционерные предприятия (фирмы), а затем, в большинстве своем экономически разорены городом посредством все тех же ценовых ножниц, налогов, задолженности, устаревания техники и сооружений и т. д. В итоге новые по форме агропредприятия оказались без необходимых финансовых и материальных средств и были вынуждены признать явление специфического экономического агента — *инвестора*, который пришел в основном из Г. в С. со столь необходимыми для него денежными и материальными средствами.

Инвестор — не заимодавец, не кредитор, это именно инвестор, вкладыватель своих собственных средств, а потому и организатор сельской экономики, сельского производства. Он нанимает рабочую силу, дает средства производства, организует работу, следит за качест-

вом труда и продукта, но в то же время он же и собственник продукта, его окончательный реализатор. Отсюда господство в растениеводстве монокультуры (одного, двух культивируемых растений) и угнетение животноводства. Фактически инвестор — финансовый латифундист, хотя еще и не имеющий права собственности на опекаемую им землю. Так в России произошла *аграрная революция*, почти что и незамеченная эгоистическим Г.

Это только кажется, что вопрос о земле принадлежит в России истории: нет, и сегодня это исключительно острый вопрос. Кому же в итоге будет принадлежать российская земля — собственно аграриям или же кому угодно, только не им? Очень похоже, что не аграриям. И вот тогда завершится сгон потомственных аграриев с земли, произойдет их полное обезземеливание (сначала надо было обанкротить, затем поманить инвестициями, а в конце концов и обезземелить). Земля может быть в России объектом крупной частной собственности, продаваться и покупаться, переходить из рук в руки. Будут законы, будут всякие требования, условия и ограничения. Но… земля все более будет восприниматься аграриями как уже не их земля, она будет извне эксплуатироваться собственниками-временщиками, теми же инвесторами — и угроза истощения и порчи российских земель, в особенности черноземных, может превратиться в жестокую реальность.

Российский аграрный мир требует особого внимания со стороны общества и государства: и не для того, чтобы его доламывать, а для того, чтобы его рационально перестроить ради самих хозяйствующих на земле аграриев, для того, чтобы вдохнуть в него полноценную жизнь.

Ю.М. ОСИПОВ

Кочевье

Кочевье — подвижный образ бытия человека, сообщества людей, обусловленный постоянным перемещением в пространстве, прерываемый остановками (временными пребываниями на месте), но не доходящий до устойчивого в локалии (оседлого) существования; странствие по миру, земным пространствам; временное пребывание постоянно кочующих людей на месте; соответствующее кочевому образу жизни отправление хозяйства, специфический способ хозяйства — кочевой.

Реализуя разнообразие своего бытия, жизнеотправления и *хозяйства* (Х.), человек способен вести вполне подвижное существование, не задерживаясь подолгу на одном месте, переходя с место на место, странствуя, путешествуя, кочуя. Такой человек, а обычно родовое сообщество людей, является кочевником (странником, путешественником), а образ его бытия, жизнеотправления и Х. — *кочевьем* (К.). К. — противоположность оседлости, с ее селом и городом, хотя К. предполагает наличие жилищ и «посадок», однако передвижных жилищ и временных «посадок», как и скоротечных общественных устроений в виде общественной стоянки (чуть ли не поселения), лагеря или табора.

К. — характерный для глубокой древности и все еще имеющий место в современности, а в некотором роде и развивающийся — на основе и в недрах уже городского мира, феномен. Первочеловек, занимаясь вполне вынужденно собирательством, простейшей охотой и рыбной ловлей, вел долгое время именно кочевой образ бытия, сбиваясь в стада, образуя сначала простые, а затем все более сложные родовые сообщества, переходя с место на место, нигде особенно не задерживаясь, тем более, что к перемещению его подвигали смены времен года, соответствующие им погодные перемены и климатические изменения. Часть людей постепенно осваивала оседлый образ жизни, в особенности, в лесах, предгорьях, по берегам рек, озер и морей. Но та часть, которая оказывалась в открытой местности, среди степей и пустынь, предпочитала кочевой образ жизни, в особенности, с освоением скотоводства и применением тяглового скота (волов, лошадей, верблюдов), а также с изобретением колеса и повозок. В итоге появились не просто кочевые сообщества людей — родовые общины, но и целые кочевые народы, достигавшие значительной, а иногда и гигантской, численности. Эти-то народы и составили воистину кочевую часть человечества, время от времени оказывая влияние на ход и всей планетарной истории. Из кочевых народов не могли не получиться прекрасные воины и эффективные завоеватели, энергичные грабители и покорители как себе подобных кочевых, так и оседлых народов. Достаточно вспомнить хотя бы имя грозного Чингизхана — покорителя половины мира и основателя великой Империи. Разумеется, кочевники не могли создать устойчивой на долгие века цивилизации, хотя кое-что подобное они и пытались сделать — в рамках и на основе хотя бы той же империи славного Чингиза, но определить раз и навсегда движение истории они могли, разрушая государства и цивилизации, способствуя созданию и выживанию новых государственно-цивилизационных образований, распространяя по свету обычаи, нормы, навыки, знания, информацию. К. тоже способно к государствообразованию, тоже тяготеет к

цивилизованности, конечно же, особенным образом, но оно, в отличие от оседлого мира, не может похвастаться историческим течением государств и цивилизаций, их сменой на одном и том же месте, наконец, их совершенствованием и развитием. История в итоге распорядилась не в пользу К., а в пользу оседлости, которая одолела К., его себе подчинила, хотя полностью и не уничтожила, оставив в виде ей уже не угрожающего анклавного анахронизма.

Историческое К., т. е. природообусловленное К., хотя и сохранилось кое-где и у кое-каких народов, стало как самостоятельный и самобытный феномен уже достоянием истории, — это всего лишь присутствие истории, пусть и несколько модернизированной, в современности.

Кочевой мир имеет свою целостную и законченную культуру, отличающуюся не просто самобытностью, но и рациональностью, экономностью, «выживательностью», воспроизводимостью. Кочевая культура адекватна кочевому образу бытия, а само К. обязано своим воспроизводством кочевой культуре.

Сказанное о культуре в полной мере относится и к кочевому Х., которое ведется кочевым человеком тоже предельно рационально, экономно, в согласии с природой и жизненным пространством.

Кочевое Х. подчинено выживанию «на ходу», а потому с необходимостью тут действует правило «ничего лишнего», что, конечно, не исключает накопления определенного богатства, в том числе и относящегося к роскоши, но… с непременным условием обеспечения его транспортировочной подвижности.

Кочевые народы могут образовывать и постоянные поселения, даже городского типа, но как сочетающиеся с кочевым образом бытия и Х. основной части населения. Такие поселения выполняют функцию перевалочных и резервных баз, торговых мест, мест пребывания войск и отправления религиозных культов, баз отдыха, мест зимовок, наконец, столиц и локальных административных центров.

Достигая совершенства в организации и отправлении кочевого быта, образуя даже государства и империи, кочевой мир не имеет потенции к неограниченному качественному развитию или *прогрессу*, в особенности, к развитию знания, науки, техники. Кочевой мир — заведомо консервативный мир, это самоограниченный мир, в котором *традиция* не просто есть, а господствует, подавляя стремление к новшествам, что, конечно же, не исключает некоторых нововведений, по преимуществу заимствуемых от оседлых народов и развивающихся цивилизацией.

Развитие Западной — экономической, научно-технической, информационной — цивилизации, обеспечив доминирование данной цивилизации на планете Земля, привело к вытеснению, сужению, разложению, и по большей части исчезновению традиционного кочевого мира. Остатки такого мира сейчас — не более чем пережившие свой век атавизмы, частично заповедного толка.

Однако К. — не одна только история, не один только анахронизм. Прогрессируя, Западная цивилизация, пройдя *Модерн* и оказавшись в *Постмодерне*, выдала вдруг феномен нового К., касающийся образа бытия отдельных людей — так называемых *граждан мира*, не привязывающихся к какому-либо определенному месту своего жизнеотправления, хотя чаще всего и не покидающих городского (мегаполисного) мира с характерной для него современной материальной и институциональной структурой. Это особый тип людей — людей-туристов, людей-путешественников, людей-кочевников, предпочитающих реализовывать себя и свою жизнь, передвигаясь с место на место, нигде надолго и навсегда не задерживаясь. Будучи, как правило, специалистами, профессионалами, экспертами, менеджерами, бизнесменами, воинами, они везде находят себе применение и возможность устраивающего их жизнеотправления. Встречаются среди них и люди творческих (свободных) занятий (литераторы, деятели искусства, артисты, спортсмены), как, собственно, и представители спецслужб и того же криминального мира, жизнь которых проходит в постоянной по миру миграции. Разумеется, такого рода «бродяги» были всегда, но в настоящее время, когда границы не столь уже непроницаемы, когда само современное Х. требует трудовой миграции, когда стандартизированные условия и сходный образ жизни позволяют легко менять места «дислокаций», когда резко возросли возможности удовлетворения бытовой и профессиональной любознательности и охоты к перемене мест, армия делокализованных «бродяг» заметно увеличилась, образовав нечто вроде суб- или суперцивилизации, отличающейся отсутствием каких-либо особых культурных доминант, кроме одной — внекорневой переменности мест пребывания и жизнеотправления. Такое надцивилизационное К. возможно, конечно, при наличии вполне оседлой среды, удерживающей культуры и цивилизации, инфраструктуры и хозяйства, институты и традиции, социальные образования и государства, по отношению которой новый кочевой мир выступает и в своеобразной паразитарной роли, ибо сам по себе он бесплоден, а если и производит что-либо полезное для жизни, то только в подвижном симбиозе с устойчивым миром и оседлым населением планеты.

Ю.М. ОСИПОВ

Город

Город — по преимуществу неприродное, искусственно обустроенное, с центрированным и иерархически организованным скоплением людей на ограниченном пространстве, бытие человека со своей особой хозяйственной и социальной жизнью, специфической культурой, особой исторической ролью.

Бытуя в *природе*, человек способен создавать *неприроду*, формируя целые неприродные пространства, взаимодействующие с природой, но от нее и отделенные, помещать себя в эти неприродные пространства, концентрироваться в них, жить там, трудиться, бездельничать, развлекаться, воспроизводиться. Так образуется вполне целостный, на себя замкнутый, отстраненный от природы, отгороженный от контекстного пространства, хотя и не вполне закрытый, взаимодействующий с внешним контекстом, мир, который принято называть по-русски *городом* (Г.) — от городить, огораживаться, но в то же время и нагромождать. Г. — нечто действительно нагроможденное, громоздкое, но при этом и огороженное, отгороженное. С самих ранних времен Г. имел не просто границу, но часто и пограничную стену, снабженную укреплениями, внутри которой Г., собственно, и громоздился. Городская стена, конечно, была и остается не строго обязательной, но история отдала ей явное предпочтение: если и не по всему городскому периметру возводилась такая стена, то уж по внутреннему кольцу-квадрату — вокруг центра — почти что непременно. Г. — одновременно и защита, а потому и ограждение, одним словом — *город*.

Однако главное в Г. не само по себе локализованное нагромождение всего и вся, ни, тем более, не ограждение этого нагромождения, — Г. знаменателен своим особым миром, вполне и человеческим, но заметно уже и неприродным, искусственным, не сельским, не деревенским. Общинность может сохраниться в Г., даже и кровность, родственность, семейственность, но или в основном уже в иной интерпретации, или же в иной мере, в ином значении, в иной роли. Г. порождает присущую ему и только ему общественность (социальность) — *городскую*, получившую расхожее определение *гражданской* (от *гражданин*, горожанин, житель города), выходящую за пределы кровнородственной, или племенной, организации, хотя и сходную с территориально-общинной, но лишь сходную, ибо горожане — не «земельники», а всего лишь участники Г., городского скопления людей, но при этом вовсе не стада какого-нибудь, а весьма уже сложной и, как пра-

вило, иерархической, организации, предполагающей, в отличие от территориальных и стадных образований, социальное разделение по жизнеотправительным функциям и ролям, как и социальное объединение — посредством обмена функциями и сочетания ролей, а также внешнего по отношению к каждому горожанину свода поведенческих правил, ставшего в силу своего абстрагирования в независимую институциальную самостоятельность, тем, что обычно называется *правом*. Г., в отличие от *села*, дает не одну только культуру, но и в полном смысле слова цивилизацию, когда социальная людская совокупность образуется за пределами кровно-родственной или простой общинной организации, хотя и с тем или иным сохранением и присутствием их аналогов.

Несмотря на великую устойчивость сельской жизни, Г. не только вышел за ее пределы, не только ее преодолел, но в итоге еще и победил, установив над селом свое доминирование, подчинив его своим интересам, установив господство. Г. не утратил и не мог утратить связи с селом, как и вообще с природой, нуждаясь не только в первичных потребительных благах, в резервных рабочих и воинских руках, но и в изначальных культурных ценностях. Но важно иметь в виду, что Г. мог поддерживать отношения с селом только при условии своего над ним доминирования — от властного, хозяйственного и культурного водительства до прямой его эксплуатации. Господство Г. над селом, а не наоборот — не просто исторический факт, а самый настоящий исторический императив.

Преимущество Г. относительно села питается неприродностью Г., его особого рода социальностью и высокой концентрацией трудового, военного, изобретательного и вообще инициативного населения, а главное — свободным от природной зависимости *интеллектом*. Г. — место сосредоточения разного рода человеческих сил и воль, потенций и начинаний, а в итоге — *прогресса*. Г. не просто свободнее, мобильнее и сильнее села, он умнее и «ловчее» села, предприимчивее и напористее, он не столь консервативен, гораздо более открыт новизне. Именно Г. стал местом и мотором движения человечества по пути неуклонного, хотя и с разной скоростью, обновления — от природного бытия к неприродному, от данного человеку мира к своему — чисто уже человеческому — миру.

Современное человечество — порождение Г., причем не так по времени, как по существу, по качеству. Современный человек — по преимущественному типу *городской человек*, хотя он может проживать, трудиться и хозяйствовать на селе. Современный сельский человек — в значительной мере, если не в решающей, все-таки уже город-

ской человек, хотя любой чисто городской человек совсем даже не сельский житель, если, конечно, абстрагироваться от загородных (дачных) «посиделок» горожанина. Если Г. дал вообще цивилизацию, то современная цивилизация теперь уже совсем городская.

Городского населения во вполне развитых странах гораздо более сельского. Само же городское население в значительной мере сосредоточено в крупных Г., многие из которых уже вышли за пределы собственно Г., превратившись в гигантские городского характера образования, получившие определение сверхгородов или *мегаполисов*. Мегаполис — Г., но это и нечто большее, чем просто Г., ибо на его основе бытует население, сравнимое по численности и составу с населением многонациональной страны, оказывающееся при этом в силу размеров, многообразия и постоянной внутренней и внешней миграции не просто городским сообществом, а каким-то мегаполисном сверхобществом. Обычный Г. еще сравнивается с селом, он существует в сельском контексте, противопоставляется селу, а вот мегаполис — это уже совершенно отошедший от села, а в значительной степени и от самого по себе Г., *мета*городской мир, настолько гигантский, самостоятельный и особый, что его вполне можно рассматривать как город-страна, город-планета, город-мир. Житель Г. — горожанин, это одно, а вот житель мегаполиса — совсем другое, ибо это уже не горожанин, не гражданин, не участник Г., а что-то явно другое — нечто вроде «безродного космополита», некий *метаполит*. Г. — вовсе не обязательно нарицательный Вавилон, а вот мегаполис — вполне уже совершенный Вавилон, не имеющий уже никакой перспективы кроме… самоомертвления, хоть и живет он и умножается. Мегаполис — высший продукт Г., но и его высшее эсхатологическое достижение, от которого уже только один путь — в бездну! Мегаполис и есть по сути своей *бездна*: некий мир без дна, мир без мира, мир — *антимир*. А то, что люди бытуют все-таки в мегаполисах, говорит лишь о том, что эти люди — бывшие когда-то горожанами, а не мегаполитами — всего лишь приспособились более или менее к обезжизненному пространству, с ним как-то смирясь и сосуществуя, — точно так же как привыкают люди к казарме, тюрьме, к неинтересной работе, даже и к невыносимому супружеству. Г., а точнее цивилизация, не могли не привести к созданию чего-то эсхатологически для себя отрицательного, и этим чем-то стал как раз совершенно уже адовый мегаполис, в котором одна лишь подземка (под-зем-ка!) чего стоит — само реальное воплощение ада она и есть!

Г. — зона *хозяйства* (Х.), в котором значительную долю составляет собственно *городское хозяйство* (Г. х.). Город дал *промышленность*, если под таковой понимать производство несельскохозяйственных

благ, но Г. тут же развил *торговлю*, произведя на свет вполне утилитарные, т. е. металлические, юридически оформленные и властно подкрепляемые, *деньги*, что означает, что Г. есть по полному счету созидатель *экономики* (Э.) или *экономического хозяйства* — с товарообменом, деньгами, ценами, капиталами, финансами, банками, инвестициями, кредитом, страхованием, биржами и т. д.

Э. — продукт Г., хотя в зачаточной и простейшей форме Э. имела и имеет место и вне Г. Но только оторванный от природы и сельской жизни с ее аграрным производством, преодолевший кровно-родовые связи, создавший общество вместо племени и право вместо традиций, перешедший к массовому производству несельскохозяйственных благ, внедривший в Х. постоянный расчет, не довольствующийся необходимым продуктом и стремящийся к дополнительному продукту, вообще мало, чем ограниченный, Г. мог создать и утвердить Э., обеспечить ей полное развитие. Г. — центр Э., ее источник и собиратель, ее носитель и реализатор. Однако судьба Э. в связи с Г. была исторически различной — Э. в Г. оказывалась то в максимуме, то в минимуме. У финикийцев она была, надо полагать, в максимуме, а вот у тех же франков, в конце концов ставших французами — в минимуме: Г. средневековой Франции предпочитали столь масштабное и последовательное регламентирование хозяйственной жизни и ее экономической составляющей (через цеховую организацию ремесленничества), что Э. явно находилась в подчинении у неэкономической организации, не имея простора для свободного и полного развития.

Но история распорядилась так, что именно европейский Г., прежде всего, италийский, обеспечил исторический прорыв Э. в Западной Европе, в связи с чем последовали религиозные, культурные, политические революции. В итоге Г. родил не просто промышленность (ремесленничество) и не просто Э. (товарообмен), а массовую промышленность (мануфактуру, фабрику), вполне целостную Э., получившую распространенное определение капитальной, капиталистической или же буржуазной (от фр. bourgeois — буржуа или нем. bürger — бюргера, т. е. горожанина, гражданина).

Однако дело пошло дальше — Г. породил производительный или промышленный — производственно-технический — *прогресс*, как и обеспечивающую и стимулирующую этот процесс *наук*у — фундаментальную и прикладную. Г. обеспечил возникновение соответствующей Э. и научно-техническому прогрессу *институциональной организации* общества и самого Г., включая *право*, а также сформировал адекватную им *этику* и *культуру*. Г. явился в конце концов создателем современной цивилизации — социальной, экономической, правовой,

технической, индустриальной, информационной, научной, мегаполисной, глобальной.

Г. свойственно специфическое *городское* Х. (Г. х.), или Х. *города*. Г. — сложнейший социо-хозяйственный организм, требующий особого рода полифункциональной организации. Поддержание гражданского порядка и чистоты, обеспечение безопасности, реализация проблем транспорта, коммуникаций, энергетики, здравоохранения, образования, культуры и спорта, организация территории и содержание городских мест и сооружений разного назначения, обеспечение прав граждан, исполнение пенитенциарных функций, соблюдение разнообразных нормативов городского бытия, строительство и поддержание жилья, разного рода иное строительство, контроль за строительством и т. д. и т. п. Важно иметь в виду, что в Г. х. входит и организация всей гражданской жизни Г., в том числе, если Г. соответствующий, и реализация городской *демократии*. Отправление властных функций — тоже Х., а в рамках Г. — Г. х.

Современный Г., *мегаполис* — сложнейший социальный, хозяйственный и технологический мир, давно и прочно овладевший человеком-гражданином, превративший этого человека в свой микроскопический элемент, способный к единичным коммуникациям и образованию городских скоплений (толп, людских потоков), но не образующий никакого целостного макроединства. Городское население ныне — никак не община, не народность, не нация даже, а попросту скопище людей, для которых единственным общим параметром остается господствующий в Г. язык и которые еще способны соблюдать кое-какие правила городского общежития и передвижения. Городское население — не более чем людская масса, как-то распределенная и структурированная, но в целом все-таки масса. В современном Г. горожанин со своей семьей (если она, конечно, есть) по сути один-одинешенек, несмотря на большое количество окружающих его людей, — и лишь с некоторыми из них он поддерживает более или менее стабильные отношения: трудовые, служебные, творческие, дружеские, родственные, школьные, развлекательные, культурные, религиозные, клубные, криминальные, фанатские и т. д. и т. п. Знакомого человека, того же бывшего одноклассника, в таком Г. можно никогда в жизни не встретить. Городское население здесь — не общество, а в лучшем случае некая общность, для которой общей является более или менее очерченная городская среда обитания, разбитая, разумеется, на какие-то локалии. Спасают технические средства связи, среди которых особенно любимы ныне мобильный телефон и компьютер.

Вот и получается, что не человек в Г. и не Г. для человека, а Г. в человеке и человек для Г. Современный горожанин, или, лучше сказать, житель современного Г. — песчинка, входящая в какие-то совокупности песчинок, но никогда не перестающая быть именно песчинкой. И никакие массовые мероприятия, никакие организации горожан, никакие средства информации и связи, никакие демократические выборы, никакие коллективные инициативы, праздненства и протестные выступления, ничто не может сделать из такого горожанина ни воистину самостоятельного существа, ни органичного члена людского сообщества. Г. навязывает себя человеку настолько, что от человека остается только одно — не более, чем некий пребыватель в Г., даже уже не горожанин.

Из Г. ныне по мере возможности бегут, но… чтобы вновь в него непременно вернуться, ибо каждый житель Г. ничего не может без Г., он его хоть и не органичная, но зато прочная принадлежность. В Г. есть все, кроме солнца, неба, воздуха, земли, леса, реки, травы, в общем — природы, а нет главное, покоя, а соответственно, и полноценной жизни. Жизнь в современном Г. — не жизнь вовсе, а какое-то «пережизневание», но без этого идиотского «пережизневания» горожанин уже не может. На дачу — да, в загородную усадьбу — да, на ночлег на природе — да, но… с обязательным возвратом в городскую среду, в Г. — в Г.-господин, Г.-насильник, Г.-благодетель. И ничего тут уже не поделать, ничего, кроме дачно-загородного паллиатива, конечно же в какой-то мере и спасительного.

Г. уже превратился не просто в мега-Г., или же супер-Г., он стал уже и анти-Г., вобравшим в себя в буквальном смысле слова *антимир*, явную *инфернальность*, вполне воплощая собою уже вовсе и не воображаемый ад.

И если совсем недавно Г. был еще более или менее сносной, если не вполне подходящей, для человека неприродной средой обитания, то сегодня это уже не что иное, как неприродная, но уже не среда, а самая настоящая *антисреда*, причем уже и не обитания, а какого-то перебывания, когда человеку остается лишь… нет, не страдать даже, а попросту находится в непрерывном стрессе, ежеминутно борясь за свое нелепое существование.

Современный Г. — не более и не менее как убийца — что человека, что жизни, что самого Г. Если *апокалипсис* вообще возможен, то он как раз в Г. уже и развернулся, увлекая человека-горожанина к *эсхотологическому* концу — в любом варианте *постчеловеческому*.

Ю.М. ОСИПОВ

Земля (1)

Земля — твердая поверхность планеты Земля, по преимуществу годная для обитания человека, присвоения даров природы, размещения его построек, культурного возделывания и иной хозяйственной деятельности, в то же время и фактор (участник) человеческого хозяйства, используемая человеком природная производительная сила.

Человек бытует на *земле* (З.), на земной (от планеты Земля) тверди, хотя от может бытовать на воде и в воздухе? даже и в космосе, но… заменяя природную земную твердь искусственной твердью — кораблем, судном, ковчегом, т. е. неприродным аналогом З.

Человек — существо именно земное, и З. для него значит очень многое — опору, площадку, пространство, источник жизненных благ, саму возможность жизни. Вне З. нет человека, хотя он и способен проводить какое-то время вне земной суши и даже вне земной поверхности. З. — фундаментальный фактор жизни, пока ничем не замещаемый. Иное дело, что З. может иметь совершенно естественный, природный, первородный образ, а может иметь образ искусственный: либо еще близкий к естественному, либо уже очень от него далекий. З. — не только фактор человеческого *хозяйства* (Х.), его условие и участник, но и объект Х., а потому под хозяйственным воздействием человека она меняет свой облик. Дикая З. — одно, окультуренная — другое, закрытая асфальтом — третье. Однако везде и всюду З. — открытая или закрытая, живая или мертвая, поверхностная или грунтовая, твердая или зыбучая, сухая или влажная, сплошная или перемеживающаяся, ровная или волнистая, однообразная или разнообразная, с водой или без воды, теплая или холодная, каменистая или мягкая, лысая или растительная, скудная или обильная, и т. д., и т. п., везде и всюду, как, собственно, и всегда — З. и только З.

Человеку явно нужна З., а вот нужен ли человек З. — большой вопрос?, на который нет однозначного ответа: то ли человек просто эксплуатирует З., ее при этом по-своему переделывая и под себя переустраивая, то ли человек выполняет какую-то демиургическую функцию, совершает важную космическую работу, превращая первозданную З. во что-то другое, пусть и искусственное, но кому-то очень нужное? Либо человек относительно З. просто паразит, пусть и на ней работающий, либо он архитектор какой-то иной З., в которую первозданная З. должна с его помощью превратиться? Так что возможно, что не только З. нужна человеку, но и человек З., но вот для чего? — вопрос

тут открытый, хоть и заманчивый, и ответа ясного тут нет, хоть и возможно какое-то предчувствие. Как бы то ни было, но *философия хозяйства* мимо такого вопроса не проходит, хоть и не рождает ясного ответа, ибо тут господствует трансцендентность: какова она, *телеология* человека, его Х., и какой может предстать *эсхатология* человеческого бытия, хозяйственной жизни человека, его демиургической деятельности? Что же она, З., пособитель лишь для человека, его явная жертва или же объект потребной для нее самой и всего мироздания обработки?

Бытие человека на планете Земля, его жизнь и деятельность, его Х. обнаруживают один исключительно важный феномен — феномен ограниченности З., имеющий разные причины и различное выражение: либо в ограниченной среде обитания; либо в ограниченной плодоносности и производительности; либо в ограниченном пространстве. Разумеется, феномен ограниченности З. дает более всего о себе знать при возникновении неблагоприятного соотношения между пользуемой З. и ее пользователем, когда обнаруживается тот или иной недостаток З. относительно пользующегося ею человека (сообщества людей). Бывает, что поначалу ограниченность З. не бросается в глаза, т. е. З. достаточно, она вполне благоносна, но рано или поздно наступает момент истины — З. оказывается мало, она оказывается слишком скудной, а потому и становится ограниченной.

И для человека живущего, воспроизводящегося и хозяйствующего главным становится преодоление возникающей постоянно ограниченности З. Простейший способ такого преодоления — поиск новой З., расширение ареала обитания либо переход на новое место обитания. Но это вовсе не всегда возможно, ибо чего-либо подходящего либо не найти, либо это подходящее бывает уже занято. Тогда либо мирное проникновение в новый ареал, либо борьба за него с туземцами до уничтожения этих последних. В противном случае — гибель сообщества, столкнувшегося с ограниченностью З. Есть, однако, и другой выход — преодоление ограниченности З. через совершенствование бытия, Х., и переделку ареала обитания, усиление производительной возможности обитаемой З. Это делается через изменение орудий и приемов труда, через творчество, посредством развития культуры, созидания все более сложного искусственного мира.

Для современности с ее глобализацией (планетизацией) человеческого бытия и *хозяйствования* стала характерной глобальная, или планетарная, ограниченность З., которая, правда, не привела еще к войне всех против всех — Армагеддону, мировые и локальные войны весьма обусловливает. И дело здесь не столько в прямом перенаселении пла-

неты, хотя в некоторых аспектах это и имеет место, сколько в обнаруживающейся в новейшее время нехватке ряда природных, основных энергетических и некоторых сырьевых ресурсов, что ощущается прежде всего в несоответствии между образом жизни и Х. миллиардов людей с естественными возможностями планеты.

Экология — не одно лишь нарушение природных равновесий, уничтожение или деградационная эксплуатация природы и З., появление разного рода искусственных патологий, это еще и самая обыкновенная нехватка природы, естественных ресурсов, пространства вообще, З. как таковой, а попросту и планеты в целом.

Серьезная ли это проблема? Очень!

Человек хозяйствующий возлагает большую надежду на культуру, на научно-технический прогресс, на развитие искусственного мира. Человек намерен восполнить своим трудом и изобретательством «нехватку» планеты, в частности, посредством подключения к Х. и бытию иных планет и новых космических источников энергии, но пока проблема нарастает и становится все более угрожающей для всего земельного мира, — и вот тут-то и возникает желание покончить с ограниченностью З. и самой планеты посредством простого сокращения земельного населения, для чего может быть использован особого рода научно-технический прогресс, способный вмешиваться в само народообразование, в механизм зачатия, рождения, жизни и смерти человека, и разве это лишь чистой воды фантазия, — нет, уже нет: именно генетика с биологией в целом, равным образом, и психотропия с кибернетикой, включая оргоружие и нанотехнологии. развиваются сегодня с наибольшим успехом, что не оставляет сомнения в весьма человеконегативистском и совершенно уже расистском исходе великой исторической проблемы — ограниченности планетарной З.

Ю.М. ОСИПОВ

Земля (2)

Земля — парящий в космическом пространстве твердовещественный шар — планета, обращающийся вокруг другой планеты — Солнца, раскаленного огненного шара, излучающего свет, тепло и скрытую радиацию, необходимые для жизни на Земле, имеющей помимо остывшей тверди — литосферы, воду и воздух — эти важнейшие основания жизни, соответственно, имеющей биосферу, т. е. сферу фи-

зической жизни, хомосферу, или сферу человека, его обитания, ноосферу — сферу человеческого сознания, разума, интеллекта, идеосферу — сферу идеального или сферу идей, социосферу — сферу человеческого общежития, или сферу социума, спиритосферу — сферу духа, наконец, метафизическую или трансцендентную, сферу.

Только на *Земле* (З.) *жизнь*, только на З. *человек*, только на З. *сознание, разум, интеллект*. Никакого другого аналогичного места в Космосе человеку неизвестно, хотя он и надеется, что такое место есть. Иное дело, что человек воображает иные миры, физически ему не явленные, признает их существование, но иного, т. е. неземного физического мира, аналогичного земному, человек не знает. Отсюда ощущение космической одинокости человека, ослабляемое и до некоторой степени преодолеваемое лишь религиозным признанием бытия высшего неземного существа — Господа Бога, причем не просто потустороннего (иномирного) существа, но и непосредственно создателя природы и человека, т. е. Бога Творца.

Человек не просто живет на З., он и порожден З. — либо самой по себе З., либо З. с участием Космоса, либо З. с участием Бога Творца. Земная урожденность человека делает З. относительно человека именно *природой*, хотя в природу попадает и весь видимый и осознаваемый человеком Космос. Земное происхождение не мешает человеку помышлять, видя свою в земной природе особость, и о своем неземном происхождении — то ли явленно космическом (космогенном), то ли таинственно сакральном — божественном.

Человек — существо земное, возможно, и неземное тоже, но прежде всего и в основе своей земное, т. е. природное, биологическое, физическое, наконец, попросту материальное, встроенное в столь же материальную, физическую, биологическую, природную З. Без З. нет человека, нет его жизни, но и с З. человек оказывается смертным, во всяком случае, физически смертным, что его немало не устраивает. При жизни человек не свободен от З., и освобождается от нее, да и то нефизически, только со своей смертью. Жизнь привязывает человека к З., и только смерть освобождает человека от З.

З. заставляет человека не только быть на З., не только на ней и в ней жить, но и, разумеется, делать свою жизнь — *хозяйствовать*. Жизнь на З. и в ложе З. — *хозяйство* (Х.), которое при всей своей особенности, вполне адекватно реализации природы вообще, как и всего мироздания в целом.

Человеческое Х. — земное прежде всего Х. Это потом оно становится космическим, с выходом человека в Космос, но и будучи космическим, оно не теряет своей земной составляющей — как отправной

основы, как сферы обитания (космический корабль — кусочек З., земной жизни), как способа бытия (и в космическом корабле все та же, хоть и особенная, земная жизнь). Человек хозяйствует в космосе возя с собой аналог З., земной *дом*, земную обитель, земное Х.

Только с возможным когда-нибудь переходом человека во вполне реальный иной мир, причем при жизни и в ходе жизни, а не после смерти и в ее итоге, возможно обретение человеком неземной жизни и ведение им неземного Х. — пока еще человеку неизвестных, да и не могущих, судя по всему, стать известными. Однако почему же человеку не помечтать о неземном мире, тем более, что многие мечты человеческие сбываются, утопии реализуются, созданные человеком мифы оказываются реальностью. Если человек все-таки не только от мира сего, то почему бы его не покинуть раз и навсегда З., которая его стесняет, держит, угнетает, мало того — неумолимо умершвляет З. — родительное лоно, живительная среда, место обитания, сфера питания, ковчег расцвета, но… но это и пространство заключения, гнета, угасания, смерти.

Хозяйствуя, человек не просто пользуется земной и космической природой, не только с ней взаимодействует, ее переустраивает, но и переделывает ее, мало того, создает из материала природы и что-то неприродное, не рожденное непосредственно природой, ее отрицающее и ей противостоящее, — человек создает на З. что-то неземное, а в Космосе — что-то и некосмогенное, создает то, чего на З. и в Космосе просто нет, что-то явно искусственное. Хозяйствуя, человек творит, мало того, демиургирует, созидая свой собственный — совершенно уже человеческий — мир, устремленный так или иначе от З., но вовсе не обязательно лишь в Космос, пожалуй, что и от Космоса тоже, т. е. в иной уже мир, хотя для человека, кажется, и недоступный.

Земное Х. человека явно телеологично и явно эсхатологично, оно имеет какую-то тансцендентную цель и предполагает какое-то не менее трансцендентное завершение. И в этом трансцендентном стремлении от З., а то и самого Космоса, заключена великая трансцендентная трагедия *человека хозяйствующего* — хозяйственная трагедия, из которой, кажется, всего два только исхода: либо в иной мир, либо к полной погибели, а вот новое хозяйствование кое-как выжившего после хозяйственной катастрофы на З. человека вряд ли может быть признано за достойный исторический исход.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ф.И. ГИРЕНОК

Фиговые листки социальной эпистемологии*

Различение наук о природе и наук о культуре воспринималось когда-то как эпохальное событие, как интеллектуальный подвиг ученых. Возможно, что так оно и было. Но время шло, ореол подвижничества в социальных науках испарялся, и то, чем еще недавно восхищались, незаметно превращалось в околонаучную рухлядь, в банальность и маловразумительные рассуждения (см. также: [1]).

Постепенно методологам науки удалось превратить некогда блистательные имена, такие как Виндельбанд, Риккерт, Дильтей, Брентано, в некий фиговый листок, которым прикрываются самые интимные места социальных и гуманитарных наук. И особенно вопрос о статусе их научности.

Обо всем этом не стоило бы заводить разговор, если бы не находились еще дон кихоты, которые пытаются сорвать фиговые листки социального познания, чтобы обнажить истину и показать ее миру. К таким дон кихотам, на мой взгляд, относится Юрий Качанов, написавший книгу «Эпистемология социальной науки» [2].

Во время чтения этой книги мне на ум приходила одна и та же мысль: а не дурят ли нас эпистемологи социальных наук? Не создают ли они сами вербальные пирамиды? Не хотят ли они присвоить статус науки тому, что наукой не является? Не пытаются ли они одни фиговые листки незаметно поменять на другие? И вот к какому выводу я пришел. Эпистемология социальных наук — это греза начинающего социолога, его соблазняющий самообман. И вот почему я так думаю.

Эпистема

Книгу Качанова я стал читать не с конца, как советовал автор, а с начала, с предисловия. В предисловии же все нити ведут к эпистеме, к концепту, придуманному Фуко. Поскольку меня интересует Качанов, а не Фуко, постольку я принимаю Фуко в изложении Качанова.

Итак, что такое эпистема и зачем она нам нужна. Все дело в том, говорит Качанов, что она, эпистема, науку-то как раз и делает, не бу-

* Размышления по поводу книги Ю. Качанова «Эпистемология социальной науки».

дет ее, не будет и социальных наук, без эпистемы никак нельзя, без нее даже Шюц не получится.

Эпистема, разъясняет нам Качанов, — это «дискурсивное поле, в рамках которого вырабатываются научные представления» [2, 6]. Но не нужно думать, что после этих слов нам покажут как тех, кто вырабатывает эти представления, так и сами эти представления. Ничего подобного Качанов не делает. Вместо этого он монотонно будет убеждать нас в том, что эпистема — это не что иное, как базовый код социальной науки. Но, позвольте, если это код, то это не поле, в котором вырабатывают научные представления. Их вырабатывают там, где нет никакого кода. Код не требует субъектности, к нему не применимо слово «вырабатывать». Код может себя только обнаруживать, осуществлять, показывать. Все это, согласно Качанову, означает лишь, что в те времена, когда социологии еще не было, код ее уже был. Он лишь ждал подходящего случая, чтобы заявить о себе.

Помимо этого, рассказывает нам эпистемолог Качанов, эпистема представляет собой социальную структуру, существующую прежде всех других структур. Я понимаю, что есть структуры и структуры. Я также понимаю, что кролик и его оплодотворенная яйцеклетка — это разные структуры, что между ними дистанция огромного размера, потому что одна из них действительно структура, а другая — это, как сказал бы Делез, тело без органов. Но я не понимаю, почему Качанов код, или тело без органов, называет кроликом, т. е. социальной структурой. Более того, эпистема представляется Качановым как особая структура. Особенность ее состоит в том, что она дискурсивна. А это значит, что мы имеем в ней не просто последовательность суждений, а такую последовательность, которая социально обусловлена. Получается парадокс: с одной стороны, эпистема — это код социальности, а с другой — это то, что этой социальностью обусловлено.

Приведу пример. Я считаю, что красивыми могут быть только здоровые толстоногие и розовощекие девушки с короткими пальцами сильных рук. Это мое суждение социально обусловлено — я живу в деревне. Но неясно, почему я должен считать это суждение научным, почему научными нельзя считать те суждения, которые как раз социально не обусловлены. Ведь социально обусловленные суждения — это докса, мнение. Ответ на эти вопросы прост: в социологии нет социально необусловленных суждений, и задача Качанова состоит в том, чтобы, несмотря ни на что, социологию отнести к наукам. Мне же остается лишь напомнить, что если эпистема — это все-таки код, то она не может быть социально обусловлена. Если же она обусловлена, то это и не код, и не структура, по законам которой конституируются все

другие структуры. Но тогда это мнение улицы, которому Качанов хочет придать статус научности, ибо, если я правильно понял эпистемологию, научным, по Качанову, является любое суждение из научного производства дискурса. Иными словами, все, что скажет социолог, — это и есть наука. Социолог, в изложении Качанова, предстает в качестве психоаналитика, задача которого состоит в том, чтобы навязать нам свои комплексы, т. е. дискурсы.

Конечно, эпистемологу многое можно простить, в конце концов, эпистема — это только эпистема. А вот, например, Фуко — это все-таки Фуко. У него, как и у Маркса, есть «исходная клеточка исследований». У Маркса она называется товаром, у Фуко — эпистемой. Маркс выделяет особый товар — рабочую силу. Фуко выделяет особый дискурс — код. Маркс извлекает из своей клеточки схему буржуазного общества. Фуко извлекает из дискурса социальный порядок.

Но Качанов — это не Фуко. Качанов идет дальше Фуко и глубже Маркса. У него в эпистеме спрятан глубинный уровень социологического знания. Для того чтобы достичь этого уровня, нужно быть делосским ныряльщиком. Нырнет социолог в пучину эпистемы и любуются ее порядком, но, когда вынырнет, у него с собой никаких новых знаний не оказывается и рассказать ему нам нечего. Поэтому главный тезис Качанова звучит так: социология существует не для профанов, а для социологов. Пока живо племя социологов, будет жив и ученый дискурс о социальной действительности, будет жива эпистема. А поскольку все эти социологические дискурсы разные, постольку социологом может быть лишь тот, кто удерживает эти различия.

Субъективность

Качанов пишет: «Использование понятия “эпистема” предполагает, что субъективность и интенциональность выступают функциями социальных структур (общественных отношений, практических схем и т. д.), а не как нечто первичное» [2, 7]. Если бы субъективность выступала как нечто первичное, мы бы имели дело с антропологической реальностью, которая всегда противостоит социальной реальности. Но Качанов не антрополог, а социолог. Он отправляет антропологическую реальность в ссылку, на периферию. Антропологическая стихия обозначается в социологии словом «девиация». Социологи с завидной постоянностым пытаются поставить ее под контроль и сделать производной от социальных структур. Вот и Качанов репрессирует человека, отнимая у него субъективность и передавая ее социуму. Субъективность — это для него не качество человека, а функция социальных структур. Таковы требования к человеку современной социальной

эпистемологии. Но если это так, то Качанову нужно признать, что верит в Бога не человек, а некое социальное отношение, что вера вообще — это не антропологическая проблема, а социальная. А это значит, что не я верю, а верит то отношение, в которое я как покупатель вступаю по отношению к продавцу, т. е. верит некое ролевое социальное отношение. Это не я, а социальная структура обладает субъективирующим мышлением, любуясь цветами и наслаждаясь их ароматом. Она же страшится смерти, экзистирует и видит сны.

Приписав субъективность бессубъектным структурам, социальная эпистемология заставляет социальные отношения выполнять функции трансцендентального субъекта. Но, устраняя субъект-объектный дуализм, эпистемологии нужно радикально пересмотреть весь состав как субстанциалистских, так и реляционных понятий. И, прежде всего, ей нужно ввести представление о беспредметной социологии и неинтенциональном сознании. Но этого-то как раз Качанов и не делает. Тем самым эпистемолог, выходя за пределы субъект-объектных отношений, сам того не ведая, попадает в пространство нейтрального опыта или, что то же самое, в пространство мистерии и социальной алхимии. Следовательно, ему нужно научиться говорить на языке, по крайней мере, тождества субстанций и субъекта, на котором любая теория оказывается практикой, а не знанием-репрезентацией.

Я должен признаться, что мне очень нравится мысль Качанова о том, что социальное знание выступает как знание различий между дискурсами социологов. Замечу лишь, что знание различий — это не научное знание. Это не то знание, которым удерживается различие между знанием и заблуждением. Поэтому я хочу напомнить эпистемологам, что после расставания с субъектом возникает нужда не в событии истины, а в беспредметном эффекте; не в объективированном знании, а в действии внутри самой социальной реальности.

Истина

Рассуждения Качанова об истине социальных наук противоречивы. Вместо того чтобы отказаться от употребления этого слова, он придумывает разные метафоры, которые имеют скорее литературный смысл, нежели философский. Вот Качанов говорит об открытости социальной истины. Но истина-алетейя имеет смысл лишь в присутствии истины-мистерии. Между тем эпистемология Качанова игнорирует сам факт ее присутствия. «Докса, — пишет Качанов, — участвует в стихийном воспроизведении социального порядка, а социологическая истина — хотя бы потенциально! — может служить условием его трансформации» [2, 12], т. е. Качанов превращает социолога в революционера. Но

в том-то и дело, что революционером является не социолог, а истина. Любая истина революционна, т. е. антисоциальна и антикультурна. Но вот если добавить к истине прилагательное, то это прилагательное изменит смысл истины. Социологическая истина — это истина, поставленная на службу социуму. Не потому ли Качанов трактует истину как-то по-пролетарски, как встречу «производства социологического дискурса» с социальной действительностью. Само выражение «производство социологического дискурса» звучит пародийно, неуклюже, как будто это фабрика по производству истины. При этом Качанов уверяет нас, что событие социологической истины имеет в себе основания, потому что оно детерминировано внешними отношениями [2, 10—11]. Что, конечно же, смешно. Потому что оно либо детерминировано, либо имеет в себе основания и никакой псевдодиалектики здесь быть не может. Равно как истина не может быть избыточной только лишь потому, что она не сформирована целиком и полностью социальными структурами. Если она сформирована хотя бы отчасти, то эта часть лишает любую истину полноты и избыточности.

Резюме

Завершив чтение «Эпистемилогии социальных наук» Ю. Качанова, я понял, что самое ценное в этой книге содержится в послесловии. Я согласен с Качановым, что в русской социологии нет места социальной истине, но в отличие от Качанова, я думаю, что ей нет места и во всякой социологии. Я согласен, что если социологи и могут что-то делать, так это мыслить, но мыслить и знать — это разные вещи. В социологии знания не сопряжены с мыслью, а мысль — со знанием. Самое интересное состоит в том, что социология в России даже мыслить не умеет. Мы умеем только более или менее талантливо пересказывать чужие мысли, но это-то и обидно.

Послесловие Ю. Качанова к книге «Эпистемологии социальной науки» ценно тем, что оно действительно срывает фиговые листки со всего корпуса социальных, как, впрочем, и гуманитарных наук. Поэтому я говорю: не читайте книгу Качанова с начала. Читайте ее с конца. Не читайте его эпистемологию. Читайте сразу же его послесловие.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Почему закатилась звезда социальных наук // Философия хозяйства. 2008. № 3 (57).
2. *Качанов Ю.Л.* Эпистемология социальной науки. СПб., 2007.

Н.В. КРАВЧУК, Н.Н. КРАВЧУК

О взаимосвязи физики и философии*
(к 80-летию квантовой механики)

> Разум не любит плохо задуманных исследований, не оставляющих никакой надежды довести их до конца — ему предпочтительнее полагать, что в один прекрасный день он сумеет обнаружить простейшие элементы мироздания, а затем ему останется лишь почивать на лаврах.
>
> *А. Пуанкаре*

Отмеченная выдающимся французским ученым особенность «разума» явилась одним из главных мотивов развития науки с древнейших времен. Но с другой стороны, история науки свидетельствует и о том, что она же периодически приводила также к появлению утверждений о скором «завершении» науки, а то и о ее «конце» (или хотя бы какого-то из ее разделов). В действительности же подобные явления практически всегда оказывались лишь признаком наличия «предреволюционной» ситуации в этой науке (имеется в виду «научная революция» в смысле Т. Куна [1]).

В физике приближение к такой ситуации проявляется в возрастании активности прежде всего физиков-«мыслителей» (или «натурфилософов», предполагая под таковыми личности типа гетевского Фауста), но также и физиков-«вычислителей» (или «конструктивистов», т. е. по сути своей людей типа доктора Вагнера из того же «Фауста») — естественно, по разным мотивам, которые мы обсудим впоследствии. Именно первые играют важнейшую роль в периоды упомянутых революций, как и в процессах смены парадигм, хотя их бывает, как правило, немного...

Впрочем, люди именно такого склада стояли у самых истоков науки вообще, и они известны нам как *натурфилософы* — без кавычек, и первые из таковых появились в Древней Греции. Сразу хотим отметить, что в среде физиков бытует мнение, якобы тогда не было ни науки, ни ученых, поскольку не было и самого понятия *закона природы*. Действительно, оно появилось почти два тысячелетия спустя, однако греки-то рассматривали *картину мира в целом*, почему собственно и носят имя натурфилософов (см.: [2]), впрочем, физика-то была уже в

---

* Размышления по итогам семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Физика и обществознание: единение, конфликт или творческий союз?», прошедшего в МГУ 13 октября 2007 г.

древности — достаточно вспомнить Архимеда. И с тех времен философия и физика идут почти рядом, хотя периодически вперед вырывается то одна, то другая.

На сперва была философия, и наш взгляд, тут выделенное место среди античных мыслителей должно принадлежать Анаксимандру из Милета, жившему в VI в. до н. э. и ставшему первым из мыслителей, кто ввел в рассмотрение некое вечное и безграничное (перво-) начало. Оно известно как *апейрон* и является источником всего «сущего», при этом не имея каких-либо «качеств», да и определенности вообще. Анаксимандр же объяснял и появление (рождение) «мира» при обстоятельствах, когда появляются, обособливаются и сталкиваются друг с другом противоположности — прежде всего «тепло» и «холод». Весьма существенным моментом в его подходе было то, что через определенное время «мир» должен поглощаться первоначалом, т. е. тем же апейроном, а затем снова рождаться.

Следующим натурфилософом такого класса оказывается Гераклит из Эфеса, считавший основным элементом «логос», который следует понимать правдоподобнее всего как «закон, который управляет мирозданием» (см.: [3]). С другой стороны, именно он впервые определил и «космос», как упорядоченную, организованную «вселенную». Хотя большинство из наших современников знает Гераклита скорее *ударением* на концепции изменчивости бытия, его движения и характеристик.

Затем подобные концепции на серьезном уровне рассматривали *элеаты*, среди которых первым был Парменид, детально проанализировавший фундаментальную альтернативу «бытие — небытие» в пользу первого. Он же исследовал затем и основные свойства «бытия» — его вечность, завершенность, неподвижность (мы понимаем это как отсутствие направленной эволюции), целостность (означающую, что «бытие» не делится на «части»), а также его однородность.

Именно эти свойства после Парменида изучал знаменитый Зенон (тоже из Элеи) «парадоксальным» образом в своих апориях, и при упомянутом выше понимании они не выглядят такими уж парадоксами! Третьим выдающимся представителем этой школы, по нашему мнению, следует считать Мелисса, развивавшего исходные представления Парменида касательно единого, неделимого и неподвижного бытия, причем он сделал ударение на его неограниченности — в смысле бесконечности, в отличие от Парменида.

И такая вот — вроде сугубо философская — категория «бытия» появляется, как увидим впоследствии, уже и в современной натурфилософии, в которую постепенно перерастает современная физика, в част-

ности квантовая теория. Конечно, теперь она проявляется в виде точно определенных структур, т. е. на качественно ином уровне.

Касательно позиций других античных философов — и соответствующих картин мира, не упомянутых здесь (как и последующих за ними), — о них говорится более подробно в наших предыдущих работах [2; 4]. Здесь же завершим данный экскурс замечанием, что к закату античности представления о картине мира приобрели более-менее систематизированный вид в трудах Аристотеля. Позднее они были упрощены и приведены к следующему виду (хотя мы употребили тут не присущую в общем-то античным мыслителям концепцию законов природы): чтобы согласовать результаты наблюдений над природой «земной» и «небесной» соответственно, Аристотелем принималась парадигма, что одни законы действуют для первой, тогда как совсем иные — для второй.

Эта парадигма продержалась до Нового времени, когда плеяда ученых (новых «натурфилософов») — от Галилея, Декарта, Ньютона и Лейбница до Ломоносова — пришла — уже на основании *опытных данных*, а не априорных размышлений — к иной картине мира. Существенным элементом тут послужила концепция *закона природы* (о чем как-то не упоминают историки), как некоего правила, которого придерживается природа. Нам представляется, что концепция эта выросла из христианской концепции «заповеди Божьей», предписывающей определенное поведение людям, но теперь — уже и явлениям. А устранив из этого понятия «Божий промысел», появилась и цель: открывать законы природы, управляющие ее развитием, и таким образом «покорять природу», что было осознано значительно позже (впрочем на этом остановимся далее).

А в результате с XVII в. началось весьма бурное развитие науки, и в первую очередь физики — как науки базисной, что привело два века спустя к весьма поучительному для нас выводу: физика тогда представлялась большинству ученых уже почти завершенным зданием, стоящим на трех китах: классическая механика, термодинамика и теория поля (электромагнитного).

Известно, что первая из них к началу XIX в. действительно достигла совершенства как очень математизированная наука, и венцом в этом направлении послужили работы Лапласа (а чуть позже — Гамильтона). Она была к тому же прочным базисом для тогдашней астрономии, как и для большинства прикладных инженерных наук. Но при этом получила логическое завершение и *продолженная* парадигма Галилея — Ньютона, причем продолжение это состояло в неявном принятии «масштабной инвариантности» законов механики. Таким образом,

подразумевалось, что законы механики верны как в мегамире, так и в микромире — например, тот же Лаплас утверждал, что «кривая, описанная простою молекулой, определена так же точно, как и орбиты планет»!

А последующее открытие закона сохранения и *превращения* энергии в середине XIX в. (охватывающее и термодинамику) рассматривали как подтверждение тезиса о механическом единстве мира, функционирующего просто как некая гигантская машина. Более того, к концу XIX в. Больцман, а затем и Гиббс построили статистическую механику, позволяющую объяснить термодинамическое поведение вещества, исходя в общем-то из механических представлений о микрочастицах, «опосредуя» их вероятностными рассуждениями.

Тогда же, в результате исследований Максвелла, использовавшего в своей работе механические же аналогии, появилась и электромагнитная составляющая физической картины мира. Вследствие всех этих обстоятельств, известный американский физик П. Милликен позволил себе утверждать, что «все великие открытия в физике уже сделаны» и что дальнейший прогресс будет состоять не в открытии качественно новых явлений, а скорее в уточнении количественных характеристик уже известных.

И даже Ф. Жолли — учитель М. Планка — писал: «*Конечно, в том или ином уголке можно еще заметить или удалить пылинку, но система как целое стоит крепко, и теоретическая физика заметно приближается к той степени совершенства, каким уже столетия обладает геометрия*» [5, 15—16]. В том же духе высказывался в 1915 г. (!) и «король математиков» Давид Гильберт: что «*вполне возможно… сделать из физики науку такого рода, как геометрия*» [6]!

Однако, по нашему мнению, все эти утверждения не следует рассматривать как свидетельство некой «слепоты» (как иногда можно наблюдать), но скорее как следствие упомянутой Пуанкаре склонности «разума», проявившейся теперь в виде *линейной экстраполяции* тех тенденций развития науки, которые наблюдались уже два века. Да и более того, к тому времени концепция *закона природы* незаметно расщепилась на следующие составляющие: *закона движения* (а то и просто *уравнения* движения), имеющего универсальный характер, и на *начальные условия*, характеризующие специфические, частные, ситуации.

Иначе можно сказать: законы выделяли *простое и универсальное* (или *общее*) в природных феноменах, в отличие от *сложного и специфического*, характеризуемого как раз начальными условиями. Но, по нашему мнению, при этом была потеряна та цель, которая восходила к

античным натурфилософам — *понять Природу*, а не просто научиться вычислять некоторые ее характеристики. Действительно, закон движения означает по сути лишь перенос во времени некоего феномена, т. е. если известно, что он имеет место в момент $t = 0$, то закон движения дает возможность сказать, что он же происходит и в момент $t > 0$, но ничего не говорит о том, *что же* происходит в реальности, какова суть феномена. И проблема тогда переносится на знание (соответственно, понимание) начального состояния.

Однако для тех ученых, которых называют конструктивистами, это вовсе не обязательно — для них законы природы есть не более чем средство для предсказания результатов экспериментов, не вдаваясь в сущность феномена. А все содержание физической теории (для них) соответственно состоит в формуле предсказания; и в философском плане конструктивисты по сути смыкаются с (логическими) позитивистами и номиналистами.

Причем эти представления были достаточно широко распространены, хотя в то же время и признавались спорными. И тем не менее, их наличие оказалось полезным в практическом плане, по крайней мере, для значительной группы физиков, при построении в последующем теории атомных явлений, как убедимся далее.

С другой стороны, еще с начала XIX в. потихоньку накапливались и те *опытные* факты и явления, которые не могли быть поняты в рамках предшествующей парадигмы, т. е. начали появляться первые вестники «предреволюционной ситуации» (хотя до самой «квантовой революции» оставалось еще целое столетие).

Первым тут оказалось наблюдение немецкого физика Й. Фраунгофера, обнаружившего при изучении явлений преломления лучей света (1817) в сплошном солнечном спектре ряд узких черных линий. А через 45 лет Кирхгоф и Бунзен (тоже из Германии) нашли при исследовании излучения раскаленных светящихся паров различных металлов (пропуская его через призму), что каждому из них присущ *свой набор* узких цветных линий (спектр линий излучения), который вполне характеризовал данный элемент среди других.

Так и пришли к *спектральному анализу*, который должен был както отражать внутреннюю структуру атомов этого элемента, как стали догадываться ученые после открытия Д.И. Менделеевым (1864) Пе-

риодической системы элементов[1]). А вот саму эту систему стало возможным понять только после открытия квантовой механики.

В самом же конце XIX в. (1895) Жаном Перреном были открыты *электроны* при исследовании им «катодных лучей», а еще через два года известный физик Дж.Дж. Томсон измерил отношение массы электрона m_e к его заряду e_o. Ныне известно, что m_e = 0,91· 10^{-27} *г*, а e_o = 1,6 ·10^{-19} *Кл*, как и то, что они являются минимальными в мире элементарных частиц.

В то же время (1896) А. Беккерель открыл явление *радиоактивности* — спонтанный распад ядер урана, при котором испускались три типа «лучей»: α-частицы, β-частицы и γ-излучение.

На основе этих опытных фактов Дж.Дж. Томсоном и была предложена своя модель атома, неудовлетворительность которой стала ясной очень скоро. Все это вело к осознанию неприменимости прежней парадигмы к явлениям атомных масштабов и поиску новой таковой.

Появление квантовых представлений

Любопытно, что именно в 1900 г. произошел прорыв в области теории, который был связан с гипотезой М. Планка о существовании квантов излучения, позволившей устранить так называемую ультрафиолетовую катастрофу. А всего пять лет спустя А. Эйнштейн объяснил с ее помощью и явление *фотоэффекта*, заключающееся в том, что энергия излучаемых при нем «фотоэлектронов» зависит не от интенсивности света, а от его частоты. Он просто предположил, что электроны вещества поглощают свет тоже квантами с энергией $h\nu$, расширив, таким образом, гипотезу Планка. Все это через десять лет привело к понятию фотона, как кванта γ-излучения, что проделал опять таки Эйнштейн!

Параллельно Э. Резерфорд предложил свою планетарную модель атома, базировавшуюся на его же исследованиях структуры атома, но и она не смогла объяснить результатов экспериментов. Затем Н. Бором был сделан следующий шаг (1913): он предложил свою модель атома водорода, где по сути расширил предыдущие квантовые гипотезы на данную ситуацию путем принятия ряда постулатов. Эта модель уже позволяла объяснить множество опытных данных.

Затем был эффект Комптона, который, напомним, состоит в увеличении длины волны γ-излучения, рассеянного на электронах, по срав-

[1] Любопытно отметить, что именно Периодическая система была единогласно признана учеными самым выдающимся достижением во всей истории человечества в области наук о материалах (в феврале 2007 г. на конференции в г. Орландо, США)!

нению со «входной» их длиной, что тоже невозможно понять в рамках классической теории.

Но *решающую роль* сыграли все же следующие «классические» эксперименты, которые не могли объяснить никакие предыдущие модели. Мы опишем их весьма кратко, скорее напоминая о них, подчеркивая, что все описанное выполняется для *отдельных* микрочастиц, будь то фотоны, электроны или нейтроны.

1. Первыми отметим опыты по *дифракции* упомянутых частиц, которые явно демонстрировали их волновые свойства.

2. Следующим типом опытов были *интерференционные*, о которых скажем чуть подробнее. В них имеется интерферометр — прибор, состоящий из источника частиц, которые могут проходить через экран, имеющий всего две узких щели, и затем экран, детектирующий прошедшие через щели частицы. Опыт показывает, что при только одной открытой щели (на первом экране) на втором наблюдается колоколообразное распределение для ансамблей частиц, но при обеих открытых на втором экране наблюдается известная интерференционная картина, состоящая из чередующихся темных и светлых полос.

Но если затем между этими щелями поместить еще две, то вместо возрастания освещенности экрана, она уменьшается вдвое! Но это еще не самое парадоксальное: оказывается, если в первом или втором случае установить около какой-либо щели детектор, могущий *в принципе* установить, проходит ли через нее частица, то — независимо от того, наблюдалась частица или нет — интерференционная картина пропадает! Так что даже попытка «подсматривания» за квантовым объектом лишает его волновых свойств.

3. Еще один поучительный опыт доставляет нам прохождение фотонов через два или три поляризатора. В случае двух таковых при различном взаимном положении поляризаторов получаем следующие варианты: либо полное прохождение фотонов, либо части их — с некоторым коэффициентом (= $Cos^2\alpha$, где α — угол наклона второго поляризатора), либо ни одного, если $\alpha = \pi/2$ (т. е. $\alpha = 90^o$).

Но если в этом последнем случае между упомянутыми поляризаторами поставить третий под углом $\alpha_3 \neq \pi/2$, то *снова появляются* фотоны, но их доля уже пропорциональна $Sin^2\alpha_3\ Cos^2\alpha_3$!

4. Следующий опыт наиболее впечатляет и состоит в прохождении фотонов по двум разным путям одинаковой длины, получающимися расщеплением исходного пучка полупосеребреным зеркалом, и получившиеся два пучка затем отражаются обычными зеркалами и, наконец, собираются вместе снова посредством полупосеребреного

зеркала. В результате оказывается, что фотон идет только по одному пути, а именно — параллельному к начальному направлению.

Однако, если и тут попытаться «подсмотреть» — по какому же пути прошел фотон (причем даже и не обнаружив его!), получается, что в результате он обнаруживается в равной вероятностью уже в двух взаимно перпендикулярных направлениях! Причем данный опыт имеет множество различных вариаций.

И все эти «хитросплетения» (полученные из опыта, подчеркнем!) достаточно просто объясняет квантовая механика — теория, построенная по сути методом «мозгового штурма» группой теоретиков, так или иначе группировавшаяся вокруг упомянутого выше Н. Бора из Копенгагена, с 1925 по 1928 г. О деталях этого имеются десятки воспоминаний самих участников событий, сотни книг и тысячи учебников и т. п.; мы отсылаем за этим к книге М. Джеммера [7].

И так получившаяся квантовая механика сразу начала давать поразительные по точности результаты, объясняющие всевозможные опыты (в том числе все предыдущие), но затем начали проявляться и принципиальные проблемы, впервые проявившиеся в наиболее острой форме в известных дискуссиях между двумя крупнейшими физиками той «героической эпохи», как сами физики удачно окрестили эпоху рождения квантовой теории, а именно — Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном.

Осветить историю некоего физического принципа — значит вместе с тем провести его логический анализ (П. Дюгем).

Думается, эти слова французского философа удачно соотносятся с нашей темой. Напомним, что началом этого спора принято считать осень 1927 г., и совпало оно со временем формулировки квантовой механики, хотя первая работа В. Гейзенберга [8], одного из главных творцов этой теории, появилась еще в 1925 г., а уж за ней последовал и ряд других. И тем не менее, по свидетельству самого Гейзенберга, еще осенью 1926 года большой проблемой было осознание новой концепции состояния физической системы. Он впоследствии описал это в одной из своих работ так: «Таким образом, даже в то время никто не знал, что же реально означает понятие дискретного стационарного состояния.

Постепенно после многочисленных дискуссий выяснилось, что проблематичным было даже не понятие дискретного стационарного состояния, а более общее понятие состояния» [9, 83].

Но к осени 1927 г. квантовая механика уже представлялась в основном завершенной теорией, а потому эта тема оказалась главной на V-м Сольвеевском конгрессе физиков, где и произошло первое публи-

чное столкновение Бора с Эйнштейном. Именно этот конгресс, те дискуссии, которые проходили на нем, и способствовали окончательной „легализации" копенгагенской формулировки квантовой механики как достаточно законченной теории, которая и была вскоре изложена в нескольких монографиях, причем такими авторами, как Г. Вейль, В.А. Фок и И. фон Нейман. Но все же наиболее удачной оказалась попытка молодого британца П. Дирака, который в книге «Принципы квантовой механіки» (1930) [10] не только четко и ясно сформулировал сами эти принципы (а затем и развил их), но затем предложил и *особый язык,* оказавшийся вполне адекватным ситуации (что и подтвердилось в ходе дальнейшего развития этой теории).

Чтобы зафиксировать позиции, стоит сразу же привести некоторые принципиальные положения этой книги: «Новые теории, независимо от их математической формы, построены на основе таких физических понятий, которые не могут быть объяснены с помощью известных ранее понятий, и даже не могут быть объяснены адекватно словами вообще. Подобно тем основным категориям, которыми каждый человек должен овладевать с рождения... новые физические понятия можно освоить лишь при продолжительном знакомстве с их свойствами и их употреблением» [10, 15]!

А несколько далее он еще усиливает свои тезисы: «…главная задача физической науки состоит не в том, чтобы снабжать нас наглядными картинами, а в том, чтобы сформулировать законы, управляющие этими явлениями, и использовать эти законы для открытия новых явлений. Если наглядная картина существует, то тем лучше; однако существует она или нет — это лишь второстепенный вопрос. В случае атомных явлений нельзя ожидать, что существует наглядная картина в обычном смысле этого слова, в котором под "наглядной" понимается модель, действующая в основном по классическим принципам» [10, 24]. По нашему убеждению, приведенные утверждения имеют источником именно позицию Нильса Бора, как попытаемся обосновать ниже.

Однако сразу же после этого идет несколько отличное утверждение (по сути учитывающее уже точку зрения А. Эйнштейна): «Можно, однако, расширить смысл слова «картина» так, чтобы включить в него любой *способ рассмотрения основных законов, при котором их взаимная согласованность становится очевидной*. В этом, более широком смысле слова, картина атомных явлений постепенно раскрывается по мере изучения законов квантовой теории» [10, 24].

Также следует отметить приведенное Дираком блестящее обоснование роли математики в квантовой механике: «Математика есть ору-

дие, специально приспособленное для овладения всякого рода абстрактными понятиями, и в этом отношении ее могущество беспредельно. По этой причине всякая книга по современной физике, если она не ограничивается чистым описанием экспериментальных работ, должна быть существенно математической книгой. Тем не менее, математика есть лишь орудием, и нужно владеть физическими идеями безотносительно к их математической форме» [10, 15]. В этой цитате уже просматривается и учет позиции математиков, упоминавшихся выше, а именно Г. Вейля, И. фон Неймана, как и ряда других, принявших активнейшее участие в построении новой теории.

Думается, что именно учет этих влияний и вкладов, притом при громадном вкладе — в виде собственной творческой переработки их — и привел к тому, что книга Дирака сразу попала в золотой фонд науки и останется в нем навсегда. Однако мы-то здесь хотим выделить вклады в развитие квантовых концепций именно Н. Бора и А. Эйнштейна, тем более, что многие родились именно в ходе упомянутой дискуссии. И не следует забывать при этом, что Эйнштейн и Бор, вместе с М. Планком, еще до того внесли существеннейший вклад в развитие квантовых представлений вообще!

Конечно, мы не станем описывать ни ход этой дискуссии в деталях, ни даже говорить о мысленных экспериментах Эйнштейна да их «опровержениях» Бором (об этом см. [11]). Наша задача здесь — представить *суть позиции* каждого из них, причем выраженную не только ими самими, но и другими (прямыми или косвенными) участниками дискуссии — тоже, как правило, титанами! А это в конце концов обнажает те принципиальные расхождения во взглядах на природу реальности, которые все больше приближались к области «натуральной» философии.

Известно, что главные проблемы теории возникли в квантово-механическом описании процесса измерения микросистемы посредством макроскопического прибора, при котором как раз и возникают известные парадоксы, имеющие источником «редукцию волнового пакета», о чем подробно говорится в нашей книге [12]. Вот какова была позиция Бора по этому вопросу: «Как бы далеко не выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий… Поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами» [11]. Но и более того, на самом деле, согласно Бору, «данные, полученные при разных условиях опыта, не могут быть охвачены одной-единственной картиной; эти данные должны скорее рассматриваться как *дополнительные*, в

том смысле, что только совокупность разных явлений может дать более полное представление о свойствах объекта» [11].

Хорошее разъяснение позиции Бора принадлежит нашему ученому — академику В.А. Фоку, который прежде всего уточняет концепцию прибора: «Мы можем назвать “прибором” такое устройство, которое с одной стороны, может взаимодействовать с микрообъектом и реагировать на его воздействия, а с другой стороны, допускает классическое описание (и, следовательно, не нуждается в дальнейших “средствах наблюдения”)» [13]. Последнее замечание касается интерпретаций, вытекающих, вообще говоря, из «копенгагенской», т. е. по сути из позиции Бора.

И Фок был одним из первых (после Эйнштейна, разумеется), кто подчеркивал «односторонность точки зрения Бора»; а именно, он отмечал, что: «все усилия Бора направлены к разъяснению ограниченности старых классических понятий, а не к разъяснению новых понятий, вводимых квантовой механикой... Данная Бором блестящая демонстрация ограниченности классических понятий не сопровождается хотя бы кратким указанием на то, чем они будут заменены» [14, 599—601].

Затем Фок обьясняет причину такой позиции: «дело здесь в той роли, какую Бор приписывает аппарату квантовой механики. Бор упоминает о нем только мимоходом и главным образом для того, чтобы подчеркнуть его, будто бы, исключительно символический характер. Математические символы квантовой механики, в отличие от математических символов классической физики, сами по себе не имеют, по Бору, физического смысла, и служат только “надлежащим средством для дополнительного способа описания”, как говорит Бор в другой своей работе» [14].

А значительно позже также и известный американский исследователь А. Легетт обострил эти утверждения к следующему: «Нильс Бор стоял на той точке зрения, что не следует даже рассуждать о микроскопических объектах, таких как электроны или атомы, *как о предметах*, имеющих какие-либо свойства, до тех пор, пока не дано полного описания экспериментальных установок, используемых для их измерения. С этой точки зрения электроны и атомы представляют собой просто связующее звено между конкретным макроскопическим прибором... и сериями макроскопических событий (срабатывание счетчиков и т. д.), при помощи которых экспериментатор получает интересующую его информацию, и которые с необходимостью должны быть описаны на языке классической физики» [15, 675].

Потому и неудивительно, что в конце концов Бор приходит и к следующим, уже философским выводам: «Независимая реальность в обычном (т. е. классическом) смысле не может приписываться ни явлениям, ни средствам наблюдения... Сама природа квантовой теории заставляет нас считать пространственно-временную координацию и требование причинности, союз которых является характеристикой классических теорий, дополнительными, но взаимоисключающими чертами описания, символизируя идеализацию наблюдения и определения, соответственно» [16, 580]. А дальше — и более того: «Нашей задачей является не проникновение в сущность вещей, значения которых мы не знаем так или иначе, но скорее, развитие понятий, которые позволяют нам продуктивным образом говорить о явлениях в природе» (из кн.: [17, 35]).

И в конечном счете он приходит к следующему заключению (если верить А. Пайсу, из книги которого и извлечены нами следующие радикальные выводы): «Нет квантового мира. Есть лишь абстрактное квантово-физическое описание. Неправильно думать, что задачей физики есть ответить на вопрос, откуда взялась природа… Что это такое, от чего мы, люди, зависим? Мы зависим от наших слов. Нашей задачей является сообщить об опыте и идеях другим. Мы зависли в языке» [17, 36]. Вот здесь уже видна его принципиальная позиция — позитивистская, которая и привела Бора к инструментализму — усиленной версии конструктивизма, о котором речь шла в первой части работы. Но по-видимому, благодаря этому мы и получили ту «замечательную логическую систему» — квантовую механику, как о ней выразился Дж. Препарата (см. далее).

Однако до сих пор мы касались в основном лишь позиции Н. Бора и его школы, а не рассматривали таковой А. Эйнштейна, который размышлял над проблемами квантовой физики многие годы (что обычно не учитывают ни в учебниках, ни в монографиях по квантовой механике), результатом чего и явилась знаменитая работа [18] (1935).

Но прежде чем обратиться к ней, представляется уместным привести (неожиданный для многих) взгляд на квантовую физику и события того времени, современного итальянского теоретика Дж. Препарата, имеющего к тому громадный опыт преподавания физики, изложенный в его недавней книге: квантовая физика «…как (пока не завершенная) научная революция обладает одной характерной особенностью — основные идеи и достижения данного нового и глубокого подхода к изучению физической реальности и по прошествии столетия никак не могут прижиться в наших умах, будучи несовместимыми с тем, как мы понимаем мир, и с тем, чего от него ждем.

Эта новая и неожиданная ситуация, несвойственная другим научным революциям,…обусловлена, на мой взгляд, тем специфическим толкованием основных законов квантовой механики и ее математических результатов, которое бытовало в 30-е годы, и которое обычно связывается с именем Н. Бора, имея в виду копенгагенскую интерпретацию. Такое толкование страдает от ряда странных и даже нелепых “догм” относительно структуры физического мира» [19, 10]. Так что видно, что и 80 лет спустя пожелание Дирака об «освоении новых физических понятий» не выполняется! А далее Препарата приводит очерк истории становления квантовой физики, приходя в результате к следующим достаточно шокирующим выводам:

«Теперь можно понять причины, направившие физику на новый сомнительный путь, разорвавший связи с великими традициями реализма, который отметил развитие современной науки. Широко известен спор между А. Эйнштейном и Н. Бором на конференции в Сольвее в 1927 году, в котором убежденный реалист (Эйнштейн), обладающий своим интеллектуальным могуществом, пытался противостоять новому традиционалистическому, и в основном скептическому, подходу (Бора)…

Возражениям Эйнштейна, которые были основаны на его философских изысканиях, Бор мог противопоставить замечательную логическую систему, не имеющую ни одного слабого места после принятия ее странных постулатов. А научному объединению, чьи интересы в атомистических аспектах физического мира сильно возрастали, безотказно работающей квантовой копенгагенской механики было более, чем достаточно, чтобы приписать победу Бору, вытолкнуть Эйнштейна за пределы физики (! — *Н.К., Н.К.*) и остановить выслушивание его возражений, которые стали особенно меткими в печати (1935 г.), написанные в содружестве с Розеном и Подольским (которые показали т. н. ЭПР-парадокс).

В таком случае препятствием для дальнейшего полного развития квантовой физики стала атомная революция — действительно успешная революция нашего столетия» [19, 17—18].

Вот после такой достаточно нетрадиционной трактовки пора уже привести достаточно полно и аргументацию самого Эйнштейна, которая и была четко изложена (в суммированном виде) в статье ЭПР [18]. Тем более это необходимо, что ее часто цитируют настолько выборочно, что разрывается цепочка рассуждений. Эта статья начинается так: «При анализе физической теории необходимо учитывать различие между объективной реальностью, которая не зависит ни от какой теории, и теми физическими понятиями, с которыми оперирует теория. Эти

понятия вводятся в качестве элементов, которые должны соответствовать объективной реальности, и с помощью этих понятий мы представляем себе эту реальность.

Для суждения об успехе физической теории мы должны задать себе два вопроса: 1) Правильна ли теория? и 2) Является ли даваемое теорией описание полным? Только в том случае, когда на оба эти вопроса можно дать положительные ответы, концепции теории могут быть признаны удовлетворительными. Первый вопрос — о правильности теории — решается в зависимости от степени согласия между выводами теории и человеческим опытом. Этот опыт, который только и позволяет нам делать заключения о действительности, в физике принимает форму эксперимента и измерения. Мы хотим рассмотреть здесь, имея в виду квантовую механику, второй из поставленных выше вопросов.

Какой бы смысл ни вкладывался в термин “полное описание”, от всякой полной теории, как нам кажется, необходимо требовать следующее: “*каждый элемент физической реальности должен иметь отражение в физической теории*”. Мы будем называть это условием полноты. Таким образом, на второй вопрос легко ответить, если мы сможем выяснить, что является элементами физической реальности.

Элементы физической реальности не могут быть определены при помощи априорных философских рассуждений; они могут быть найдены на основе результатов экспериментов и измерений... Мы удовлетворимся здесь следующим критерием, который считаем разумным. *Если мы можем, без какого то бы ни было возмущения системы, предсказать с достоверностью (т. е. с вероятностью, равной единице) значение некоторой физической величины, то существует элемент физической реальности, соответствующий этой физической величине*.

Этот критерий, рассматриваемый не как необходимое, а только лишь достаточное условие реальности, находится в согласии как с классическим, так и с квантовомеханическим представлением о реальности» [18, 604—605].

Далее в статье авторы на основе элементарных квантовомеханических рассмотрений приходят к выводам, что либо «*1) квантовомеханическое описание реальности посредством волновой функции неполно, или 2) когда операторы, соответствующие двум физическим величинам, не коммутируют, эти две величины не могут быть одновременно реальными*» [18, 610].

Но затем оказывается, что на самом деле альтернативы-то и нет, ибо «…отрицание 1) приводит к отрицанию единственного остающе-

гося предположения 2). Итак, мы вынуждены заключить, что квантовомеханическое описание физической реальности посредством волновых функций не является полным» [18, 610].

Стоит также напомнить здесь и мысленный эксперимент, предложенный авторами, точнее — его упрощенную версию, состоящую в следующем. Пусть имеется взаимодействие электрона и позитрона (т. е. их аннигиляция), а результирующие два фотона разлетаются в разные стороны (со скоростью света, ясно).

Если же мы измерим характеристику одного из них (скажем импульс, или поляризацию), тогда мы будем знать и соответствующую характеристику второго, *не измеряя* ее (а просто использовав закон сохранения). Парадокс ЭПР состоит в следующем: если до измерения импульс первого фотона не известен (а точнее — *его не существует*, согласно копенгагенской интерпретации), то его измерение каким-то образом влияет на физическое состояние второго, хотя они не взаимодействуют (и не могут взаимодействовать в принципе). Вот как пишут авторы: «так как во время измерения эти две системы уже не взаимодействуют, то в результате каких бы то ни было операций над первой системой во второй системе уже не может получиться никаких реальных измерений» [18, 607].

А это должно бы означать, что второй фотон имеет импульс и *до измерения*, но мы не знаем этого, так что вроде получается вывод: существуют скрытые (от нас) параметры, которые могли бы позволить это узнать. То есть квантовую механику можно было бы дополнить этими параметрами, которые и дадут нам корреляцию между первым и вторым фотонами, т. е. ЭПР-корреляцию, и без этого такая теория оказывается неполной.

Статья заканчивается следующим замечанием: «Хотя мы и показали, что волновая функция не дает полного описания физической реальности, мы оставили открытым вопрос о том, существует ли такое описание или нет. Мы думаем, однако, что такая теория возможна» [18, 611]. Подчеркнем особо, что авторы везде описывают состояние посредством волновой функции, т. е. весьма частным случаем, так что вышеприведенное заключение оказалось абсолютно верным.

Однако вроде бы подсказанный выше метод — введение скрытых параметров — противоречит предсказаниям квантовой механики (подробности см. в: [11]). С другой стороны, Д. Белл в 1965 г. показал, что упомянутые выше ЭПР-корреляции (парные корреляции) должны удовлетворять определенным неравенствам Белла, выполнение или невыполнение которых характеризует классические или, соответственно, неклассические теории. Причем эти величины можно уже изме-

рять в экспериментах, которые подтвердили справедливость именно квантово-механических предписаний (подробнее также см. в: [11]).

Но здесь мы хотим обратить внимание на тот факт (почему-то никем не подмеченный!), что мудрый Эйнштейн везде говорит об *элементах* физической реальности, а не о всей реальности. Так что на самом деле уже из этой работы вытекает правильное направление поиска общей теории. Оно состоит из двух главных моментов: 1) понять, что такое физическая реальность в философском плане, определив параллельно и ее (математическую) структуру, а также 2) найти правильное определение состояния в обоих упомянутых аспектах.

Впрочем, уже и цитированный выше Дж. Препарата пришел к выводу, что: «…нынешнее преподавание, а потому и "восприятие" квантовой механики оказывается исключительно "традиционным", оно полностью ограничено рамками правил и процедур, опирающихся, в основном, на копенгагенскую интерпретацию и ее субъективистский вероятностный подход.

Я всегда считал (и очевидно, в этом я не одинок) данное положение дел неудовлетворительным, включая тот факт, что столь важные, решающие вопросы на стыке физики, метафизики и философии остаются уделом небольшого числа "фундаменталистов"» [19, 8].

Но теперь стоит «отвлечься» и сделать экскурс в область философии, которая с давних пор исследовала «проблему бытия», начиная уже с древних греков, о чем речь шла в первой части статьи. Однако, весьма существенный вклад в это внесла классическая немецкая философия, а точнее Г. Гегель в своей «мировой систематике». Причем в его анализе проявились и существенные исследования концепций «вещей» и их «свойств». К примеру, он определил свойство некоторой вещи как «ее определенные соотношения с *другим*, свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу» [20, 581].

И если перевести это определение в нашу современную (физическую) терминологию, оно будет звучать так: свойство определенного объекта проявляется не иначе, как в его отношениях к другим объектам, «внешним» для него.

А уже после Гегеля эту проблему затронул и К. Маркс, уточнив ее к следующей: «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [21, т. 23, 67]. А далее он же приводит и четкое различение отношений между объектами и их собственными свойствами:

«*Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или иной из них.

Способность вещи есть, наоборот, нечто внутренне присуще вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только в ее отношении с другими вещами. Так, например, способность вещи притягивать есть способностью самой вещи, хотя эта способность остается “скрытой”, пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты» [21, т. 26, ч. 3, 143].

Иначе говоря, способность (т. е. свойство) объекта является *потенциальной* сущностью, и она может реализоваться (т. е. *актуализироваться*), только при наличии особенных свойств у других объектов, которые с ними взаимодействуют, и реализуется она лишь при определенном заданном взаимодействии. Поскольку же «существуют не качества, а только вещи, *обладающие* качествами, и притом бесконечно многими качествами» [21, т. 20, 547], то объект в общем-то имеет неограниченное число свойств.

Но на практике наблюдаются те из них, которые отвечают его актуальным взаимодействиям с другими реальними объектами, остальные же являются латентними, т. е. скрытыми. И пока что будем говорить в такой ситуации, что они находятся в некой *потенциальной реальности* (или в *потенциальном бытии*) и могут *актуализироваться* в общем только при наличии некоторых объектов (или же целой системы таковых), которые могут определенным образом взаимодействовать с данным объектом.

Обратимся теперь к работам В.А. Фока, который трактовал подобные же проблемы в чисто физическом контексте, но нигде не ссылался на вышеприведенные мысли классиков (скорее всего, не зная о них), хотя и выражался достаточно определенно. К примеру: «можно сказать, что для атомного объекта существует *потенциальная возможность* проявить себя в зависимости от внешних условий либо как волна, либо как частица, либо промежуточным образом. Именно в этой потенциальной возможности различных проявлений свойств, присущих атомному объекту, и состоит дуализм волна-частица» [14, 220].

А далее он еще конкретнее — в отличие от Бора, заметим — утверждает: «Описываемое волновой функцией состояние объекта является объективным в том смысле, что оно представляет объективную (не зависящую от наблюдателя) характеристику потенциальных возможностей того или иного результата взаимодействия атомного объекта с прибором. В этом же смысле оно относится именно к данному, единичному объекту. Но это объективное состояние не является еще действительным, в том смысле, что для объекта в данном состоянии указанные потенциальные возможности еще не осуществились. Переход

от потенциально возможного к осуществившемуся, к действительному, происходит в заключительной стадии опыта» [14, 223].

Правда, мы считаем, что В. Гейзенберг тут проявил более глубокое понимание квантовой механики, которая, по его мнению, «...означала количественное выражение старого понятия “потенция” аристотелевой философии. Она ввела странный вид физической реальности, который находится приблизительно посредине между возможностью и действительностью» [22, 16]. Именно такое понимание и должно стать исходным ключевым пунктом в нашем подходе к общей квантовой теории как описанию именно такой вот «промежуточной реальности». При этом учтя еще одну мысль Гейзенберга: «Математические законы квантовой теории можно рассматривать как количественную формулировку понятий «дюнамис» или “потенция”» [22, 393], придавая соответственно обобщенный смысл этим терминам.

Но давайте сейчас приведем мнение и современных теоретиков о нынешнем состоянии дел в квантовой теории. Вот что говорит редактор перевода известной книги Р. Пенроуза «Новый ум короля» Г. Малинецкий: «Редукция волнового пакета» (или R-процедура) — “больной ребенок” квантовой механики… Это источник “принципа дополнительности”. (Может быть, у некоторых физиков и философов есть теплое отношение к этому принципу. Но мне он кажется попыткой возвести непонимание и пробелы теории в ранг добродетели.) Наконец, это один из немногих процессов, по поводу которого физики “приговаривают” и еще не умеют писать интересные содержательные формулы. Это неисчерпаемый источник для многочисленных интерпретаций квантовой механики». А чуть ниже говорит: «В чем парадоксальность процесса редукции? В том, что одна частица, которая прекрасно описывалась уравнением Шредингера, Ψ-функцией, вдруг при наблюдении оказывается локализованной в одном месте. Физически проблема состоит в том, что стандартная квантовая механика не объясняет поведение квантовых объектов, а лишь предсказывает амплитуды вероятностей элементарных процессов» [23, 15].

Любопытно отметить, что сперва мнение Нобелевского лауреата И. Пригожина было следующим: «Квантовая теория описывает не “квантовый мир”, а только то, что мы можем сказать о квантовом мире, используя измерительный прибор».

А вот последующее уже напоминает фоковское, лишь несколько более конкретизированное: «Коллапс волновой функции отождествлялся с преобразованием потенциальных возможностей, содержащихся в волновой функции (т. е. возможных значений энергии) в “актуальности”, содержащиеся в смешанном состоянии и обнаруживаемые в

результате процесса измерения. Однако квантовая теория не дает нам способа понимания, как происходит это преобразование от потенциальной возможности к актуальности.

Такую ситуацию с полным основанием можно было бы называть квантовым парадоксом» [24, 132].

На самом деле так оно и есть, и авторы совершенно правы в своей констатации. Однако, чтобы разрешить указанный «парадокс», оказалось необходимым уточнить структуру физической реальности. Наше предположение состоит в том, что она должна иметь несколько уровней — как минимум, два, которые мы называем *C*-реальностью и *Q*-реальностью (см.: [12]).

При этом физические законы, действующие на каждом из этих уровней, являются в принципе разными (из чего не следует их независимость!). Отметим: это означает по сути замену основной парадигмы физики, принятой почти четыре столетия назад.

Более того, концепция материи в получившейся ситуации представляется нам не вполне адекватной — в отличие от концепции бытия. Решению возникающих при этом проблем в известной мере способствует знание математической структуры *Q*-реальности, изложенной в [12]. Но это отдельная и большая тема.

Литература

1. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
2. *Кравчук М.В., Кравчук Н.М.* До ролі парадигм в розвитку природознавства I // Вища школа України. Київ, 2003. № 1.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.
4. *Кравчук Н.В.* Замечания о роли парадигм в процессе познания // Философия хозяйства. 2004. № 4.
5. *Планк М.* От относительного к абсолютному. Вологда, 1925.
6. *Hilbert D.* Die Grundlagen der Physik (1 Mittelung) // Gottingen Nachrichtung. 1915. Nov.
7. *Джеммер М.* Эволюция понятий квантовой механики. М., 1985.
8. *Heisenberg W.* Uber Quantentheoretische Umdeutung kinematischer und mechanischer Beziehungen // Zeitschrift fur Physik. 1925. Bd. 33.
9. *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики. М., 1953.
10. *Дирак П.* Принципы квантовой механики. М., 2002.
11. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
12. *Кравчук М.В.* Вибрані питання сучасної фізики. Кн. 1. Київ, 2007.
13. *Фок В.А.* Замечания о статье Бора в его дискуссиях с Эйнштейном // Успехи физических наук. Т. 66. 1958. Вып. 4.
14. *Фок В.А.* Об интерпретации квантовой механики // Философские проблемы современного естествознания. М., 1959.

15. *Легетт А.Дж.* Шредингеровская кошка и ее лабораторные сородичи // Успехи физических наук. Т. 148. 1986. Вып. 4.
16. *Bohr N.* Nature. Vol. 121. 1928.
17. *Пайс А.* Гении науки. М., 2002.
18. *Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н.* Можно ли считать полным квантовомеханическое описание физической реальности? // Phys. Rev. 1935. Vol. 47.
19. *Препарата Дж.* Реалистическая квантовая физика. М., 2004.
20. *Гегель Г.* Соч. Т. 5. М., 1937.
21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
22. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.
23. *Пенроуз Р.* Новый ум короля. М., 2004.
24. *Пригожин И., Стенгерс И.* Квант, хаос, время. М., 2004.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.М. ОСИПОВ, И.В. КОНЯЕВА

Кризис экономики ничто по сравнению с кризисом хозяйства*

Кризис — это что-то похожее на тупик. Как говорится, приехали. Остановимся, переведем дух. А потом развернемся, нырнем на боковую улочку — и выберемся на новую большую дорогу? Говорят, уже математически доказано, что жизни без кризисов не бывает. Они — неизбежное условие обновления. И осмысления того, почему дальше по накатанной колее пути уже нет. А уж если кризис глобальный, значит, мы где-то глобально просчитались, раз оказались в глобальном тупике.

Кто виноват и что делать — это, конечно, главные вопросы. Но сначала надо найти того, кому их можно задать. Потому что в наш век узкой специализации явно ощущается дефицит людей с широкими взглядами, т. е. тоже своего рода глобалистов. Вот парадокс — глобальные проблемы и — узкие специалисты. Экспертов — масса, и все говорят взаимоисключающие вещи. Впрочем, в результате активного поиска оказалось, на экономическом факультете Московского государственного университета есть подразделение, где работают ученые редчайшего направления. С одной стороны, вполне рационально мыслящие люди, с профильным экономическим образованием, но, с другой — в чем-то и не от мира сего. Они занимаются осмыслением того, что творит на Земле человек — это таинственное создание, а точнее, философией хозяйства. Руководитель одноименной лаборатории доктор экономических наук, профессор Юрий Михайлович Осипов — основоположник современного научного направления в этой области. А «застолбил» эту тему в начале XX в. известнейший русский философ С. Булгаков, который в стенах того же Московского университета в начале прошлого века защитил диссертацию, тема которой так и называлась — «Философия хозяйства».

... Мой блокнот был открыт, первый вопрос уже вертелся на языке, но... Юрий Михайлович, признаться, меня изрядно удивил. Потому

---

* По материалам беседы Ю.М. Осипова с редактором газеты «Российский писатель» (зарубежный выпуск), вице-президентом Международной ассоциации писателей и публицистов И.В. Коняевой. *Ноябрь 2008 г.*

что, зная тему нашей беседы, заговорил со мной, казалось бы, о совершенно посторонних вещах — о роли женщины в обществе, о распаде традиционной семьи, о безотцовщине, об отношениях между поколениями. Почему?

— Потому что хозяйство включает все сферы деятельности человека, — пояснил мой собеседник. — Экономика — это только часть — та, что связана с деньгами. А хозяйство — это все то, что творит человек на земле. В мире нет ни одного явления, которое не являлось бы хозяйством. Есть даже хозяйство поэта, о нем Александр Сергеевич Пушкин говорил. Это перо, бумага и даже вдохновение. Возьмите любую другую сферу деятельности. Вы идете за грибами, воспитываете ребенка. Ходите за скотиной — это все хозяйство. Все, что связано с нашим бытием. На этих же позициях стоял и Булгаков, который рассматривал хозяйство как жизнь, а жизнь — как хозяйство.

— Но... — осторожно возразила я, — кризис сейчас связывают в первую очередь с финансами. — Это ближе к экономике, чем к проблемам семьи...

— Меня волнует то, что за кризисом в экономике может начаться кризис хозяйства — и это гораздо страшнее. Если об очередном кризисе в экономике заговорили несколько лет назад, то вся проблематика философии хозяйства обязана ощущениям приближающегося, как сейчас выражаются, глобального коллапса. Задолго до сегодняшнего дня, на рубеже XIX—XX вв., наиболее проницательные мыслители заметили, что бурное промышленное и интеллектуальное развитие, освобожденное от природных и сакральных ограничений, ведет к катастрофическим результатам — как для природы, так и для самого человека. Поэтому и был поставлен вопрос: приемлемое ли хозяйство ведет взбунтовавшийся перед Природой и Богом человек? Давайте не будем забывать, что хозяйство — это производство не одних только потребительских благ, не одного лишь богатства, — это еще и производство самого мира — среды обитания — вместе с производством самого человека, его сознания.

— Это направление в философии возникло в России в период Серебряного века — т. е. довольно давно. Почему мы сейчас о нем практически ничего не знаем?

— То, что мы привыкли называть Серебряным веком, в области философии я бы назвал веком Золотым, настолько значимыми оказа-

лись достижения русской мысли. Но вот Булгаков, который открыл философию хозяйства, не был всерьез услышан. В 1922 г. он был выслан большевистским правительством за границу и оставшуюся часть жизни занимался, будучи с 1918 г. священником, в основном, богословием. В СССР все его работы попали под запрет. В итоге открытое им направление мысли не было утверждено. Но не только вследствие того, что Булгаков выступал с критикой марксизма, экономизма и политической экономии, что было неприемлемо для большевиков, но и потому что XX в. был с самого начала технократическим, победоносным для науки и техники, а потому и убийственным как для философии вообще, так и для хозяйственной философии. Философия тогда подверглась онаучиванию, а метафизическая философия, как и все, что было связано с понятием идеального, была обречена на забвение.

— Вы считаете, что без метафизической составляющей осмыслить хозяйство невозможно?

— Причем не только хозяйство, но и экономику. Потому что к основным понятиям, таким как стоимость, цены, деньги и все, что с ними связано (капиталы, инвестиции, кредиты, доходы), никакие принципы материального мира отношения не имеют. Хозяйство вообще трансцендентно. А в экономике мы имеем просто иллюзию материальности. Деньги всегда были не более, чем работающей идеей, даже золотые деньги — которые всего лишь металл, и ценны лишь потому, что на них эта ценность возложена человеком, субъектом, сознанием. Иначе говоря, экономика творится не где-нибудь, а в головах людей. Вот та же стоимость. Это некая субстанция, которая есть и которой нет. Возьмите, к примеру, стоимость денег — сегодня курс доллара один, а завтра другой. Обратите также внимание на цену продукта. Кажется, что продукт стоит столько, сколько написано на ценнике. На самом деле ничего подобного — это люди навесили цену на продукт. Продукт стоит столько, сколько человек считает, а не сколько сам продукт считает. Многое бывает в цене понятно, но всегда есть какая-то совершенно необъяснимая доля. Говорят, рынок влияет, спрос. Та же цена на нефть — попробуйте ее объяснить чисто логически — колебанием спроса и предложения, стоимостью добычи — ничего не выйдет.

— Но любой экономист возразит — сформировать цену невозможно без учета издержек. То есть налицо вполне рациональный подход.

— Издержки — это всего 10—15—20% от стоимости продукта. Да и что такое издержки? Это прошлые цены. Сейчас все цены практически искусственны. Более-менее нормальная цена — это цена на хлеб. Она еще как-то связана с покупательской способностью населения, причем не экономически, а скорее социально-политически. Цены повышаются без всяких расчетов спроса и предложения, они просто повышаются — и все. Потому что цена — это единственный параметр, на который экономический субъект может легче всего повлиять. Не каждый, конечно, субъект, но ведь для этого и возникают сговоры, разные тайные союзы.

Я пришел к такому выводу — цена может быть любой, но не какой угодно. Тут уже диалектика пошла. Нет заранее предписанных кем-то, как и предопределенных чем-то, цен.

— Но все-таки нынешний кризис — это реальность. И можно ли сейчас просто передоговориться, если все настолько виртуально, чтобы жизнь опять наладилась?

— Надо иметь в виду, что произошла финансизация всего экономико-хозяйственного бытия, по масштабности процесса это что-то вроде всеобщей электрификации. Я ввел в оборот термин — финансомика. И его приняли, — как обозначение господства финансов, т. е. доминирование деловым образом организованных денег над экономикой, хозяйством и всей жизнью. Но кроме власти денег есть еще власть над деньгами, она же и супервласть! Власть эмиссионеров и владельцев денег. Существует финансовая эксплуатация, при которой финансомика по-своему развлекается и устраивает всякие невероятности — взять, к примеру, задолженность США всему миру, которую этот мир и оплачивает. Так что не надо упрощать. Финансомика — это игра, большая игра, при которой крупье как-то особенно и не заметен, не говоря уже об истинных хозяевах большого всемирного финансового казино.

— Кризис уже внес существенную коррекцию в наше представление о современной экономике. Например, теперь уже никто не верит в абсолютную способность рынка к саморегуляции.

— В финансомике есть своя стихия, но в целом она вовсе не так уж и стихийна!

Для нее характерна организация сверху, а не снизу, как многим еще кажется. Рынок здесь — подчиненный и контролируемый подмеха-

низм, корректирующий кое-что внизу, но ничего всерьез не определяющий. Учение о вездесущности и всерешаемости рынка — абсолютная фальшивка, тем более что еще никто не смог показать, что же на самом деле представляет собой рынок, кроме того, что это есть некий самопроизвольный процесс некой самоорганизации. Абстрактно рассуждая, вроде бы все экономические агенты со своими товарами и ценами и есть рынок, но как быть тогда с суперагентами, которые способны любой рынок под себя и организовать? То есть дело не в том, что рынка вообще нет — он есть, — а в том, что нет рынка, лежащего в основе всей экономики. Иначе говоря, по сути никакой рыночной экономики нет и быть не может! Абсолютизация рынка как научной категории — вредная и запутывающая экономическое сознание затея.

— Вы сказали, что больше опасаетесь кризиса хозяйства нежели кризиса экономики. Почему?

— В наше время Постмодерна уже налицо гиперхозяйство, которое страшно и опасно довлеет над природой, человеком, жизнью. Человеку все еще кажется, что он ведет хозяйство, а на самом-то деле уже давно хозяйство ведет человека. Это вообще особенность Постмодерна — развитие ради развития, обновление ради обновления, всепоглощающая виртуализация, которая убивает само бытие. Человек стал хозяйствовать уже по преимуществу вместо природы и над природой. В результате построен вроде бы удобный, комфортабельный мир, но мир при этом совершенно апокалиптический. Катастрофическая составляющая прямо в самом гиперчеловеке и сидит — в его уже достаточно опустошенном сознании, в неспособности самостоятельно без той же техники мыслить. И чем пустее теперь человек, тем оказывается лучше — порожнему легче приспосабливаться к непрерывно изменяющемуся бытию. Гиперчеловек — это вовсе не сверхчеловек с точки зрения творческих способностей, а скорее человекообразная технизированная оболочка.

Втягиваясь в глобализацию, ту же экономическую, Россия втягивается и в мировой апокалиптический кризис — и это не преувеличение. Кто сказал, что апокалипсис — это обязательно войны, пожары, разрушения, голоды и моры? Ничего подобного! Самый бесспорный, могучий и действенный апокалипсис как раз бархатный, ласковый, благостный, когда не только реальность куда-то вдруг исчезает, заменяясь

на виртуальность, но исчезает и сам homo sapiens, тоже виртуализируясь.

— Ваши коллеги из научной среды разделяют вашу тревогу?

— Людей, которые пытаются осмыслить эти процессы, в науке не так много, а некоторые мои коллеги вообще не понимают, о чем я говорю. Но это и не удивительно, потому что современная наука ничего подобного человеку не говорит, она твердит одно и то же — вперед, к новым физико-техническим инновациям! Сейчас ведь все идет как раз по науке. При отрицании метафизики и метафизической философии. Вера в науку и технику победила любую веру, а вера в инновации победила веру в любую традицию. Заметим — когда-то было табу на новшества, а теперь вот табу на традиции. И Россия, к сожалению, попалась в этот капкан.

— Что нужно, чтобы мир стал другим?

— Должна быть хотя бы проявлена воля к самоограничению. Современный человек привык потреблять без меры. Зачем каждый год менять автомобиль? Зачем бесконечно обновлять мобильный телефон? Это все не нужно. Реклама не нужна, многие финучреждения, юристы всякие... Раньше в нашей стране можно было прожить жизнь, ни разу не побывав даже у нотариуса. Но человек не способен сам себя добровольно ограничить. Очевидно, это должно быть сделано извне.

— Вы за авторитаризм?

— Авторитарное правление не возникает на пустом месте, для этого всегда существуют важные предпосылки.

— Россия еще окончательно не интегрирована в западный мир. Значит ли это, что у нее есть некоторые преимущества?

— Мир все время меняется, и Россия у него либо как кость в горле, либо как большая надежда. И в покое нас никто не оставит. А Россия — она сейчас если и не разобрана совсем, но прочно и не собрана. Это сумма, а не целостность, масса, а не организм. Стране нужно выправление, приведение в норму. Восстановление культуры, традиции, уважения сакральности, гражданского порядка. Все это должно прийти на смену всеобщей апатии, культу потребления и присвоения, эгоистическому ожиданию чуда. Строятся какие-то невероятные прогнозы — например, что через тринадцать лет Россия по объему ВВП станет пятой страной в мире. Но разве объем ВВП мерило нашей жизни? А где же ее человеческое измерение, хотя бы, к примеру, продолжительность

той же человеческой жизни? Где нравственная реализация каждодневного бытия? Быть развитым и богатым еще не значит быть самостоятельным и перспективным, это мы должны осознать на примере Германии и Японии. Разве нам все это даст иностранный капитал? Такие задачи иностранным капиталом и колониальными миллиардерами не ставятся.

Так что пора прекращать пиар-чудеса конструировать, надо трезво на все смотреть и решительно-мобилизационно! — переходить к строительству здоровой жизни.

* * *

Когда наша беседа завершилась, мы пили чай, и Юрий Михайлович рассказывал о своих единомышленниках, о журнале «Философия хозяйства», который уже десять лет издается Центром общественных наук и экономическим факультетом МГУ. Я слушала его и в то же время ощущала, что не понимаю, как при самом худшем раскладе может вдруг исчезнуть человек? Без катастроф, голода и войн — ну не рассеется же он как галлюцинация, как туман? В самой возможности такого исхода мне виделось нечто запредельное, метафизическое, ирреальное. Впрочем, надо ли делиться с читателем этими сомнениями? Я решилась на это лишь после того, как на глаза попалась небольшая информация, напрямую не связанная, казалось бы, с темой этого интервью. Интернет принес известие о том, что по всему миру массово вымирают пчелы. В Великобритании, например, их популяция за последний год сократилась на треть. В США ситуация еще хуже — там каждый год гибнет от 30 до 90% пчелиных семей. В России массовая гибель пчел была зарегистрирована осенью 2007 г. Внешне пчелиное заболевание практически никак не проявляется. Но пчеловод вдруг в один день обнаруживает почти пустой улей, а сами насекомые исчезают без следа. Точная причина до сих пор не установлена, но ученые связывают ее с хозяйственной деятельностью человека.

Чем грозит нам вымирание пчел? Помимо того, что мы лишаемся меда — ценнейшего питательного и лечебного продукта, под угрозой исчезновения оказываются 80% растений, которые опыляют медоносные пчелы. Что же это, если не угасание человеческого хозяйства?

Впрочем, разве Земля и все живое на ней созданы человеком? Помнится, когда мы беседовали, Юрий Михайлович как бы невзначай поинтересовался:

— Как вы думаете, можно сказать — хозяйство Бога?

— По-моему, можно, — ответила я.

— А экономика Бога?

— Да нет, пожалуй...

* * *

30 и 31 октября 2008 г. в г. Костроме состоялся научный симпозиум «Современная экономическая теория: конфликты парадигм развития», посвященный 90-летию Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова и 30-летию кафедры экономической теории КГУ. В работе симпозиума приняли участие члены ФЭУС доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Казахстан), кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), Г.А. Родина (Ярославль), Е.С. Зотова и др. В адрес кафедры экономической теории КГУ (заведующий кафедрой д.э.н., профессор В.В. Чекмарев, член ФЭУС) были переданы поздравления от Центра общественных наук при МГУ и кафедры политической экономии экономического факультета МГУ. Ниже публикуется краткое изложение доклада директора ЦОН при МГУ Ю.М. Осипова.

Ю.М. ОСИПОВ

Мировой кризис и конфликты парадигм развития

Если под «парадигмами развития» понимать чисто научные концептуальные разрешения, то конфликт тут возможен и он вряд ли может выйти за рамки обыкновенного интеллектуализма. Более значимыми могут оказаться идеологические установки на развитие и на механизм его достижения, исповедуемые разными цивилизациями (куль-

турами), соответственно и странами, государствами, регионами. Здесь тоже возможен парадигмальный конфликт — на идейной прежде всего почве, хотя такой конфликт может питаться и реальной практикой. В момент же разразившегося сейчас мирового кризиса уместнее всего поставить вопрос о конфликте, с одной стороны, западной парадигмы развития, имеющей реальное практическое воплощение в современном мире и так или иначе приведшей к нынешнему мировому кризису, а с другой — альтернативной ей, скажем так, незападной парадигмы, частично воплощающейся в реальности, но в основном как бы еще потенциальной, более всего лишь возможной в будущем. Фактически речь идет о конфликте между постмодерновой западной парадигмой (парадигмой инноваций ради инноваций) и питаемой премодерном незападной парадигмой (парадигмой обновления жизни ради жизни с учетом Традиции). Из нынешнего мирового кризиса вытекает этот вполне исторического значения конфликт между упомянутыми парадигмами развития, усиленный прежде всего кризисом западной, в основе экономической, или либерально-экономической, цивилизации. Планетарный мир стоит перед большими переменами, в возникновении и реализации которых немалую роль сыграет и цивилизационный выбор между фундаментальными парадигмами развития. Мы, естественно, не стоим за продолжение западной модели, время которой ушло и сама она исчезает в пучине мирового кризиса, который вовсе не простой циклический кризис (даже кондратьевского типа), а самый настоящий кризис западной цивилизации, очередная вспышка ее общего кризиса, когда-то именовавшегося учеными-марксистами общим кризисом капитализма.

* * *

18 ноября 2008 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Время кризиса — кризис времени», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, Л.И. Глухарев, К.А. Хубиев, А.В. Бузгалин, В.Г. Белолипецкий, А.К. Шуркалин, кандидаты наук Е.В. Косов, В.П. Павина, С.В. Кайма-

наков, доцент Ю.Д. Давыдов, соискатель И.И. Рудяк, предприниматель С.В. Юферов (Калуга).

Анонс

*** * ***

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» —

торжественное заседание

по случаю десятилетия Альманаха Центра общественных наук и экономического факультета МГУ «Философия хозяйства»

на тему:

Кладезь ума и откровений

Десять лет жизни научного гуманитарного издания, родившегося по инициативе не сверху, а снизу — серьезный срок, даже и чрезвычайный, — как-никак, а 60 толковых книжек со (не побоимся этого заезженного словечка) звездным авторским составом, с удивительными по уму и откровениям текстами, с целостным обозрением человеческого бытия, еще и в необычном философско-хозяйственном ключе, при полной творческой свободе, без заведомых рамок и азимутов, зато с явно присутствующим за каждой строкой вдохновением. Сотни людей одарили журнал своим нестандартным словом, создав фактически оригинальную энциклопедию живой человеческой и обществоведческой мысли, явившейся на свет в конце XX и начале XXI в., в то же время и в конце второго и начале третьего тысячелетия от Р. Х. Материалы альманаха — весомый документ эпохи, сравнимый с лучшими достижениями отечественного и мирового интеллекта, кстати, не имеющий аналогов в мире. Не всем, быть может, нравится журнал, да многим он просто и не нужен, но зато есть те, которые сравнивают содержание журнала с потоком живительного воздуха, охотно и жадно питаются его словом и смыслами, пристально всматриваются в окружающую реальность сквозь призму таящегося в журнале мировидения. Журнал, все его 60 книжек — достойнейший вклад в российскую и мировую мысль, заслуживающий изучения и рас-

*пространения, могущий стать объектом и специального заинтересованного исследования. Альманах возник по инициативе конкретных людей, и творится он конкретными людьми, и все его существование зависит от конкретных людей — основателей и сторонников оригинального научного издания, его исполнителей и почитателей, которым не только не стыдно за свое детище, а вполне и радостно: ведь он состоялся — **журнал**! а вместе с ним состоялась и **философия хозяйства**, — разве ж этого мало?!*

Дискуссионные ориентиры:

- Вклад журнала в современное мировидение.
- Роль журнала в становлении и развитии философии хозяйства.
- Журнал и актуальные тенденции в гуманитарной, обществоведческой и экономической мысли.
- Журнал и современная Россия.
- Журнал и российская словесность.
- Место журнала в мире журналов.
- Итоги и перспективы.

17 февраля 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

Прозорливец земли русской

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

Объявился вдруг в Санкт-Петербурге весьма странный длинноносый и ироничный малоросс, с проницательными глазами и загадочной

улыбкой, вознамерившийся стать писателем русским — выдумщиком и реалистом, еще и известность публичную обрести, а вместе с нею и светскую, высшую. И стал, и обрел, и немало он всякого написал — о родной Малороссии, ее чарующем прошлом и тусклом настоящем, о запорожской казацкой вольнице, ее кровавых сполохах, ну и о приютившей его Великороссии тоже, о пришибленных и тихих петербуржцах, о раскинувшейся по необъятному пространству имперской провинции, о людях, в ней затерянных, а может, и не людях вовсе, а так… фигурантах безмятежного тогда русского небытия. И здорово, надо заметить, писал, гениально, сатирично писал, смешно, зло писал, ибо не видел он вокруг… ни одного даже лица, а все более рожи какие-то, мурла, хари. Впрочем, много несуразного, нелепого и бестолкового виделось ему, правда, ярко виделось, сочно, в красках живых виделось, одним словом, гениально. И все бы ничего, если б… если б… не малоросская его сентиментальность, обернувшаяся вдруг неизбывным страданием и невозрождающим унынием души его: то ли он сделал, так ли написал, имел ли на то право, не ошибся ли, наконец, не согрешил ли? И задумался он, и пригорюнился, и прозрел, и ужаснулся… и к Богу он кинулся грех свой писательский замаливать, а покоя вот так и не обрел до конца дней своих бренных, разве лишь со смертью обрел, там, в мире уже ином. Так и ушел он, принятый на земле горячо, вовсе и не понятый, никем на земле не отвергнутый, но зато себя понявший и себя же в раскаянии отвергнувший!

А может, все и не так было?!

3 марта 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

Мужчина сегодня: кто он, где он, почему не **он** *и станет ли* **он** *им?*

Конец патриархата и новое бытие мужского пола: не прежнее лидерство, не былая социальная функция, не традиционная ответственность, не привычное отцовство, но что же тогда — спортсмен, артист, бойфренд, уголовник, или же что-то другое — жизни, обществу и семье столь необходимое? Дело не в одном физическом убывании мужского населения, но и в духовном, моральном, социальном, одним словом — в общем мужском кризисе, из которого простого выхода, кажется, нет…

24 марта 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

Гедонизм как феномен хозяйства и жизни

Обычно под гедонизмом понимается особого рода образ жизни отдельного человека, группы лиц, класса, отличающийся чувственностью, наслаждением, гламуром, потребительством, но при этом и своеобразной жизнеотправленческой полнотой — как физической, так и идеальной. Мировоззренческое обоснование гедонизма — тоже гедонизм. Это соответствующее течение жизни. Однако Постмо-

дерн вносит фундаментальные коррективы в феномен гедонизма — последний становится массовым и всеохватывающим, ибо даже труд с творчеством оказываются ныне гедонистическими, мало того, само бытие человеческое ныне гедонистично, как и хозяйство, производство, экономика. Не царство Божие и не коммунизм получило в дар от самого себя человечество, а ***гедонизм****, который теперь и образ жизни, и способ хозяйства, и социальный строй. Разве не так?! И сколько же ему быть, этому гедонизму, не маячит ли впереди его славная противоположность… тот же* ***аскетизм****, а?*

14 апреля 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

Ломоносовские чтения — 2009

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение

22—24 апреля 2009 г.

Секция лаборатории философии хозяйства

«Социальные инновации в осмыслении и действии»

Инновационное общество как общество не только технико-экономических, но и социальных инноваций, способных сначала обеспечить переход к хозяйству перманентного развития, а затем эффективно его поддерживать. Понятие социальной инновации. Практика социальных инноваций. О каких социальных инновациях может идти речь для современной России?

Заседание секции состоится **23 апреля 2009 г**. на экономическом факультете МГУ.

Ниже публикуются материалы, поступившие в преддверии заседания секции.

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Инновационный прорыв: социальные и научные аспекты

Хотелось бы сформулировать и аргументировать несколько постулатов в плане избранной темы.

1. Судьба России, будущее российской цивилизации зависит от того, сумеет ли она, преодолев последствия глубочайшего цивилизационного кризиса 1990-х гг. и финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. совершить инновационный прорыв к шестому технологическому укладу, к гуманистически-ноосферному постиндустриальному обществу.

Аргументы в поддержку этого постулата: глобальная цивилизация в первой половине XXI в. находится в состоянии радикальной трансформации, которая началась с кластера глобальных кризисов, которые могут быть преодолены на гребне волны эпохальных и базисных инноваций. Развертывается переход не только к шестому технологическому укладу, который будет определять конкурентоспособность товаров и услуг на мировом (а следовательно, и национальном) рынке в 2020—2040-е гг., но и к постиндустриальной мировой цивилизации во всем многообразии ее составляющих, к пятому поколению локальных цивилизаций, ноосферному энергоэкологическому способу производства и потребления, интегральному экономическому строю, к интегральному социокультурному строю, к третьему историческому суперциклу 10-титысячелетней истории глобальной цивилизации.

Судьба России зависит от того, какое место она займет в итоге этого кластера революционных глобальных переворотов. В 1950—1960-е гг., после тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны, евразийская цивилизация достигла вершины своего жизненного цикла, стала одной из двух сверхдержав, возглавила мировую систему социа-

лизма, стала одним из лидеров научно-технической революции, освоения четвертого технологического уклада.

Однако в 1970—1980-е гг. страна оказалась в состоянии стагнации, застоя, шаг за шагом теряла лидерство и мировой авторитет, чему немало способствовали авантюры в Чехословакии и Афганистане, утрачивала пассионарный прорыв, который в годы Великой Отечественной войны помог устоять и победить в столкновении с почти всей Европой, в рекордные сроки восстановить экономику и достичь военно-технического паритета с Западом. СССР запоздал с освоением и распространением в гражданских отраслях пятого технологического уклада и его кластера базисных инноваций, терял конкурентоспособность, проигрывал в экономическом, технологическом, геополитическом, социальном соревновании с развитыми странами. Страной овладела жажда перемен. Однако в силу снижения интеллектуального потенциала научной, культурной, деловой, политической элиты был избран ошибочный стратегический курс: не вперед, к постиндустриальному обществу, а назад, в XIX в., в общество агрессивного капитализма эпохи первоначального накопления капитала и стихийного рынка на основе неолиберальной модели реформ и западной системы ценностей. Была осуществлена грандиозная эпохальная антиинновация. В результате стремительного расхищения накопленного трудом многих поколений богатства государства и населения возник слой олигархов, сросшийся с потерявшим профессиональность и ориентиры национальных интересов верхушкой государственного аппарата, действовавшего под диктовку Международного валютного фонда, США и ТНК. В итоге рекордного для мирового времени цивилизационного кризиса страна была отброшена на десятилетия назад, большая часть населения обнищала. Социальная цена неолиберальных рыночных реформ оказалась непомерно высокой. Евразийская цивилизация оказалась в состоянии распада, страна отброшена на периферию мирового прогресса.

Десятилетие кризиса (1990—1999) сменилось с 2000 г. фазой оживления. Темпы роста ВВП, инвестиций, реальных доходов населения вновь превысили среднемировые. Однако беда в том, что эти показа-

тели базируются в основном на благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре и исчерпании богатых природных ресурсов, что присваиваемые олигархами и государством огромные сверхприбыли (мировая нефтегазовая и горнорудная рента) не вкладываются в инновационную модернизацию экономики, а в основном перекачиваются за рубеж, что неоднократные призывы президента переходить к инновационному пути развития экономики, осуществить инновационно-технологический прорыв остаются втуне. В итоге в 2008 г. страна вновь оказалась перед лицом серьезного финансово-экономического кризиса.

Россия стоит перед выбором стратегии на будущее: либо инерционный путь продолжения неолиберальных реформ, деградации научного и технологического потенциала, потери инновационности и конкурентоспособности, превращения в придаток западных и восточных цивилизаций, источник сырья и топлива и рынок сбыта для их готовой продукции, — либо мобилизация интеллектуальных сил и ресурсов для осуществления инновационного прорыва при лидирующей роли государства. Этот выбор придется осуществить в ближайшие годы, и от него зависит дальнейшая судьба российской цивилизации — либо ее прозябание с угрозой последующего раздела более сильными и агрессивными цивилизациями, либо возрождение и занятие достойного места в системе цивилизаций пятого поколения, в гуманистически-ноосферном (не технократически-информационном) постиндустриальном обществе. Провозглашенная руководством страны стратегия — 2020 ориентирована на инновационный прорыв.

2. *Инновационный прорыв инициируется и осуществляется пассионарно настроенными людьми* — учеными, изобретателями, конструкторами, инженерами, технологами, менеджерами, квалифицированными рабочими и государственными служащими, молодежью, настроенной на ломку стереотипов, поиск и осуществление принципиально новых путей в технологическом развитии и государственном управлении, системе общественных отношений. Именно такой пассионарный порыв, охвативший авангард общества, стал основой возрождения страны после разрушительной Гражданской войны в период

нэпа (кстати, его принципы лежат в основе длительного подъема в Китае, а затем и во Вьетнаме), создания передовой по тем временам науки и индустрии в 1930-е гг. (несмотря на потери, вызванными коллективизацией и репрессиями), победы в Великой Отечественной войне, послевоенного возрождения и лидерства.

Однако этот творческий порыв пошел на убыль в 1970—1980-е гг. и погашен в 1990-е гг., когда на первый план вышли устремления к богатству, рыночному успеху любой ценой, ограблению большинства населения. Резко сократилось число ученых, конструкторов, инженеров, квалифицированных рабочих — людей, склонных к инновациям и способных их осуществлять. Талантливая молодежь устремилась на рынок или за рубеж. Государство потеряло стратегические ориентиры и ответственность за социальные последствия принимаемых решений и осуществляемых действий, процветают мздоимство и казнокрадство.

Судьба страны зависит от того, сумеет ли поколение 1920-х гг., время принятия решений к которому придет с 2010-х гг., переломить сложившиеся пагубные тенденции и осуществить инновационный, технологически, экономически и социально эффективный прорыв, — либо оно по инерции воспримет и продолжит наследие поколения 1990-х гг., двинется по инерционному стихийно-рыночному пути. Кризис 2008 г. обозначил крах неолиберальной модели развития как в мире, так и в стране.

3. *Только на основе инновационного-прорыва возможно осуществить инновационное обновление социальной сферы, достичь устойчивого роста уровня и качества жизни населения, преодолеть достигшую критического уровня социальную поляризацию.*

Страна в начале XXI в. достигла неплохих показателей социальной динамики. В 2001—2005 гг. при среднегодовых темпах прироста ВВП 6,2% темп прироста начисленной реальной заработной платы составили 12,6%, реальных денежных доходов населения — 11,6%, фактического конечного потребления домашних хозяйств — 8,8%. Но одновременно росла поляризация доходов. Децильный коэффициент (соотношение доходов верхних и нижних 10% населения) вырос с 13,9 до 15,3 раз в 2006 г. Многократно увеличились доходы верхнего слоя чи-

новников и число миллиардеров, процветает коррупция. Это усиливает социальное недовольство, несмотря на общий рост доходов нарастает социальная несправедливость в экономике и обществе, что чревато грядущими потрясениями.

Государство вступило на путь реализации активной социальной стратегии, осуществляя четыре национальных проекта социального характера и выделяя на них крупные бюджетные средства. Этот почин с самого начала был провозглашен как инновационный прорыв, но инновационность проектов проводится непоследовательно. Основные усилия и средства тратятся на повышение зарплаты отдельных категорий работников, импорт зарубежной техники и медикаментов. Тем самым социальный сектор становится под долгосрочный контроль ТНК, а сверхдоходы владельцев недвижимости стремительно и бесконтрольно росли, как мыльные пузыри, многие из которых лопнули в период финансового кризиса осенью 2008 г.

Вопрос стоит так: либо эти тенденции продолжатся и в конечном счете приведут к социальному взрыву, либо будет осуществлен курс на преодоление поляризации и усиление социальной справедливости, на использование экономического роста, переход к интегральному экономическому строю для повышения и сближения уровня жизни всех слоев населения, реализации принципа социальной справедливости, что, в свою очередь, создаст благоприятный социальный климат для инновационного прорыва. Причем осуществлять это придется в неблагоприятных стартовых условиях, созданных мировым и национальным финансово-экономическим кризисом.

4. *Ключ к инновационному прорыву находится в руках ученых и преподавателей, которые формируют мировоззрение и целевые установки новых поколений.*

В результатах развернувшейся научной революции происходит становление новой парадигмы, в которой ведущее место будет принадлежать наукам о жизни, человеке, обществе. Краеугольные камни новой парадигмы обществоведения заложены российскими учеными — Николаем Кондратьевым, Питиримом Сорокиным, Владимиром Вернадским, Александром Богдановым, Николаем Бердяевым, Васи-

лием Леонтьевым и другими. Их наследие воспринято и развивается современными научными российским школами и представляющими их общественными институтами, Ассоциацией «Прогнозы и циклы» (1990), Центром общественных наук при МГУ (1990), Институтом экономических стратегий (1990), Международным фондом Н.Д. Кондратьева (1992), Отделением исследования циклов и прогнозирования РАЕН (1996), Академией прогнозирования (1996), Международным институтом Питирима Сорокина—Николая Кондратьева (1999) и другими. Они ведут активную творческую деятельность, вокруг них объединяются заинтересованные ученые, педагоги, молодежь. Крупным международным проектом стала разработка российскими и казахстанскими учеными глобалного прогноза «Будущее цивилизаций» на период до 2050 г.

Однако пока этот научно-инновационный прорыв известен лишь узкому кругу специалистов, находится в состоянии информационной блокады, в малой степени включен в систему образования. Чтобы способствовать к прорыву этой блокады, Международный институт П. Сорокина—Н. Кондратьева создал научно-образовательный интернет-портал «Новая парадигма» («Россия: становление постиндустриальной парадигмы общественных наук», www.newparadigm.ru), опубликованы учебник Б.Н. Кузыка, В.И. Кушлина Ю.В. Яковца «Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование» (3 изд.), многотомник «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее», ряд долгосрочных прогнозов и монографий. Организованы выставки и презентации научной литературы, представляющей новую парадигму во Франкфурте, Москве, Нью-Йорке, Вашингтоне. Активизируют свою деятельность и другие некоммерческие и негосударственные научные организации.

Необходимо активное и квалифицированное включение новой научной парадигмы, новой картинны мира как в систему профессионального образования (включая дистанционное обучение), так и в существующее информационное пространство, и, прежде всего в Интернет, который постепенно становится важнейшим источником знаний для молодого поколения. Без этого национальный проект в области

образования не даст ощутимых результатов. В этом социальный смысл инновационных трансформаций, их решающая предпосылка и конечный результат.

Можно выразить надежду, что сложившийся механизм инновационного прорыва будет приведен в действие, а сам прорыв принесет нашему народу ощутимые социальные плоды.

Большую роль в этом прогрессе играет журнал «Философия хозяйства». Он возник десятилетие назад по инициативе профессора Ю.М. Осипова и его соратников в период разгула неолиберальных идей и реформ, стал магнитом, к которому тянулись не потерявшие способность к самостоятельному творческому мышлению ученые. Журнал способствовал консолидации здоровых сил российской науки — как старшего, так и среднего и младшего поколений — на конструктивной разработке и распределении новой, постиндустриальной парадигмы общественных наук. Особенности журнала — высокий интеллектуальный уровень, свободное представление широкой палитры научных концепций и идей, яркий, образный язык и стиль его главного редактора. Именно такие журналы закладывают фундамент нового плодотворного интегрального синтеза науки и образования, еще раз доказывая лидерство России в формировании постиндустриальной научной парадигмы, нового взгляда на противоречия и закономерности развития и будущего общества.

А.В. АНДРЕЕВА

Роль репутационного менеджмента в проектировании финансовых инноваций в условиях системного кризиса

Восстановление финансовой системы от влияния кризисных факторов определяет необходимость формирования новой модели управления развитием финансовых институтов в условиях высокой неопределенности экономики и реализации рисков нового качества. Сформировать эффективную модель управления можно на основе интеграции

системных компетенций и интеллектуального капитала в институциональный механизм взаимодействия финансового и нефинансового сектора, основанного на реализации частно-государственного партнерства.

Воспроизводственная концепция финансового рынка исходит из его прямой и обратной связи со всеми стадиями процесса воспроизводства. Такой подход, по мнению Л.Н. Красавиной, «более фундаментален по сравнению с меновыми концепциями при исследовании понятия, функций и роли финансового рынка, причин изменения спроса и предложения денежного капитала и финансовых услуг, потоков капитала в национальном и глобальном масштабах, факторов риска и финансовых потрясений» [1, 26].

Реально существующий субъективно-волевой механизм глобализации базируется на этих особенностях сетевой модели развития финансовых институтов, целенаправленно используя их для формирования своих конкурентных преимуществ. Развитие финансового капитала изменяет формы взаимодействия экономических агентов. Доминирующей формой глобальных компаний являются транснациональные финансовые корпорации, образованные на основе взаимодействия банков и других операторов рынка финансовых услуг.

Глобализация финансовой сферы оказывает негативное воздействие на развитие национальных финансовых отношений, вызывая «эффект домино» при финансовом кризисе, когда деформация устойчивости одной компании вызывает риски ликвидности у другой. В условиях интеграции российской экономики в систему глобальных отношений финансовые инновации играют определяющую роль в формировании стратегии и форм экономического развития. Способы привлечения инвестиционных ресурсов оказывают непосредственное влияние на конкурентоспособность экономических агентов, определяют динамику развития финансовых институтов.

Под воздействием новых финансовых технологий происходит изменение модели развития национальных финансовых институтов, изменяются технологии риск-менеджмента, формирующиеся на основе информатизации, сетевых взаимодействий акторов, следовательно,

создаются условия для формирования и развития не только финансового, но и организационного капитала.

Сетевое взаимодействие финансовых компаний оказывает непосредственное влияние на развитие профессиональных участников финансового рынка, обеспечивая рост деловой активности на локальных рынках. Интенсивность взаимодействия финансовых институтов определяет эффективность трансакций, устойчивость экономических агентов, уровень доверия между ними.

В современных условиях национальные государства должны использовать технологии поддерживающего управления при формировании модели развития национального финансового рынка, повышая инвестиционную привлекательность отечественных финансовых институтов, оказывая влияние на их финансовую устойчивость и транспарентность.

В повышении конкурентоспособности национальных экономик большую роль играет консолидация финансового капитала, укрупнение банков, страховых, управляющих компаний и других небанковских институтов. Глобальная экономика находится в процессе постоянных изменений. Этот процесс существенным образом затронул финансовую сферу и как область приложения (объект) инноваций, и как фактор, способствующий их внедрению в экономику в целом. Глобальные финансовые корпорации проводят перераспределение ресурсов за счет использования инновационных финансовых технологий и инструментов.

Высокие компьютерные, инновационные технологии являются основой для глобализации финансовой сферы. Активно формирующаяся глобальная финансовая система приводит к столь же глобальной финансовой конкуренции. Для национальных страховых компаний складывается принципиально новая внешняя среда деятельности.

В связи с этим особую актуальность приобретают инновации, реализуемые в рамках финансовой сферы экономики. В общей системе инноваций выделяются финансовые инновации, экономическую сущность которых можно определить как реализованный в форме нового

финансового продукта или операции конечный результат инновационной деятельности.

Процессы управления на основе инновационных форм и инструментов способствуют улучшению функционирования финансовых институтов, ускорению финансовых потоков и финансовых операций, снижению рисков и издержек, повышению конкурентоспособности и эффективности бизнеса.

Содержание дефиниции «финансовая инновация» определяют новые инвестиционно-финансовые продукты и новые финансовые операции. Финансовый продукт представляет собой материальную часть оформленной услуги финансового института и предназначен для продажи на финансовом рынке (страховой полис, кредитная карта, договор, ценная бумага).

По мнению Р. Мертона, «основная функция финансовой системы состоит в способствовании распределению (аллокации) и широкому использованию экономических ресурсов (факторов производства) в пространстве, времени и неопределенной обстановке» [2, 12].

Эта функция охватывает систему платежей со средством обращения (как функцией денег), передачу ресурсов от лиц, производящих накопления, пользователям ресурсов, инвесторам; накапливание сбережений в целях чистого преобразования темпорального фактора времени (посредством отложенного спроса, сглаживания потребления) и снижение риска через страхование и диверсификацию.

Функционирование финансовой системы вовлекает реальные затраты ресурсов, таких как рабочая сила, материалы, капитал, используемый основными финансовыми операторами (финансовыми корпорациями, банками, страховыми компаниями) и финансовыми посредниками (биржевыми маклерами, инвестиционными компаниями, консультантами и финансовыми советниками).

Поскольку многократные временные периоды являются индивидуальной особенностью финансов, существуют также некоторые неопределенности относительно акторов финансового рынка, которые производят риски.

Для операторов, не проявляющих склонность к риску, финансовые риски увеличивают трансакционные издержки взаимодействия и являются затратами. В глобальной финансовой системе постоянно возникают и внедряются новые продукты (услуги), которые с помощью новых финансово-информационных инструментов способны удовлетворить возрастающие финансовые требования участников системы.

Рассматриваемые в этом контексте финансовые инновации предоставляют ликвидные инструменты, удовлетворяющие спрос финансовых институтов. Финансовые инновации выступают и как новые финансовые продукты и услуги. Если новый промежуточный продукт или услуга созданы и используются организациями, осуществляющими оказание финансовых услуг, то финансовый продукт становится частью нового финансового процесса производства.

Глобальные финансовые компании, выпуская облигации, акции, деривативы, обеспечивают с помощью новых финансовых инструментов формирование новой финансовой инфраструктуры, риски развития которой плохо регулируются на национальных рынках. Вследствие роста уровня и частоты рисков будет возрастать необходимость их андеррайтинга и страхования, следовательно, на рынке финансовых услуг увеличатся продажи страховых продуктов и производных финансовых инструментов, определяющих возможность регулирования риска.

В эпоху финансовой глобализации задача реализации конкурентных преимуществ игроков локальных финансовых рынков имеет множество ограничений. Процесс неолиберальной глобализации развивается в ходе взаимодействия трех сил: глобализирующегося капитала, представленного транснациональными корпорациями и мировыми финансовыми центрами; национальных государств; международных экономических организаций.

В условиях системного кризиса национальные финансовые компании утрачивают возможность формирования конкурентоспособной стратегии развития для позиционирования на глобальных рынках ценных бумаг и капитальных активов. В результате возможности национальной финансовой системы приблизиться к уровню развития анало-

гичных систем стран-лидеров становятся минимальными. Это подтверждает сопоставление опыта развития стран Восточной Европы (Венгрия, Польша, Чехия) и Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Мексика) с опытом ряда стран Восточной Азии (Южная Корея, Малайзия, Таиланд).

В первой группе стран, компании которых с 1990-х гг. стали напрямую выходить на внешние кредитный и фондовый рынки, отношение внутреннего кредита и капитализации рынка акций к ВВП оставалось крайне низким. Во второй группе, где компании финансировались через посредничество национальных банков и фондовых рынков, обеспеченность экономики кредитом, уровень капитализации и ликвидность рынков за пятнадцать лет достигли показателей развитых стран.

К тому же формирование двухконтурной модели финансирования задает определенный «потолок» развития всей экономике. Она лишается возможности получить следующие конкурентные преимущества, которыми обладают экономики развитых стран:

1. приобретение национальной валютой статуса реально конвертируемой (использование в рамках межстрановых расчетов, средств сбережения за рубежом и др.); данный статус позволяет перенести часть нагрузки по поддержанию стабильности национальной валюты на «внешний мир»;
2. иммунитет национального финансового сектора против «заражения» (contagion) в случае нестабильности на внешних финансовых рынках;
3. сохранение национальной юрисдикции над крупными финансовыми потоками и оборотом стратегически важных ресурсов;
4. возможность развивать глобальные корпорации, проектируя технологии создания стоимости вокруг конкурентоспособных компаний;
5. превращение процентной политики национальных монетарных властей в мощный инструмент воздействия на экономику, позволяющий оперативно стимулировать и «охлаждать» внутренний спрос (изменение процентных ставок — изменение рыночной стоимости капи-

тальных активов — изменение доходов массовых инвесторов — корректировка спроса).

Правовое и нормативное обеспечение управления рисками в значительной мере переходит в зарубежную юрисдикцию. Это позволяет создать канал трансформации внутренних сбережений в инвестиции через посредничество зарубежных финансовых институтов. Возникает устойчивая двухконтурная модель финансирования экономики:

- национальный финансовый сектор — аккумулирование краткосрочных ресурсов, обслуживающих текущий оборот, финансирование вложений в оборотные средства;
- зарубежный финансовый сектор — аккумулирование долгосрочных сбережений финансирование вложений в основной капитал и сделок с капитальными активами.

Формирование двухконтурной модели финансирования экономики блокирует возможности дальнейшего развития национального финансового сектора. Вывод оборота наиболее интересных для инвесторов активов за рубеж снижает авторитет внутренних фондовых площадок. Национальные банки лишаются доходов от обслуживания активов и обязательств крупнейших национальных компаний, что ликвидирует один из главных источников повышения собственных капиталов банков.

В России, несмотря на слабость финансового сектора, двухконтурная модель финансирования экономики не успела сложиться. Российские риски еще не поддаются управлению зарубежными финансовыми институтами. Это ведет к тому, что объем инвестируемых в страну из-за рубежа средств устойчиво отстает от объема средств, сберегаемых отечественными банками, компаниями и предприятиями за границей.

Действенными инструментами модернизационных преобразований в условиях информационного общества выступают технологии и механизмы, обеспечивающие рост эффективности национальных инновационных систем, разработка сценариев развития, обеспечивающих продвижение национальных лидеров на глобальные рынки. Инновационная активность экономических агентов становится важнейшим фактором ускоренного роста мировой экономики. Как отмечает

Т. Фридман, инновационное развития — это взаимодействие трех потоков: технических новинок, высокой бизнес-активности и растущего числа стран, активных игроков все более плоского и удобного поля мировой экономики» [3, 435].

В условиях инновационной экономики в качестве инструментов развития, помимо инвестиционно-финансовых, информационных, сетевых ресурсов, выступают интеллектуальные ресурсы, при помощи которых решаются различные организационно-экономические, инвестиционно-финансовые задачи: экономический рост, обеспечение конкурентных преимуществ на выбранном сегменте рынка, завоевание доверия у потребителей продуктов (услуг), повышение рыночной стоимости компании, стабилизация бизнеса, привлечение инвестиций и консолидация бизнеса.

Если в индустриальной экономике рыночная стоимость компаний являлась преимущественно стоимостью материальных активов (зданий, сооружений, оборудования, запасов и т. д.), определяемых на основе показателей оценки стоимости бизнеса, то в постиндустриальной экономической системе был зафиксирован серьезный отрыв рыночной капитализации от стоимости материальных активов. Разность между рыночной стоимостью компании и стоимостью материальных активов позволяет оценить стоимость нематериальных активов (вложений в человеческий капитал, интеллектуальных и информационно-аналитических ресурсов, сфер компетенции, инструментов и технологий управления, ноу-хау, бренда, формализованных знаний, репутационного менеджмента компании и т. д.).

При этом, чем больше рыночная стоимость нематериальных активов, тем выше конкурентный потенциал компании, тем привлекательнее она для инвесторов, потому что умеет рационально распорядиться своим организационным и информационным капиталом и отличается положительной репутацией среди клиентов и потенциальных потребителей.

Сегодня репутация компании играет определяющую роль в обеспечении ее финансовой устойчивости. Вместе с тем, репутация не является имманентной составляющей бизнеса, какой ее любят представ-

лять топ-менеджеры. Сегодня ученые и практики, определяя факторы, способствующие формированию положительного образа компании, говорят о необходимости «жить в соответствии с ценностями фирмы», «быть организацией, умеющей слушать», а также о «синтетическом мышлении» или об «эффективных переменах во всех подразделениях организации» [4, 24].

Вместе с тем, достаточно сложно выявить все особенности репутационного менеджмента, если отделять то, как компания управляет репутацией, от того, как она управляет бизнесом. Хорошей иллюстрацией этого является корпоративная отчетность. Большинство компаний, которые предоставляют социально-ответственный отчет о своей деятельности, делают это изолированно от ежегодных отчетов. Сегодня это разные документы, поскольку они становятся достоянием общественности в разное время.

Чтобы выяснить, в какой области лежат подлинные приоритеты бизнеса, собственникам компании следует найти ответ на вопрос о том, на какие показатели они склонны обращать внимание, чтобы поощрять менеджеров и сотрудников, на росте прибыли или на улучшении репутации. Чаще всего эти два аспекта взаимосвязаны: компании улучшают свою репутацию, поэтому продажи растут, увеличивая возможность поощрения менеджеров, отсюда формируются возможности дополнительных выплат для сотрудников компании.

Если рассматривать репутацию компании в отрыве от других аспектов бизнеса, очень сложно превратить ее в нематериальный актив, приносящий стоимость. Вместе с тем, репутация компании сегодня (особенно в условиях финансового кризиса) так же важна, как финансовая деятельность, в соответствии с которой принимают оценку об успешности бизнеса. Поддерживая репутацию компании, менеджеры и стейкхолдеры должны публично демонстрировать успехи в бизнесе (увеличение доли рынка, объемы получаемой прибыли) и неразрывно связывать финансовые результаты со своей репутацией. Финансовый успех означает, что потребители покупают продукты и услуги и можно накапливать богатство и создавать новые рабочие места.

В условиях формирования «новой экономики» репутация, конечно, касается не только этики, стабильности и ответственности компании. Репутация касается всего, что делает компания, поэтому стоимость бизнеса зависит от репутации все более жестко. Организациям и фирмам приходится вычленять отдельные аспекты и управлять каждым из них в отдельности, иначе невозможно было бы добиться каких-либо результатов. Но важно то, что потом они должны собрать все воедино, когда речь идет о репутации, и гарантировать, что она станет частью общей культуры организации.

Рассмотрим три компонента управления репутацией, которыми можно управлять по-разному, но их нужно рассматривать отдельно только из-за необходимости управлять ими. Все они указывают на понимание важности репутации организации и на необходимость ее поддерживать: кризисное управление, управление проблемами, социальная ответственность. Этj три компонента управления рисками репутации. Репутация и управление репутацией сейчас являются ключевыми общепринятыми корпоративными терминами. Однако большинство компаний имеют *концепции* управления репутацией, но абсолютно не приемлют сам этот *процесс*.

Репутация — не единственный пример того, как мало этот аспект обсуждается внутри компании на ранних стадиях. Конечно, рекламные кампании не проводятся без подготовки, но маркетинговая деятельность в отношении будущего продукта, у которого потом возникают технические трудности, по мнению экспертов, это — стратегия высокого риска. «Если синергетические инструменты с трудом реализуются во всех аспектах бизнеса, то поставить в качестве приоритета деятельности компании репутацию могут позволить себе только финансово устойчивые фирмы» [5, 53].

Лояльность потребителей и стейкхолдеров компании зависит от ее конкурентоспособности, успешности бизнеса и понимания стоимостной концепции развития, при которой в систему стратегических карт, включается позиционирование компании не только в глазах потребителей и конкурентов, но и на уровне социума. Формировать репутацию фирмы следует, по мнению специалистов, «на всех уровнях сетевых

связей, но нельзя останавливаться только на уровне отдела коммуникации» [6].

С позиций эволюционно-институциональной теории соотношение финансового и репутационного менеджмента определяется развитием социальных институтов в данной стране. Речь идет не о минимизации, а о трансформации роли стоимостных показателей, причем позитивная репутация компании, как показывает анализ статистики, выступает в большей мере как результат, а не предпосылка повышения конкурентоспособности фирмы в условиях инновационной экономики.

Особое внимание при формировании системы репутационного менеджмента компаниям следует уделять функциям целеполагания, экономического стимулирования и поддержки финансовых инноваций.

Репутационный менеджмент как система сопровождения контрактов в условиях высокой неопределенности экономики выступает органической составной частью национальной финансовой системы и базируется на соединении рыночной конкуренции с активной социально-экономической политикой компании, отвечающей критериям социальной ответственности и социальной активности национального финансового бизнеса.

Литература

1. *Красавина Л.Н.* Проблемы конкурентоспособности российского финансового рынка в условиях глобализации экономики: вопросы теории // Научный альманах фундаментальных и прикладных исследований. М., 2007.
2. *Merton R.C.* Financial Innovation and Economic Performance // Journal of Applied Corporate Finance. 2004. No. 4. Winter.
3. *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI в. М., 2007.
4. *Griffi. A.* Reputation Management. Gaining Control of Issues, Crises and Corporate Social Responsibility. Kogan Page. L., 2008.
5. *Calder A.* Corporate Governance. A Practical Guide to the Legal Frameworks and International Codes of Practice. Kogan Page. L., 2008.
6. *Desouza Kevin C.* Managing Knowledge Security. Strategies for Protecting Your Company's Intellectual Assets. Kogan Page. L., 2008.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

«Хозяйство» и «экономика» в свете и недрах философии хозяйства

Памяти С.Н. Булгакова

Со времени кончины Сергея Николаевича Булгакова (о. Сергия) в 1944 г. прошло 65 лет. Ныне имя Булгакова не нуждается в разъяснениях и утверждении в сознании ученой общественности. К интеллектуальному и духовному наследию Булгакова — неоднозначное отношение, но великий вклад неординарного русского мыслителя в мировую науку, философию и богословие общепризнан. Несомненна и первейшая роль Булгакова в открытии философии хозяйства, в создании ее начальных концептуальных основ. Прорыв в философию хозяйства — булгаковский прорыв! Любопытно, что Булгаков заговорил именно о философии хозяйства, а не о новой науке о хозяйстве, как и о хозяйстве философии, а не о философии экономики. Как русский человек — носитель русского языка — Булгаков чувствовал, что об экономике тут говорить недостаточно и даже неверно, что надо непременно обращаться именно к хозяйству, имеющему более богатое содержание и несущему во многом иные смыслы, чем собственно экономика, как и понимал хорошо Булгаков, что не о науке и хозяйстве надо уже говорить, а именно о философии, способной ухватить в хозяйстве то, что не может ухватить никакая наука. Различение «хозяйства» и «экономики», которое нащупал, хоть и не довел до конца Булгаков, — вовсе не досужее различение, а соотношение данных понятий — вовсе не формально-логическое и в смысловом аспекте не простое. Экономики нет без хозяйства, а хозяйство без экономики есть, более того, вокруг — более всего как раз хозяйство, а не экономики, а экономика, — что экономика? — она ведь не более, чем момент хозяйства, в лучшем случае его часть, однако… способная быть доминантной, мало того — господствующей, что и подтверждается ярко текущей современностью, захваченной экономикой, и поразившим ее мировым,

экономического прежде всего происхождения, кризисом. Так есть или нет смысловое различие между экономикой и хозяйством, как и между философией хозяйства и экономической наукой — необходимой, но недостаточной?

23 июня 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

Новая политическая экономия: истоки и итоги

Костромская инициатива

В Костромском государственном университете имени Н.А. Некрасова в 1990-е гг. родилось намерение перейти к ***новой политической экономии****, основанной на новой научно-идейной парадигме. Было много в связи с этим размышлений, состоялись научные форумы, подготовлены и опубликованы содержательные тексты, в том числе и в особом журнале с характерным названием — «Новая политическая экономия». Что же из всего этого вышло? Интересно послушать, оценить, дополнить*

Докладчик д.э.н., профессор В.В. Чекмарёв

20 октября 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ, в 15 часов.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»
на тему:

Эволюция форм хозяйства: от былой реальности к грядущим призракам

Всякое имело место в истории человечества и России хозяйство. Есть оно в разных формах и сегодня. Какое же? Особенно то — самое передовое? А что ожидает человечество и Россию в обозримом и не очень обозримом будущем? И не летит ли уже куда-то в небытие вся эта привычная и мало что уже говорящая словесность — экономика, деньги, капитал, финансы, благо, производство, потребление, собственность, конкурентоспособность… да и само хозяйство тоже? Мир без экономики — да! — без человека — почему нет? — без хозяйства — вполне!

17 ноября 2009 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус, в 15 часов.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

2—4 декабря 2009 г.

Мировой кризис, выявивший глубинные пороки и острые проблемы современного человечества, его цивилизационного с Западом во главе устройства, заставил Россию вступить на путь разностороннего и масштабного внутреннего перестроения — прямо на историческом марше, ведущем в будущее — либо устойчивое и плодотворное, если перестроение удастся в позитиве, либо в неопределенное и крайне рискованное, если позитивного перестроения не произойдет.

Позитивное перестроение страны возможно при наличии реалистичной программы, призванной исполнить проект новой России.

Что готов сказать в связи с этим ученый мир, полный заботы о процветании Родины?!

Конференция состоится во 2 учебном корпусе МГУ на Ленинских горах, с 10.00 до 18.00 с перерывом на обед с 13.00 до 14.00 (расписание заседаний с указанием аудиторий будет вывешено на доске объявлений к. 441 1 декабря 2008 г.).

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail:<eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2010 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России.

БУЗГАЛИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

КОЛГАНОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., ведущий научный сотрудник, лаборатория по изучению рыночного хозяйства, экономический факультет МГУ.

АГЕЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член РАЕН, президент Международной академии исследований будущего, д.э.н., профессор, генеральный директор, Институт экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН.

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный государственный советник РФ (в отставке), президент компании экспертного консультирования «Неокон».

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ

д.э.н. профессор, заведующий кафедрой философии хозяйства, Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», директор Представительства Центра общественных наук МГУ, член президиума Европейского экономического и финансового сообщества EEFS.

БАЗИЛЕВИЧ ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ,

д.э.н., профессор, проректор, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

ГОРДЕЕВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет.

ЕЛЕЦКИЙ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донской государственный технический университет (Ростов н/Д).

РЕЗВАНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

к.соц.н., доцент, декан, факультет инновационного бизнеса и менеджмента, Донской государственный технический университет (Ростов н/Д).

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ,

публицист.

РОМАНОВ НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ

аспирант, кафедра теории и практики менеджмента, Международный университет (в Москве).

ИЛЬИНА ГАЛИНА .ВАСИЛЬЕВНА.,

аспирант, философский факультет, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.полит.н., доцент, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет.

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университета (Минск).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ.

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

действительный член АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

БЕЛОВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.ф.-м.н, профессор, заведующий кафедрой теоретической кибернетики, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

РАЛЬЧУК АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

к.э.н., ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил Украины НАН Украины.

БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

соискатель ученой степени к.ю.н., Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ; старший прокурор отдела по надзору за следствием в органах прокуратуры; Прокуратура г. Санкт-Петербурга;

ТВЕРДИСЛОВ ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.ф-м.н., заслуженный профессор МГУ, заведующий кафедрой биофизики, физический факультет МГУ.

СИДОРОВА АЛЛА ЭДУАРДОВНА

к.т.н., старший научный сотрудник, кафедра биофизики, физический факультет МГУ.

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

соискатель ученой степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ.

ПАПЫРИН ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

аспирант, кафедра социальной философии, философский факультете МГУ.

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

д.э.н., к.ф.н., профессор, ректор, заведующий кафедрой менеджмента, научный руководитель Представительства Центра общественных наук, Вятский социально-экономический институт.

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (Ярославский филиал).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

к.э.н., советник департамента монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск).

ДЖЕРЕМИ ЛЕСТЕР,

профессор, Университет Рэдинг (Великобритания).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ; ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН.

КРАВЧУК НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.ф-м.н., Институт теоретической физики Национальной академии наук Украины (г. Киев).

КРАВЧУК НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА,

аспирант, механико-математический факультет МГУ.

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, Российская академия государственной службы при Президенте РФ; президент Международного института П. Сорокина—Н. Кондратьева.

АНДРЕЕВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

аспирант, экономический факультет, Южный федеральный университет (Ростов н/Д).

КОНЯЕВА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

редактор газеты «Российский писатель» (зарубежный выпуск), вице-президент Международной ассоциации писателей и публицистов.

Содержание за 2008 г.

Ю.М. Осипов
Десятый.....№ 1
Ю.М. Осипов
Шестидесятый.....№ 6
Философия хозяйства
Ю.А. Белов, А.Н. Ральчук
Социум и универсум — герменевтика кризисной не-взаимности ...№ 6
С.А. Бочкарев
Собственность: от представления к понятию
(анализ русской философии собственности).....№ 6
Л.И. Глухарев
Региональная интеграция и проблема идентичности в ЕС .....№ 3
А.Ю. Горбачев
Антропологический аспект постмодерна .....№ 1
И.А. Горюнов
Экономика знаний: от когнитивного капитализма
к научному коммунизму?.....№ 4
К.В. Молчанов
Современные философско-экономические основы осмысления
модернизации и ее аспектов в современной России.....№ 3
В.К.Королев
«Философия хозяйства» Фридриха Листа: проблемы актуализации ..№ 1
Ю.М. Осипов
Сверхчеловек и гиперхозяйство .....№ 1
Ю.М. Осипов
Философия хозяйства как достояние
размышляющего человечества ..... № 3, № 4
Д.И. Папырин
Специфика развития гражданского общества в России .....№ 6
И.И. Рудяк
Метафизика суверенитета.....№ 6
В.Т. Рязанов
Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка.....№ 6
В.С. Сизов
Что такое эффективное образование.....№ 6
В.А. Твердислов, А.Э. Сидорова
Политика хозяйства: от концентрированного выражения
экономики к концентрированному выражению экологии .....№ 6

Н.Б. Шулевский
Метафизика разлада власти и отцов ..... № 3, № 4
Н.Б. Шулевский
Метафизика суверенности .....№ 6
С.О. Хохлов
Интеллектуальное наполнение общества .....№ 4
Экономическая теория
А.П. оглы Бабаев
Национальное в экономической теории .....№ 5
В.Г. Белолипецкий
Будущее прикладной экономической науки .....№ 4
Е.В. Гнилитская
Глобализация: теоретические подходы к определению
сущности и характер влияния на национальное хозяйство .....№ 1
Е.В. Гнилитская
Формирование хозяйственного пространства для развития
национально-государственной экономической системы .....№ 5
С.С. Губанов
К вопросу о цене производства и тенденции
нормы прибыли к понижению.....№ 4
Д.Г. Егоров
План и/или рынок: вопрос для науки или идеологии? .....№ 5
Э.А. Исмаилова
Сущностные и функциональные характеристики
государственной собственности в переходной экономике .....№ 1
В.И. Корняков
Диалектика общественного воспроизводства:
неисследованные зависимости. Триптих. Статья первая .....№ 6
Ю.А. Кропин
Существует ли закон спроса и предложения?.....№ 5
Дж. Лестер
Беднейшие слои Латинской Америки: пассивный объект
помощи или активный субъект исторического действия?.....№ 6
Г.И. Мойсейчик
Глобализация и проблемы формирования национальной
модели развития высоких технологий и инноваций.....№ 6
С.Б. кызы Мусаева
Человеческий капитал как один из источников
равновесного экономического роста.....№ 5
Р.М. Нижегородцев
Проблема границ формализации институтов в современной

институциональной экономике .....№ 2
И.А. Поддубный, Л.И. Поддубная
Теория конкурентоспособности: современное состояние
и концепция предметно-методологического обновления .....№ 1
А.Э. Сидорова, В.А. Твердислов
Экос. Две науки.....№ 1
В.С. Сизов
Эволюция содержания предпринимательской деятельности .....№ 2
А.К. Шуркалин, Г.Б. Полаева
Экономическая интеграция в системе современных
международных экономических отношений.....№ 1
С.В. Юферов
Анти-«Капитал».....№ 2
Актуальная философия
А.В. Бузгалин
Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма....№ 5
Ф.И. Гиренок
Почему закатилась звезда социальных наук? .....№ 3
В.В. Ильин
Возможен ли постмодерновый гуманизм? .....№ 2
В.В. Ильин
Трансценденция денег в структурах
постмодернистского мышления .....№ 3
А.В. Ермакова
Философия в массовом постсоветском сознании .....№ 3
В.А. Кутырёв
Интеллигент → интеллектуал → интеллагент или
кто с кем коммуницирует при всеобщей коммуникации .....№ 2
В.А. Кутырёв
Предмет философии (круги на воде) .....№ 5
Ю. Михайлов
Философия сегодня: час ожидания? .....№ 3
Н.Н. Ростова
Почему сегодня «бесы» невозможны?.....№ 2
Н.Н. Ростова
«Разрывы» в понимании феномена юродства Христа ради.....№ 3
И.И. Рудяк
Философия: физика — физиология — форма.....№ 3
Актуальная социология
А.Л. Андреев
Образ России и образ Запада в сознании россиян .....№ 1

Марксоведение
В.Г. Белолипецкий
Классическая экономическая теория под завесой демагогии
(попытка бесстрастного анализа биографии Маркса) .....№ 5
А.В. Бузгалин
XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс .....№ 5
Философия финансов
А.И. Агеев
Западня фиктивного капитала .....№ 4
А.-З. Новак, К. Рычь
Глобализация, транснациональная интеграция
и валютные зоны (качественный подход) .....№ 4
Ю.М. Осипов
Философия финансов .....№ 4
В.М. Сологубов
Финансовые инновации порождают финансовые кризисы .....№ 4
Деньги
Б.Б. Виногродский
О точном определении понятия «деньги» .....№ 1
М.М. Гузев
Коррупционные деньги как стержневой элемент «эффективности»
современного государственного механизма в России.....№ 1
Д.Г. Егоров
Рассуждения о ценных бумагах.....№ 2
И.А.Ильченко
Деньги как обобщенный институциональный аналог.....№ 1
В.И. Корняков
«Зубы» глобалистики .....№ 1
А.-З. Новак, К. Рычь
Тенденции финансовых рынков и положение польского злотого —
качественный подход .....№ 1
А.И. Субетто
«Мир денег» как форма отчуждения человека
от человека и природы.....№ 1
В.В. Чекмарев
Расход создает доход.....№ 1
Н.Б. Шулевский
Деньги — Логос-Инкогнито мира..... № 1, № 2
Ю.В. Яковец
Деньги и нравственность: цивилизационный аспект .....№ 1
Кризис

А.И. Агеев
Кризис — его время, пространство, действующие лица и риски.....№ 6
И.Р. Бугаян
Глобальный финансовый кризис 2008 года — следствие нарушения меры соотношения хозяйства и офинансонизированной экономики .....№ 6
А.В. Бузгалин, А.И. Колганов
Кризис — 2008: виртуальный фиктивный капитал и альтернативы его бесконтрольному развитию.....№ 6
Ю.М. Осипов
Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства .....№ 6
М.Л. Хазин
Теория кризиса.....№ 6
Алгоритмы современной экономики
А.А. Антропов
Циклическая составляющая инноваций .....№ 4
М.М. Гузев
Поглощение и слияние стран и народов в аспекте глобальных демографических изменений в XXI веке.....№ 4
Л.В. Дейнеко
Проблема минимизации издержек сферы обращения.....№ 4
С.А. Дунаев
О структурной эволюции модели мирового хозяйства .....№ 4
Г.Б. Рустамбеков
Постсоветские страны в глобальной экономике: критерии интеграционной мотивации .....№ 4
А.С. Филипенко
Региональные аспекты инновационного развития (на примере Украины).....№ 4
Инновации в экономике и обществе
Ш.Т. Алиев
Фактор особых экономических зон в экономическом развитии Азербайджанской Республики .....№ 2

В.Д. Базилевич
Инновация, ее смысл и назначение в экономической теории .....№ 3
В.Г. Белолипецкий
Заветные мысли о судьбах русских инноваций .....№ 3
В.Г. Белолипецкий
Проблемы и противоречия инновационного развития бизнеса.....№ 2
И.В. Бестужев-Лада

О прогнозном обосновании социальных нововведений .....№ 3
С.В. Бирюков
Постмодернистская революция как глобальный
вызов новой эпохи .....№ 3
М.И. Воейков
Пределы экономической науки для «общества знаний».....№ 5
О.С. Гагарина
Личность как субъект творческой деятельности:
инновационный аспект.....№ 2
В.А. Гордеев
Об инновациях инновационно: что это значит? .....№ 2
Р.М.-А. Гусейнов, В.А. Семенихина
Мода на инновации.....№ 2
О.В. Доброчеев
Ноты всемирной исторической симфонии .....№ 3
Л.Н. Дробышевская
Инновации: риторика и политика .....№ 2
Н.Д. Елецкий, М.Ю. Фролов
Переход к обществу знаний как возможность выхода
из цивилизационного кризиса .....№ 2
В.В. Ильин
Инновационное мышление как способ
постижения динамики мира.....№ 3
А.И. Колганов
Институциональные проблемы
инновационного развития России .....№ 5
В.И. Корняков
Есть ли путь к массовой-народной
инновационной экономике?.....№ 2
В.И. Корняков
Инновационная экономика «плана Путина»
как экономика новаторов .....№ 3
М.Ю. Павлов
Нанотехнологии: сценарий инновационного развития страны
на базе достижений фундаментальной науки .....№ 5
Г.А. Родина
Культурологические основания инновационного
развития экономики России.....№ 3
И.М. Теняков
Инновации и развитие: философско-хозяйственный подход .....№ 3
К.А. Хубиев

Образовательный фактор новой экономики.....№ 2
Социальная элита
В.Д. Базилевич
Критерии вхождения в элиту: традиция и современность.....№ 6
С.В. Бирюков
Уроки немецкого.....№ 6
А.Ю. Горбачев
Национальный компонент в структуре отношений
и его отражение в классической русской литературе.....№ 6
В.А. Гордеев
Элитна ли наша элита?.....№ 6
Н.Д. Елецкий, А.А. Резванов
О новой элите для обновляющейся России.....№ 6
Г.В. Ильина
Элита в контексте ценностей национальной идеи.....№ 6
В.И. Корняков
Пророки и отечество.....№ 5
А.И. Неклесса
Герои и общество.....№ 5
Ю.М. Осипов
Национальная элита — судьба России. Тезисы.....№ 5
Н.А. Романов
О механизме формирования управленческой элиты.....№ 6
С.О. Хохлов
Вирусы и наросты.....№ 6
Гламур как искушение и порча
Р.М.-А. Гусейнов
Меритократия деградирующего общества.....№ 5
В.А. Луковенко
Гламур как потребление.....№ 4
С.П. Макаров
Гламурная экономика.....№ 4
З.А. Калмыкова
Утешение гламуром.....№ 5
А.С. Куликова
Гламур как феномен моды и стиля жизни.....№ 5
Ю.М. Осипов
Гламур как искус и порча.....№ 4
А.К. Попов
Гламур креативного класса и низложенных масс.....№ 4
И.И. Рудяк

Эйзенштейн и старик Хоттабыч: гламур как
маргинальность и мерности экономики как пространства. .....№ 4
П.А. Сафронов
Гламур как искушение и как польза .....№ 5
Ю.В. Якутин
Гламур как высшая стадия общества потребления.....№ 5
Энциклопедия
Ю.М. Осипов
Город.....№ 6
Ю.М. Осипов
Дом.....№ 3
Ю.М. Осипов
Земля (1) .....№ 6
Ю.М. Осипов
Земля (2) .....№ 6
Ю.М. Осипов
Кочевье .....№ 6
Ю.М. Осипов
Металогика.....№ 4
Ю.М. Осипов
Метасмыслы.....№ 4
Ю.М. Осипов
Метасмыслология .....№ 4
Ю.М. Осипов
Организация .....№ 2
Ю.М. Осипов
Пол .....№ 3
Ю.М. Осипов
Порядок.....№ 1
Ю.М. Осипов
Село.....№ 6
Ю.М. Осипов
Семья.....№ 3

Ю.М. Осипов
Управление.....№ 1
Ю.М. Осипов
Хаос.....№ 1
Ю.М. Осипов
Хозяйственное поведение .....№ 2
Ю.М. Осипов

Экономическое поведение .....№ 2
Ю.М. Осипов
Элита социальная.....№ 5
Рецензии и отклики
Л.В. Астахин
Продолжение размышлений о романе М. Булгакова
«Мастер и Маргарита»
(рассуждения о числах, используемых в романе автором).....№ 2
Ф.И. Гиренок
Фиговые листки социальной эпистемологии .....№ 6
В.П. Казарин
24 мая — День святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.....№ 3
Е.В. Косов
Монархию России — завтра!.....№ 3
Н.В. Кравчук, Н.Н. Кравчук
О взаимосвязи физики и философии
(к 80-летию квантовой механики) .....№ 6
Е.Е. Олейник
«Присутствие бытия в мире…». .....№ 4
Ю.М. Осипов
Деньги в России .....№ 2
Ю.М. Осипов
Защитить и привлечь внимание.....№ 2
Ю.М. Осипов
Не союзное государство, а межгосударственный союз.....№ 1
Ю.М. Осипов
Пора, пора!.. .....№ 1
Ю.М. Осипов
По пути обретения .....№ 2
Ю.М. Осипов
Оригинальное и нужное дело .....№ 3
Ю.М. Осипов
Россия в ожидании… очередного чуда.....№ 4

Ю.В. Павленко
Экономика — мир жизни человека.....№ 3
Д.Е. Расков
Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия.....№ 3
С.В. Роганов
Русские мальчики призрака России .....№ 3
И.И. Рудяк

Физика и сознание: рыцарь экономики — на распутье.....№ 1
И.М. Теняков, З.А. Корчагина
Рикардо и Маркс для политической экономии
и экономической политики в XXI веке.....№ 4
Г.С. Турищева
Валюта как ключевой элемент национальной экономики
и культурный концепт.....№ 3
Н.Б. Шулевский
Проблемы науки и хозяйства в творчестве Л.Н. Толстого .....№ 4
Ю.В. Якутин
Домосторой — экономика русской (православной) цивилизации....№ 1
А.П. Яценюк
Экономическая ситуация в Украине: вызовы времени .....№ 4
Научная жизнь
А.В. Андреева
Роль репутационного менеджмента в проектировании
финансовых инноваций в условиях системного кризиса.....№ 6
В.Г. Белолипецкий
Элита вузовская .....№ 3
Г.Д. Гачев
Космос Достоевского .....№ 2
А.Ю. Горбачев
Гламур как постмодерновая форма
коллективного бессознательного .....№ 3
В.А. Луковенко
Нигилизм во спасение .....№ 2
Е.В. Косов, Н.А. Романов
Самозваная элита.....№ 2
С.А. Марков
Геополитический разворот России.....№ 5
Г.И. Мойсейчик
Проблемы нового качества государственной
инновационной политики .....№ 3
Ю.М. Осипов, И.В. Коняева
Кризис экономики ничто по сравнению с кризисом хозяйства.....№ 6
Ю.М. Осипов
Кризис экономической цивилизации .....№ 5
Ю.М. Осипов
Мировой кризис и конфликты парадигм развития .....№ 6
Ю.М. Осипов
Национальный ресурс экономики .....№ 1

Ю.М. Осипов
Об инновациях вообще и инновациях в современной России.....№ 3
Ю.М. Осипов
Определение философии хозяйства .....№ 5
Ю.М. Осипов
Отцы и дети: метафизика разлада .....№ 2
Ю.М. Осипов
Региональная компонента в мировой экономике.....№ 1
Ю.М. Осипов
Россия: стратегия в эпоху перемен .....№ 4
Ю.М. Осипов
Россия: час ожидания .....№ 3
Ю.М. Осипов
Становление новой России .....№ 5
Ю.М. Осипов
Тщета толстовская .....№ 5
Ю.М. Осипов
Экономический мир на переломе.....№ 4
Ответы Ю.М. Осипова на вопросы оргкомитета
Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» .....№ 4
Ю.М. Осипов
Экономическое бессознательное
(ответы на вопросы А.С. Нилогова).....№ 5
И.И. Рудяк
Антропологическая революция:
экономика осевого времени человека.....№ 2
В.С. Сизов
Власть и общество: возможно ли эффективное взаимодействие? ...№ 3
И.М. Теняков, З.А. Корчагина
К вопросу об этапах социально-экономического
развития России в XX в. .....№ 1
И.М. Теняков, З.А. Корчагина
Рикардо и Маркс для политической экономии
и экономической политики в XXI веке.....№ 2
Н.А. Шапиро
Ранний Маркс: философия критики.....№ 1
Кончина Георгия Гачева .....№ 2
Ю.В. Яковец
Инновационный прорыв: социальные и научные аспекты .....№ 6

Belle-Letre

В.А. Ермаков
Темен жребий русского поэта….....№ 5
Г.И. Мойсейчик
Москворечь.....№ 5
Г.И. Мойсейчик
Ясная Поляна .....№ 2

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2009 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — не только философия о хозяйстве, не одна лишь отрасль философии, даже не философская интерпретация экономики, это еще и особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира. Что есть хозяйство, почему оно, чего хочет, к чему ведет? И что есть человек в хозяйстве, как и для чего он действует, что переживает, чего творит? Эти, как и многие другие, вопросы волнуют философию хозяйства, ибо это воистину философские вопросы, на которые даются, если возможно, и философские ответы.

Отсюда и признание философией хозяйства трансцендентной сложности мира, жизни, человека и самого хозяйства, как и необходимость учета всего разнообразного природного, социального и культурного контекста, политических, этнических и психологических аспектов, характерных для хозяйственной жизни, духовной составляющей человеческого бытия.

Не отрицая ни традиционной политэкономии, ни новейших математизированных версий научной экономии, философия хозяйства, поверяя теоретическую экономию, обогащает и дополняет ее, вырабатывая и новые, более емкие и гибкие смыслы. За философией хозяйства большое будущее.

Представляя этот журнал, который издается в виде Альманаха, предлагаем обратить на него Ваше внимание как возможного подписчика и читателя. Концепция журнала уже оправдана жизнью: научная содержательность и новизна, свобода мысли, разнообразие, добротный стиль.

Среди авторов журнала видные ученые и высококвалифицированные специалисты, члены академий, профессора, многие из которых составляют активное ядро Философско-экономического ученого собрания. Журнал может быть интересен ученым, преподавателям, диссертантам, студентам, как и государственным деятелям и предпринимателям.

Выписывайте и читайте журнал «Философия хозяйства». Размышляйте в русле нового научного направления. Становитесь авторами журнала.

Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 15—20 п. л.) осуществляется в лаборатории философии хозяйства.

Стоимость подписки на год в редакции — 550 р.

Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс — 83115. Библиотечный индекс — 741.

Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441. Контактный тел. 939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).